

A man wearing a white t-shirt and dark pants is leaning against a brick wall. He has a red bracelet on his left wrist and a silver ring on his left hand. The text 'ANDE' is overlaid on the right side of the image.

ANDE

ДРУГОЙ
СЦЕНАРИЙ

Питер. Времена Черненко. Попытка побега.

Ande

Другой сценарий

Глава 1

Короткое предисловие

Тут было много букв о причинах появления моих текстов. Удалил. Пустое.

Замечу только, что гештальт с восьмидесятыми у меня не закрыт.

Текст будет платным, как респект сайту АТ. Упреки не принимаются. Как только я ставлю последнюю точку, мои тексты оказываются по всему интернету, без малейшего на то моего желания. Там и скачаете.

Продолжения раз в неделю. Сторонникам сильной руки и усатых вождей — мимо.

— Подписывай! — он, привстав из кресла, протянул мне три листка. Глянул на ручку, что я кручу в руках. Презрительно хмыкнул. Это да. Такие документы подписывают чем-нибудь пафосным, стоимостью с небольшую деревню. А тут простая шариковая ручка.

У меня беда с ручками. Я их теряю. В московском офисе, на столе, у меня лежит как раз Паркер, за пятерку евро, для солидности. Так сказать, стационарный. А повсюду я пользуюсь тем, что есть под рукой. Вот и сейчас.

Мой собеседник почему-то не задумывается о том, что не имеет значения, что я загоню ему в глаз. В этом случае без разницы, какая это ручка.

Хотя, я и не думал бесчинствовать. А, помедлив, подписал все три листка. И протянул ему обратно. Бегло, но достаточно тщательно, убедившись что все нормально — синие чернила, подпись читается и идентифицируется, дата соответствует, он достал телефон. Кнопочный Верту, какой то древней модели. У меня на столе сейчас лежит как раз Верту, только смартфон, распоследний Астер. Он это мгновенно срисовал, только войдя в кабинет. Что не добавило у него ко мне симпатий.

— Олег Сергеевич! — встав по стойке смирно, он доложил по телефону. — Все нормально. Подписал. Нет, спокойно.

Разобрать было невозможно, было слышно только, что телефон ему что-то бубнит в ответ строгим голосом.

— Так точно! — ответил он. — Немедленно выезжаю.

И отключился. Повернулся ко мне.

— В четверг приедешь к Легковой. Подпишешь передачу. Деньги задепонированы на твое имя до подтверждения сделки. Все понятно?

Лениво кивнул. Чего непонятного? Он перегнулся через стол, забрал папку, что я приготовил. Оказавшись от меня совсем близко, он неожиданно похлопал меня по щеке, и сказал:

— Вот так, пидорок. А ты выделывался.

Наверное, я выгляжу тюфяком. Но крюк правой у меня до сих пор хорош. Он хотел просто поглумиться, унизив меня напоследок. А я по-простому перемкнул ему справой. Он, опрокинув кресло, в котором сидел перед этим, развернулся и плашмя растянулся на полу. Я встал и вышел из-за стола. Оперся задницей на него с другой стороны, закурил. Посланец копошился на полу, и по привычке лапал рукой слева под пиджаком. Уже давно никто не ходит на деловые переговоры со стволом. Это у него рефлекс, с работы в ментовке. Я выпустил дым к потолку.

— Ты понимаешь, что если я сейчас позвоню Олегу, и скажу, что сделка отменяется тебе конец?

Я обернулся и взял свой смартфон.

— Ну что, звонить?

— Тебе все равно работать не дадут.

— Да и насрать. И вообще-то речь о том, что будет с тобой, из-за которого сорвалась согласованная сделка.

Он перестал вошкаться на полу, полез в карман брюк, достал носовой платок, и утер кровь под носом. Я все же не так крут, как бывало. Хотя, может это он носом упал? Бил-то я

в подбородок.

— Не надо. Не звони. Я извиняюсь.

— Ну и пошел нахуй. И больше мне не попадайся.

Наклонился, помог ему встать. Протянул папку и те самые три листочка. Он постоял, глядя на меня, повернулся и вышел из кабинета.

А я открыл бар и налил себе коньяку. Подумал. Вышел в приемную, и сказал Татьяне Ивановне, моей секретарше:

— Машину в аэропорт. Билет до Москвы. Я улетаю.

— Да, Николай Петрович. Только машина буде минут через тридцать. Вася поехал обедать. Но на дневной рейс вы успеете. Билет заберете на стойке регистрации.

— Позвоните в Москву, чтоб встретили.

Вернулся в кабинет, поднял и поставил кресло. Уселся, взял в руки коньяк. Олег Сергеевич выводит свой холдинг на IPO. Это не отменяет его экспансии с покупкой привлекательных активов в России. Но, в условиях выхода на рынки, любой скандал — это тупо неполученные миллионы американских денег. А если я сейчас полезу в залупу, то скандал случится знатный. Причем, этот ушлепок, бывший мент, дал мне прекрасный повод. Который не будут оспаривать ни по понятиям, ни по бизнесовым правилам.

И все хорошо, только игра сыграна. Ну, как у опытных шахматистов, в середине партии настает полная ясность. Этот выиграл, а этот проиграл. Ты можешь еще сходить так, так и так. Но я перевожу ладью сюда, и через восемь ходов тебе мат. Так и здесь, уже все ясно. И я против Олега — плотник против столяра. И свой заводик я продаю.

Я думал, что уже смирился. Но все равно тоскливо. А тут еще и этот говнюк. А у меня возраст. Замутить что-то еще, уже может не хватить сил. Глотком допил и снова закурил. Ну его все в жопу! Полечу в Малагу. Куплю парусник. И уйду в кругосветку. Правда, команду нужно нанимать... Да ладно, уж как-нибудь. Этой стране не нужны независимые, неподконтрольные, состоятельные люди. Она их методично, при полнейшем одобрении населения, или уничтожает, или изгоняет. Ну, мизерная часть населения, после появления нового владельца здесь, на заводе, хлебнет за свое одобрение. Но даже не поймет, что произошло. И винить будут меня. Да и насрать. Зазвонил телефон. Машина у проходной. Натянул пальто, взял портфель. Достал телефон, набрал номер и пошел к лифту, кивнув на прощание секретарше.

В серьезном бизнесе настоящая крутость это не телефон за десятку евро. Настоящая крутость это отсутствие телефона. То есть у тебя, конечно же, есть номер для связи если чо. Но отвечает по нему твой помощник, отфильтровывая ненужное.

— Николай Петрович! У Олега Сергеевича только что началось заседание Совета!

— Две минуты. Это крайне важно.

Спустя минуту я услышал густой бас:

— Петрович!

— Олег! Я улетаю в Москву.

На том конце на мгновение напряженно затихло:

— Что-то случилось?

— Нет, все в силе. Просто пусть твои, доставят нотариуса ко мне. И смени этого помощника, что привез мне оферту на подпись.

— Я понимаю, ты расстроен — засмеялся собеседник.

— Вовсе нет, просто хамить — это лишнее. Поэтому расстайтесь с доставкой. А

рекомендация убрать придурка это моя такая интеллектуальная инвестиция в твой бизнес. Так что ты выходишь не то, что в ноль, а даже с прибылью.

— Слушай, Петрович, мое предложение в силе. Давай ко мне. В совете директоров тебе самое место.

— Кончай, Олег. Я загорать собрался лететь. Не до тебя.

— Я оставляю вопрос открытым, — он откровенно веселился. — В знак этого, все твои пожелания учтем и исполним. Будет время, я к тебе заеду, поговорим.

— Ну, пока тогда. Извини, что оторвал.

Он не ответил, а я, выходя из лифта, думал, что мудаку-порученцу можно посочувствовать. Нет, времена давно уже не те. И он, всего-навсего, из хозяйского Майбаха, пересядет в кредитную Ауди. И вместо путешествий через вип-залы аэропортов, будет главой какого-нибудь заштатного рынка, или возглавлять охрану какого-то ТЦ. Собачиться с бухими охранниками, и тупыми вахтершами... Как по мне, лучше б грохнули.

Мелковато, вообще-то я поступил. Но — заело. Выйдя из здания, я повернул влево, к стоящей машине. И вдруг почувствовал сильный удар по затылку. И теряя сознание, успел подумать:

— Какого хера? Сделка же не закрыта!

Глава 3

Запах травы ни с чем не спутаешь. Не открывая глаз, я понял, что лежу носом в траву. С чего это? Должен быть асфальт парковки, перед заводоуправлением! Но открыв глаза, убедился, что лежу плашмя, уткнувшись лицом в нестриженую траву. Резко перекатился влево, заодно оглядываясь, и собравшись подорваться. Если стрельба продолжится, то нужно укрытие. Однако блестящий маневр закончился не начавшись.

Я банально шлепнулся задницей на землю, и огляделся открыв рот. Вокруг была не привычная парковка перед заводом. А непонятная хрень. Справа от меня, поодаль, стояло деревянное одноэтажное здание, напоминающее провинциальный ж/д вокзал, года эдак семидесятого. Слева, почти рядом — опрятное деревянное сооружение, опознанное, тем не менее, как сортир.

Смутно знакомое место. На ногах у меня, мгновенно узнанные армейские ботинки от армейской парадной формы. Да и брюки от парадки. Я целиком одет в парадную форму рядового советской армии! В голове что-то забрезжило пониманием. Потом включился слух, и я услышал, как кто-то что-то орет не по-русски. Обернувшись на звук, я увидел, какого-то бомжеватого деда, который орал что-то вслед убегающему мужику. Потом я узнал и деда и место. И вспомнил. И подумал, что, крыша ты моя крыша. Ты мне так нравилась, но уехала не прощаясь.

Ничем иным, кроме как поехавшей крышей, то, что я вижу, объяснить невозможно. Светит солнце. В скверике напротив, орут воробьи. Все указывает на то, что я, неведомо как, перенесся в себя молодого. Почти на сорок лет назад. И если я правильно опознаю то, что вижу — сейчас девятнадцатое мая тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, День Пионерии. Суббота. Эстония. Город Выру.

Меня, минут десять назад, высадил из своих Жигулей командир бригады, обняв на прощание. Я уволен из армии, отслужив положенные два года. Оглянулся вокруг места, где сижу. Справа на земле коричневая модная сумка-батон. Слева в траве лежит фуражка с кокардой. Рядом с ней в траве валяется булыжник, которым мне и прилетело по башке.

Если я правильно помнил, попрощавшись с командиром, я зашел в вокзал, выяснить расписание поездов и электричек, чтобы прикинуть, как мне добираться. Потом решил отлить, и, выходя из вокзала, столкнулся с каким-то пьяненьким мужиком. Он мне что-то начал говорить по-эстонски. А потом почему-то решил толкнуть меня в грудь. Чисто на рефлексах перехватил руку, и оттолкнул его от себя в здание. Захлопнул дверь и пошел в сторону сортира. Чуть погодя мне в затылок и прилетел камень. В тот раз я, шлепнувшись в траву, вскочил, и попробовал догнать придурка. Но не преуспел. На газоне осталась фуражка и сумка. Не велика ценность, но бросать было жалко. А сейчас я и не побежал.

Потому что только что, в две тысячи двадцать первом году, я, по сути, продал свой завод. И, выходя из здания, получил по затылку. Помощник Олега, свет Сергеевича, оказался мелкой и глупой тварью! До этого ему светило только банальное понижение, с перспективой вернуть статус. Но, сорвав сделку, он и сесть может. Не говоря о том, что, по любому, жизнь его будет унылой и в долгах.

Встряхнулся, сообразив, что не о том думаю. Бомжеватый дед, тем временем, подошел ко мне и сказал, с непередаваемым, мягким эстонским выговором:

— Ну что, дембелек, живой? Давай я тебе помогу.

— Да ладно, я сам. Чего это он? — встал и принялся отряхиваться. Армейская форма, как бы к ней ни относиться, все же штука хорошая. И не помялась, и не испачкалась.

— Пьет уже неделю. И тебе выпить предложил. А ты — руки крутить. Обиделся.

— Так по-русски предлагал бы.

— Пьет неделю. Ничего не соображает.

Кивнул нежданному союзнику, подхватил сумку, надел фуражку. Поморщился, на затылке зреет шишка. Да и пошел в сортир. Эстония, все вполне опрятно, и даже зеркало. В него я и уставился. Хм. Это точно я. Николай Петрович Андреев. Сейчас мне двадцать два года. Чуть выше среднего роста. Светлые волосы, правильное лицо. На кителе, слева, комсомольский значок. Справа, в ряд, значки «Гвардия», «Первый класс» «ВСК 1 ступень». Под ними — голубой значок парашюта, с болтающейся цифрой «пять». Что сильно диссонировало с черными петлицами с пушками. Но, соответствовало записи в военном билете. И это больше всего рвало шаблон у военных патрулей, что сдуру приставали ко мне, пока я добирался к деду с бабушкой.

Вспомнил, что украшение парадки к дембелю — это один из основных видов армейского творчества. А еще дембельский альбом. У меня и с тем, и с другим — достаточно уныло. То есть альбома нет. А парадку я просто подогнал, чтоб не болталась. Из неуставной дерзости — только дембельская складка на спине кителя. Мне было откровенно лень заниматься этой всей херней. Парни месяцами возились с формой, вшивая какие-то проволоки, доставая аксельбанты, украшая, ушивая... и все для того, чтоб пару раз пройтись дома туда-сюда, непонятно что продемонстрировав. Тем более, что в результате апгрейда опознать форму солдата советской армии было невозможно. Стандартный дембель больше всего напоминал маршала какой-нибудь банановой республики. Хихикнул, вспомнив диалог моих друзей Сереги Носова (кличка, ясное дело, Шнопок) и Сани Мельникова, по кличке Мельник. Мельник страшно переживал, что не может достать «поплавок» (значок об окончании вуза). Он бы, парни, сюда вот — отлично бы подошел. Нахер Мельнику сдался этот «поплавок», было совершенно непонятно. Ему еще двадцать лет, и вуз он окончить не мог никак. Шнопок тогда сказал:

— Вот пойдешь ты, Саня, по деревне в этой своей форме. И встретишь доярку Феклу которой хотел вдуть еще до армии. И посмотрит она на тебя, и скажет — «Мельник! Хули у тебя нет „поплавка“? Я тебе без него ни за что не дам, иди отсюда!»

Как бы то ни было, я был одет, в общем-то, по уставу. И это дезориентировало патрули. Я выглядел обыкновенным военным в увольнении, украсившим себя для большей героичности. А не отслужившим свое чуваком, с которыми патрули, как правило, не связывались.

Поймал себя на мысли, что думаю о чем угодно, но не о главном. То есть о том, что со мной. И что делать.

Плеснул себе в лицо воды из-под крана. Буду исходить из того, что это все реально. И соответственно действовать. Тем более что я отлично все помню, как выяснилось. Нужно подумать и сваливать, как минимум, из Выру. Вышел из сортира, и пошел к вокзалу с не замеченной раньше табличкой Võru. Только сейчас сообразил, что воздух пахнет мгновенно узнаваемым ароматом железной дороги. Шпалами, дымом, и еще чем-то, свойственным только ей. За ж/д-путями забор. За ним виднеются желтые корпуса армейской учебки.

Дедок-спаситель сидел на скамейке в торце вокзала. Подошел к нему, достал сигареты «Румба», что я купил специально для возвращения из армии. Уселся и закурил.

— Не пойму, ты дембель, или в отпуск?

— Дембель, дембель.

— Непонятный ты. Дембель бы выпил. Отметить-то надо?

Я подумал, что не самая плохая идея. Так-то, лучше бы кофе с коньяком. Но вокруг — Советский Союз. И то и другое — в ресторане и с трудом. И где тот ресторан? И кто пустит рядового в ресторан? А здесь, на вокзале, нет даже буфета. Да если бы и был, то вряд ли мне налили бы нормальный кофе. А коньяк там и не водился.

— А купить-то есть где?

— Да вон магазин, наискосок, — оживился дед. — Хочешь, сбегаяю?

Из внутреннего кармана кителя достал военный билет. Из него — пятерку.

— На водку хватит?

Вроде бы пять тридцать, стоила бутылка, когда я уходил в армию. Пока служил, генсеком побыл Андропов, снизив цену до четырех семидесяти.

— Если не хватит, я добавлю, — засуетился дед. И бодрой рысью направился к магазину. А я задумался.

В прошлый раз я, через час, уехал на местном поезде в латвийский Валмиера. А оттуда, на электричке — в Ригу. Поезд в Питер идет глубокой ночью. Как, впрочем, и на Ригу. Маршрут я, тогда выбрал неудачно. До города Кропоткин, на Кубани, я добирался почти четверо суток. Около суток проболтавшись в Москве. Встал и опять зашел в вокзал. Закрытые кассы, тишина и покой. Ни одного человека. Посмотрел расписание. Ну да. Ночью поезда на Ленинград и Ригу. Местные поезда — в Цесис, Тарту, Печеры. Ближайший в Валмиера. В Тарту в восемь вечера. В Печеры — по утрам, уже опоздал. Да и не поеду туда. Хе. Между мной и Питером Чудское озеро. И его можно обогнуть или через Псков, или через Нарву. Кажется, я понял, как будет лучше всего.

Вернувшись на скамейку, застал деда, исполненного нетерпения. Соблюдая алкогольный кодекс, он ждал моего появления, чтоб налить. Увидев меня, молча наполнил, и протянул граненый стакан.

— С дембелем!

Хмыкнул, взял, отпил треть. Вернул ему.

— Больше не буду. Лучше скажи, где тут у вас автобусный вокзал?

— А вот туда идти, вдоль озера все время прямо. А на площади повернешь направо.

— Ну, бывай, дед.

— Еще выпьешь?

— Не, пей сам, за мое здоровье.

Шагая по весеннему тротуару маленького эстонского городка, я злился. Несмотря на алкоголь, что теплом растекся по телу. Как меня угораздило? Да и попал я — лучше не придумаешь. Нищий дембель, без всяких перспектив. И что делать?

Снова все по новой? Все так же, все то же? Да пошло оно все в задницу!

Как-то кончился во мне запал. Жизнь потрачена, чтобы понять то, что другие знают с детства. Здесь никому не нужны такие как ты. Свободные и независимые. Тебе не простят отсутствия завуалированного холуйства, которое почему то называют патриотизмом.

Вспомнил говнюка, что мне хамил у меня же в кабинете. Вот он — народный герой! Отобрал у частного предприятия, и через это пострадал! А уж то, что он кроме пистолета в руках и не держал ничего — не влияет. И вообще, очень любят у нас вот этих, защитничков. Как беда какая, они сразу скулят — народ-богоносец, выручай! А в мирной обстановке они

— герои, и им — все должны. Хотя, словив в табло, заткнулся и растерял весь гонор.

Смешно это все. Жалко людей, искренне радующихся, что Юкос, к примеру, отобрали. И возмущенных тем, что бензин дорожает. Действительно, в чем связь?

Все же было уже решено! Уже осталось только улететь. А сейчас, в восемьдесят четвертом, из Союза и не улетишь. Погранвойска следят, чтоб народ не разбежался. Тюремная охрана, блин.

Дойдя до площади, я снова закурил. Вокруг по-эстонски безлюдно, да и суббота. Сонное пространство иногда нарушают автомобили. Да вдалеке, в сквере, мамыши с колясками собрались в небольшую группу.

Не хочу! С другой стороны, кого это волнует? Вот тебе, Николай Петрович, возвращение в молодость. Считаешь, что что-то делал неправильно — исправляй. А не ной. Хе, и что исправлять? Разве что податься в защитники. А что, знай тринди, что стоишь на страже, и души коммерсов, себе во благо. Блин. Не смешно. Лучше уж в робингуды. Правда, так любила себя называть братва. А я себя с ними не ассоциирую от слова совсем. Да и не все так страшно. Я столько помню и знаю. И это, слава богу, не тайное знание, узнав о котором, любой генсек кончит, не отходя от руля государства. Обычная информация. Чуть-чуть про деньги. Чуть-чуть про биржи. Немного о преступности. А если дожить до конца девяностых, то и криптовалюты. Только, как бы мне из Союза сбежать?

Дедок был не совсем точен. Я пересек площадь, свернул налево, и шел еще почти километр. Пока не вышел к пустырю, украшенному небольшим белым сараем, почти будкой. На крыше этого сарая фанерная табличка — Võru. Поодаль стоят несколько львовских автобусов. Рядом с ними кучкуется жиденьякая толпа. Зашел в сарай-автовокзал, и постучал в окно с надписью Piletikassa. Оттуда выглянула тетка.

— Один билет до Тарту, — выйдя из сарая, направился к автобусу с табличкой Tartu.

Так и решим. Добыть денег и свалить. Это стратегическая цель. А по мере продвижения, решать тактические вопросы. Как положено. Способ, средства, привлеченные ресурсы. Жить то же самое снова, не хочу. Будет другой сценарий.

Вообще-то суббота, в Советской армии, это парко-хозяйственный день. Уборка территории, казарм, покраска, побелка, баня, и фильм в гарнизонном клубе вечером. Мое увольнение в субботу — ловкий маневр командира.

Меня призвали в День рождения Ленина. Двадцать второго апреля. Начиная с двадцать второго апреля этого года, я начал представляться — матрос Андреев. На недоуменный вопрос, с чего это рядовой армии — матрос? Отвечал, что служу третий год. А в Союзе больше двух лет служат матросы. Мои прямые командиры ржали, и говорили, потерпи, Коляха, уволим при первой возможности. Но я, почти с начала службы, закусился с замполитом. Ему, естественно, донесли. И он заявил, что такие как ты умные, Андреев, будут увольняться в последнюю очередь, в июле. Особо грустить я не стал. А пришел к командиру, с идеей дембельского аккорда. Так в армии называются работы, исполнив которые, солдат немедленно увольняется и едет домой. Майор Кольцов не стал жеманничать, а привел в автопарк меня и еще троих моих друзей. Подвел к автомобилю Урал-375 с заклинившим двигателем, и, по-военному кратко сказал:

— Приезжаете ко мне на этом авто к казарме, и назавтра едете домой. Вопросы?

Шестнадцатого мая, в среду, я лично приехал на нем к казарме. Пацаны вызвали командира. Он повел себя как настоящий военный:

— Почему, блять, он не покрашен?

Сцепив зубы, уехали обратно в парк. Но троих моих друзей на следующее утро — уволили. И они поехали домой. А я остался руководить покрасочными работами. Ну, не будет же русский матрос сам красить какой-то Урал? А в пятницу, вчера, приехал на сияющем грузовике прямо к утреннему построению. Лейтенант Батура, мой непосредственный командир, сказал, чтоб я ехал в парк. Аккорд принят.

А сегодня с утра, я, с группой молодых воинов, отправился на погрузочную зону. Народ занялся уборкой территории, а я ушел на запасную площадку, подальше ото всех. Поставил посреди бетонного круга табуретку, взятую в учебном классе. Разделся по пояс, и уселся загорать. Размышляя в медитации, что как то надоели мне люди. Хочется побыть одному. Тут-то меня и нашел начальник бригады майор Кольцов. Он тоже пришел с табуретом. И мы с ним, молча сидели, загорали и курили минут пять. Потом он посмотрел на часы, и сказал:

— Ты увольняться-то собираешься?

— А то!

Вокруг никого. Можно не изображать из себя знатока устава.

— Канцелярия открылась пять минут назад, я договорился. Пойдем, я вчера на тебя подал документы. Все должно быть готово.

Я, как помнится, дернулся, и даже засуетился. И наткнулся на ехидный командирский взгляд.

— Раньше нельзя было сказать? Я бы и на зону не пошел. Побрился бы, собрался... — сварливо загнул я.

— Ты, Андреев, меня за полтора года так за. бал, что мне простительно. Отправлю, и забуду как страшный сон.

Интрига понятна. У замполита выходной, никто орать и скандалить не будет.

В общем, спустя два часа, Николай Андреевич Кольцов высадил меня возле ж/д вокзала.

Мы обнялись на прощание, он поблагодарил за службу, сел в машину и уехал. А я получил каменюкой по голове.

А сейчас я сижу в автобусе Выру — Тарту, и прикидываю, правильно ли я поступаю. Мимо проплывает аккуратная Эстония, и уже почти совсем летний ландшафт. В прошлый раз я ломанулся прямо на Кубань. Слоняясь по вокзалам при пересадках, все проклял. Маршрут выдался эпичный. Выру — Рига — Москва — Ростов — Кропоткин. Став старше, и вспоминая этот подвиг, я думал что энергии было до фига, а мозгов чуть. Потому что нужно было ехать в Питер, и спустя пару суток я был бы на месте. Доехав прямым скорым.

В этот раз я и вовсе решил не париться, а захватить домой. А уже оттуда ехать к бабушке. С учетом того, что между Выру и моим домом меньше четырехсот километров — доберусь автобусом. Из Тарту, через Нарву, до Кингисеппа. А оттуда ходят рейсовые автобусы каждый час. К вечеру буду дома. Там, правда, никого. Но мать всегда оставляет ключ у соседей. Переоденусь, отмоюсь, подумаю. А завтра уеду из Питера на поезде.

Автовокзал Тарту — уже настоящее железобетонное сооружение. С огромными витринами, посадочными перронами, и толпой суетливых пассажиров. Покупая билет до Кингисеппа, выяснил, что мой автобус через десять минут. Нужно купить хотя бы попить, да и пару пирожков заточить. А то завтракал рано утром, в части. Да водка, возле вокзала. Поэтому в темпе побежал искать какой-нибудь буфет или кафе. Обратился к встречному парню, мол где тут лимонаду купить. Парень был слегка пьян, страшно модно одет, с двумя прехорошенькими девицами по бокам, и эстонец. Поэтому ме-е-едленно оглядел меня, и сказал:

— Девочку не желаешь? Хочешь — эту, хочешь эту (Те-е-евоську не се-е-елаес?) — кивнул на девиц по очереди. Девицам было пофиг.

Не отвечая, побежал дальше. И таки купил бутылку Буратино, и два бутерброда с колбасой. Бутеров взял бы больше. Но оказались последние. Сидя в тронувшемся междугороднем Икарусе, увидел эту троицу снова в окно. Подумал, что так и не выяснил, сыпали в армейской столовой в еду бром, или это байки? Судя по мне — байки. А потом сообразил, что мне нечем открыть лимонад. И пошел на поклон к водителю. Прямо за водителем сидит клевая девица, с прической конский хвост модно вбок. Нет, насчет брома точно все ввали...

Мой дом, откуда меня призвали в армию, в небольшом городе на берегу Финского залива. В ста километрах от Ленинграда. Нежданной радостью оказалось то, что соседей которым мы оставляем ключи, нет дома. Уселся у подъезда. А куда мне идти?

Закурил, глядя на окна нашей квартиры на втором этаже. А потом вспомнил, что боковая фрамуга на поворотный запор не закрывается. Просто затворена. Очень плотно входит. Отнес сумку и фуражку под дверь квартиры. Вышел снова на улицу, подпрыгнул. Повис на козырьке над подъездом, зацепившись руками. Выход силой. Диверсант я, или где? Встал на газовую трубу, что идет вдоль второго этажа и по ней добрался до окна нашей кухни. Толкнул фрамугу, она открылась внутрь. Боком залез в квартиру.

Прошел в коридор, снял ботинки. Повесил китель на вешалку. В дверь позвонили. Открыл дверь. На лестничной клетке стоят два мента. Я поднял фуражку и сумку, и открыл рот, чтоб объяснить, что я не налетчик. Но мент, тот что ближе, засмеялся и сказал:

— Все нормально. С возвращением, — развернулись и ушли.

Я, в некотором недоумении, захлопнул дверь. Прошел по квартире. Как будто и не служил. Все так же. В моей комнате в том числе. Разделся догола и пошел в душ.

Патруль пристал ко мне возле пельменной, что на Старо-Невском. Наткнувшись на них, я вежливо козырнул, занятый одной мыслью — со сметаной или все же с уксусом? Ну, типа, я конечно отслужил своё, но раз я в форме... Командир патруля что-то буркнул себе под нос, на что я не обратил внимания. Поэтому сильно удивился, когда два бойца вдруг возникли по бокам и взяли меня под руки. Мол, капитан зовёт. Я, оказывается, отошёл от них уже метров на десять.

— Что, рядовой, приказы не исполняем? Я же сказал — ко мне! Ты устав читал? Тебе твои командиры не рассказали, что сумку на плече носить не положено?

Будь я просто отпускник, или в увольнении, это могло кончиться серьезными неприятностями, вплоть до помещения на гауптвахту. Поэтому просто протянул свой военный билет и сказал:

— Я не расслышал. И мне никто не говорил про сумку.

Прикинул по привычке ситуацию. Два солдата-первогодка, и капитан, лет тридцати. Фигня, положу всех троих, и сбегу в переулок. И солдатики, кстати, что-то почувствовали. А капитан, только увидев военник со вкладышем, и кучей бумажек, сообразил, что зря пристаёт. Ну и пошли себе, каждый в свою сторону.

Двойная порция с маслом. Уплетая пельмени, я вспоминал вчерашний день. Дома оказалось пусто в смысле пожрать. И расстроила моя одежда. Я не то чтобы вырос, но как сказала бы бабушка — заматерел. Брюки с рубашками оказались мне тесноваты. И пока я служил, мода изменилась. Ровно настолько, что одевшись в гражданку, я буду выглядеть глупо и нелепо. Так что всей добычи — синие трикотажные спортивные штаны, что будут украшать меня в поезде. Проспав почти до двух дня, я собрался и пошёл на электричку в Питер.

В воинских кассах Московского вокзала, мне без проблем продали билет в купе скорого поезда № 21/22 «Белые ночи», Ленинград — Кисловодск. Кассирша, было, начала говорить, чтоб я пошёл в комендатуру вокзала, поставил отметку, и тогда... Но за полную цену билета, с облегчением продала то, что я попросил.

Устроившись в купе на верхней полке, познакомился с попутчиками. Женщина с дочкой до Ростова. Какой-то мужик до Минвод. Очень приятно, Коля. Нет, спасибо, я пельмешек только что наелся. Но завтра я отказываться не буду. Нет, водки совсем не хочется. Придёт проводница, вот билет и рубль за белье. Затягиваясь сигаретой в тамбуре, я думал о том, что никак не могу смириться с тем, что оказался в прошлом. И подсознательно жду, что проснусь в своей машине по дороге в аэропорт. Оттого никак не могу внятно спланировать, что и как делать. Отсутствие дома матери, да и мой бросок на Кубань — не просто так.

Десятого мая меня вызвали из автопарка в казарму. В канцелярии бригады замполит протянул мне телеграмму. Как помнится, в ней сообщалось, что умер дед. И она была заверена врачом. Замполит не отказал себе в удовольствии заявить мне, что по правилам, меня бы отпустили только в случае гибели отца или матери. А дед, живущий от меня за две тысячи километров, для увольнения не подходит. Ты, Андреев, зря это затеял, будешь у меня служить до упора.

Когда срок службы заканчивается, народ идёт на разные хитрости, чтоб уехать домой пораньше. Телеграмма о смерти родственника — достаточно распространённая история. И

замполит решил, что я как раз такую фигну замутил. Я не стал с ним спорить. Наш замполит — редкий мудака, даже для племени замполитов. У меня с ним мировоззренческий конфликт. Ну, то есть, у него со мной. Мне-то на него всегда было насрать. А вот я его раздражал. И тем, что мне на него плевать в том числе. Его сильно и вполне реально бесило то, что выходец из интеллигентной семьи вполне уверенно и комфортно чувствует себя в армии. И при этом ни секунды не скрывает своего скептического отношения к этой армии. Забавней всего то, что во всех его наездах чувствовался недоуменный подтекст — да если бы у меня отец был доктор наук, а мать при такой должности, то я бы в армии ни за что не оказался. Он понимал, что я это вижу и злился. Ну и нагружал. Жизнь рядового можно испортить легко. Спасало здоровье, и молчаливая поддержка командира бригады. Но суть в том, что пришлось сильно напрячься, чтоб уволиться как можно быстрее.

И сейчас я еду к бабушке, вместо того, чтоб выпивать с друзьями в честь моего возвращения. А мама уехала на похороны сразу же. Отца у меня нет, он погиб еще в семьдесят седьмом. Такая вот диспозиция.

Как мне стало известно спустя десять лет, смерть деда не случайна. И я маюсь мыслью, как мне поступить. Черт бы побрал это послезнание! Я и домой-то, из Выру, бросился, потому что растерялся. Потому что осознать и принять то, что со мной случилось, лучше в одиночестве. Ну и продумать, как жить. Вышло, правда, не очень.

На следующий день я проснулся почти в полдень. Под смех и шутки соседей по купе. Разжился чаем у проводницы. Соседка по купе вывалила на стол кучу домашних пирожков.

Поезд, тем временем, ехал по Украине. В Харькове стоянка двадцать минут. Народ с поезда помчался в вокзал. По алкоголь и пиво. А я не отказал себе в удовольствии побродить по платформе. Не знаю как потом, а сейчас — совершенно русский город. Как ни напрягался, украинской мовы не услышал.

Дальше поезд двигался через Донецк, с там и сям виднеющимися терриконами. Я вспомнил про Чикатило. Он как раз в этом году развернётся. Написать, что ли, письмо? В УУР Ростова и области? Да фиг поможет. Он ведь неуловим был не только потому, что ловко прятался. Милиция постоянно задерживала и осуждала за его преступления других людей. Это вообще-то любопытно. Чикатило — душегуб и зверь. А вот следователь, что расследовал первое преступление Чикатило — он кто? Он задержал невиновного, засунул в пресс-хату, там этого невиновного опустили, и он сознался в несовершенном преступлении. Людей, подтверждавших его алиби, запугали. И в результате человека расстреляли. Вот этот следак, он же видел, что сажает и подставляет невиновного. И прокурор не мог не видеть, что как-то концы с концами не сходятся. Да и суд не очень-то вникал. И в результате действий всех этих людей Чикатило понял, что — можно.

И вот, к этой публике приходит письмо. Там написано, если отбросить шелуху, что они все совершили, как минимум, должностной подлог. Бггг. Они ведь меня искать начнут. И тоже закатают подальше. Хотя, может и Чикатило задержат. Хотя — вряд ли. Его проверяли. Это не говоря о мутной истории со спермой другой группы крови. У части жертв Чикатило нашли сперму не его группы. Не удивлюсь если когда-нибудь выяснится, что был ещё какой то маньяк.

В общем — любые движения в этом направлении бессмысленны. Разве что самому его грохнуть. Да только меня, скорее всего, потом поймают. В южном городке все всех знают, меня запомнят. И уж мне то, в благодарность, отвесят по полной. То есть точно вышку дадут, чтоб не болтал.

Обуреваемый всем этим макабром, согласился и вышел с соседом по купе. Станислав Иосифович, инженер из Пятигорска. Потрепались о том о сём, тем более что соседка к нам присоединилась. Пить то — только пригубила. Зато положила на стол прославленную варёную курицу, завёрнутую в фольгу.

А в три часа ночи меня растолкала проводница:

— Вставай, через двадцать минут Кавказская.

С поезда, кроме меня, сошёл ещё один человек. Пройдя через помпезный вокзал, я вышел на привокзальную площадь. Закурил и осмотрелся. Напротив — стоянка такси. Там настоящее такси, и пара бомбил на москвичах. Ко мне подошёл таксист:

— Поедем куда?

— У меня всего трёшник. А нужно мне в Васево. Хочешь, поехали. Хочешь, автобус подожду.

— Поехали, сделаю дембелю подарок.

Ехать всего семь километров. Так что через пятнадцать минут я толкнул калитку и вошёл во двор. Возле летней кухни друг на друга составленные столы и скамейки. Понятно, девять дней деду отмечали. Сел на скамейку, закурил. Дверь веранды загремела засовами. На улицу вышла бабушка в накинутом на ночнушку халате.

— Я приехал, бабуль.

Глава 6

Накормить после дальней дороги — извечное русское правило. Поэтому бабушка, закончив с причитаниями, начала метать на стол. Свежие овощи, курица с картошкой, компот. От выпивки я отказался. Пока жевал, она рассказывала то, что я уже знаю.

Дед подрабатывал ночным сторожем в местном райпо. Два раза в неделю. В ночь на девятое мая, загорелся склад с продуктами и товарами. Селяне, сбежавшиеся на звук сирены, вытащили его из склада. Он вроде бы пытался его потушить. К этому моменту он уже не дышал. Говорят, самовозгорание, старая проводка. Склад полностью выгорел.

Похоронили двенадцатого. Народу было много. Мать я не застал. Посидев с деревенскими на девять дней, она уехала к знакомым в Анапу. Уже давно она не использует весь положенный отпуск. И раз уж так вышло, то пару недель решила позагорать. Да и я писал, что раньше конца июня меня ждать не стоит.

И я завалился спать. Об армии можно много говорить и хорошего и плохого, но именно там я научился спать при первой возможности.

Дом у деда с бабушкой маленький. Две комнаты, кухонька, веранда под шиферной крышей. Удобства на улице в скворечнике, и холодная вода тоже. Мое место в маленькой комнате, на старом диване рядом с окном. Засыпая слышал, как бабушка закрыла ставни, чтоб восход меня не беспокоил.

Деревенская жизнь, это строгое следование ритуалам. Поэтому проснувшись, я попил чаю, и мы с бабушкой пошли на кладбище. Не знаю, как так вышло, но местное кладбище расположено в самой высокой точке села. Отсюда на много километров вокруг видно степь. А по ночам вдали видны какие-то огни и нефтяные вышки. Молча посидели, да и пошли обратно.

Дорога спускается к реке, вдоль которой наша улица, что так и называется — Нижняя. Перед бабушкиным домом палисадник, рядом с домом летняя кухня. За ними хоздвор, с десятком куриц и уток, курятником, сараем и погребом. За ними сад, а потом огород, спускающийся прямо к реке Челбас.

По тропинке в огороде можно пройти к деревянным мосткам на берегу реки, которые здесь называют — кладка. К ним замком пристёгнута дедова лодка — плоскодонка. Я очень любил проснувшись бежать к реке и купаться. Если только не ловил с рассвета рыбу. Тогда вставал затемно, и на лодке плыл куда-нибудь к камышам, там загонял в илистое дно шест, привязывал к нему лодку и закидывал удочки. На карасей и плотву.

Вернувшись, снова сели пить чай. Бабушка рассказала остальные новости. Все по-старому. Соседи справа и слева — на работе. В местном колхозе, что охватывает три окрестных села.

Озаботились одеждой. Не ходить же в форме. Сошлись на том, что пока похожу в дедовом, а потом съезжу в город, что-нибудь куплю. Одевшись в старые брюки и заношенную рубашку, глянул в зеркало. На Миланском показе моды prêt-à-porter, я бы порвал зал, без всяких шуток. Я помню, как в десятых был в недоумении. Люмпен от почти любого советского пивного ларька, в Милане две тысячи десятого, считался бы иконой стиля. Чтоб не выпасть из модного образа, надел легендарные красно-синие кеды.

Прошёлся по двору. Наметил себе план работ. Я через неделю уеду, а деревенское подворье требует неусыпного внимания. В частности, подправить забор между нами и

Кировыми. Сходил к реке. Лодка лежит у берега на дне, полная воды. Напомнил себе потом заняться. Взял в сарае инструменты и принялся чинить забор.

Вечером пришли гости. Бабушкин сын, брат моей матери, и мой дядя Володя, с женой и дочкой. Бабушкина сестра баба Лиза с мужем, дедом Шурой и сыном, моим дядей. Тоже, как ни смешно, Володей. Чтоб не было путаницы, одного звали Вова. А баб Лизин сын, мой дядя, старше меня всего на два года. Так что его зовут просто Володька. Дочь старшего дядюшки — Наташка, мелкая пигалица, пришла только чтоб посмотреть на меня. Чинно поздоровавшись, умчалась домой, кормить живность.

Стол накрыли во дворе. Но прежде чем сесть и налить, я позвал мужиков к реке. Там мы вытащили лодку на берег, вылили воду и перевернули кверху дном. Потом все уселись за стол и выпили. За деда. Николая Васильевича Шавлюкова. Это можно было бы назвать ещё одними поминками. Но, к середине застолья, разговоры уже пошли о местных, не очень мне понятных делах. Поэтому я встал, взял сигареты, и, по-тихому, ушёл к реке. Было странно видеть всех этих людей живыми и полными сил. Большинство из них уйдёт в девяностых. От совершенно естественных причин, исправить что-то невозможно. Бабушка, к примеру, просто однажды не проснулась. Но сейчас они бодро выпивают, закусывают, и привычно переругиваются о бытовой ерунде.

В лунном свете тропинка к реке видна отчётливо. Как и женский силуэт на мостках. Я совсем не удивился. Этот длинный день, полный суеты и воспоминаний, должен был кончиться чем-то подобным.

— Ты меня, что ли, караулишь?

— Щас! Но и на тебя посмотреть тоже хотелось.

— И как?

— Все такой же. Морду только наел...

— Ты тоже не былинка...

— Уж кто бы говорил. Трудно было зайти? Руки-то убери, ну, Коль...

Вполне могло случиться так, что этот бесконечный грустный день закончился бы искрометным трахом. Все шло к этому. Но когда одна моя рука уже была у неё в трусиках, а вторая мяла вполне третьеразмерную сиську, именно по этой руке я получил пучком крапивы.

Над нами стояла злющая бабушка.

— Совсем стыд потеряли?! Я вот вам щас...

Людка, пискнув, мгновенно растворилась в темноте. Только шуршание травы, справа по берегу, позволяло предположить, куда она побежала. А меня бабуля отходила крапивой. Даже несмотря на то, что я был в рубашке — приятного мало.

— Бабуль! Ну чего ты? Подумаешь...

— О девке ты подумал, ирод?! Ты завтра уедешь, а ей здесь жить.

— А может я так отомщу? Принесёт деду Киселю в подоле...

— И в кого ты такой охальник, не пойму! — от очередного удара крапивой удалось увернуться. — Иди давай, срамник, все уже уходит собираются.

Мой дед сидел, при Сталине. Я узнал об этом случайно. Каждый год, на лето, меня отправляли на Кубань. К деду с бабкой. Дед был классный. Веселый, таскал меня на рыбалку, учил ездить верхом, и запрягать лошадей. И я совсем не интересовался их прошлым. Ленив и нелюбопытен, чего уж.

А лет в пятнадцать я влюбился в местную красотку, Людочку Киселеву. Тот, кто видел кубанских девок, меня поймет. Смешливые, загорелые, белозубые, гибкие и приятных пропорций. И я тоже не устоял. Мои притязания были благосклонно приняты, и мы даже слегка тискались после танцев. Идиллия продолжалась до тех пор, пока нас, идущих за ручку, не увидела бабушка.

Анна Наумовна Шавлюкова, моя бабуля — милая и приятная женщина. В гневе я увидел её тогда впервые. Она сурово потребовала, что бы я немедленно проводил её домой. А оказавшись дома, сказала:

— Не дай бог, я тебя с ней еще раз увижу!

И моя растерянность усилилась стократно, когда и мать высказалась в том же духе. Я потребовал объяснений, и получил их.

Мой дед вернулся с фронта в начале сорок седьмого. Закончив в Европе под Берлином, повоевал еще с Японией. Бабушка, с двумя детьми, вернулась из эвакуации на пару месяцев раньше, в разгар зимы. И, до возвращения деда, они банально голодали. В феврале сорок седьмого вся семья заболела. Моя мать была совсем плоха. И тут вернулся дед. Бабушка с матерью и дядей не знают, что там было. Он принес мешок картошки. И привез дрова. А через пару дней его забрали. Согласно так любимому публикой «закону семь — восемь», о трех колосках. Но это со слов бабушки. Я думаю, там ему другую статью вменяли.

Вообще-то, до фронта дед был директором местной РТС (ремонтно-тракторной станции). И вернулся на эту же должность. Бабушка говорила, что он просто не успел оформить как положено, эту картошку. Человеком, который донес на деда, и был дедушка этой самой Людочки.

Деда лишили орденов, званий, выгнали из партии и дали десять лет. Ну, Родина любит своих защитников, чего там. В пятьдесят третьем он вернулся. Ему вернули ордена, восстановили в партии. Должность занять он отказался. Да и вообще, стал несколько пренебрежительно смотреть на окружающее.

Вишенкой на торте, в этой истории было то, что с самого возвращения, и до конца жизни, дед раз в месяц, по воскресеньям, играл с тремя своими приятелями в рамс. Брал у бабушки рубль, и уходил на целый день. Я, с сопливого возраста, был знаком со всеми тремя его партнерами. Дед Шура, муж бабушкиной сестры, дед Илья Платонов, и — та-дам — дед Сергей Киселев, тот самый доносчик.

Следующим утром, после застолья, я сидел на полу возле комода, где бабушка хранила документы. Перебирал ордена, какие-то справки. Вспоминал. Я искал справку об освобождении. Но её не было. Попалась рукописная характеристика на деда, написанная на тетрадном листе в косую линейку. Август пятьдесят третьего. «Предан делу Ленина — Сталина... лучший специалист в районе... технику знает...» Это ему для восстановления в партии выдали, скорее всего. Пришла бабушка, звать на блины. После вчерашней крапивы ей передо мной немного неудобно. Он сдал справку-то. Чтоб паспорт получить. Мы же не

колхозники.

Уминая уже четвертый блин, я думал, что должен быть бабуле благодарен. Кубанские девушки любым способом стремятся вырваться из деревни. И городской жених — не худший вариант. И оглянуться бы не успел. И страшно повезло, что вмещалась именно бабушка. Всего два человека на планете, в этой ситуации могли быть уверенными в своей безопасности, мама и бабушка. Крышу мне снесло капитально. Ну а чего ждать от человека, на четвертый день после армии? Пусть и с опытными мозгами... А девчонки готовы на все, лишь бы сбежать из деревни. В девяностых именно так будет формироваться проституция.

Эти мои глубокомысленные рассуждения прервал младший дядя. Володька приехал на мотоцикле «Паннония». Привез мне свои ношенные джинсы «Милтонз», ношенные румынские кроссовки из кожзама. И паяльную лампу с гудроном, смолить дно плоскодонки. И царским жестом подарил двадцать пять рублей. Ну, холостой — неженатый, работает электриком, может себе позволить. Сразу уговорил его отвезти меня на колхозную лесобиржу. Там, на подаренный четвертак, закупил три куба дров, и полтонны антрацита. Бабушкин дом отапливается печкой, сложенной как стена между комнатами. Договорился, что сейчас и привезут.

Потом до вечера, с перерывом на обед, таскал сначала дрова, а потом уголь, в двух ведрах, в сарай. Бабуля, причитая, носилась вокруг. Да што ж это такое, ребенок два дня из армии, хай тот уголь сгниет, Колька, кончай позорить меня, люди скрозь будут говорить, что бабка сбрендилла...

К вечеру закончил. Искупался в реке, поужинал. Взял бутылку водки из бабушкиных запасов и вышел за калитку.

Деревенский магазин, или как его здесь называют райпо, находится в центре села. Не очень далеко. Маленький круглосуточный, большой продуктовый и хозяйственный магазины. Вместе со складами и котельной, образуют большой двор. Рядом, в здании бывшей церкви, клуб. Тут же сельсовет, и управление колхоза.

Во дворе райпо ко мне первым делом бросились собаки. Потом из сторожки показался дедушкин друг, дед Илья. Они работали посменно. Обнялись. Дед Илья мне обрадовался. А когда я достал бутылку — засмеялся.

— Тут после пожара и охранять-то нечего. Так что пойдём, помянем Николая.

Выпивая с другом деда, закусывая, чем бог послал, мы неторопливо беседовали о моей службе, о местных делах и сплетнях, и вообще за жизнь.

— Правильно тебя вчера Наумовна крапивой отходила! — смеялся дед Илья. — С этими Киселевыми одни неприятности.

Я трепал собак за холки, и гладил им животы. Готов поклясться, что вчера вечером кроме меня, Людки и бабушки никого вокруг не было. Но, совершенно ясно, что все село уже в курсе.

Ушел домой я после одиннадцати.

— Я сегодня припозднился, — говорил дед Илья. — Так-то я ложусь в десять. А с двенадцати гуляю по двору. Но ничего, завтра в десять лягу.

Постоял над пепелищем сарая, что сгорел. Да и пошел домой. Засыпая, подумал, что ничего сложного.

На следующий день, рано утром, я поехал в Кропоткин. Как здесь говорят — в город. Автобус едет минут сорок. Городской рынок к приезду автобуса как раз открылся. Бабушка выдала мне сто рублей, серьезные для нее деньги, на одежду. Сейчас я, в джинсах «милтонз», дедовой рубахе и кедах, больше всего похож на молодого механизатора. Приехавшего в город с полевого стана в степи.

Побродил по рынку. С едой все более чем хорошо, дык Кубань все же. Попросил продать-отрезать ломтик свежайшей, нежнейшей ветчины. Парень-армянин отрезал и угостил. Деньги брать отказался. Это только разбудило аппетит. Возле входа на рынок из армейского термоса продавали горячие чебуреки. Заточил пару, пошел в одежные ряды.

С одеждой все тоже хорошо, но дорого. В смысле ко мне сразу подвалили цыганки, и предложили настоящие джинсы. На уточняющие вопросы, ответили — Врангель. Продемонстрировали исподтишка чудовищный, даже мельком, самопал. Его явно шили всю ночь всем табором. Всего сто пятьдесят рублей.

Ну, я пока выглядеть кубанским модником не особо стремлюсь. Я, пока, хочу выглядеть хотя бы горожанином. В общем, купил простые вельветовые штаны, и красную клетчатую рубаху. Рядом купил три белых футболки, фабрики Большевичка. Они прекрасны, и совсем как фирменные, первые два дня. Потом растягиваются и превращаются в тряпку. А уж после стирки и вовсе.

Таким образом, серьезно сэкономив, сел в автобус и вернулся. Бабушка тут же принялась меня кормить. Уплетая за обе щеки куриную лапшу, я слышал с соседнего подворья ультразвуковой визг свиньи.

Я было решил, что у Кировых вырвался на волю кабан, и блажит от счастья. Но тут пришел сам дядя Коля, мой тезка. Наши соседи справа, дядя Коля и тетя Лида — огромные, веселые люди. Работают механизаторами, тетя Лида на тракторе Беларусь, а дядя Коля — на странном агрегате, под названием «Таганрожец». У них есть дочь, четырнадцатилетняя смазливая Лариска. С ней, похоже, родители провели беседу, потому что она в мою сторону даже не смотрит.

Кировы сегодня выходной. Меня пригласили поучаствовать в забое и разделке свиньи. — Ты, Коль, если не занят, помоги. А то до завтра возиться будем.

Пока я переодевался, хряка закололи. Был приглашен мастер. Тоже Николай, но Шипилов. Живет чуть дальше по улице. Он и руководил всем процессом. Там длинная процедура. Сначала тушу закидали сеном и подожгли. Потом отскребли большими ножами копоть. Потом опалили паяльной лампой и еще раз отскребли. Я был на подхвате. Здесь поддержи, тут тяни. Неси в дом, не расплескай. Давай навалимся, и поднимем. Ну и все такое.

Закончили, когда уже давно стемнело, почти в девять вечера. Мужики споро, не отходя от места кровавой разделки, поставили на попа чурбан, и водрузили на него бутылку водки. Тетя Лида принесла сковороду жареного свежего мяса. Но выпить мы не успели. Пришла жена Николая Шепилова и потребовала, чтоб он шел домой.

— Ты сдурела, Тонька?! — натурально заорал сосед. — Свежанина же!

— Неча! Он сейчас домой на бровях приползет, а потом еще три дня болеть будет! Пойдем, Коля!

Невнятно бормоча, сосед разлил бутылку на троих поровну.

— Ну, мужики, вздоргнули!

Мастера после этого, увели. А я с дядей Колей еще посидел, поел свежего мяса со сковороды. Вкусно.

Когда вернулся домой, бабушка уже улеглась. Лежала в кровати, в очках, читала газету «Сельская жизнь». Я прошел в комнату, взял полотенце, сообщил бабуле, что скоро вернусь, пошел на задний двор. Аккуратно сложил полотенце, чтоб не светило в темноте. Взял приготовленный заранее пакет. И рванул.

У меня максимум пятнадцать минут. Потом бабушка хватится. Слава богу, Людку увезли из села к родственникам, от греха. Так бы бабуля меня выпасала. В армии я пробегал километр меньше чем за три с половиной минуты. Но это в сапогах и с автоматом, и противогазом. Здесь вряд ли дальше, и я в спортивных штанах, кедах и темной рубашке.

В темпе, прячась в ночной тени, прибежал к райпо, и легко перемахнул забор. Ко мне молча, только слегка поскуливая, бросились собаки. Потрепал их за холки, и вывалил им пакет куриных костей. Максимально бесшумно, прижимаясь к стенам, прокрался к домику, недалеко от въезда во внутренний двор. Он следующий за сторожкой, что стоит прямо на въезде. И где сейчас кемарит дед Илья. Подпрыгнул, зацепился руками, и втащил себя в слуховое окно этого домика. Там, наощупь, потянул крышку чердачного люка. И тихо спрыгнул во что-то типа кабинета директора. Полки с папками, стол, стулья. Меня интересовала не действующая, за ненадобностью, каменная печь. Несколько лет назад установили котельную, и кабинет греют батареи. Печь разобрали, остался только дымоход. Он-то мне и нужен. Где-то на высоте двух метров, в нем — печная дверца. Маленькая. Для чистки дымохода, наверное. Очень осторожно повернул ручку и приоткрыл эту дверцу. Взял стул, встал на него, и запустил в дымоход руку. Есть! Вытащил полиэтиленовый пакет. Компактный, но весом за килограмм. Сунул под застегнутую рубашку. Бегло прибрался. И тем же маршрутом ломанулся обратно. Вернулся незамеченным. Девять минут. Нормально.

Во дворе долго плескался, отфыркиваясь, и погогатывая. Прошел на диван в другую комнату, пожелав бабушке спокойной ночи. И улегся. Пакет аккуратно засунул в свою сумку, под вельветовые штаны.

Директор райпо, Зинаида Вишнякова, в той жизни умерла от инсульта в восемьдесят седьмом году. Через десять лет после этого мне позвонил младший дядька. Рассказал, что райпо снесли. На его месте будет огромный ангар супермаркета. Во время сноса, в дымоходе директорского кабинета, нашли пакет со старыми, еще советскими деньгами. Почти сто тысяч рублей. Так что, Коль, получается, она сарай подожгла. Растрату прикрывала.

Я об этом вспомнил не сразу, а когда проезжал Нарву, по дороге из армии. Заодно мне вспомнилась другая, гораздо более смешная и выгодная история. И только когда я попал к бабушке во двор, я решил наложить лапу на эти деньги. И подумал, что следствия вести не буду. Просто уведу у суки наличность. Это я только что и сделал. Судя по весу, там вполне достаточно, чтоб спокойно вернуться к учебе в институте. Вылетев из которого, я и загремел в армию.

Всю операцию я спланировал на между десятью, и двенадцатью, из-за деревенских собак во дворах. В это время по улицам села еще нет-нет да и ходят люди. И собаки не обращают внимания. А глубокой ночью мое передвижение можно было отследить по собачьему лаю.

Утром бабушка ушла за хлебом. Это ежедневный ритуал. Тут не едят вчерашний хлеб. А тот хлеб, что в Питере и Москве считается белым — здесь называют серым. Здесь едят

похожие на каравай хлеба, стоимостью пятьдесят копеек. Страшно вкусные. Их привозят утром, и все сельские бабки собираются возле магазина.

Я пересчитал деньги. Три пачки сторублевки. Две пачки полтинников. Две четвертаков. Две десятков. Пять пачек пятерок. Пачка трешников и пачка рублей. Почти пятьдесят тысяч.

Аккуратно выложил пачками под дном сумки. Оставил себе пока пачку трешек. Да и ту прибрал, чтоб не светилась.

А потом пошел и навалил курицам с утками корму. Сходил посмотрел лодку, дно еще не просохло, хотя жара стоит уже совершенно невыносимая. Заодно искупался и переплыл реку. Она здесь широкая, метров сто пятьдесят.

Жизнь на селе наполнена непрерывным трудом. Ты вроде бы и ничего не делаешь, но все время что-то подправляешь, наливаешь воды, носишь и прочее. С другой стороны, меня несколько отпустило. И я только спустя несколько дней понял, что с момента попадания находился в непрерывном и жестком стрессе.

Да и то, вдруг оказаться в совершенно пустом информационном поле... Я не задумывался об этом, но сейчас осознал, что мне не хватает смартфона, чтоб получить ответ на любой вопрос, что возникает. От даты и времени, до расписания поездов и автобусов. С удивлением сообразил, что несколько лет до своего попадания не держал в руках газету.

И это не говоря о внезапном и катастрофическом ухудшении бытовых условий. Один только бритвенный станок с лезвием «Спутник» — это что-то. А еще я несколько раз поймал себя на том, что оглядываюсь, в поисках мобильного. Позвонить в «Декатлон», чтоб привезли шуруповерт.

Тем не менее, мысли потекли спокойнее и конструктивно. В прошлой жизни я после армии восстановился в Обнинском филиале МИФИ, где учился до призыва.

На первом курсе я, оказавшись вдали от дома, откровенно пустился в отрыв. Запустил весеннюю сессию. Деканат отнесся ко мне вполне по-человечески, позволил до следующей зимней сессии сдать хвосты. Но я понадеялся на авось. Декан сказал — ступай служить, может, мозги на место встанут. После армии возьмем на второй курс, если надумаешь. В прошлой жизни я надумал.

В этот раз, мне кажется, это лишнее. Нет, учиться я пойду. Это же просто песня — четыре года пинать гавно, вместо того, чтобы стоять у станка. Нужно только решить, где я буду учиться. То есть, куда я переvedусь. Понятно, что не в Москву с Подмосковьем, а в Питер. Но вуз я еще не выбрал. Разрываюсь между финэком и универом.

В универе сейчас учится Медведев, что предполагает шикарные возможности потом. А финэк — сам по себе возможность. При первых проблесках перестройки забодяжить банчок, по-быстрому скоммутироваться с империалистами, и стать их филиалом. На старте реформ это более чем реально.

Только это все пустое. Население хочет как всегда — отсутствия перспектив, в обмен на обещания светлого будущего. А все, кто это будущее делает себе сам, вызывают отторжение. Ладно, успею еще подумать.

Сенсацией утра стал инсульт Зинаиды Вишняковой, директора райпо. Нет, так-то общественность все понимает. Чрезмерно располневшая Зинка не выдержала жары. И, у себя в кабинете, грохнулась в обморок. Сейчас в больнице, в Кавказской, совсем плоха.

Я к этой новости отнесся равнодушно. Смолил лодку. Дело медитативное. Соскрести старый битум, пройтись паяльной лампой, проконопатить, залить битумом, пройтись паяльной лампой... Разделся по пояс под жарким солнцем, развел костер греть битум. Да и приступил. Душно, и если бы не легкий ветерок с реки, то я бы пожалуй отложил до вечера. Но так — вполне терпимо. Свернул из газеты пилотку, и, знай себе постукиваю киянкой.

Так меня и застал двоюродный дед Шура. Он, кстати, занимает в колхозе так и не понятую мной до конца моей жизни должность — ездит на линейке. Линейка — это так называют на Кубани повозку, точь-в-точь как тачанка, только без пулемета. Запряжена парой гнедых. Что он еще делает в процессе езды, я так и не понял.

Дед Шура уселся в сторонке, закурил Приму, и молча, минут десять, наблюдал мой неспешный труд. Потом докурил, и сказал:

— Вишнячиха-то — того. Откинулась, — директор райпо скончалась в больнице, перевел я мысленно. Заодно подумал, что, похоже, она и в прошлой жизни померла от какой-то плохой новости. Прислушался к себе. Нет, не чувствую я себя виноватым.

Дед Шура между тем достал из за голенища хромового сапога плоскую бутылку из-под коньяка.

— Глюкоза, — сообщил он, — Чтоб шашель не заводился.

Чистый самогон, перевел я в голове, от всех болезней. Присел рядом с ним, и тоже закурил.

— Жарко, дед Шура.

— А мы по глоточку.

Я встал и дошел три шага до огорода. Сорвал два еще мелких огурца, один отдал деду. И мы сделали по хорошему глотку. А потом энергично захрумкали огурцами. Дед Шура встал.

— Уезжать будешь — зайди. Моя скалапендра бутылку поставит.

Зайди попрощаться перед отъездом, Лиза стол накроет, перевел я мысленно.

Он ушел. А я снова принялся смолить лодку. К вечеру закончил. И мы с соседями спустили её на воду. Вроде не течет.

На следующий день я проснулся до рассвета и поплыл на рыбалку. Это отдельная история, кубанские реки. У них своя акустика. И вообще, едучи на юг, на поезде ли, на машине ли, где-то после Белгорода замечаешь, что окружающее пространство звучит совсем иначе, чем где-нибудь под Тверью. Так и тут. Несмотря на темень, орут лягушки и непонятная живность. И все это создает почти зудящее предвкушение скорого восхода.

Обратно я приплыл в начале восьмого. Десяток мелких плотвичек и окуней. Пара линьков. Бабушка будет смеяться. Одна радость, лодка не течет. У нашей кладки неожиданно обнаружил Витьку Воробьева. Товарища всех детских игр и соседа, живущего через дорогу. Это смешно, но с другой стороны от Кировых наши соседи — тоже Воробьевы. Но это не те, что через дорогу.

— Привет, Колюнь! Ты чего это, неделю как приехал, а не показываешься?

— Я, Вить, столько не выпью, чтоб вам всем показываться. Да и по хозяйству тут закрутился.

— Мы уж думаем, загордился ты там у себя, в Ленинграде.

Я давно устал объяснять местным, что от Ленинграда живу в ста километрах. Здесь все твердо уверены, что вечерами я хожу на концерты Эдиты Пьехи, а когда не там, то в Эрмитаже.

— Да не. Я все равно к тебе собирался. Поможешь с билетом?

Витка — сержант милиции, работает в линейном отделе на вокзале. Все знают, что если нужен билет на поезд — это к нему.

— Чего же не помочь? Таксу ты знаешь. Лучше скажи, не хочешь с бреднем походить?

Только сейчас я заметил, что поодаль лежит свернутый бредень, сумка, ботинки.

— Сейчас вернусь.

Я примкнул лодку на цепь. Собрал удочки, сумку с уловом, и прочее барахло, и пошел к бабушке. Она, увидев улов, засмеялась, порубит уткам на корм. Я взял дедовы ботинки, сказал, что пойду с Воробьем. С бреднем пройдемся.

Там уже вертелась его десятилетняя сестра Танька. В лове с бреднем нужен третий.

Выбирать из сети улов. Мы обулись, и полезли в воду.

Пока разворачивали снасть, Воробей рассказал, что сговорился с кумом. Но кум, Серега Вешняков — племянник усопшей директора райпо, ему не до раков сейчас.

В ходьбе с бреднем главное — не спешить. Поэтому, хотя прошли едва пару километров, вылезли на берег мы спустя часа четыре. Но оно того стоило. Полное ведро крупных раков. Щука, сдуру угодившая в сеть, и несколько крупных рыббин.

Пошли к нам на двор.

— Баба Аня! — заорал Витька. — Я тебе рыбы принес.

— Спасибо милоч, — засмеялась бабушка. — А то эти городские только воду баламутят, никакого проку.

Залили раков водой из колонки во дворе. Я взял у бабушки соли, перцу, лаврушки. И ушли опять на берег. Разложили бредень сушиться. В тени разросшейся тютины (так здесь называют тутовник), расположились на ветерке. На старом кострище, где я топил битум, поставили ведро с раками.

Витька разлил по полстакана водки. Я подумал, что каждый день здесь киряю. Хоть чуть-чуть, но каждый день.

— Ну что? Со встречей?

И мы накатили. Дул легкий ветер, ослепительное солнце отражалось в воде. За рекой расстилалось огромное, теряющееся вдали поле. Шумели камыши, орали лягушки, и, не останавливаясь куковала кукушка.

Я закурил, а Воробей начал колдовать над покрасневшими в ведре раками. Попутно трепались обо всем и не о чем. Я рассказывал, как уволился, и что теперь, наверное, буду учиться в Питере, поближе к маме. Он жаловался на жизнь и службу. Говорил, что так, как сегодня, хорошо если раз в пару месяцев удастся отдохнуть. А то все нагружают и нагружают. Я, Колян, и не против. Но мне б в угрозыск перейти. Да кто ж возьмет.

Раки оказались достойны мишленовских звезд. Но все равно мы все съесть не смогли. Часть отдали бабушке, часть Витька унес собой. Я сбегал, принес ему сорок рублей. Мы договорились, что он, если получится, купит мне СВ. Достали меня люди, Вить. Хочется тишины.

— Я бабуль, посплю пойду. А то что-то я наклюкался.

— Да уж, — пробурчала бабушка. — Работник из тебя сейчас никакой.

Скорый поезд № 12/11 Адлер — Ленинград «Северная Пальмира», прибывает в Питер в начале десятого.

Вышел из поезда, смешался с толпой и пошел на трамвай. Раз у меня появились деньги, нет смысла быть одетым словно провинциал. Только рваться к Гостиному двору, знаменитой Галёре, я не стал. Фарца и прочий люд, что ошивается там, насквозь заагентурены ментами, гэбухой и криминалом. Особо солидная фарца стучит всем. Появление парня с деньгами будет сразу отмечено и отслежено. И, как водится, аукнется мне в самый неподходящий момент.

А из всех документов у меня — только военный билет. В котором отсутствует отметка постановки на учет. Я не стал искушать судьбу, оделся в вельветовые штаны, рубаху и старые кроссовки. Аккуратно свернутая форма лежит в сумке, вместе с куском сала, подаренным соседом бабушки, и бутылкой коньяка, что я купил на всякий случай.

Стоя на задней площадке двадцать пятого трамвая, я продолжал думать, правильно я поступил, или не стоило? В воскресенье, поздним вечером, я зашел в ЛОВД станции Кавказская. Навстречу вышел Воробей. Отдал мне билет. И мы договорились, что попозже он меня найдет, и мы выпьем на прощание.

Слева от вокзала небольшой парк железнодорожников. В маленьком южном городке про него ходят душераздирающие слухи про то, что по ночам там убийства и изнасилования постоянно. Там мы и уселись на скамеечке возле фонтана. Витька принес черешни.

Наверное, забытый вкус коньяка три звезды сыграл со мной шутку. Только я слегка поплыл. И как-то между делом рассказал Витьке, что есть, мол, в Шахтах такой, Чикатило. Я служил с парнем оттуда, он рассказывал, что этот Чикатило изнасиловал и убил маленькую девочку. А вместо него осудили другого. Он вообще конченный. К пацанам мелким приставал. Рассказывали, что некоторых трахал. Ты, Витек, в системе. Сам понимаешь, что мне, к примеру, лезть с такой историей в ментовку не след. А тебе вот — глядишь, пригодится. Вдруг по ориентировкам станет проходить? А как довести до руководства, ты уж сообрази сам. Меня не вмещивай. Я все равно буду отпираться. Мы чокнулись. Я, Коль, про такое слышал. Посмотрю там. Если чо — с меня причитается, эдак и вправду в угрозыск попаду. И признайся честно, ты Людку трахнул, или только болтают?

Из трамвая я вышел на Разъезжей. Перешел Лиговский. Почти напротив остановки — комиссионный магазин. С главным товароведом Верой, в прошлой жизни, меня познакомили за год до армии, когда приезжал на каникулы. Я решил, что она — то, что нужно.

Магазин только открылся. Верка скучала за прилавком. Крепкая баба в теле. Лет тридцать ей сейчас. Одета модно, но не вызывающе. Со смертельной скукой на лице. В прошлой жизни мы с друзьями закупались фирменными шмотками у нее. Обожглись при торговле с рук. А эту даму нам рекомендовала мать моего друга. В обоих торговых залах никого. Направился прямо к ней.

— Привет! Ты меня помнишь? Я от Розы Михайловны!

— Здравьете, ты — Сергей? — окинула меня взглядом, мгновенно оценив и одежду и размеры. — Вроде был брюнет.

— Не, Сергей — её сын. А я его друг, меня Коля зовут.

— А! Вспомнила! Дано тебя не было. Сидел, что ли?

— Типа того, в армии служил.

— И что ищешь?

— Все!

— У тебя денег-то хватит? На все?

— А у тебя все есть?

Тут из задней двери вывалилась взъерошенная тетка, причитающая про Верочка, прости, ну трамвай встал на мосту, и стоял десять минут. Она выслушала, кивнула и повернулась ко мне.

— Пойдем, — и величественно пошла по залу.

Я пошел за ней, бурча о том, что вот так, сразу? Может сначала в кино? Поцелуйчики на заднем ряду, а уж потом... Она фыркнула, мы зашли в подсобку.

— И где Роза вас, таких, только находит?

— Да нас там целый город. Еще устанешь.

— Ладно. На тебя есть спортивный костюм «Адидас», и джинсы «Левис». Что будешь мерить?

— И то и то. И огласи весь список, еще футболок бы, как минимум.

Тут я увидел стоящие на столике кеды «Конверс», схватил их. Мой размер.

— И кеды беру.

— Они сто двадцать рублей стоят. Не жалко?

Ну да. Советские кеды стоят четыре рубля ровно. Китайские «Два мяча» — вроде бы пятнашку. Но «Конверс» — вещь. Через пару лет Джоанна Стингрей подарит Борису Гребенщикову такие же. Они окажутся БГ на два размера меньше, но он будет в них ходить год.

— Мне, Вера, за хорошую вещь ничего не жалко. Главное, чтоб вещь действительно была хорошей.

Она внимательно ко мне присмотрелась, и еще раз кивнула. В результате джинсы — пятьсот первый Levi's, спортивный костюм, кеды, две футболки Reebok, рюкзачок Speedo, и красно-белая бейсболка обошлись мне в тысячу сто рублей. Можно было поторговаться, но я решил не мелочиться. Отсчитал одиннадцать сотенных. Она достала термос, и предложила кофе.

— Ты, Вер, не боишься, что заметут?

— Я же вижу, с кем разговариваю. Тех, что с проверкой — их сразу видно. А менты — ходит тут один, краденое ищет. Так я с этим ни-ни.

— А ОБХСС?

— Что за расспросы?

— Да я тут наследство получил. Сама понимаешь, не хочется шума. Так-то, я бы с тобой и дальше дело имел.

— И что, много собираешься брать?

— Ну, зимнюю одежду себе и матери. И, там, всяко-разно.

Попивая кофе, составили предварительный список. Она совсем оживилась. Единственное, очень жалела, что не может помочь снять квартиру, это тебе на Мира нужно, у меня никто не сдает. Потом помявшись, она сказала:

— Коль, мне тут моряк один кроссовки предложил, но стоят сумасшедшие деньги. Может, глянешь?

Она достала коробку. Кроссовки New Balance.

— Попросят триста семьдесят рублей. Но он сказал, что они в штатах стоят семьдесят пять долларов.

Взял. В планируемый мной имидж, вполне подходят. Я был намерен выглядеть качественно, а не модно одетым. Сейчас началась мода диско. Со всеми этими безразмерными штанами, белыми носками, и ядовитой палитрой одежды. На том и расстались, договорившись созвониться через неделю.

Надел бейсболку на голову, закинул рюкзак с покупками на плечо, сумку в руку, перешел улицу и тормознул такси. Пятерка до Балтийского.

Дома все по-старому, то есть никого. Только на мой звон связкой ключей, выглянула соседка, и поздравила с возвращением из армии.

Не раздеваясь, бросил вещи и пошел в магазин за продуктами. Мне доводилось читать, что в Союзе магазины ломились. Отнюдь. Купил гречки, макарон, картохи, тушенки, и колбасы за два двадцать. Десяток яиц в бумажном кульке. И торт «Сказка». Выстоял очередь в алкогольный отдел. Купил шампанского и водки. А вдруг?

Пока закипала вода в кастрюле, принял душ по-быстрому. Сварил гречи, бросил на сковороду сало, вывалил гречку.

Наступившая сытость повернула мысли в определенную сторону. И я включил телефон. Лариска Полунина вышла замуж. Рычкова на учебе. Колесникова выходит замуж. Коля, ты ей больше не звони, я тебя как мать прошу. Я забыл совсем!!! Телефоны — помню, а когда они замуж повыходили — нет.

В полнейшей досаде завалился спать. Белые ночи, так что темно не будет по-любому. У моей кровати стоит ламповый приемник Рекорд. Включил его и побродил на средних и длинных волнах. Что-то в Сальвадоре, призывы прекратить ядерные испытания. Ирак отбомбился по Ирану. В прокат вышел второй фильм про Индиану Джонса. Какой-то ушедший с волны говорун, на испанском, сказал, что по сообщениям источников, советский генсек перенес еще один инсульт, и сейчас Черненко ищут замену.

Подумал, что вот этого мне и не хватало. Без интернета и не поймешь, что там с остальным миром. Но сейчас я убедился — планета на месте.

В военкомат я пришел в девять утра. Как положено — в форме, трезв и собран. Неожиданностей не предвидится, но лучше быть готовым. И все шло к тому, что меня припадут, но выручил замвоенкома.

Девица в приемной послала меня в соседний кабинет. Там сидел мающийся с бодуна прапор. Увидев меня, он воспрял, а я заподозрил, что вот сейчас и припадут.

Прапор, полистав мой военник, сходу начал орать. Что я уже две недели как уволен, а на учет не встал, где проездные документы и еще какую-то хрень. Я уже собрался матерно его послать, а если не успокоится, то и надавать по тылке. Но открылась дверь и вошел подполковник. По уже летней погоде — в рубашке. На погонах с голубыми просветами — парашюты. ВДВ.

— Что за шум? — спросил он.

— Да вот, тащ подполковник, рядовой. Не торопится на учет встать. Почти три недели как уволен. А нам некого со студентами к морякам послать.

В морской части, недалеко от города, студенты какого-то вуза проходят то ли практику, то ли сборы. Скорее все же практику. Для сборов рановато. Их туда, с электрички, доставляет наш военкомат. По крайней мере, выделяет сопровождающего. Прапор явно решил отправить меня сопровождающим, а сам — похмелиться. Я собрался послать обоих военных. Только подпол удивил. Осмотрел меня, задержал взгляд на значке-парашюте. Полистав мой военный билет. Чего листать? Все соответствует, мне чужого не надо. А он, пролистав военник полностью, и вовсе завис над задней внутренней стороной обложки.

Когда стратегическая ракета, оглушительно пернув, отрывается от старта и улетает хрен знает куда, даже в полночь, еще минуты три привиденчески светло. А потом даже штатное освещение стартовой площадки не помогает глазам справиться с темнотой.

Но через пять минут после пуска, к стартовому столу изо всех укрытий и капониров сползается весь стартовый расчет. Каждый мажет о закопченное железо стола палец, и ставит отпечаток на задней обложке военного билета. У меня там четыре отпечатка. Дата — шестнадцатое октября восемьдесят второго. И подпись, генерал-майор Сырица. Нет, четыре пуска мы сделали за неделю. И вот последний мне подписал начальник полигона...

А подполковник отлистал назад, и завис над моим двойным ВУС. Хмыкнул, и совсем по-свойски протянул мне руку.

— С возвращением, меня Петр Иванович зовут.

Это он не только понял, что у меня на внутренней обложке, но и все остальное. Не простой десантник, однако. Подпол тем временем повернулся к прапору и сказал:

— Отстань от парня, Сергеич. Он отслужил. Выдай документы.

Подмигнул мне и ушел.

Спустя минут сорок я вышел из военкомата, намереваясь сразу посетить паспортный стол. И, в кратчайшие сроки, обрести уже паспортину. Но возле выхода наткнулся на сидящего на перилах парня в спортивном костюме. Широкоплечий брюнет-красавец, рассеянно курил, поглядывая на двери военкомата.

Это мой друг Сурков. Появившись в третьем классе, он оказался со мной за одной партой. И так и представился — Сурков. Только позже, я узнал, что его зовут Сергей. Но все, и я в том числе, его так и называли до самой смерти — Сурков. Он умер в конце ноября две

тысячи двадцать первого. Переболел COVID, в августе. И вроде бы полностью выздоровел. А в ноябре случился инсульт. Мы, его друзья, развили бешеную активность. В условиях всех этих ковидных ограничений, договорились об операции в Германии, и врач даже сказал, что шансы неплохи. И согласовали его вылет и прием. Но не успели. Его пепел я лично развеял над Венецией. Не, а чо? Ну и что, что я не Бродский? Да, стихов не пишу, но тоже человек хороший! Так что будь любезен, над Венецией, и с вертолета. В общем, конец двадцать первого у меня выдался тяжелый. Наверное, от этого я и упустил исподволь совершаемый наезд на мой заводик. Да и плевать. Хотя бы потому, что напротив меня стоял живой и невредимый Сурков, и внимательно меня разглядывал.

— Где орден «Мать-героиня»? — отвлек он меня от всей этой глубокомысленности.

Я же говорю, дембеля чего только не вешают на парадку, возвращаясь домой.

— Нет уж, Сурков. Пусть из нас двоих он будет только у тебя!

— Слава богу! Тебе там мозги не отшибли, — мы пожали руки.

— Это как посмотреть, — я снял фуражку и сунул подмышку.

— Ну да, — мы не торопясь пошли по улице. — Весь город знает, что ты приехал две недели назад, и где-то прячешься.

Нежаркое питерское солнце светило изо всех сил, делая воздух пропитанным запахом хвои и недалекого залива. По рабочему времени, народу вокруг почти не было. Мы шли по залитой солнцем улице, и трепались о ерунде.

В паспортном столе меня заверили, что к пятнице все будет. Выйдя, мы дружно закурили, и пошли в сторону моего дома. Я рассказал ему про свое увольнение, и что уже сгонял на Кубань. И что в Обнинск возвращаться не буду.

— И что тогда? — спросил меня Сурков. Я затыкнулся.

— Ты знаешь, я решил валить из Союза. Не нравятся мне соотечественники.

— Так солить же нужно! И специи... хмели-сунели там, перчику... И как же мы свалим?

— Ты не примазывайся к моей хрустальной мечте!

— А как я тебя брошу? Ты же пропадешь в море, и не доплывешь до Финки!

Сурков служил в морской пехоте, на Севере. Но, вроде бы, большую часть службы болтался в Африке, с нашими кораблями. Вернулся из армии в начале этого мая. Нас и призвали одновременно, с разницей в три дня.

— Из нас двоих, Сурков, у одного орден «Мать-героиня», а второй умный. Умный человек знает, что финны выдают обратно в Союз любого, кто попадает к ним от нас нелегально. Так что заплыв отменяется.

— Обложили, суки!

Как-то незаметно мы оказались возле торгового центра, что неподалеку от моего дома. В торце продуктового магазина находится длинное и узкое помещение. Еще перед Олимпиадой там устроили рюмочную. Вдоль стены длинная стойка, а вдоль витрины высокий стоячий стол, во всю длину. Сурков — человек талантливый и творческий. Именно он внес в городскую топонимику новые краски. Эта рюмочная, с его легкой руки, называется теперь в народе — «Щель». Модная в городе и востребованная в публике шашлычная — «Шлачная». А место гламурного, для восьмидесятых, времяпровождения томных девиц, под названием «Стереобар», навсегда осталось «Стервятником». Вот в «Щель» мы и нырнули не сговариваясь.

Только я заявил, что — коньяк. Ну его в задницу, этот портвейн.

— Ты, Коль, здорово все понял, — закурил Сурков — Я вот, вернулся, и маялся. А ты четко все просек. И вправду, ловить здесь нечего. А как свалить? Я же вижу, ты что-то задумал. Колись!

— Давай, Серега, за встречу. За то, что отслужили.

И мы накатили.

— Ты, кстати, следил что ли, за военкоматом?

— Да нет. Нинка. Секретарь военкома. Всего одна шоколадка, и я знаю, что ты объявился.

— И здесь ты успел! Я было собрался переодеться, встретить её с работы, погулять вдоль ресторана.

— Ты легально решил выехать?

— Ну да, только пока не придумал как.

— Я смотрю, ты вроде форму не растерял, руки вон... Я запросто проведу нас за кордон с Колы. Я там все излазил.

— Это как?

— Уйдем лесами в Норвегию. Там недалеко.

— Обалдеть! Ты, Сурков, на службе даже лес видел?

— Ты кого щас мудаком назвал?

Мы чокнулись, и еще выпили. Сурков ушел к стойке и вернулся с двумя бутерами, с финским сервелатом. Кроме нас двоих, и буфетчицы, в рюмочной никого.

— И как ты видишь наш эпический переход?

— Очень просто, приезжаем в Спутник, как бы к моим пацанам, с которыми я служил. А потом уезжаем. Только не на восток, а бегом — в Норвегию. Там прибегаем в аэропорт и говорим, что туристы, заблудились. Но раз так вышло, выбираем свободу.

— А дальше?

— Что, дальше?

— Оказаться за кордоном может любой дурак. Но на что жить? Где? И что у тебя с норвежским языком? Это не говоря о том, что там, на Коле, у местных всех — ЗП в паспорте.

— Ты забыл? У нас же тоже.

— Хм. Действительно.

— И вообще, я по твоей хитрой роже вижу, что ты что-то придумал. Рассказывай.

— Давай завтра? Слишком уж ты энтузиаст. Нужно посмотреть на тебя с похмелья...

И мы разлили еще по одной.

Я проснулся оттого, что в плечо мне сильно чем-то колело. Продрав глаза, увидел голую девушку в моем армейском кителе. Она прижалась во сне ко мне, и уколола значком. Это Света.

В «Щели» мы только размялись. А потом случился загул, что и положен вернувшемуся из армии. Он закончился вечером, в общежитии рыбоконсервного завода. Сурков привел меня в гости, и познакомил с двумя девицами, нашими ровесницами. Леной и Светой. Суркова и Лены в комнате не наблюдается. А мы со Светой заснули пару часов назад, воплощая все, что мой пьяный мозг смог вспомнить из Камасутры. Последний акт я исполнил, прислонив девушку лицом к стене, и зачем-то одев её в мой китель. Интересно, что бы по этому поводу сказал старик Фрейд? Потом нас сморило. А теперь я пытаюсь сориентировать себя во времени и пространстве. Сел на постели. Девушка рядом сладко потянулась и открыла глаза.

— Доброе утро! — я огляделся. Моя одежда аккуратно сложена на стуле.

— Привет, Коль.

— А где Серега с Ленкой?

— Ты не помнишь?

— Не очень.

Она встала, скинула китель, и набросила халатик. Зрелые формы, склонные в скором времени стать рубенсовскими. С удовольствием понял, что желания немедленно затащить её обратно, не испытываю.

— Сурков забрал у тебя ключ от твоей квартиры, и сказал, что будет ждать там.

Сейчас он живет с маленькой комнате общежития с матерью и сестрой. После шестого класса его отец получил должность в Красноярске, и они уехали. Через два года отец у него погиб, в производственной аварии. Вернулись они уже в общагу. Вроде бы, комиссия посчитала виноватым в аварии его отца.

Как бы то ни было, но после возвращения Сурков — дитя улиц и спорта. Чтоб не торчать дома, он постоянно где-то тусовался или занимался боксом. Частенько ночевал у нас дома. Или у еще одного нашего друга. Так что ничего удивительного.

На прощание Света меня горячо поцеловала, и пригласила заходить еще, мне понравилось, Коль.

Я не ожидал столь легкого расставания, и шел домой в недоумении. Это что, я был настолько скучен? Я шел по утренним улицам, предаваясь размышлениям.

Вчера Сурков невольно заставил меня снова задуматься, как же мне быть дальше. Ломиться к Черненко. Заводить гарем.

Вот только Черненко вроде бы в коме. Да и гарем... Его легче завести, чем потом от него избавиться. Был у меня, личный опыт. Я, в конце девяностых, прятался от разъяренных баб аж во Франции. Обошлось, слава всевышнему. Но, с тех пор, придерживаюсь железного правила. В единицу времени могут быть только одни отношения. Хочется чего-то новенького — заканчивай одни и начинай новые. И в этом ни капли порядочности или еще чего пафосного. Голый прагматизм. Так что пусть влажные мечты осуществляют другие.

Что там еще? Шоу-бизнес? Я глянул на свои руки. Нужно будет заняться, руками. А то с первого взгляда видно кто я и как служил. Но я неплохой гитарист. Знаю кучу песен из

будущего. И что? Собрать группу с нуля — нужен как минимум год. Если собрать профессионалов — то это стоит как авианосец. Но деньги я, допустим, найду. Послезнание — полезная штука. И дальше что? Ленинградский рок-клуб велик не Аквариумом, Зоопарком, Аукционом и Кино с Алисой. Он велик тем, что договорился с остальными игроками советской эстрады о правилах существования. Если совсем просто, то выглядит дело следующим образом.

После приезда, к примеру, в Вятку, звезды масштаба Кобзона, Веселых ребят или Яке Йоалы, артистам туда можно не приезжать месяц. Никто не купит билеты. То есть фанаты и энтузиасты заполнят треть зала. Но массовый зритель на еще одну звезду не пойдет. Тупо не будет денег.

На этом погорел, к примеру, очень популярный «Аракс». Чесали не считаясь ни с чьими интересами. Ну, коллеги и вломили их, в ОБХСС и репертуарную комиссию. Это не говоря о том, что Агузарова недавно получила год на химии, а Романов, из «Воскресенья», сидел. И у ментов есть список запрещенной музыки.

Рок-клуб заявил себя еще одним игроком, и договорился о правилах. Это было недолго, но позволило как раз засиять их звездам.

И вот на этой поделенной и, в принципе, благообразной поляне появляюсь я, весь из себя, с новым звуком, и облойкой хитов. Даже продравшись сквозь формальности и литовку текстов, я начну карьеру с развлечения оленеводов. А если нет — то управа быстро найдется.

Стать автором и впаривать хиты исполнителям? Хм. Автор дофигища. Уже сейчас вполне сложилась схема, когда автор спецом, под себя, создает коллектив или исполнителя. А к Пугачевой, и другим звездам, сплоченная банда авторов меня и близко не подпустит. И, чтобы подпустили, нужно долго и нудно искать возможность.

И как же все в этом времени медленно! В нулевые Земфира находила себе гитаристов в интернете. Рэперы там же искали авторов, и тексты. А здесь все — лично, и с плясками... В общем, ну его. Если совсем припрет, можно будет вернуться к вопросу.

Да и не нужна мне слава. Вот не хочу, включив телевизор любоваться на себя.

Домой мне пришлось звонить. Дверь мне открыл Сурков, в одних спортивных штанах.

— Ты кто? — спросил он.

— Пошел в жопу! Ты чего сбежал?

— Нам надоело игнорировать крики и стоны.

Только сейчас учуял, что в квартире вкусно пахнет, а на кухне маняще шкварчит. Ага, Серегина подружка делает завтрак. Настроение скакнуло вверх. Молча отодвинул его, и прошел в свою комнату. Там разделся догола, завернулся в полотенце, и пошел в душ.

За кухонный стол я уселся свежесбрившийся, благоухая тройным одеколоном. Одетый в Адидас, с тремя полосками на рукавах и штанах. Сурков, изучив мой гламурный, для этих времен, прикид сказал:

— Значит, к Верке у тебя время заехать было. А с друзьями увидеться — запахло?

— Я же извинился.

— Мало и неубедительно!

Девушка Лена, одета в сурковскую футболку, под которой, похоже, ничего нет. Она улыбнулась мне, повернулась к плите, и налила чашку божественно пахнущего кофе. Только сейчас сообразил, что в этом времени еще не пил настоящий кофе. Обходился растворимым. А на вокзалах и в поездах дают какую-то бурду с цикорием, или тот же растворимый. И вот эта Лена нашла у нас с матерью кофе, кофемолку, и сварила в турке! Я вдохнул аромат,

встал, и бухнулся перед ней на колени:

— Лена! Молю тебя о милости! Выходи за Суркова замуж? А я буду по утрам ходить к вам пить кофе? А?

Они оба заржали на всю квартиру.

— Да я же замужем! Ты что, не помнишь?

Пока я пил кофе, мне, посмеиваясь, напомнили то, что рассказывали вчера. Лена замужем за старпомом рыболовецкого сейнера, что болтается сейчас в Атлантике. По полгода его нет дома. Сменяется, приплывает на пару недель и снова в море. Брак у них настоящий, но чисто по расчету. Его, неженатым, в море не выпустят кадры. А ей и вообще хорошо. Ты, Коль, не переживай насчет Светки, у неё жених есть, тоже на сейнере. Они и заявление подали. Я и забыл как оно все сейчас в СССР. В длительные командировки зарубеж неженатых не пускают.

Мне, тем временем, навалили полную тарелку картохи, жареной на сале. После этого Лена вышла, переоделась, наказала помыть посуду, и упорхнула, попросив не забывать.

Я долил кофе. Сурков закурил:

— Ну и как я тебя с похмелья?

— Смотреть противно.

— Давай, рассказывай, что там с планом.

— Блин, все как обычно! Сначала берем Берлин, потом обходим Голландию с тыла и говорим, «Ну что, суки, не ждали?»

— Кончай, Дух. Нужно определяться. И сейчас самое время.

Дух — это моя детская кличка. Мы тогда все в индейцев играли. Ну, Гойко Митич, и вот это вот все. Я был Великий Дух. Так и прилипло. И в двадцать первом веке я был Дух. И нас не парили ни армейские контаминации, ни шахидские аллюзии.

— Я тебя огорчу, Серега. Просто бросаться в залив и плыть — не наш метод. Так что торчать нам здесь еще не меньше года. Нормально подготовиться. Сам уход — можно и через Норвегию, как ты предлагаешь. Уж сбежим, от погранцов-то.

Я тоже закурил, и отхлебнул кофе.

— Так что план простой. Восстанавливаемся на учебу. Ты — к себе в Политех. И в свободное время достаем деньги. Так вышло, что я знаю несколько мест, где можно добыть. И без тебя мне не справиться. Потом переправляем бабки за рубеж. И уже потом ломимся в мир насилия и разврата.

— Ты куда перевестись думаешь?

— А вот сейчас и решим, — я встал и пошел в прихожую. Достал из кармана кителя трехкопеечную монету. — Орел, или решка?

— Решка.

Я подкинул монету и шлепнул её на тыльную сторону кисти.

— Орел. Я перевожусь в Финансово-экономический институт имени невинно замученного товарища Вознесенского.

Мама приехала в воскресенье днем. Войдя в квартиру, она обняла меня, а потом принюхалась.

— Сколько девушек здесь уже побывало?

Ну вот как? Весь вчерашний день был посвящен уборке. Все нашей развеселой компанией мы, в полдень, завалились ко мне домой и приступили.

В день памятного разговора с Сурковым, мы решили продолжить всенародные торжества, в честь моего возвращения. Хотя сначала долго сидели и обсуждали. Я сходил и принес Сереге пачку полтинников.

— Помни, Сурков, мою щедрость. Ты ведь, кроме костюма Найк и кроссовок Адидас рвань рванью. А погода скоро испортится.

— Хм. А ты, Дух, похоже не врешь. И вправду знаешь денежные места. И одно уже бомбанул. Ты жмот, иначе бы не расщедрился.

— Не твое дело. Просто знай, если все выйдет, то нам нужно будет переправить за бугор около шести лимонов долларов. Может больше, как получится.

Вот тут его проняло. Деньги, что я дал — ну, мы всю жизнь всем делились. У нас были в школе одни джинсы на двоих. Носил тот, кто шел на танцы. А вот названная сумма уже не укладывалась в обычной советской голове.

— Врешь? — с надеждой спросил он.

— Нет. И сказал я это тебе, Сержик, для того, чтоб ты не маялся херней. А то ввяжешься опять в бокс, и будешь задаром морды бить. Есть дела поважнее.

В прошлой жизни, в конце лета, Сурков поехал на соревнования. А потом на сборы. Потом, еще какие-то соревнования... Нафиг нужно? А Сержик — он так подписывал письма, что писал мне в армию. Знал, что если кто-то увидит, будут меня обсирать до конца службы.

— Это, конечно, меняет дело, Душина. Я возьму себе четыре миллиона. Не благодари. И что за лимоны?

— Дикий ты, и жадный. Не знаешь, как четкие пацаны миллионы называют, а туда же.

— Я, в понедельник, с матерью и сеструхой в Судак еду. На три недели. Маманя расстаралась для меня, спецом после службы.

— Вали, надоел уже.

— А ты здесь все эти богатства умыкнешь и свалишь?

— Четыре миллиона говоришь?

— Пошли уже. К Иве ходим.

Иво Бааль — третий наш друг, товарищ и однокашник. В отличие от нас, избежал армии. Спокойно поступил в мореходку, которую недавно и закончил. И теперь работает механиком на буксире в Ленинградском порту.

Вообще-то, в Ленобласти восьмидесятых, живет сейчас много этнических скандинавов. В соседней квартире живет семья Вихвиляйнен. С нами в классе учился Серега Карлссон. С Ивой все сложнее. Его отец — капитан дальнего плавания Васин. Встретил его мать, красавицу-эстонку Ингу Бааль. Родился мальчик, мама назвала его Иво. В отделе кадров Балтийского пароходства капитану Васину сказали, что развод с первой женой негативно повлияет на продление выездной визы. Скорее всего, капитан, визу вам прихлопнут. Так он

и жил с ними, формально будучи женатым на другой женщине. Ну как жил? Получил большую квартиру в нашем городе. И из морей возвращался сюда.

Ива объявился только в пятницу. Когда мы уже отмечали не мое возвращение, а получение мной паспорта. Знакомые еще до армии девчонки, мы с Сурковым. Ива у нас красавчик бредпиттовского типа. Голубоглазый блондин. Утащил нас всех на пирс. Так называется у нас в городе лодочный кооператив. Стоянка лодок с небольшими двухэтажными домиками, типа таунхаузов. В бухте реки, что течет через город. Недалеко от Финского залива.

В прошлой жизни я торчал у бабушки почти до конца июня. Наверное поэтому, у меня не случилось такого веселого возвращения. Скучно напились с Сурковым, и поехали в Питер, за приключениями, которых и нагребли полные карманы. В этот раз я искренне тащился и от себя молодого, и от ребят. И от нашего города, плывущего сквозь белую ночь, словно Летучий Голландец под парусами облаков, подсвеченных спрятанным за горизонтом солнцем.

Я, естественно, исполнил на гитаре все, что вспомнил из двадцать первого века, удивительно мало, кстати. Заодно и ненаписанные еще песни Кино, Алисы, и прочих Сукачевых. Если бы захотел, то в благодарность получил бы и тройничок, и вообще все что хочешь. Компанию нам составили девчонки из нашей школы. Они были глубоко тронуты моим проникновенным исполнением неведомых песен. Но я коварно разбудил их утром и утащил домой, делать приборку к приезду мамы.

— Коленька, я понимаю, ты из армии, — начала воспитание мама, — Но я умоляю, будь сдержаннее.

Я в это время варил в турке для мамы кофе, и следил чтоб не закипело и не сбежало. Поэтому только хмыкнул.

— Что ты хмыкаешь? Сначала я переживала, что парню четырнадцать лет, а он до сих пор ходит нецелованный. Потом боялась, что в один прекрасный момент ты заявишься с какой-то фифой и скажешь, что вы решили пожениться. А сейчас с ужасом представляю, что однажды в дверь мне позвонит зареванная деваха, и принесет в подоле!

Я разлил кофе по чашкам, подвинул маме сахарницу.

— Мамуль, ну я же не зверь какой, девиц тебе в зубы загонять.

— Вот как дам щас! Остолоп!

Вообще-то, первое, что сделала мама, убедившись что у меня руки-ноги на месте, и видимых повреждений не наблюдается — позвонила на работу. И доложила что в городе. Ну, режимное предприятие, то-се. Она занимает серьезную должность, и имеет репутацию человека безжалостного и отмороженного. Про неё по городу бродит баек больше, чем про начальника стройки. Как настоящих, типа той, что готовя приказ по управлению, она снебрежничала с планом перевозок. В результате на всех досках приказов некоторое время висел документ, изготовленный типографским способом. В нем, черным по белому, были написаны, в том числе, транспортные маршруты. И номером один — «Горком — на свалку». Все, конечно, знали, что рядом с горкомом партии начинается выемка грунта, что будут свозить и сваливать рядом с городской свалкой. Но вся стройка ржала и говорила, что Николаевна дала перцу! А ходят и чистые апокрифы. Что когда Славский привез какого-то партийного хмыря, с требованием ударно сдать досрочно, она, прям на партийной конференции встала, и попросила улучшить снабжение рабочих, а потом от них что-то требовать.

На самом деле, на совещании в узком кругу, главные начальники менжевались, а маманя наивно-недоуменно спросила: — А что, после всех происшествий, появился метод ускоренного затвердения бетонного раствора? Технология монтажа настолько продумана, что можно нарушать технологическую дисциплину? Проектант готов за это ответить? С чем идеи досрочно ускорить, с удовольствием отвергли.

Я потом, много позже, разговаривал с участниками того совещания. Их была всего дюжина, не считая министра и инструктора ЦК. Так что знаю подробности.

Тем не менее, мне заранее жаль девицу, что решится женить меня на себе залетом. Маманя сожрет её с костями.

Может от этого я, в прошлой жизни, и уехал аж в Обнинск. Ругаться с мамой была неохота.

Это сейчас я понимаю, что мама — та самая деревенская девчонка, что закончив техникум в Армавире, вытащила счастливый билет — комсомольскую путевку на Всесоюзную ударную стройку. Как полагается — в жопе мира, осуществляемую расконвоированными зеками. И, встретив там отца, его от себя уже не отпустила. Зубами, ногтями, и всем, чем можно, выгрызая себя из деревни. Имея маленького меня, умудрилась заочно закончить Политех. Отец ей делал задания по вышке и сопромату. Но тем не менее.

А так — очень красивая у меня мама. Сейчас ей сорок шесть. Хрупкая, большеглазая, с роскошными волосами. Только властная складка у губ намекает, что она не какой-нибудь сотрудник НИИ или зав библиотекой.

Мы пили кофе, и я рассказывал, как намерен дальше поступать. Мама не спорила. Очевидно обрадовалась, когда я сказал, что думаю доучиваться в Питере. Поворчала, когда услышала, что я намерен стать финансистом. Подумала, и сказала — а что, оно верней. Не смогла не съехидничать.

— Коль! А вот Сурков привез маме благодарственное письмо, от командования части. А ты что же?

Она прекрасно знакома с моими друзьями. А Сурков, оказывается, вернувшись, сразу ей отзвонился.

— Я мам, разжалован из ефрейторов в рядовые. За длинный язык.

И тут мы с мамой заржали. Она прекрасно знает армейский фольклор, специфика работы, и согласилась, что я не посрамил.

А дальше мы уже просто обсуждали новости, и как бы забрать бабушку, ведь не поедет, упертая. И откуда у тебя дорогая одежда? Я дам тебе денег, отдай Иве, нечего в долг жить.

Позвонил Сурков, он поехал в Судак. Узнав, что мама вернулась, попросил её к телефону, и минут пять мама с ним о чем-то хихикала, пока я делал кофе.

А потом до поздней ночи мы просто сидели на кухне и болтали. Оба понимали, что в следующий раз так же посидеть доведется не скоро, и искренне наслаждались общением.

На следующий день мать уехала в на работу в шесть утра. Я сонно сварил ей кофе, бурча, что моя женщина будет домохозяйкой, а свою мать я буду ей показывать когда она вздумает мечтать о работе. Она засмеялась, чмокнула меня, и сказала, что щи в котле, каравай, сам знаешь, и купи там же постного и сливочного масла, как ты без него неделю прожил. Фразу про то, что дядя Коля мне сала дал, ты не попробовала, она уже не слышала, сбежала по лестнице к машине.

На завод сельхозоборудования я пришёл после шестнадцати ноль ноль.

Проводив маму, завалился спать. Проснувшись попил кофе, и решительно дозвонился в Обнинск.

Но зато, попал сразу на декана. Он явно расстроился моему желанию перевестись, а не доучиваться. Пояснил ему про старушку-мать, что не могу оставить, и что буду помнить о физике тепловых процессов вечно. Ладно, приезжай в июле, сейчас сессия, не до тебя. А там, все документы подготовим за день. Генрих Матвеевич, давайте договоримся на точную дату? И пометим в своих молескинах. А то вы будете ждать, а я все не еду. Правильно, Андреев, что ты от нас переводишься! Куда ты там собрался, финэк? Вот там тебе и место! Второе июля, вас, товарищ бывший наш студент, устроит? На том и порешили.

Потом дозвонился до Иво. То есть разбудил его упорными гудками.

Ну, понять его можно. Моряк вразвалочку, сошёл на берег... вчера ходил на дискотеку.

Переждав пламенное эссе гомоэротического содержания, посвящённое целиком мне, сразу взял быка за рога.

— Значит слушай сюда, Ивик. Если моя маманя вдруг поинтересуется, ты мне одежду продал.

— Это вот те штаны и кроссы, что на тебе? И сколько ты мне должен?

— Но ты ещё скажешь маман, или ещё кому, кто вдруг спросит, что я сегодня ночью был у тебя на пирсе.

— А ты че, не придёшь?

— Ну ты шаман, в натуре.

— Колись, кто она??

Дальше мы с Ивой ещё немного поболтали. И, в конце концов, договорились созвониться завтра вечером. Чтобы вместе поехать послезавтра в Питер на первой электричке. Ему на работу, а мне по делам.

Уходя из дома, взял лист бумаги, написал на нем «Мама! Я ночую у Иво, на пирсе». Положил на кухонный стол, придавив ручкой.

У нас в городе есть заштатный заводик. Расположен за рекой. Туда я и пошёл, отстояв очередь в винном.

В заводууправлении, немного обождав, был принят в отделе кадров и удостоен обсуждения моих перспектив, как работника этого завода. Нет, вакансии водителя сейчас нет. Но мы вас сразу возьмём слесарем второго разряда, нужно только сдать экзамен. Или стропальщиком. Зарплата сто пятьдесят, плюс премия. Предоставим место в общежитии, насчёт квартиры — пока ничего не обещаем. Хорошо, надумаете, приходите. Столовая — направо по коридору до конца.

В столовой я осмотрелся, взял поднос и набрал себе уже почти ужин. В конце дневной смены в столовой народу мало. У буфета сидят молодые женщины конторского вида, с компотом и булочками и о чем-то болтают. Уселся у окна приема грязной посуды, не особо скрываясь достал бутылку водки. Плеснул во взятый на раздаче стакан, махнул. И принялся за рассольник.

Я видел только неважное фото. Но сразу ее узнал. Она появилась из дверей кухни со шваброй. Протирая пол, подошла к столу и сказала:

— Приносить и распивать запрещено!

— Выпьешь со мной, а то одному как-то не то?

Наряд на выход я продумал тщательно. Дядькины кроссовки из кожзама, брюки от парадки, дорогая футболка. Женщина напротив меня видела перед собой явного дембеля, не дурака выпить и вообще. А я видел перед собой ещё не очень опустившуюся, но явно поддающую бабу, которая совсем не прочь выпить на халяву. Сильно за сорок, в общем-то, совсем не страшную. Она сходила, принесла стакан. Я плеснул ей.

— Я — Коля.

— Я — Тома, давно отслужил?

— Две недели, со знакомством?

Мы выпили, запили моим компотом. Я разлил по новой.

— А чего к нам устраиваешься, а не на стройку?

— Там строгости сплошные, подписки. Мне в армии хватило.

— Это да, здесь проще. Общага опять же...

Мы ещё раз опрокинули.

— Кстати, не посоветуешь, у кого переночевать можно?

— А сейчас ты где?

— В воинской части. Земляк приютил. Но у них в полшестого подъем...

Она засмеялась, ей захорошело.

— Хочешь, у меня перекантуйся.

— Муж не убьёт? — я разлил ещё по полтиннику. Но выпить мы не успели. Из двери кухни появилась дородная мадам в белом халате и заголосила:

— Тома! Давай быстро, варочный! И закончим на сегодня.

Она легко махнула, и, не запивая, сказала:

— Жди меня у проходной, я через полчаса приду.

Ночью мне все же удалось ее расшевелить. Так что уснула она довольная, затраханная, с мужиком в обнимку. Утром я вставать отказался. Заявил, что два года скакал с койки, буду спать. Она засмеялась:

— Спи, страдалец. И это, Коль, не забывай меня. Забегай на огонёк. Ключ положишь под коврик.

До работы ей пешком минут десять. Я валялся в постели полчаса. А потом приступил к тому, ради чего все затеял.

Только тщательного обыска, что я планировал, не понадобилось. То, что мне было нужно лежало в глубокой суповой тарелке, стоящей на подоконнике. Вместе с какими-то заколками, сломанными бигуди и бижутерией, мелкими шурупами, проволочками, и ещё каким-то мусором.

Я закурил, сел у стола и ещё раз огляделся. Бедно обставленная комната семейного заводского общежития. Это такой двухэтажный деревянный барак, с коридорной системой, кухней, душем и сортиром на этаже. Она живет одна. По обстановке видно, что деньги здесь не задерживаются, но ещё не днище. Куча пустых бутылок в углу. Сообразил, что мне повезло. Думаю, к ней частенько забегают мужики на огонёк. Докурил, сунул в карман то, за чем приходил, и ушёл.

В две тысячи пятнадцатом эту историю мне рассказал отец одноклассника. Его сын, Боря, погиб в Первую чеченскую. Я, приезжая в город, старался найти время чтоб зайти к старику, поболтать. До пенсии он работал следователем в городской прокуратуре.

В две тысячи втором году в нашем городе произошло убийство. Убитый занимался скупкой золота и всяких ништяков на городском рынке. Угрозыск достаточно быстро нашёл и арестовал убийцу. В ходе следствия удалось точно выяснить причины. Незадолго до этого в своей однокомнатной квартире на Ленина скончалась вконец спившаяся Тамара Сергеевна Пылаева. Работница столовой Сельхозмашзавода. В связи с отсутствием каких-либо родственников или наследников, имущество покойной принял горотдел соцобеспечения. Потом составил акт утилизации и отправил все на свалку. Потому что это был хлам. Но сотрудник мэрии, занимавшийся этим делом, все же выбрал пару безделушек и отнёс скупщику на рынок. И даже получил аж два доллара за серебряные серёжки и идущую с ними в нагрузку явно фэйковую подвеску. Но скупщик заподозрил, что купил нечто стоящее. Он сразу же пошёл к засиженному уголовнику Пучкову, который разбирался в драгоценных камнях. Тем же вечером Пучков убил скупщика, с целью завладеть подвеской. Она оказалась настоящей, и состояла из шести бриллиантов просто невероятных размеров, скреплённых платиновой оправой. Вполне квалифицированные эксперты не смогли внятно оценить предмет. Сошлись на нескольких миллионах долларов. Но на этом история не заканчивается. Спустя некоторое время эта подвеска из сейфа с уликами пропала. Проведённое расследование результатов не дало.

— Так вот, Коленька, в позапрошлом, тринадцатом году, на аукционе Кристи была продана эта подвеска, — Зиновий Михайлович протянул мне фотокаталог лотов. — Она уже атрибутирована, ей написали историю, заключения экспертов. Все как в лучших домах. Ушла за семь триста. Чуть ли не та самая подвеска, что Бэкингом дарил Анне Австрийской!

Я сидел, листал дело, что старик уволок домой из архива, и думал о превратностях судьбы. О несчастной тетке-детдомовке, бездетной по болезни, что держала своё благополучие в коробке из-под печенья, с другой дешевой бижутерией, даже не подозревая об этом.

— Но самое интересное, не это, Коля! А имя продавца. Тебе понравится.

— Да зачем мне, дядя Зяма? — засмеялся я.

— Ты там, в Москве, в разных кабинетах бываешь, глядишь, пригодится.

Зиновий Михайлович тем временем полистал планшет, и протянул мне. Я взглянул, закурил и сказал:

— Будет лучше, если он не узнает, что мы с вами в курсе.

Домой я шёл в дурном настроении. То ли от тоски, то ли еще зачем, зашёл на рынок. И здесь все было грустно. Но все же купил молодой картошки, что торговали почему-то неистребимые кавказцы. Свежей сметаны, соленых грибов, и курицу, их продавали прямо с машины. Аджики и специй набрал у меланхоличного узбека.

Рассовав покупки на кухне, увидел листок что оставил на столе. Под моим сообщением, маминой рукой, было написано:

Появишься до двенадцати ноль-ноль, набери меня в двенадцать пятнадцать. И купи, наконец, масла!!!

Это у нас с мамой такой стиль общения выработался. Лет до шестнадцати я, и мои друзья, без зазрения совести звонили маминему секретарю и передавали друг другу через неё сообщения. Пока маманя это дело не прекратила. Услышала про «Передайте Иве и Духу, что я взял пива и ушёл на пирс». Ну и прихлопнула малину. Это не считая, что мне за пиво влетело. Но и маме-то сообщений пришлось не оставлять. А на месте ее застать трудно, только вот так, заранее условившись. Так что переписываемся. Не откладывая, пошёл за маслом.

В начале восьмидесятых в журнале «Подвиг», приложении к «Сельской молодежи», была опубликована повесть «Таможенный досмотр». Потом по ней сняли фильм «Колье Шарлотты», и показали в этом году. Повесть была хороша, даже по меркам двадцать первого века. А фильм так себе, даже несмотря на Кирилла Лаврова. Но речь не об этом. Речь о том что так, почти официально, было заявлено что в Союзе, на руках у населения куча драгоценностей царских времён. И я это только что доказал экспериментально. Зачастую сами владельцы не знают, чем владеют. Кроме моего случая, широко известен прецедент с пожилой вахтёршей Гатчинского НИИ. Она принесла в скупку, в семьдесят восьмом году, миленький гарнитур из колечка, кулончика, и пары серёжек. Оценщик вызвал ментов и специалистов Эрмитажа. Свои денежные проблемы тетка решила. Советское правительство постеснялось заплатить женщине полную стоимость. Оно установило ей персональную пенсию триста рублей в месяц. К ее великой радости. Но это — только верхушка айсберга, потому что подпольный рынок драгоценностей и антиквариата в Союзе более чем существует и функционирует. Он и с зарубежом сотрудничает.

— Не узнать уже, Коля — говорил Зиновий Михайлович. — Откуда у неё она взялась. Деревню Смольное, где она родилась, сожгли немцы. В сорок четвёртом она попала в областной детдом. Вся биография известна. Мы, в прокуратуре, так и не нашли концов. Но ты же знаешь, у нас в музеях, до сих пор толком не в курсе, что в запасниках заныкано.

Я взял не только подсолнечного, но и сливочного масла. И хлеба с батоном. И болгарский джем. Крыть мамане будет нечем.

Пока шёл домой, решил для себя, что вопрос с Тамарой Сергеевной Пылаевой не закрыт. Я найду способ с ней рассчитаться. Стало легче.

В нужное время уселся возле столика с телефоном в прихожей и набрал маму. В разгар рабочего дня она говорила немногословно-приказным. В два часа пойдёшь к Зое Мухамедовне, посмотришь себе одежду, может возьмёшь чего-нибудь.

Тетя Зоя, родом из Гулькевичей. Мамина землячка и собутыльница, участница всех наших семейных праздников. Сейчас заведует магазином «Одежда». Городской ОРС иногда балует народ импортом, и мне предлагается к нему присмотреться. Коля, деньги возьми у меня в столе, купи себе зимнюю куртку, Зоя говорит, финские завезли.

Напился чаю, наелся бутеров с джемом, пошёл за курткой. И-таки её приобрёл. Зелёную аляску-танкер с красной подкладкой, статусную вещь на гусином пуху. И не финский, а вовсе даже канадский. За сто десять рублей. Запихал куртку в рюкзак, и заодно сходил на городской телефонный узел. Купил у телефонистов за пятёрку бухту телефонного провода. Теперь с телефоном можно ходить по всей квартире.

К приходу маман, я приготовил чахохбили, и отварил молодой картошки. Она пришла около восьми, со свистом умяла курицу с картоплей, и скупно похвалила обновку. А на всепроникающий теперь телефон и вовсе растрогалась.

— Сразу видно, мужик в доме, — грустно сказала она. Сделала чаю и уселась перед телевизором.

По первой программе идёт сериал «Берлиоз». Что-то, хоть и французское, но донельзя унылое. Поэтому мы спокойно обсудили мои планы. Завтра поеду в Питер, схожу в институт, разведая. Заодно посмотрю, что там насчёт подработать.

— Может ещё отдохнёшь? А то не успел из армии вернуться, как сразу работать.

— У нас нет выбора, мам. Ты же видишь, что такими темпами, через пару недель тебя будет будить по утрам мой мученический крик «Маманя! Подайте рассолу!»

Похихикали. Рассказал ей что осмотрюсь, поговорю со знакомыми, вернусь к концу недели, не переживай за меня.

Параллельно думал о том, что с моего отъезда в Обнинск, четыре года назад, мама привыкла быть одна. Я знаю, что у неё уже появился сердечный друг. И ни капельки ее не осуждаю. Наоборот, сделаю все, что бы не сильно ее обременять собой.

Заодно размышлял, что, в принципе, можно было бы уже запросто сбежать из страны. На Кольском полуострове это более чем реально. Просто есть знание, что плохо подготовленные операции, как правило проваливаются из-за совершеннейшей ерунды. Подвеску я бросил в нижний ящик письменного стола в своей комнате. Нет уж, я все продумаю и подготовлю. И оглушительно хлопну дверью перед отъездом. И мучает вопрос, как поступить с Чернобылем?

Утром я встал без двадцати пять. Сварил кофе себе и маме, и почапал на электричку, уныло размышляя, что нужно купить какой-нибудь туалетной воды. А то запах тройного одеколлона разгоняет все живое вокруг.

— Привет, Иво, как жизнь?

— Говно!

— Не переживай. Будет хуже.

Я уселся напротив Иво на сиденье, бросив рядом рюкзак. Проснувшись в пять утра, он в дурном. Первая утренняя электричка в Ленинград — синоним боли и страданий. В то время, когда все приличные люди сладко обнимают то, что у них рядом в постели, ты сидишь на жестком деревянном сидении, поживаясь от утренней свежести.

— Ты, Колян, вроде бы в армии отслужил. Должен радоваться.

— А речь о тебе. Шторма, ураганы, пираты и прочие собачьи вахты. Когда я понимаю что это не про меня, знаешь как мне хорошо?

Тут уж Иво проснулся. И мы с удовольствием некоторое время переругивались. Оставили сумки на сиденьях, и пошли в тамбур курить. В процессе перекура Ивик поделился тревогами.

Он работает мотористом на портовом буксире неделю через неделю. Я так понимаю, самая нижняя ступень в корабельной иерархии. Но, на днях, их буксир отличился. Однажды ночью из администрации порта к ним пришла команда. Где-то там, в заливе, болтается буй. Его сорвало с якоря и он теперь мешает судоходству. Плывите, найдите, и притащите на завод. Они поплыли, нашли, зацепили. Поднатужились и поволокли. Бросили у стенки завода и вернулись досыпать.

Иностранные торговые суда, не обнаружив приемного буя на привычном месте, сдуру чуть не вошли в гавань Балтийского флота, в Кронштадте. Потому что оторванный буй так и болтался в море. А героический буксир сорвал с места приемный буй, и, скребя его якорем по дну залива, протащил от Кронштадта до порта. Заодно порвав лежащие на дне важные кабели. Как думаешь, Дух, капитана посадят? Хорошо, что я в это время был дома.

Поржали, чего там. Решили что обойдётся. Потому что приказ был притащить буй? Извольте.

Я не помнил каких-либо неприятностей у Иво на работе. Недавно закончив мореходку, он, с подачи отца, составил план, и стал его осуществлять. Через три года поступит заочно в родную Макаровку на получение штурманского образования. Закончит и уйдёт в загранку. И станет потом, в конце концов, капитаном. Будет нанят каким-то оффшором, и будет ходить на большом сухогрузе по морям.

А пока мы обсуждали сравнительные характеристики армии и флота. Иво уверял что моряки круче. А я соглашался, чем доводил его почти до истерики.

— Флот, Ивик, это такой общесоюзный загон для мазохистов. А армия, все же, более спокойное место.

— Ты, зелёный, фильтруй свой кавалерийский акцент, а то и до беды недалеко. Кормежка у нас лучше.

— Если армию кормить, то нафиг она нужна? Но в море грибы не растут, а в лесу — таки да! Вот этого флот никогда не простит армии. Тем более что у вас там вся служба в тепле. А у нас — в снегу.

Электричка ехала сквозь странный питерский свет, что бывает только в этих местах. Когда до полудня не понять, утро или вечер за окном. Иво рассказывал, что девчонки из

нашей школы очень жалели, что мы с Сурковым куда-то пропали. Вы, пацаны, завязывайте скрывать, они и так уже сплошь ленинградки.

Ну да, большинство из нас переберётся в Питер или Москву. А кто-то и в Канаду со штатами.

На Балтийский вокзал электричка пришла около восьми и слегка переполненная.

Прошли через вокзал. Иво пошел на трамвай. Поедет на Двинскую улицу и в порт. А я повернул направо. Купил свежие газеты и спустился в метро. Мне, с одной пересадкой, до Невского.

Пресса июня восемьдесят четвертого — это что-то. Минимум информации, при чудовищной многословности. Кое-как выяснил, что СССР не участвует в Олимпийских играх. И что у нас будет спартакиада «Дружба». Но Китай и Югославия все-же едут в Лос-Анжелес. Жалко наших ребят. Многие сейчас на пике формы и возраста. К следующей олимпиаде они перегорят и сильно сдадут. Про Афган ни звука. Старцам из Политбюро еще не понятно, что афганцам нафиг не нужны все их подачки и социальные новации. И нам, и всему миру, еще долго будет невдомек, что афганцам неинтересны ни институты, ни дороги, ни школы с больницами. Что они готовы на любые жертвы, лишь бы их дочери не красили ресницы и не пользовались помадой. И что ради этого они победят не только СССР, но и США.

Из метро я выбрался на Невский в полдевятого. Пошел в сторону Дворцовой. Мимо Дома книги, мимо «Лягушатника». В кафе «Минутка» заточил чашку бульона, с парой пирожков, и решил что все неплохо. Вернулся к метро, перешел Невский, и, вдоль канала Грибоедова, мимо легендарного пивбара «Очки»(он рядом с магазином «Оптика», вывесившем огромные очки на улицу), пошел в Финансово-экономический институт. Спустя совсем немного, вошел в фойе.

Вахтеры в этом времени не усложняют жизнь. Если человек выглядит как студент, ведет себя как студент, то он и есть студент. К чему требовать студенческий?

Женская мода этого лета — короткие юбки с воланами. Первое, что я увидел, ступив под своды своей будущей альма-матер, это прекрасные женские ноги, переходящие в короткую юбку с воланами, спускающиеся по главной лестнице. Это зрелище было столь волшебным, что лишь спустя мгновение я смог разглядеть, что к ногам прилагается весьма приятная девица. И мгновенно включился.

— Сорри синьорита! Уно италиано студентто церкаре факультетто финанца э кредитто!

Девчонка оглядела меня, фыркнула, и сказала по-русски:

— На второй этаж, налево от лестницы. Не заблудишься.

— А говорят, у меня чистое произношение!

— Ступай себе, итальянец.

— Меня Коля зовут.

— Кто бы мог подумать!

Повернулась и ушла. А мое настроение еще улучшилось. Оглядевшись, я понял, что это очень приличное место. Сессия, утро, народу немного. Но большинство женских ног вокруг — выше всяких похвал. И это в немногочисленной рекреации!

До революции это было здание банка. Поэтому дверь деканата внушает уважение, несмотря на то, что много раз крашена. По нашему, по-студенчески засунул голову в дверь. В приемной пусто. Только секретарь деканата, невзрачная барышня, задумчиво изучает какую-

то бумажку. Мое появление её не тронуло. Разве что, несколько мгновений она пыталась сообразить, с какого я курса. Не мешкая, зашел с козырей, и положил перед ней шоколад Алленка.

— Меня зовут Коля. Хочу дружбы до самой смерти.

— Я замужем!

— Хм. Я — о дружбе, а не о том, что ты вообразила!

— Ты кто вообще такой, и что здесь делаешь?!

— А зовут-то тебя как?

— Ну, Маша.

— Маш. Я к вам на факультет хочу перевестись. На второй курс.

Она успокоилась, и подвинула себе шоколад.

— С какого факультета?

— Я с МИФИ к вам хочу перевестись.

— Правда из Москвы?

— Не, из Обнинска.

Уплетая шоколад, она поведала, что места конечно, после первого курса, есть. Но это решает лично декан. Зовут Леонид Степанович. Если ты не будешь наглеть как со мной, то может и возьмет. Никаких тайных знаков нет, как понравишься. Но ребят на факультете мало, так что — дерзай. Декан будет с минуты на минуту.

Скромно сел у стеночки под дверью деканского кабинета. Прикинул, что выгляжу соответствующе.

Финэк сейчас — достаточно бластное место. В Союзе цветет и пахнет семейственностью, и кумовство. Спокойная работа с бумажками, с неплохими перспективами, и почти стопроцентно хорошей должностью лет через десять — сладкий ресурс. К чести финэкских руководителей, они этим не злоупотребляют. Но факультет финансов — это почти прямая дорога в структуры ЦБ и Внешторга. Мой шанс в том, что и людей с улицы брать нужно. Чтоб было что предъявить на упреки. Да и после армии я. Таких сейчас охотно берут.

Вошел декан. Костюм, дорогой галстук, сверкающие ботинки. Лысый, в очках. Чем-то неуловимо напоминает английского банковского клерка, где-нибудь в Гемпшире. Коротко переговорив с секретарем, он повернулся ко мне. Я вежливо встал.

— Вы по поводу перевода? — я кивнул. — Пойдемте, побеседуем.

В кабинете декана я не выдержал и хмыкнул. Возникло ощущение, что года с пятнадцатого, с начала двадцатого века, в нем ничего не менялось. Темные дубовые стены. Тяжелая мебель. На столе зеленого сукна, лампа с зеленым абажуром. Большие кресла черной кожи.

— Что? — среагировал декан на мой хмык.

— Я себе так и представлял кабинет финансового воротилы. Никаких финтифлюшек, сдержанное достоинство, — не стесняясь польстил я товарищу Тарасевичу.

— А у тебя есть представление о финансовых воротилах? — с любопытством спросил он. Не говорить же ему, что знаком, знаком. Сослался на Драйзера с Голсуорси.

Потом как-то незаметно Леонид Степанович выяснил всю мою подноготную. Что в МИФИ учиться мне наскучило, и я загремел в армию. А теперь хочу к ним. Он поинтересовался, что же в области финансов меня больше всего интересует. А я возьми и рассеянно ляпни, что было бы занятно изучить вопросы деривативов. И вообще, подумать

над акционированием советской промышленности. Если уж китайцы этим занимаются, то нам, хотя бы чисто академически, было бы неплохо этот вопрос рассмотреть.

— Ты смотри-ка! Я тебя спросил, чтоб понять, ты не путаешь финансы с бухгалтером, а ты — вон как!

— Я — неплохое приобретение, Леонид Степанович.

— Ладно, посмотрим. Я согласен с твоим переводом к нам. Возьмешь у секретаря список документов, привезешь и отдашь их ей. В середине августа приедешь, получишь студенческий. Приказ уже будет, — тут в глазах у него появилась ехидная усмешка. — Тебе нужно будет досдать Историю экономических учений. Если до зимней сессии не сдашь, мы простимся. До свидания.

Секретарь Маша, сказала мне, что дело плохо. Ты, Коля, начинай учить ИЭУ. Она не любит новичков. Парней валит до последнего. Максимум — тройка. То есть без стипендии останешься.

Будем решать проблемы по мере поступления. Взял список, и пошел на улицу. Обрато к Грифонам, что на мосту через канал Грибоедова.

Площадь Мира, она же Сенная, недавно перекопали. Строят метро «Садовая». Эта стройка растянется надолго. Маленький деревянный заборчик, что был поначалу, превратился в солидный забор из бетонных плит.

На углу Садовой улицы и площади, находится городское бюро жилищного обмена. Поэтому этот бетонный забор быстро превратился в бесконечный аналог газеты «Из рук в руки». Общая длина этого забора, с пару километров, и весь он обклеен объявлениями. Обмен, сдача, и варианты — так здесь называется продажа в той или иной форме.

Декан факультета финансов — не та фигура, что будет обсуждать со мной вопросы общежития. Это вопрос я буду обсуждать с его замом, и потом. Но и так знаю, что общага мне вряд ли светит. Может быть через годик.

Пристроившись среди публики, приступил к изучению предложений. С досадой сообразил, что в этом времени еще не освоился. Четкий горожанин этих времен всегда имеет с собой блокнот. Святая святых любого делового человека. В нем все телефоны, явки, адреса и тайм-менеджмент. Развернулся и пошел в Апраксин двор, что неподалеку. Погода хорошая, прогулялся.

Неплохо вообще-то мой новый институт расположен! С одной стороны — Апраксин. С другой — Гостиный двор. Казанский собор, Невский проспект, Садовая улица. Самый центр.

Дальше я изучал предложения аренды, изложенные в объявлениях. Таких где-то половина. Из них реальных — дай бог процентов десять. Так что все непросто. Квартиры сейчас сдают по знакомству. Остальные варианты, так или иначе — проблемные. Минут через двадцать меня деликатно тронули за плечо. Я обернулся. Рядом со мной стоял представительный мужчина в костюме и галстуке.

— Что-то ищете, молодой человек? — участливо спросил он меня. — Может быть, я смогу вам помочь?

Я ждал чего-то подобного. Вокруг такого рода мест постоянно толкуются те, кто оказывает услуги. И те, кто занимается разного рода криминалом. Зачастую, это одни и те же люди, в зависимости от обстоятельств.

Огляделся. Какого-то особого внимания мы не привлекаем. Ощущения, что мужик не один — нет. Правда, он как-то слегка нервно косится по сторонам... Кивнул, отходя от забора в сторону:

— Да вот, квартиру хочу снять.

Мужик непринужденно, и, как он думал, незаметно, повлек меня в сторону.

— А какие-то предпочтения у вас есть?

Мы оказались в небольшом тупичке между забором, и стеной здания. Собеседник заметно успокоился. Но не успел я открыть рот, чтобы изложить свои взгляды на квартиру, где хочу жить, от входа в тупичок раздалось:

— Евгений! Тебе же сказали больше по-тихому здесь не появляться? А ну пойдём, поговорим.

Выход из тупичка перекрывали три крепких вьюноша, в спортивных штанах и футболках. Один явно главный, и два быка. Удивительнее всего было то, что я их совершенно не интересовал. А вот мой собеседник, даже очень. Как бы в подтверждение этой моей мысли, быки мимо меня направились к мужчине в костюме. Один из них, походя,

попытался меня столкнуть с его суровой дороги. А я не то, что разозлился, а пришел в раздражение. Хотя бы потому, что хамят. Я полтора года, двадцать четыре на семь, с перерывом только на политзанятия, учился месить всяких шкафов. А мне, среди бела дня, мешают заниматься своими делами!

В общем, бык, собравшийся меня толкнуть, провалился животом прямо на мой кулак. А второй внезапно получил по колену сбоку и тоже сложился, обнимая больное место. Теперь уже я взял мужчину за локоток, и мы двинулись на главного.

Он не струсил, кстати. А, как ему казалось резко, принял стойку. Ну, как в кино — боксодзюдокарате. И сурово уставился на меня. А потом его взгляд изменился, и он вдруг сказал:

— А я тебя знаю! Ты на открытом городе от области выступал. До шестидесяти семи. Пару лет назад.

Имеется в виду, что на открытом чемпионате Ленинграда по дзюдо среди юношей, я выступал от команды области в весе до шестидесяти семи килограмм. Правда гораздо раньше, а не пару лет назад.

— Вы же возле Русского музея стоите! Или решили и здесь встать?

Это посыл тоже понятен. Ребята — бывшие спортсмены, из нашего города, сейчас контролируют торговлю с рук, фарцовку и валютчиков возле Русского музея.

Я искренне смеялся утверждениям, что ОПГ появились в девяностые. Чушь и ложь Оргперступность утвердилась и окрепла с начала восьмидесятых. И в других городах, и здесь. Просто она стала заметна, когда в город пришли свободные деньги. Вместе с челноками, и прочими торговцами. А так-то, все легенды бандитского Питера — уже функционируют и занимаются своим криминальным делом. Правда Кумарин — сидит. Но скоро выйдет. А остальные — бодры и веселы. И Могила, и Михайлов, и вот — спортсмены из тамбовских.

— Это было давно и неправда, — я выдохнул. — А ты что, тоже дзюдоист?

— Ага! Мы здесь стоим. Этих вот, — он кивнул на моего собеседника, — пасем. Если ты с пробивкой, то надо бы перетереть.

— Спокуха! Я по делу, вот с Евгением переговорить нужно. А ваши дела мне без разницы.

Чувак, словивший в живот, разогнулся и сказал:

— А хули сразу драться?

— А хули сразу пихаться?

Второй сидел на кортонах, и плаксиво причитал:

— Он мне ногу сломал сука!

— Не трынди, бя. Хотел бы сломать — сломал бы. Завтра как новый будешь. Что делать — знаешь. Лед там, покой.

Повернулся к главному:

— Слушай, пойдём мы. Если ко мне претензии — говори. А этого, — я кивнул на мужика в галстуке. — Я с собой беру. Он мне нужен щас. Как, устроит?

— Да он нам денег должен!

— Много?

— Четвертак.

— Вот тебе четвертак.

— Хм. Он все равно под нами работает.

— Да мне без разницы. Но сейчас все равно?

— Ну да. Меня Кролик кличут. Если что нужно, лучше меня здесь другой раз найди. А не ходи как не местный.

— Я — Коля. Договорились.

Пожали руки и разошлись. Отбитый мной квартирный маклер, шел за мной как привязанный.

— Меня зовут Евгений Михайлович, — сказал он немного спустя. — Вы зря с ними сцепились. Они жестокие люди. Я бы сам с ними все решил. Вот вам двадцать пять рублей.

— Я — Николай. И не торопитесь, Евгений Михайлович. Теперь вполне очевидно, что вы тот, кто мне нужен. Помогите с квартирой. За хороший вариант я вам еще должен останусь. И вообще, посоветуйте, где здесь можно перекусить.

Дальше уже спокойно, прошли на угол Садовой и Алексеева и устроились в шашлычной.

Я попросил халдея быть к нам внимательным. Обменялись понимающими улыбками. Но разносолов не было. Салат «Столичный», солянка, люля. Под яблочный сок и коньяк. В неспешной беседе Михалыч поведал, что работает ученым, в секретном НИИ. Но его шеф академик и ученый секретарь НИИ, недавно скончался. Возраст. Перспективная тема, что они вели, была уже готова к реализации. Но на нее наложил лапу замдиректора. Возглавив направление и оформив работы на свое авторство. Так Евгений Каверзнев, кандидат наук, оказался ни пришей, ни пристегни. Ему оставили должность, но вывели из штата лаборатории, и порекомендовали заняться докторской. Не особо отсвечивая в институте. Выделили изрядно академических часов, когда он должен дома, или в библиотеке, работать с литературой. А сами двинулись напрямик к наградам и плюшкам. Он, от тоски, принялся подрабатывать серым риэлтором. Грустно пошутил, что заработок больше, чем на науке.

Парни, что пытались на него наезжать — смотрят за этим бизнесом здесь, на Мира. Студенты института Лесгафта. Ты напрасно, Коля, полез. Они, скорее всего, по твоему виду, решили, что я сговариваюсь с кем-то из их конкурентов. Все бы разъяснилось. Берут двадцать пять рублей в неделю. Пару раз крепко выручали, когда недовольные клиенты приходили качать права.

— Так с квартирой-то, поможете?

— После того, что у нас было, как честный человек я просто обязан, — грустно пошутил он. — Ты так и не сказал, что хочешь.

Рассказал, что перевелся в финэк, и хочу квартиру поблизости. Двухкомнатную, с телефоном, на длительный срок. В идеале — на канале Грибоедова. Но по любому — центр, и не очень далеко. В средствах я не особо стеснен, так что могу выбирать.

Он, с непонятым вниманием, некоторое время меня разглядывал. Потом кивнул, и сказал, что есть пара вариантов. На Грибоедова ничего нет, но на Фонтанке сдается отличная квартира. Или на Петроградской. Решили закончить обед и ехать на Фонтанку.

Ну, про Фонтанку — это рекламное преувеличение. Но, поднатужившись, из окна одной из комнат, набережную можно увидеть. Третий этаж без лифта. Две достаточно больших комнаты, чулан с унитазом. Ванна с душем стоит на кухне. Обычная, дурацкая, питерская квартира. Мусор относить во двор.

Сто семьдесят рублей в месяц. И что, что год вперед? Не влияет. Я беру за услуги — месячную оплату. Хозяева — мои коллеги из института. Живут в доме родителей жены, в Белоострове. Если мы договорились, завтра познакомишься. С ними и рассчитаешься. Сегодня можешь уже остаться здесь. Что где — разберешься. Оплата коммуналки входит в

стоимость. За телефон плати сам. Вот ключи. От квартиры, от почтового ящика. Запиши мой телефон.

— Евгений Михайлович! Я все же хотел бы, чтоб вы посмотрели что-нибудь на Грибоедова.

— А с этой квартирой как тогда?

— А здесь будет жить мой школьный друг. В отличие от меня — очень интеллигентный молодой человек. Я все равно был намерен к вам обращаться, про квартиру для него.

— Давай будем на связи. Если что — я отзвонюсь. А сейчас я пойду. До завтра. В десять утра устроит?

Снова он как-то пристально меня разглядывал. Похоже, есть какой-то вариант, только он, почему-то менжуетя. Не стал настаивать, в принципе — какая разница, в конце концов? Просто район на канале Грибоедова мне неожиданно понравился. Вроде и центр, а тихо и безлюдно. Он взял свою оплату и отбыл.

Оставшись один, еще раз осмотрелся. Мебель с бору по сосенке. Щербатые тарелки и алюминиевые ложки. Черно-белый телевизор. Над ванной висит газовая колонка. В шкафу над мойкой обнаружил мятую турку. Пошел в магазин за продуктами.

Но расположение — приятное. Рядом Летний сад, Инженерный замок, цирк, Аничкое мост с конями. Центр.

— Пойми простую вещь, Колян. Флобер — отец всех этих перверсий. Когда мужик ведет весьма подробный рассказ от имени Госпожи Бовари — это неспроста.

Я зачерпнул лопатой мусор, закинул в носилки. Фред тоже кинул туда же лопату помоев, и продолжил:

— Смирись, история культуры и политики человечества, сильно завязана на гомиков.

Мы начали с обсуждения «Пером и шпагой», но быстро перешли к обобщениям.

Этой интеллектуальной беседе, предшествовала моя напряженная возня по обустройству на новом месте. Жить с комфортом, в советском городе, не только дорого. Еще это отнимает кучу времени.

На следующий день, после вселения, я познакомился с хозяевами. Приятные ребята лет тридцати. Вадим и Лена. Работают в Институте постоянного тока. Для советских людей парень, готовый заплатить за раз годовую зарплату инженера — человек подозрительный. Вместе с Евгением Михайловичем как могли их успокоили. И только они вроде как успокоились, я достал из рюкзака пачку сотенных, и отсчитал им за год. Пришлось еще некоторое время объяснять, что я хороший, и старушек-процентщиц, с последующими конфискациями и оргвыводами не предвидится.

Евгений Михайлович, проводив хозяев, испросил разрешения остаться и воспользоваться телефоном. Двухек не напасешься, Коля, с этой деятельностью. Это еще если быстро автомат найдешь работающий.

Это да. А чтоб позвонить маме, за сто километров, мне нужно ехать в отделение связи, чтоб воспользоваться междугородним телефоном-автоматом. Впрочем, система междугородних кодов уже существует. И телефон в снятой мной квартире сильно облегчал коммуникации.

Задержавшись у меня на сорок минут, Евгений Михайлович получил от меня еще и кофе. В процессе непринужденной болтовни, он между делом поинтересовался наличием у меня желания приобрести жилье в славном городе Ленинграде. Заверил в своем жгучем интересе к этому вопросу.

— Но, пока суть да дело, Евгений Михайлович, может у вас кто машину продает? Я бы купил, а то, чувствую, ноги сотру.

Он в очередной раз задумчиво посмотрел на меня, и пообещал что-нибудь узнать. Верка, из комиссии на Разъезжей, тоже пообещала что-нибудь узнать, а пока, Коль, ты бы заехал, тут кое-что подвезли.

В общем, неделю я был занят всякой фигней, мотаясь по городу. Хотя, не сказать что я сильно страдал. Жизнь сейчас хоть и страшно неудобная, но по-своему уютная. Ты, проходя мимо пивного ларька на Лиговке, берешь кружечку. И вполне приятно и содержательно беседуешь с соседям по столику — со спившимся люмпеном, откинувшимся сидельцем, и военным в отпуске. И расстаетесь вы вполне по-дружески. И всех разговоров — что там с «Зенитом»? А когда я безапелляционно заявил, что в этом сезоне «Зенит» будет чемпионом, то мне даже пытались налить.

Тем не менее, пердячим паром добыл кофеварку. Капельную, но все же. И автоответчик. С учетом того, что я старался не сильно отсвечивать в местах тусовок всего этого околоразговорного истеблишмента, это достижение.

Приятно провел выходные с мамой, а потом приехал к нашему с парнями старшему другу Фреду. Он учился в нашей школе. В одном классе с парнями, что бомбят сейчас валютчиков на площади Искусств. Впрочем, относился он к ним несколько брезгливо.

И только тут я сообразил, что в миллиметре от необходимости отказаться от всех своих планов.

Андрей Александров, по прозвищу Фред, один из двух чистых, без примесей и оговорок, гениев, с которыми я столкнулся в жизни. Один из них, москвич Леха — был ярче и круче. Но там нужно писать отдельную, большую и грустную книгу о гении и обществе. А вот Фред, он жесточайший апологет непубличности.

Очень трудно сказать, чем же он занимается. Если говорить просто — он все ЗНАЕТ. Он не унылый аналог Большой Советской Энциклопедии, как Вассерман. Еще до поступления в институт, он начал обрастать знакомствами и знаниями, самого различного толка. Его всегда страшно интересовало устройство общества вокруг, и его потайные пружины. Он, совершенно задаром, делал множество вещей, только ради получения информации. Результаты этого увлечения пошли достаточно быстро.

Сейчас он аспирант ЛИИЖта. Работает дворником, получив квартиру. Если кто-то думает, что получить должность дворника с квартирой в Питере восемьдесят четвертого просто, он ошибается. Рядом со входом в квартиру стоит лада-шестерка. Не его. Он на ней ездит.

Это еще одна его особенность. Даже в двадцатом году двадцать первого века у него ничего не было. Те, кто был в теме, знали, что он контролирует пару оффшорных банков, и несколько крупнейших предприятий. Что он, тот самый человек, что организовал, к примеру, финансирование создания сети «В Контакте». Забавно, но основными инвесторами стали тамбовские бандиты и Лев Лаваев. И, как я догадываюсь, Фред поимел с этой истории больше всех. Но, формально — в природе не существует ни одного юридического документа, где стоит его подпись.

Насколько я помню, это последнее лето, когда он именно работает дворником. Числиться дворником, он будет года до девяносто второго. Работать будут другие. А он этой осенью защитится и устроится директором (Неформально. Никаких подписей!), одной андерграундной рок-группы. Эта группа будет популярна и в двадцать первом веке. Но он поработает с ней всего пару лет. Снимет всю интересующую его информацию, получит порцию еще каких-то знакомств, и уйдет. Сделав заодно группу всесоюзно известной и любимой.

У него такое правило. Используя кого-то или что-то, он обязательно это компенсирует. В похожем формате работал Борис Березовский, но стал жертвой публичности и политических амбиций. А наш хороший товарищ Фред всегда плевал на политику. Мне кажется, ему страшно нравится процесс. Тем не менее, увидев его, я чуть не дал себе по голове. Мудак я. К человеку, живущему обменом информации, прийти с просьбой вывезти за рубеж двадцать килограммов американских денег?! Нет, он, безусловно, помог бы. Но как, где и когда бы мне это аукнулось, это вопрос. Нет сомнений, что как-то бы аукнулось. Это не говоря о том, что окинув меня взглядом, он спросил:

— А советский специалист, это Татьяна Николаевна?

И я в очередной раз мысленно хлопнул себя по башке. Я одет в ассортимент магазина «Березка». Там в это время, кроме иностранцев, одеваются те, кого называют «советский специалист». Различные советники, в том числе военные, технические консультанты, и

дипломаты, отработавшие за рубежом. Я, по возрасту, могу быть только чей-то сын.

Проблема в том, что Фред знает, что моя — мама невыездная, и сколько она зарабатывает. Я задумался. Фред с иронией наблюдал за моей задумчивостью. И я рассказал ему почти всю правду. Ну, то есть, что спер деньги у вороватой начальницы райпо. Беда в том, что он мгновенно разглядит ложь. А рассказывать всю правду я не хочу. Да и не могу. Сожрав порцию информации, он кивнул:

— Теперь все понятно. Тут у меня работы привалило. Поможешь?

— Тарелку супа нальешь?

— А просто помочь другу — запахло?

— Какой ты, Фред, друг, без супа-то?

— Только после отработки!

Я забыл, что в эти выходные в Питере прошли выпускные вечера. Это не только школьники. Это еще и военные и морские училища. И некоторые вузы. Но все это о том, что мы с Фредом потом около часа убрали мусор на его участке. Попутно обсуждая влияние гомосексуальности автора на текст, что он пишет. Соглашаясь, что Флобер был явно педик, я поинтересовался советской литературой.

— Да ты сам все знаешь! Есенин. С его «Пастушками» и нежным Мариенгофом.

— Олеша?

— Скорее всего. Вычурная проза. Странная судьба. В чем-то схожа со многими латентными гомиками. Да и Конечский, если приглядеться...

— Ты, Фред, фильтруй. Виктор Викторович может быть хоть китоложцем. Не влияет. Поскольку человек — правильный.

За разговором мы отнесли носилки к мусорным контейнерам. Принесли, развернули и подключили шланг. Я заметал метлой, а Фред смывал в водосток.

— Не ожидал я, Дух, что тебя в криминал потянет. Мне казалось, ты в Обнинск вернешься...

— Не думай, что я завтра пойду к Русскому музею. Но времена настают мутные. Странно, что ты этого не видишь. И вообще, я в финэк восстанавливаюсь.

Его квартира в бывшей дворницкой. С отдельным входом, две комнаты и кухня с санузлом. Очень приличная, по питерским меркам. Помыли руки, и прошли на кухню. Жареная картошка с сосисками — очень воодушевляет. Намешав растворимого кофе, вышли из квартиры и уселись на лавочку у Фреда под окном. Закурили.

— А Иво все же на буксире?

— У него план.

— Зато ты, Коля, без руля и без ветрил. Хотя финэк — дальновидно, чего там говорить.

— Ты бы видел, какие там девушки!

— Еще немного и я поверю.

— Слушай, раз у меня деньги появились, не сможешь вызов в чухну сделать? Родственный?

Он некоторое время молчал. Потом встал и отнес сигарету в урну.

— На вас двоих это будет стоить тысячи полторы. И вы не сможете выехать одновременно.

Бггг. Он знает и помнит, что мы с Сурковым все делаем вдвоем. Он первый назвал нас — «Эти двое с бутылкой».

— Да какая разница? Съездить, осмотреться. Да и вообще подумать, что оно такое.

— Позвони через неделю, после восьми. Я думаю, что все будет.

Уходя, я злился на себя. Хотя все к лучшему. Даже моя безмозглость сработала на пользу. У него нет вопросов по внезапным деньгам у меня. А это пригодится. И, неожиданно получил возможность легального выезда. Для остальных, кстати, Фред посоветовал придерживаться версии про наследство после деда. Вполне прокатит даже для ментов, это ты, Дух, неплохо сообразил.

В следующее воскресенье я, ночным поездом, уехал в Москву.

Город Обнинск и в двадцать первом веке останется таким же. Неспешным, деловитым, типовым городом. Разве что появятся ТЦ и новые кварталы.

Первые, кого я увидел, войдя в деканат, это была моя бывшая, и её муж. Мой хороший товарищ всю мою последующую жизнь — Валера Татищев.

С учетом обстоятельств — его жена была на первом курсе моей девушкой, дружбы между нами не было. Она бы не позволила. Но всю жизнь мы с ним пересекались и имели деловые контакты. Достаточно сказать, что он был разработчиком КД приборов, что я выпускал на заводике, что у меня отжали.

Валера, в отличие от меня, был изначально нацелен на серьезную академическую карьеру. И она у него вполне сложилась. Блестящий аналитик, смелый теоретик, вдумчивый ученый — это все про него.

Да и о том, что моя песенка, как владельца завода, спета, мне сказал он. Он просто просчитал ситуацию раньше меня. Он тогда приехал ко мне в офис, и спросил:

— Ну что, Коля. Олег у тебя завод уже купил?

И меня наконец озарило. Был декабрь, у меня недавно помер лучший друг, а тут еще непонятная возня вокруг производства. Я, вообще-то, думал это губер лезет в долю. Смотрел на это философски, твердо зная, что отделаюсь легко. Ну, отслюню ему долю, процентов пять. Ну, дам парадную должность какому-нибудь его племяннику. Он, этот племянник, в конце концов, сгинет где-нибудь в Майами, объявляясь пару раз в год с просьбой заслать денег. Ну и хер с ними.

А на очевидные несуразности, указывающие на то, что мной занялся серьезный парень, не обращал внимания. Но Валерины слова меня встряхнули, и я отчетливо понял, что мне кранты. Ну, то есть, я мог оставить захватчика с носом. Продавшись другому захватчику. И никак иначе. А быть самостоятельным мне уже не дадут.

Валера между тем говорил:

— Коль. Если я правильно понимаю, заплатят тебе очень прилично, и ты теперь богач.

— Иди в жопу. Исполнив контракты, я бы имел на порядок больше. Не говоря о том, что можно было расширяться.

— Николай Петрович! Ты — лучший из стартаперов которых я знаю. Ты умудряешься из говна и палок замутировать действующее производство там, где остальные уходят с убытком. Это не эти, нынешние. Надергал баз из тырнета, скоммутировал их движком из игрушки, и туда же — я сделал ПРОЕКТ, и веду еще три. И даже миллион рублей заработал.

В этом месте мы с ним начали ржать. К нему один такой недавно приходил, и он мне присылал видеозапись беседы. Петросян нервно курит.

— У меня к тебе предложение, Петрович. Смотри какую я штуку придумал, — он развернул на столе большой лист эскиза блок-схемы. — Ты помнишь, сколько стоило обследование ЛАЭС под продление ресурса?

— Пятерку ярдов, правда поэтапно.

— И мы ни при чем?

— Ну, не все же сразу. Там и без меня желающих — три института, и твой, Валерик, в том числе. Я слегка на поставках и интеграции.

— Эту малину нужно прекращать. Вот, смотри, установка. В Нити склепали диагноста

реактора, но как-то не чешутся. А мы почешемся, и построим в нашу установку. Заодно инструментально оцениваем всю электронику разом. Параллельно сравнивая качество измерений. И на этом основании выдаем рекомендации, на замену и работы. Будем продавать за ярд. Ребята АСУТПшники обещают дать коды, если мы их возьмем в долю. Если сейчас взяться, то к выставке уже будет готовый образец. Уболтаем дать нам сравнить с их проектом.

— Хм. И что ты за это, Валера хочешь?

— Я скромный, тридцать процентов от прибыли по реализации. Но ты учти, что собирать будем в Бельгии, и продавать не только нашим, а и французам с англичанами. Потому что — что? Потому что датчики будем брать у бельгийцев. Только буржуям уже по пятерке будем отдавать. И софтину в Антверпене закажем. Есть там один негр, — гений, хоть и обдолбанный. На мне будет аттестация, ТУ, и методики. Как?

— Ты, Валера, окуел слегка. Идею я понял. И теперь встану, и поеду в Бауманское. Или в альму, нашу, матер. Найму пятикурсников, за рупь двадцать и мерседес под жопу. И все, что ты мне нарисовал, буду собирать на Урале. Ну, в Курск стоняю. В Дубну. Фирмочку в Зеленограде открою. И стоять это будет миллионов сто. А не семьсот как у тебя. Ответь мне, Валера, нахер ты мне нужен? Да еще и за тридцать процентов?

Наверное, это отблеск его очков пропал, и я увидел его взгляд. И вдруг понял, что не только уже плюнул на то, что у меня скоро отожмут производство. Но и вполне реально прикидываю, как и что буду делать с этим его проектом! И пришел в бешенство.

— А знаешь, Валерий Евгеньевич. Ну его в жопу. Мне надоело таскать каштаны из огня. Вот езжай к Олегу, и скажи, пусть шлет гонца, я все осознал. Или ты от него?

— Коля, ты не так меня понял...

— Все я так понял! С ним и занимайся. И пусть это у вас, будет стоять как адронный коллайдер. Такое мое тебе пожелание.

В общем, тогда мы расстались друг другом недовольные.

Но сейчас, у меня ни малейшего повода делать лицо при встрече с ним. Они пришли в деканат, менять фамилию его жены в документах на Татищеву.

Она, увидев меня, как раз сделала лицо. Никогда не понимал, почему девушки, встретив бывшего, делают надменно-отчужденное лицо? Хочется сказать в такой момент — ау! Я не раз видел тебя голой, не старайся изображать бог весть что! Тем более что я тебе ничего плохого не сделал. Ну — расстались, бывает. Насколько я помню, это было взаимное решение. Она хотела замуж, а в общем — определенности. А я... ну какая со мной определенность? В девятнадцать-то лет? Так что, вернувшись из армии, с облегчением узнал, что она замужем за Валерой. Ну и шарман. Но она, видимо, осталась в досаде, что я не полз и не взывал, рыдая. Приятельствуя с Валерой, я часто думал, что лучше — потешить её самолюбие и изобразить страдание, или просто общаться с ее мужем, не особо сближаясь? Так и не знаю. А сейчас это уже не важно.

— Ты и вправду переводишься? — спросил Валера.

— Ага. Меня здесь не любят. Светка, вон, и не здороваается.

— Ты, Андреев, так страдаешь, так страдаешь! — фыркнула она.

— А как же! Весь извелся. Но я уважаю твой выбор, и тихо уезжаю.

Подмигнул Валере, и постучал в дверь деканского кабинета.

Из окна электрички наплывающая Москва выглядит затрапезно. Возвращаясь из

Обнинска я снова думал о том, что нечего в этой Москве мне делать.

Созданная такой, какая она есть, недалеким Сталиным, она вскоре превратится в Метрополию. А вся остальная страна станет колониями, из которых в Метрополию будут приезжать дикие кочевники, бросившие размеренную жизнь ради куска хлеба. Москва, это город чиновников и для чиновников. В отличие от Питера, созданного как альтернатива Москве, и проигравшего борьбу. От Питера — преданного большевиками и ставшего никому не нужным. От того самого Питера, что исторгает все чуждое, и, в грязи и мучениях, рождает направление движения для остальной России.

Спускаясь в метро, я думал о том, что уже жил в Москве. И, при всех успехах, так и не полюбил этот город. Впрочем, и времени на эти глупости не было.

Ещё уезжая в Обнинск, я зашел к Суркову домой. И оставил записку со своими новыми координатами в Питере. Он вскоре объявится. А то уж совсем тоска.

Сурков пришел под вечер. Оставил на автоответчике суровое распоряжение ждать. А мне что, недавно вернулся из Обнинска, варю макароны. Он пришел со сломанным зонтом и рюкзаком.

— Это что? — показал я на зонт.

— Это будет коллаж. Ты живешь, Дух, как в сарае, никакой красоты.

Он прошелся по квартире. Я вывалил макароны на сковородку и пошёл за ним.

— Сурков, над твоим диваном. Других вариантов нет.

— Смотри! — он слегка раскрыл зонт, больше не открывался, и повесил на стене на гвоздик — сразу появились изысканность, и шарм!

Я повернулся и пошел обратно на кухню.

— Как там в Обнинске? — он пришел за мной.

— Все то же, все те же. Нечего мне там делать..

— Это ты все таки виделся со Светкой? Как она сдала сессию?

— Она замуж вышла.

— Бгг. Коль, ты встречался с девушкой, но ушел в армию. Пока ты там защищал её от империализма, она вышла замуж. Следишь за мыслью?

— Да. И что дальше?

— Ничего, уже можно ржать.

Он уселся за стол и принялся.

— Давай, помешивай, подгорит же!

Уплетая макаронки, он рассказывал как отдохнулось. Если бы не море и мать с сеструхой, я бы там всех на ноль помножил, Коль. Там, рядом с нашим, цэковский санаторий. Патриции, блять. Охрана как у золотого хранилища. Но за десятку — пользуйся пляжем и ништяками. Только смотрят на тебя как на сиволапое быдло, попавшее в круг избранных. А чуть копнешь — мелкая шелупонь при ЦК. Или вообще какой-нибудь директор овощебазы.

— И кому ноем, Сурков? Загорелый, отдохнувший, чего нужно?

— Нужно равенства, как обещали классики.

— Судя по всему, московские телки там тебе не давали.

— Кстати! Может, метнемся на Лесную? Рычкова сдала сессию, и наверняка грустит. А тут ты, такой весь герой, из армии, суровый, но нежный. И говоришь ей — Оля! У тебя нет подружки, а то Суркову скучно?

Оля Рычкова — одна из милых и веселых девушек, с которыми я коротал зиму перед армией.

— А если подружки вдруг нет?

— Тогда, Дух, мы ей объясним, что мы теперь взрослые. И пора попробовать это втроем!

— Забудь.

— Да ладно! Мы никогда не устраивали тройничка!

— Это не случайно, Сурков. У меня есть морковка, что я могу повесить перед твоим носом.

— И что я должен сделать?

— Поедешь на Политехническую, и сдаешь документы. Восстанавливаешься.

— А потом на Лесную?!

— Ну нет. Что это за морковка, на следующий же день...

Сурков учился на факультете гражданского строительства. Туда брали всех. А он был рад свалить из десятиметровой общажной комнаты, где ютился с сестрой и матерью. Будет работать по специальности, и станет весьма успешным девелопером. С другой стороны — неудивительно. Он приятельствовал с тамбовскими.

Я между тем, рассказал ему что виделся с Фредом. И что он обещал организовать нам вызовы в Финляндию. Потом сходил, принес подвеску. Положил перед ним.

— Сколько, говоришь?

— В этом виде, без документов, максимум миллиона четыре.

— Охуеть! — он неожиданно встал, подошел к окну и провел одним из камней по стеклу.

— Дебил, бля! Вот тогда пойдешь завтра и купишь новое стекло. Или стекольщика найдешь!

— Ты знаешь, и вправду алмаз.

Потом мы обсудили ближайшие планы. Ну, что нужно притащить на новоселье рыбачек Свету и Лену. В «Октябрьском» выступает «Форум», они не устоят. Погуляем полночи. Посмотрим мосты. Опять же, нужно домой съездить. Припащем Иву катать нас на лодке по заливу. Господи, это так приятно, ничего не делать. Кому не делать, а кому и учить Историю экономических учений. Меня, Сурков, предупредили, что не дай бог завалю.

— Слушай, ну нахер нам учиться?

— Иди работай. Я знаю, ты хочешь быть сантехником. Или не станешь сдерживаться, и на овощебазу?

— Зануда, бля.

Потом мы долго обсуждали запасной вариант. Уход через границу. В Союзе приглашение от родственников ничего не значит. И если у какого-нибудь мелкого начальника, будет дурное с бодуна, он запросто завернет поездку. А терпеть это душное безвременье не было сил даже у неунывающего Суркова. Проблема была простая, он чувствовал себя готовым на многое. А все, что ему сейчас мог предложить Союз — мелкая должность в жопе мира, и тихо, или громко спиваться. И ни в коем случае не определять свою жизнь самому. За тебя все решат. Я так понимаю, именно об этом будут тосковать плакальщики по СССР. За тебя все решают.

— Там, Коля, от погранцов мы уйдем. Главное, чтоб они за помощью к нам в часть не обратились. Эти нас возьмут.

— А могут обратиться?

— Бывало. Пока я служил, один раз обращались. Студентики хотели свалить, и в потеряшек играть вздумали. Но они переборщили. Везде засветились, а потом пропали. Ну, выделили отделение и отловили. За семь часов нашли.

Жизнь в Союзе сейчас настолько унылая, что народ уже пустился во все тяжкие. Воровство — эпическое. Даже в «Правде» периодически рассказывают про миллионные хищения. Это еще задолго до узбекских и прочих дел. Всеобъемлющий дефицит бесит население уже всерьез. Так что свалить на ближайшие лет восемь — вполне здраво.

Вот об этом всем мы и разговаривали почти до часу ночи.

— Не ссы, Сурков. Так продолжаться не может. Года через три потихоньку начнется. А лет через пять — шесть можно будет вернуться.

— Да хули мне ссать? Я только не понимаю, чем мы там будем заниматься?

— Спокойно, я все продумал. Стриптиз-шоу «Стринги её мечты». Прожектор рассекает темноту, и освещает тебя, стоящего на подиуме, возле шеста, в клубах дыма. На тебе только стринги — это такие плавки, закрывающие только член. Ты гибко поворачиваешься к публике жопой. И начинаешь завораживающе грациозно шевелить голыми ягодицами.левой — правой, левой — правой... Весь зал, заполненный женщинами, страстно стонет... А?!

— А что в это время делаешь ты?

— Я в это время помогаю женщинам, что не в силах сдержаться.

— Ну уж нет! Ты будешь русским ракетчиком — мастером пахопашного боя. Во время моего выступления, будешь ходить по залу, и членом открывать дамам бутылки! Сборы и посещаемость будут запредельные! И никак иначе!

В общем, спать я ушел сильно за полночь. И совершенно безжалостно разбудил Суркова в восемь утра. Это только кажется, что дел нет. А присмотришься, конца-края не видно.

Он пришел на кухню без сознания и не открыв глаза.

— Дух, я хочу омлет, самый крепкий кофе, и сигарету.

— Правда? А я хочу ракетный ранец, прекрасную блондинку, и восемь кубиков пресса! А то всего четыре, и те какие-то неправильные.

Как назло, испортилась погода. Я вспомнил, что июль будет дождливый. И наши планы вкусно отдохнуть под угрозой. Поделился с ним опасениями. Сурков заявил, что ничего не знает. Разврат состоится при любой погоде! И не пытайся соскочить!

Но кусочек неба, в окне кухни, выходящей в питерский колодец-двор, не внушал оптимизма.

В общем, вот тебе, Серега, ключи. Я поехал в институт. А потом сгоняю на Ржевку.

С момента вселения Суркова в квартиру, время приобрело объем и наполнилось.

Кроме важнейших дел, типа разврата, и употребления алкоголя, в компании сомнительных парней и девушек, было много всякой ерунды.

Сурков нашел нам работу. «Подвешенный» — так называется сейчас в Питере этот тип трудовых отношений. Имеется в виду, что ты только числишься работником. Но, работает и получает зарплату другой человек. При кажущейся простоте, дело тонкое. Достаточно сказать, что в некоторых случаях «подвешенный» еще и доплачивает. Но это не про нас. Мы с Сурковым устроились сторожами на базу Ленмосттреста, что на Глухоозерском шоссе.

Основной работник, со смешным именем Густав — студент ЛИИВТа. Оборудовал в сторожке для себя жилье. Покинуть его он не согласился бы и под угрозой расстрела.

Не только студенты, но и творческая публика сейчас с удовольствием работает на такого рода работе. Цой, вроде бы кочегарит на «Камчатке», что на Охте. Рекшан — жэковский кочегар в Ораниенбауме. Гаркуша подрабатывает ночным ремонтом путей в метро. То самое поколение дворников и сторожей. Быть мелкими и бессмысленными клерками, желания нет. Но закон о тунеядстве вполне применяется. И народ идет на ухищрения.

Но у нас другой интерес. Нам, в случае вопросов, нужно показать реальный заработок. Так что мы потратили пару дней на оформление, слоняясь по тресту, что сейчас недалеко от метро Чернышевская. Огромное, запущенное здание, до третьего этажа — солидное и респектабельное. А выше — с загаженными сортирами, заплеванными лестницами, и облупившейся краской. Это вселяло надежду, что до нас никому нет дела. Хотя, второй, директорский этаж мне понравился. Он не только ухожен и опрятен. Но и с настенной агитацией. Там я выяснил, что мы с Сурковым теперь работаем в организации, в том числе отвечающей за развод мостов. Что лично меня наполняло гордостью. Я так и говорил девицам, с которыми мы знакомились, что я — главный по разводу мостов в городе.

Мотаясь между базой и трестом, мы все проклинали. Погода стала типично питерской, то есть ветер и дождь, переходящие в дождь и ветер. И я решил что пора.

— Сурков. Намеки излишни, едем, купим тачку.

— К чему это? На Роллс-Ройс нам не хватит, а все остальное ниже моего достоинства.

— Значит Запорожец. Горбатый.

— Точно! С ручным управлением! Буду развивать гибкость пальцев!

— Горб ты будешь отращивать.

Как бы то ни было, но мы приобрели авто. Оранжевые Жигули, ВАЗ-21011. Приехали в Автово, где недалеко от путепровода располагается авторынок. Походили поприценивались и осмотрелись. Я надолго завис возле Mercedes 170V кабриолет. Тридцать седьмого года выпуска. Такая вещь! За него просили всего девять тысяч рублей. Насколько я понял — все родное, хоть и сильно юзанное.

С сожалением отказался. Нам нужно что-то максимально банальное. На следующий день нашли то, что я хотел. Жигули от владельца. Пробег сорок пять тысяч. Четыре года. Владелец, мужик лет сорока, боялся что мы бандиты, и боялся, что мы в последний момент откажемся. Удивился, когда я попросил отдать мне машину по гендоверенности и сразу же

сделать доверенность на Суркова. Но при цене как за новую, то есть шесть семьсот, решил не углубляться.

Потом мы несколько дней ждали очереди у нотариуса. И, наконец, я получил ключи и документы. Сурков немедленно взял тачку, и усвистал.

Его маме дали, наконец, квартиру. И он поехал перевозить семью.

Но я рано обрадовался тишине, ибо на пороге нарисовался Иво. Пока вы, Душина, там сапоги стаптывали, жизнь изменилась! Короче, идем на дискотеку «Невские звезды», на Бабушкина. Я и забыл про это модное место.

Мы поехали на Лесную и отыскивали Олечку Рычкову, и её однокурсницу Риту. И отдались модной музыке. Кстати, группа Queen, после выхода дурацкой «Богемской рапсодии» объявленная мегамонстром, сейчас большой популярностью не пользуется. Просто настоящие титаны или распались, или ушли на дно. И, в их отсутствие, любители рока перебиваются квинами. Но рулит сейчас — новая волна, со всеми этими электронными финтифлюшками.

Тут объявился Сурков и не один, а с Леной, женой капитана в походе. И мы пошли в ЛДМ на группу «Секрет». Наша одноклассница, подрабатывает во дворце молодежи, и протащила нас в первый ряд. «Секрет» — наши ровесники, и видеть их молодыми мне было интересно. Играли они, впрочем — ужасно. Но зал это совершенно не интересовало.

Потом в бесконечной дождливой череде дней, случилось солнце. Тут уж Сурков пришел в крайнее возбуждение, и потребовал морских прогулок и вообще побыть дома. И в субботу мы отплыли от пирса на дюралевом Прогрессе. Западный ветер не только разогнал дождевые тучи. Он поднял в заливе волну, метра полтора-два. Три девушки счастливо верещали, хохотали и повизгивали. Иво с Сурковым ржали и показывали на меня пальцем. На скорости километров двадцать лодка подпрыгивает и с оглушительным грохотом лупит об волну, вздымая тучи сверкающих брызг. Все, кроме меня, были в восторге. А мне, ни с того ни с сего, сбледнулось и затошнилось. Я тихо радовался, что пятнадцать километров до островов плыть нельзя. Граница на замке, и приближаться — ни-ни.

Так что, к счастью, всего минут через двадцать, мы причалили к берегу, и приступили к отдыху. Шашлык, солнце, девушки, залив, дюны и сосны. Долго терпел издевательства над армией, посрамленной ничтожной волной. А потом не выдержал, взял гитару и сказал:

— Вы — смеётесь надо мной?! Ловите ответку! Героичным морякам, Суркову с Ивой посвящается!

И вдарил по струнам:

Меня укусила акула, когда я стоял в океане,
Но я оставался спокоен, терпел, но закончил работу.
Потом прибежали ребята, и эта акула узнала,
Что значат румяные парни из третьей ремонтной бригады.

Аквалангисты — это хорошо! Да!
И взрослые знают и дети:
Мы радость творим на планете.
Аквалангисты — это не игра! ©

К середине песенки ржали уже все. А я делал сурово-значительное лицо, и таинственно заглядывал в девичьи глаза.

— Ну что, Сурков? Есть что про армию? Нет? Тогда на еще одну, гад.

Ух-ты, мы вышли из бухты
Впереди нас ждет наш друг океан
Наши девочки спрятали рученьки в муфты
И ждут нас на берегу.

А где-то в Крыму
Девочка в розовом сарафане
И мама её не отпускала гулять
Но мы просили: отпусти, мама, дочку с нами
Ведь мы, блин, подводники, мы — силачи! ©

Олечка Рычкова и так провела перед этим ночь со мной. Но тут у нее, во взгляде на меня, появилась сосредоточенность. А это нехороший признак. Я подумал, что если она вдруг, спустя три года, решит что я тот самый — натравлю на неё маму. Вот и пой людям песни!

В общем, в этот раз я, после армии, дышал полной грудью. И даже не знаю, что тому виной.

Надевая футболку, нужно соотнести свое туловище с метками на задней части её ворота. Потом все это сориентировать в пространстве, и резко надеть. Скорее всего, она все равно окажется задом наперед. Но второй подход, как правило, более успешен.

Всегда, когда опаздываешь, футболки-свитера-кофты надеваются не так. Спускаясь по лестнице, я думал, что уже июль на исходе, а я и не заметил.

И я и Сурков сдали документы в институты.

У Суркова все прошло вообще незаметно, у него не было брони, просто призвали. Теперь он восстановился. А мне секретарь Маша сказала, что нужна характеристика из части, где я служил. Если, Коля, хочешь, мы сами напишем запрос. А хочешь, чтобы быстрее, я этот запрос отдам тебе, ты туда съездишь, и сам возьмешь? Согласился съездить. Не откладывая, посмотрел на часы, и поехал обратно на Фонтанку. Там снял трубку и набрал телефонный номер в городе Смоленске. Ответили после второго гудка:

— «Равелин». Дежурный оператор.

— «Шумовка» просит «Задор семь».

— Соединяю.

«Шумовка» — позывной нашего непутевого взвода. «Задор семь» это телефон канцелярии бригады, сейчас командир должен быть там. Он и снял трубку.

— Кольцов.

— Здравствуйте, Николай Андреевич. Это вас гражданский беспокоит. Андреев моя фамилия.

В трубке грохнуло, лязгнуло и звякнуло.

— Товарищ майор, это что там щелкнуло? Это вы штатный Макаров привели в боевое?

— Не льсти себе, Андреев. Я как раз чищу автомат, — в трубке жирно клацнуло. — И вставил полный магазин. Скажи, ты где-то поблизости?

— Не стоит, товарищ майор, потом с телом возиться...

— Я сам решу, стоит или нет. Как защитник страны, я её от тебя защищу!

И мы заржали. Я и вправду рад его слышать. Он хороший мужик.

— Если вы, товарищ майор — защитник, то я её перспектива. Не стоит исполнять перспективу в глухом лесу.

— Ты чего звонишь по спецсвязи, перспектива?

— Мне характеристика нужна. Для восстановления в институте.

— Диктуй.

— Что?! — я растерялся.

— У тебя запрос на руках? Дата, номер, и ФИО запрашивающего.

Военный он и есть военный. Быстро, резко, и с огоньком. Продиктовал, чего.

— Теперь адрес, куда выслать диктуй. Лучше свой домашний. Не ты первый, в институтских канцеляриях все теряют. А так сам отдашь.

Продиктовал мамин адрес.

— Спасибо, товарищ майор!

— Не все так просто, Андреев. Во-первых, я уже подполковник.

— Нет мне прощения. Бутылка армянского коньяка — с меня, товарищ подполковник!

— А во-вторых, ты не знаешь, Андреев, кто были те люди, что спиздили в группе

регламента, с Урала на консервации — двигатель?

— Ящик коньяка, товарищ подполковник. Чтоб вы спокойно выпивали за здоровье этих смелых парней.

— Четыре, блять, мудака вы!

— Мы бы вчетвером не справились, Николай Андреевич. Да и что теперь?

Это была образцово-показательная диверсионная операция. Больше недели тщательной подготовки на глазах у часовых. Ночью, на охраняемую территорию, закатить тележку для перевозки ядерных боеприпасов. Выдернуть из Урала двигатель. Воткнуть неисправный. Загрузить исправный на тележку. И скрыться, восстановив проволочное ограждение, и заматаив следы. Ясно же, что там все деды участвовали.

— Ну, вообще-то ничего, скандал, слава богу, замяли. Ваше счастье, что на нас никто не подумал. Научили вас, на свою голову. Даже страшно думать, что ты там натворишь.

— Товарищ подполковник! Я в финэке восстанавливаюсь! Тихая и пыльная работа. Нарукавники, очки...

— Гм. Коля, это что, Центробанку жить лет пять осталось? Потом ты выйдешь на работу?

В общем, он меня беспощадно троллил. И я поклялся себе, что ящик коньяка я ему любым способом, но доставлю.

Вчера мне звонил Евгений Михайлович. Серый риэлтор. Оставил несколько сообщений с просьбой связаться. Ну, я связался. И он заявил, что у него ко мне нетелефонный разговор. Приезжай, Коля, завтра на Казанскую улицу. В десять сможешь?

А сегодня я проснулся и поплелся на кухню. Там играла музыка, лилась вода и что-то шкворчало. Это девушка Лена делала завтрак, и занималась уборкой. Нет, у нас с Серегой строго. День он убирает, день я. Мусор опять же. Но он как-то умудряется припахивать девушек. А я как-то стесняюсь.

За прошедшее время наше жилище приобрело все черты уютной берлоги продвинутых пацанов. На кухне, на подоконнике, стоит магнитола Панасоник. На стене висит плакат фильма *Blade Runner*, с молодым Гarrisоном Фордом, сжимающим бластер. На холодильнике лежит распечатанный блок Мальборо. На столе зажигалка Зиппо. В углу пытит кофеварка. Симпатичная Ленка вполне вписывается.

Но она немедленно попросила помочь повесить сушится белье. Что мы и сделали в коридоре. Потом пришел Сурков без сознания. Чего вы топчете? Не видите, люди спят? На это нам без звука подали по омлету и по чашке кофе.

— Лен, ты заканчивай. Сурков с утра у меня кофе требует и омлет. Я думал — совсем сбрендил. А это ты его плохому научила!

— Белье я постирала, мусор захвачу. Сережа, не провожай. Созвонимся.

— Лен, бросай Суркова, я лучше.

Она засмеялась, и ушла переодеваться. Хмурый Сурков пошел прощаться. Минут через двадцать хлопнула дверь и он вернулся уже вполне бодрый.

— Дух, как думаешь, может отбить Ленку у капитана?

— А смысл?

— То есть?! Красавица, секс, еда, стирка!

— Брак, скука, алименты, смерть.

— Как тебя бабы терпят?

- Кроме болтовни, Сурков, у мужчин бывают другие достоинства.
- Не засчитано. Омлет делали мне.
- Из жалости. Меня — чего жалеть? Только краснеть воспоминаньям.
- Жалкий, завистливый мудак!
- Грубо, Сурков.
- Я не проснулся.

Но тут я спохватился.

— Блин! Меня же Михалыч ждет! Все, я улетел.

Евгений Михайлович ждал меня возле небольшого кафе.

— Коля, пойми. Она пожилая женщина, привыкшая к определенному достатку.

— Я все понимаю, но таких денег, вот так, сразу, у меня нет.

— А все сразу и не требуется!

Мы сидим с Михалычем в кафе. Он мне предложил авантюру. Но это относительно нынешней действительности. Так-то сделка, в которой он мне предложил участвовать, для двадцать первого века банальна.

Его научный руководитель, и, как я понимаю, старший друг, восьмидесятипятилетний академик Гейнгольц, скончался больше двух лет назад. У него очень трудная судьба была, Коля. Перед войной его посадили. Но в сорок втором выпустили. Его идеи использовались во многих областях. В связи, например. Но это все под грифами, не обижайся. Ленинская премия, и прочие награды. Его жена тоже села, когда его забрали. Так что детей у них не случилось. Работала, после отсидки, в Лениздате. На пенсию вышла в шестидесятих. Когда Вениамин Михайлович скончался, выяснилось, что ей банально не хватает денег. Там идут какие-то авторские отчисления за научные работы. Еще что-то. И пенсия. Но содержать большую квартиру, дачу, гараж с авто — не хватает.

Идея проста. Обменять большую профессорскую квартиру на меньшую с доплатой. Но не все просто. Есть некоторые сложности с обменом. Я не буду углубляться, Коля, но там есть э-э-ээ нюансы. Так что идея в том, что ты, Коля, купишь квартиру, а жить в ней будет Софья Игоревна. А ты будешь жить в профессорской квартире. Здесь, рядом. И доплатишь Софье Игоревне тридцать тысяч рублей. Двухкомнатная квартира, тоже неподалеку, в скором времени освободится и ее можно будет купить. Правда, нужно заплатить вперед. А через некоторое время я оформлю вам обмен.

— Поправьте меня, Евгений Михайлович, если я ошибусь. Вы предлагаете мне прокредитовать серию сделок с недвижимостью. В результате которой, я становлюсь ответственным квартиросъемщиком двухкомнатной квартиры. С неясной перспективой обмена её на четырехкомнатную. Вы получаете заработок, и спасаете жену вашего учителя от бедности. И все это не только за мой счет, но предоплатой?!

— Ну у тебя и формулировки, Коля! — крикнул Михалыч. — Не зря ты в финэк идешь.

— Какая разница! Все время, пока вы будете заниматься обменом, я так и буду жить на Фонтанке?! Евгений Михайлович, а она существует, профессорская квартира? И как ребята с Мира, они в доле?

— Не нужно выдумывать, Коля. Я хочу помочь пожилой женщине. Мне показалось, что у вас я найду понимание.

— Ну, давайте тогда сделаем так. Ваша пожилая женщина прописывает меня в свою квартиру, и только после этого получает тридцать тысяч. Я даже согласен пожить с ней под одной крышей, пока вы будете приобретать вторую квартиру. И покажите мне, наконец, о чем идет речь!

Мы оставили кафе и двинулись в сторону Казанского собора, свернули на Тюленева, и вышли на канал Грибоедова. Наискосок — мост с Грифонами и вход в Финэк. Вошли в парадное с консьержкой, которой кивнул Михалыч. Поднялись на лифте на третий этаж. Я заметил даже мусоропровод.

— В семьдесят девятом в доме сделали ремонт, — пояснил Евгений Михайлович. —

Так что проблем не ожидается.

Позвонил в большую двустворчатую дверь. На площадке еще одна квартира.

— Это квартира ректора военмеха, — пояснил Каверзнев. — Они дружили с шефом.

Спустя минуты две, дверь тихо открылась. На пороге стояла невысокая старушка.

— Добрый день, Софья Игоревна. Мы в гости, — сказал Каверзнев.

В прихожей я был представлен. Это Николай, я вам рассказывал про него. Николай, это Софья Игоревна. Вдова моего руководителя. Очень приятно.

После деликатного, но подробного, осмотра, мы были приглашены в гостиную, где нам был предложен чай. Заодно Софья Игоревна попросила Евгения Михайловича:

— Женечка, если не затруднит. Сходите, купите мне картошки. А мы пока с Николаем попьем чаю и побеседуем.

После чего мы прошли в гостиную, я был усажен у круглого стола под абажуром, и удостоен чашки самолично налитого чаю. Но странности были видны сразу. И чай их только подтвердил. Он был заварен как бы не третий раз. Без сахара. И гостиная не выглядела часто посещаемой.

Мне, между тем, было продемонстрировано высокое искусство беседы о погоде. В течение пятнадцати минут мне было интересно и ненапряжно. Потом собеседница вздохнула, и сказала:

— Я понимаю, Николай, зачем вы пришли. Я думаю, Женя рассказал вам о моих затруднениях. Он говорил, что вы человек, который может помочь с ними справиться. Так что не стесняйтесь, и посмотрите квартиру. Я не очень хорошо себя чувствую, и подожду вас здесь.

Квартира оказалась роскошной. Не в смысле обстановки. А в смысле пространства. Четыре просторные комнаты с высокими потолками, гостиная, спальня, библиотека, она же гостевая, и кабинет. Шесть окон, из кухни, гостиной, и кабинета, выходят на канал Грибоедова. Пять окон, из гостевой, спальни, и ванной — во двор, он же садик, возле какого-то, судя по всему, медицинского учреждения. Мебель выдержана в общем стиле. Сталинский ампир, кажется так это позже назовут. Тяжелая довоенная или послевоенная крепкая мебель в темных тонах. И светлая ткань вместо обоев. Чугунная ванна, и унитаз в раздельном санузле. Фарфоровый умывальник. Из ряда выбивалась только кухня. Крашенные стены. Первых моделей холодильник, древняя газовая плита о двух конфорках. Деревянные табуретки. Но кухонная посуда, кастрюли-сотейники — медная. Простая железная мойка, и грубо сколоченный деревянный стол. Там же большой шкаф. И было видно, что квартира не ухожена. Нет, никакой грязи. Просто было заметно, что пользуются только спальней, санузлом, и немного кухней. Остальные помещения выглядели нежилыми. Пыль повсюду...

Я понял что влип. Поддразнивая Каверзнева, я надеялся разочарованно заявить, что оно того не стоит. Но, Евгений Михайлович! Что ты там говорил про двухкомнатную? И уболтать его на продажу мне двушки, что вовсе не будет лишним.

Но теперь... Эта квартира была такая, какой я всегда хотел видеть свое жилье. В той жизни у меня в Москве была хорошая большая квартира в хорошем месте. Которую я обставил похоже. Но именно — похоже. Трудно объяснить этот неуловимый флер. Я вспомнил, что когда сносили гостиницу Москва, в узких кругах вспыхнула фантастическая по накалу борьба за право выкупить списанную мебель. Понятно не всю, а из люксов. Но включая двери с рамами и деревянные панели. Вместе с фурнитурой. Ходили слухи, что некий федеральный чиновник верхнего уровня даже сел ненадолго. Ибо нефиг рот разевать

не по чину!

Я вернулся к хозяйке, что безучастно сидела там же, где я её оставил. Она посмотрела на меня и улыбнулась:

— Я вижу, вам понравилась квартира?

— Софья Игоревна. Не стану скрывать, я в восторге. Только давайте поступим немного не так, как предлагает Евгений Михайлович.

К тому времени, когда маклер появился, мы обо всем договорились. Ничего особенного. Она получает часть денег, а я заселяюсь в гостевую комнату. Потом я финансирую покупку другой квартиры, Софья Игоревна переезжает, и получает окончательный расчет. А я живу дальше. И вообще-то, это все о прописке. Сейчас, официально, жилье не продается. Только меняется.

Евгений Михайлович появился спустя час. И принес не только картошку, но и масло растительное и сливочное. И лук с морковкой. И еще массу продуктов включая, чай и сахар.

Потом мы, все вместе, коротко обсудили предстоящую сделку, и откланялись.

Я был представлен консьержке, как племянник Софьи Игоревны. А выйдя на улицу, Каверзнев сказал:

— Давай, Коль, обсудим, что и как. И, не желаешь выпить?

Евгений Михайлович набрался. Без каких-либо усилий с моей стороны. Мы устроились в ресторане на Казанской улице, и он сразу заказал триста коньяка. Пока нам несли салат мы пропустили по рюмке. Он, поначалу путаясь, а потом все увереннее, рассказывал.

Шеф нашел его еще в институте, и тащил за собой по жизни. После смерти академика, он не смог отстоять его работу, и её присвоил мерзковатый карьерист. Но дело в том, что хотя похититель и никакой ученый, администратор он — дай бог каждому. И если с ним поссориться, то мигом вылетишь из института, и это в лучшем случае. Поэтому и с женой Гейнгольца никто не поддерживает отношений. А старуха — гордая. Пару раз позвонила в институт, с бытовыми вопросами, а потом и звонить перестала.

А мне, Коля, когда выяснилось, что карьера не задалась, жена заявила, что я её не устраиваю. И выгнала. Ну, то есть мы разменялись. Трешку — на комнату и двушку. Я теперь живу в коммуналке, на Гражданке. Плачу алименты. И стараюсь поддерживать Софью Игоревну. Когда разменивал квартиру — сообразил, что этим можно подрабатывать. И все шло неплохо, но тут этот Кролик. Они меня избили, и сказали, что я теперь буду платить им. Это небольшие деньги. Но они требуют — каждую неделю. Работаю я, или болею — не волнует.

В общем, он много говорил, и я понял следующее — в реализации своего плана он видит шанс. Получив деньги, он переедет в Таллин. Там ему предлагают должность. А с деньгами он обменяет свою комнату на квартиру там. Наймет Софье Игоревне сиделку-помощницу. И уедет из Питера. Потому что по-другому от бандитов ему не скрыться.

— По тебе, Коля, видно, что у тебя есть деньги. Ты так держишься, словно не занимал никогда до получки. Хотя, может еще не успел. Но квартира, что я тебе предложил — отличная. Да и двушка, куда переедет старуха — тоже прекрасная.

Часа через четыре, загрузил набравшегося Каверзнева в такси, а сам пошел домой. Близился вечер. Машину я решил оставить, и пройти пешком. Пока шел по Невскому, размышлял о том, что оказывается, я выгляжу как миллионер-инкогнито. Надо что-то с этим делать. А Кролик и его братва — вообще-то скромно берут. На стихийной толкучке в Девяткино, бандюганы сейчас берут десять рублей в день с торговца. С учетом размеров — неплохо выходит. Правда, скоро начнется перестрелка. Гораздо раньше, чем перестройка. Малышевские против Тамбовских. Черт, я и не помню, кто победит. Да и плевать.

Дома тихо играла музыка. Сурков слушал The Police и гладил простыни на столе в кухне. Уселся у окна, вытянул ноги, и закурил. На подоконнике рядом с магнитолой лежит толстый журнал «Киносценарии» альманах № 1 за 1979 год. Полистал. И вправду киносценарии. Авторы — Чухрай, Володарский, опа! — Кунин. Сурков сложил простынь, и повернулся ко мне:

— Тачку ты там оставил?

— Ну да. Это что? — я махнул альманахом.

— О! Это, Коля — произведения, читая которые, я рыдал в крик!

— Да ладно!

— Нет, ты послушай! — он взял у меня журнал, раскрыл и пролистал. — Вот как описана сцена, в которой у главных героев возникает большое и светлое чувство друг к

другу! Готов? Слушай.

— А ты что... — Игорь внимательно посмотрел на нее, — еще и работаешь, что ли?

— Работаю.

— Где?

— У себя, в колхозе.

— В колхозе?.. Вон что. Значит, ты колхозная девчонка?

— Колхозная! — гордо ответила Ксюша. — «Рассвет» наш колхоз, слышали?

— Нет.

— Ну и стыдно!.. Очень даже стыдно.

— Это почему же стыдно?

— А потому что мы вас кормим... Овощами ваш город снабжаем и фруктами... Стыдно не знать, кто тебя кормит.

— Тоже мне... кормилица! — усмехнулся Игорь.

— Да, кормилица, — тихо сказала Ксюша, опустив голову. ©.

Он пролистал несколько страниц — а вот, Колян, мое любимое место!:

— Значит, отец, ты не дашь машину колхозу? — нахмурился Игорь.

— Ни в коем случае! И не мечтайте!

— Хорошо, — с внешним спокойствием произносит Игорь. — Я думаю, тебе все-таки придется ее дать.

— Каким образом?

— Я пойду к твоему секретарю парторганизации.

— Ты что же, на отца жаловаться пойдешь?!

— А у меня нет другого выхода. Ты не проявляешь должной сознательности...

— Что ж, иди, иди! Партком — напротив!

— Хорошо, — Игорь идет к дверям. — Мы еще увидимся, отец! ©.

— Блин, Сурков. И охота тебе?

— Я чувствую неумолимую поступь! Не, там и ничего сценарии есть. «Старшина» вот. Кстати. Тут звонила дама, Софья Игоревна. Ты завел себе новую подружку?

— Что сказала?

— Ты знаешь, у меня сложилось ощущение, что ей хотелось просто поболтать. То есть она напомнила, что ждет тебя завтра между одиннадцатью и часом. Но потом мы еще полчаса болтали, убей меня, не помню о чем. Познакомились, понятно. Я ей рассказал, что мы с тобой на двоих снимаем квартиру. А о чем еще говорили — и не скажешь так сразу!

— Эх, Сурков. Мне бы твои проблемы.

— Ага! У нас проблемы?

— А то! Ты закончил?

— Нет, а что?

— Хочу принять ванну.

— И что?

— Как знаешь.

Включил воду. Загудела газовая колонка. Подождал, пока сольется холодная, и заткнул пробку. Пошел, разделся, взял полотенце, вернулся на кухню и залез в ванну. Сурков гладил очередную простынь.

— Ты не заболел часом? Простыни гладить?

— Я не глажу, а сушу. А то навешали тут, не пройти. Таким темпами еще дня три висеть будут. Давай, рассказывай.

Ну а мне что, рассказал. Включая все денежные нюансы и моральные аспекты.

— Там, Серега, и квартира офигенная. И старуха прикольная. На Шапокляк похожа.

— Дух, мы же сваливаем. Нафиг нам сдалась эта квартира?

Я помолчал. Он принялся за последнюю простынь.

— Дело в том, Сурков, что мы вернемся. Лет через пять.

— Прорыв через границу?

— Ты маньяк, что ли? Просто приедем. К тому времени уже запросто можно будет оформить двойное гражданство. А наш побег не будет подрасстрельным преступлением.

— С чего такие сладкие мечты?

— Как видный финансист, я не обязан посвящать всяких строителей в тонкости экономики. Просто знай. Все скоро изменится. Зуб даю.

— Хм. А мне кажется, что ты, обобрав несчастную повариху, теперь комплексуешь. И так пытаешься успокоить совесть.

— И это тоже. Но я, кстати, тебе уже один раз сказал, что с Тамарой Сергеевной я рассчитаюсь. Так что — фи. И еще. В эту квартиру мы пропишем твою сеструху. Иначе нам её будет за собой не оставить.

— А! Ну это же полностью меняет дело! Хоть какая-то от тебя польза.

— Ладно, я понял, что меня используют. И пошел спать. Завтра не уходи. Нужно будет сходить кое-куда.

Улица Ракова — в центре, идет параллельно Невскому. Через семь лет её переименуют в Итальянскую. Дом, что нам нужен, ближе к Фонтанке, рядом с Манежной площадью. Мы с Сурковым вышли в полудиннадцатого. Я остановился через дорогу от места и сказал:

— Этот дом нам и нужен.

— Ты обратил внимание, что я ничего не спрашиваю?

— И даже оценил. Вот в это парадное нам нужно зайти и спуститься в подвал. Там деньги.

— Пхе. Достаем два ствола. Валим вахтершу, валим свидетелей. Спускаемся в подвал. Забираем деньги, там много кстати? Прыгаем в тачку, уезжаем. Как план?

— Вы мясник, Штейнглиц!

— Не скрою, люблю пострелять.

— Тогда лучше всех задушить.

— Почему?

— Конвульсии...

— Стильно. Но хочется подробностей.

И я рассказал Сереге, что вон в той квартире, видишь окна? Там жил мелкий кладовщик, работавший на продбазе. Его арестовали почти случайно, по крупному делу о хищениях на базе. Он проходил второстепенным соучастником главных расхитителей. Максимум пару лет за халатность. И сидел он в предварилровке с простыми уголовниками. Но во время обыска у

него в квартире, случайно порвали матрас в детской кроватке. А может и не случайно. Но вместо наполнителя там оказались доллары. Около шестисот тысяч. Дело было в конце семидесятых. По совокупности чуваку дали вышку. Он, с момента задержания, понял, к чему дело идет. И еще в начале поделился с соседом по камере информацией. Что в определенном месте, в этом подвале, заделан в стену металлический ящик. Полный рублей. Есть нюансы. Очень бдительные и говнистые вахтеры. Да и жители не совсем простые. А валить всех — ну, я не готов. А сколько там точно — я не знаю, Серег. Но до хера.

Я не стал говорить, что засиженного уголовника Секу, здесь взяли, в восемьдесят шестом. Он, откинувшись, пошел вытаскивать этот ящик. Был соседом по камере, как ему казалось, простого проворовавшегося кладовщика. Который, как потом выяснилось, был крупнейшим валютчиком. Аффилированным с западными банками, и вообще, питерским аналогом Рокотова. Контролировал всю питерскую незаконную валютную торговлю.

— Слушай, Коль. Ты давай, иди. Ты же к старушке собирался? Ну и иди. А я осмотрюсь, и изложу свои взгляды. Только бейсболку отдай. И рубаху снимай.

Все ясно. Он собирается побродить вокруг и по двору, меняя наряды. Я в джинсах, белой футболке навывпуск, и красной клетчатой рубахе. Отдал рубаху и бейсболку, не замерзну.

— Сурков, я прошу...

— Спокойно. Никто меня не запомнит.

Я шел в сторону Манежа, и размышлял о том, что же придумает Сурков. Ситуация патовая. Консьерж (сейчас их называют вахтер) сидит возле входа в подвал. Вход закрыт на замок. Я склонялся поискать способ проникнуть туда с улицы. Какие-то нежилые, заделанные жестью окна, виднелись в фундаменте. Но все равно будет шумно...

Про эти деньги мне, году в девяностом, рассказал сурковский однокурсник. После Политеха, он устроился в питерскую ментовку. Их, кстати, было много, таких ментов, в Питере. Кажется, Кивинов, что автор всех «Ментов», тоже такой же. Окончив вуз, не захотели распределяться в Мухосранск, а подались в МВД. Там обещали квартиры и вообще. Предполагалось, что получив квартиру, человек увольняется. Но все пошло по-другому.

Мы с ним тогда шли как раз по еще Ракова, в Дом Кино. Там нас ждал Сурков. Этот приятель мне показал этот дом и рассказал историю. Я вежливо кивал, но не сильно вникал. А сейчас вспомнил. Влево от центрального стояка, два кирпича от грунта. Замазанное раствором пятно на кирпичной стене. Ломать.

Такого рода историй было достаточно много. Некоторые я помню. Я не собирался их реализовывать. Ибо геморрой. По моим прикидкам, до отъезда в Финку, нам должно было хватить. Но ввязался. И тихо злился на себя.

Тем временем, я миновал Манежную, пересек Садовую, и вышел на площадь Искусств. Там, как обычно, чадили экскурсионные Икарусы, и парковались зарубежные Скании. Доставившие финских туристов прямиком из Финляндии. И наши, и зарубежные гости города, кучковались по группам, и втягивались в Русский музей, в филиал Кировского театра, или в театр Музыкальной комедии. Я прикинул время. Ну да, на двенадцатичасовое представление.

И тут я увидел Олега Топина. Мастер спорта международного класса по дзюдо, член сборной СССР, лейтенант. Потому что выступает от ЦСКА. Чемпион Союза, Европы, и еще что-то там. С хмурым видом подпирал стену корпуса Бенуа, и недобро поглядывал на туристов. Потом он увидел меня. Я подошел и встал рядом.

— Привет, — обнимашки войдут в моду гораздо позже, мы пожали друг другу руки.

— Ты по делу?

— Да не, Олег. Просто мимо проходил. Дай, думаю, поздороваюсь.

К нам подошел младший Панченко, по кличке, ясное дело, Панч. Их, два брата сейчас, в сборной. Старший, Саня, вроде бы поломался на тренировке. И скоро, если не уже, будет отчислен.

— Здорово! Работу ищешь?

— Да ну, Панч. Я учиться буду, в институте.

— Где? — заинтересовался Олег.

— Финэк.

— Неплохо, наверное, — пожал он плечами.

— А вы как? Вместо Олимпиады поедете куда?

— В Москву, блять, мы поедем. В Отрадное, — он сплюнул. — Ладно, Дух, пойдём мы.

Мы пожали друг другу руки.

— Ты в курсе, что Хитрый устроился вратарем в Жигули? — спросил он.

Вовка Курин, по прозвищу Хитрый, из нашей школы. Боксер-перворазрядник.

Устроился работать вышибалой на входе в пивбар «Жигули», что на Владимирской, мысленно перевёл я.

— Солидно, — говорю, — нужно будет наведаться.

— Надумаешь, приходи. И Суркова приводит. Хитрый говорит, у него удар бомбический.

— Зайдем, — пожал я плечами. — Я Хитрого уже пару лет не видел.

Они ушли через площадь в сторону театра Музкомедии. А я вышел на Грибоедова, и повернул налево.

Олега убьют в девяностом. Газеты напишут, что это была бандитская разборка. Но тот же Панч мне расскажет, что была обычная пьяная драка. Борец Олег, и боксер Ростик решали, кто круче, борцы или боксеры. Просто, в процессе завелись, и не смогли остановиться. Этим грешили даже мы с Сурковым. Правда, в шестом классе. Ну, то есть как? Я сразу хватал Серегу, и делал бросок. И потом падал на него сверху и брал на удержание. Чисто на рефлексах ожидая крика судьи — матэ! Только судья не кричал, а Сурков, гад, лежа подо мной, лупил меня в фейс кулаками. И вся школа потом судачила, кто же победитель-то? Меня тогда никто не учил добивать. Ну а удушение — свои ж люди, убью еще...

Эта, первая бандитская поросль, была странной. Парни, что сейчас пошли вымогать дань с какого-то фарцовщика или валютчика, искренне верят, что устанавливают социальную справедливость. Пока они, не жалея сил, отстаивают честь Родины на татами, какие-то слизняки жируют! И никто им ничего не может сделать! Ну, ничего, мы вам покажем. И показывали. Оказалось — весьма выгодно. И опять же, работать не нужно. Хотя тому же Топину, вроде и зарплату платили, и квартиру дали. Но зверства в них, еще не было.

Я, тем временем, дошел до дома на канале Грибоедова, и зашел в парадную. Новая вахтерша въедливо выяснила, кто я и куда. Солидно объяснил, что в пятую квартиру, к Софье Игоревне, мне назначено. Я её племянник, теперь будем часто видеться.

Михалыч, увидев меня, просиял. Но начал выговаривать:

— Нельзя же так, Коля! Пожилая женщина волнуется, а тебя все нет!

— А в чем дело-то? Договаривались между одиннадцатью и часом. Сейчас и двенадцати нет.

— Нет уж, Николай. Давай договоримся на будущее. Если ты пообещал Софье Игоревне быть между двенадцатью и часом, то не позднее двенадцати ноль одной, изволь быть! Она очень переживает.

Каверзнев, хоть и скользкий тип, но ничего мужик, вроде. Вон как за бабку врубается. А может, боится, что она помрет, и сделка сорвется. Но не похоже. Искренне волнуется. Затем я был препровожден, и удостоен предстать. То ли она поела, то ли некое оживление вокруг, но выглядела Софья Игоревна лучше, чем давеча. Я, не мешкая, вручил Михалычу пачку сотенных. Тот взялся было писать расписку, но я его остановил:

— Не стоит, Евгений Михайлович. Если что-то пойдет не так, то я просто поделюсь этой историей с вашими партнерами на Мира, — я заглянул ему в глаза, и мило улыбнулся.

— Перестань выдумывать, Коля! И давай паспорт. Я схожу, сделаю копию. В ближайшее время поезжай домой, выписывайся на этот адрес. Пойдем в паспортный стол. Я уже договорился.

Имеется в виду, нотариальная копия паспорта. Сейчас еще нет заверенных ксерокопий. Там отдельная бумага, с солидными печатями.

Он достал из портфеля стопку бумаг, и мы с Софьей Игоревной их подписали. Потом он собрал портфель и отбыл. Пообещав вернуться. Ты, Коля, дождись. А потом мы пили чай, и

старуха показывала мне семейный альбом. Для посторонних ты, Коля, мой внучатый племянник. Будь любезен знать своих родственников. Фото, конечно, производили сильное впечатление. Гейнгольц — крупный, полноватый мужик, с «лицом бреющего англичанина». Она, вся такая воздушная и счастливая. Это мы в Ялте, Коля. После свадьбы отдыхали месяц. В тридцать седьмом. Мне здесь двадцать пять. Какие-то, действительно, её и его родственники. Их нет уже, Коля. Война. Да и потом. Она сама из Минска. Закончила здесь университет, и познакомилась с Вениамином Михайловичем. Софья Игоревна! А муж-то у вас, был не промах! Уговорить девушку на пятнадцать лет младше... Ох, Коля, он был великолепен! Ну и остальные фоты — ого-го. Она с Берггольц. С Пастернаком. С Ахматовой. Он с Курчатовым. С Келдышем. Еще с какими-то людьми. В президиуме. Это заседание Президиума академии, Коля.

— Как же так вышло, что вы совсем одна?

Она неожиданно расплакалась. Сквозь слезы говорила, что уже все знакомые умерли, а она все никак. Глупо себя чувствуешь, в чужой квартире с плачущей хозяйкой наедине...

Возвращаясь домой по Невскому, я рассеянно думал, что старые фото независимо от контекста, все время демонстрирую некий внутренний свет. Которого, может и не было. Но время — такой ретушер!

Еще я думал, что жаль Олега. А сделать-то что? Сказать, Олегыч, тут тебя какой-то боксер грохнет. Ты уж поосторожней... Пхе.

И, занятно, что придумает Сурков? Потому что я взял на себя обязательства, которые пока не смогу выполнить. Можно правда, сгонять в Москву. Там, в поселке Художников, что на Соколе, проворовавшийся чиновник спрятал в спинку кресла пятьдесят тысяч.^[1] Смешная история. И нашли их случайно, в нулевые. Но там — почти деревенское подворье. Собака. Тоже та еще история.

Сурков сидел дома, у телефона. Все нормально, Дух. Я все придумал.

Глава 26

Отступление про питерских бандитов

Я, честно говоря, никогда не понимал, с чего это Санкт-Петербург носит статус бандитской столицы? Глупо отрицать, что, как и везде, в девяностые, в Питере было много бандитов. Но, присмотревшись, все время испытывал недоумение. Если коротко, то — какие-то они опереточные и демонстративные. Не говоря о том, что реально, по сравнению с московскими, к примеру — бедноватые.

Хотя, конечно, ребята были крутые. Честно скажу, что я считал себя в девяносто третьем — ого-го каким бойцом. Но однажды, осенним вечером, в питерском ресторане, я ожидал возле гардероба девушку, что отошла поудрить носик. И тут случилась бандитская разборка. Сейчас и не разобраться, что это было. Но в дверь ресторана ввалилось трое. И я ничего не успел понять, как словил в бубен. Теряя сознание услышал только — «Полежи пока». То есть вошедшие в кабак мгновенно оценили ситуацию, сочли меня опасным и положили. Да так, что я и не увидел. А я и вправду в девяносто третьем был хорош...

Нет-нет! И злодейства, и деньги в Петербурге крутились большие. Но это с точки зрения простого обывателя. А с точки зрения макроэкономики — ерунда какая-то. В то время как за Уралом воры брали под контроль чуть ли не отрасли. И борьба там, за Уралом, шла — не чета питерским стрелкам и теркам.

В девяностых несовершенное законодательство вместе с выборочным правоприменением позволяло обвинить и посадить почти любого. А граница между уголовником и простым коммерсантом была настолько размыта, что и сами персонажи не ответили бы, кто они есть.

Так что великий Питер был, как это ни смешно, заурядным и не сильно отличался от остальной страны.

Но имидж у города был — как у самого отпетого места в России. Причем даже те, кто знал, что к чему, попадали под магию термина «Бандитский Петербург».

Собственно об этом я и болтал в новом терминале аэропорта Пулково, построенного на китайские кредиты, со своим приятелем. В начале десятых годов, насколько я помню. Он был пиарщиком, участвовал во множестве избирательных компаний. Наши с ним дети учились в одном классе. Мы и познакомились на классных собраниях. Совместно осаждая еще одного папашу, отца парней-близнецов. А по совместительству — какого-то главного по группе «Стрелки». Мы упорно требовали от него, чтоб он нас познакомил с блондинкой и брюнеткой из «Стрелок». Мы должны подробнейшим образом обсудить с ними пентатонику, Саня! Он виртуозно увиливал, и мы славно проводил время на унылых собраниях.

Встреча вышла случайной. Точнее я сидел, а он вошел в ВИП-зал, пожал мне руку, и воскликнул, показывая рукой вокруг:

— Вот это по-нашему, по-бандисткопитерски!

Ну, я и спросил, с какого извините, хера, Питер — Бандитский? Ты-то, Паша, уж всяко повидал бандитов.

Он летел в Екатеринбург, кажется. Я — в Москву. Час до моего рейса он рассказывал мне прелюбопытные вещи.

— Дело в том, Коля, что в Санкт-Петербурге никогда не признавали традиционный

институт воров в законе. И именно это позволило власти страны сделать его полигоном по отработке взаимоотношений населения и власти.

— Ты слезь с трибуны и попроще.

— Изволь. После ухода коммунистов, город лишился управления. И управлять им стали бандиты.

— Фигня какая-то!

— Конечно! Но как еще заставить работать криминальный капитал в стране, которая в девяносто первом году объявила дефолт?

— То есть бандитам позволили думать, что они управляют, в обмен на инвестиции?

— Можно и так сказать. Хотя, все гораздо сложнее.

Дальше он мне рассказал, что вообще-то, бандиты контролировали прессу и ТВ. И все. Нет, понятно, рынки там, таможню вроде. Но как только они попробовали заняться серьезными вопросами, и оформили собственность на Кириши(Кинришский НПЗ, он же КНОС) и Порт, бандиты тут же и кончились.

А все эти леденящие кровь саги, типа «Бандитского Петербурга» — создавались на деньги бандитов. И Невзоров вещал на их деньги. И сам автор «Бандитского Петербурга», этот Баконин, он же Константинов, вместе с его непримиримым АЖУРом, тоже живет на деньги тамбовских.

— Причём, обрати внимание, Николаша, когда мэром был Собчак, в городе рулили Малышевские, а Невзоров рвал Собчака в каждой передаче. Но как пришёл Яковлев — шишку стали держать Тамбовские, а Невзоров затих. Сам же понимаешь, случайность.

Он заржал.

— Понятно, «Бандитским Петербургом» — Кумарину сотоварищи позволили потешить эго. А что тогда с «Бригадой»?

— «Бригада» — это бездарная попытка сделать «Однажды в Америке» на фоне русских пейзажей. Но заодно ненавязчиво подана мысль, что бандиты это круто, но есть и посерьезней ребята. А «Бандитский Петербург» — про то, что нет никого, кроме бандитов.

— И в чем смысл?

— Как всегда, в деньгах. Слава бандитской столицы привела к тому, что при выборе объекта кредитования, импортный инвестор избегал Питера. И шел он куда, Коля? Правильно! В Москву! Как завещал нам великий Чехов.

— То есть, чтоб иметь постоянную кредитную подпитку, Лужок засылал артистов, которые снимались в «Бандитском Петербурге»?

Паша снова заржал.

— Коля! Все просто! Именно благодаря питерским бандюкам власть поняла, что важно не то, что происходит. А то, что скажут по ТВ. Ты помнишь, какую херню нес Невзоров про Собчака? И сработало!

— Собчак, вообще-то, тот ещё был деятель.

— Ха! Да кого волнует, что Собчак мудака? А вот что он разворовал Эрмитаж — сожрали и возбудились!

— Да уж. Невзоров по чесноку бандюкам отработал.

— Ну, как мне помнится.... Так сложилось, что в Питере было две мощные ОПГ. Малышевские и Тамбовские. Все конечно не так просто. Были серьезные ребята — чеченцы. Были Шутов, со своими бойцами. Не говоря о «Русском видео». Но главными были эти две команды. И была третья сила. Её возглавлял Костя Могила. Он был скорее сторонником

воровских как раз традиций. И вот эта его команда была определяющей.

То есть как это было? Как только между Тамбовскими и Малышевскими назревал конфликт, он занимал чью-то сторону. И на этом конфликт, зачастую, исчерпывался. Причем из каждой ситуации он выходил с прибылью. Стороннему наблюдателю было трудно понять, с чего вдруг у простого бывшего работника кладбища, такой авторитет?

Паша сходил к буфету и налил соку.

— Просто началось все, Коля, не при Собчаке. И даже не при Горбачеве. А где-то в начале восьмидесятых, когда на Ленфильм устроился работать каскадером Константин Карольевич Яковлев. Может от этого у питерской братвы такая нежная любовь к кинопроцессу... Собчак запустил городскую приватизацию в девяностом. Еще при Горбачеве. Никого не удивило, что как только началась приватизация, бандюки в неё включились. Но никто не задумывался, откуда в нищем на тот момент городе такие деньги? Есть разные версии, вплоть до участия ГРУ в наркотрафике. Но точно известно одно. Костя Могила — создатель и контролер канала доставки криминальных денег в Питер. Там, кстати, с ним однажды, во время перевозки случилась занятая история...

План Суркова оказался, в общем-то, прост по сути. Но требовал пристального внимания к деталям. И в этом Сурков оказался неожиданно прекрасен.

В девять тридцать утра, любой прохожий мог наблюдать следующую картину. По Лиговке, на площадь Восстания выехал затрапезного вида бортовой УАЗ-452, с деревянной будкой возле кабины. В кузове лежали какие-то мешки. Стояла небольшая бетономешалка. В будке сидел хмурый я. В брезентовых штанах и куртке, накинутой на тельняшку. На голове дурацкая вязаная шапочка с цветным орнаментом. На ногах кирзовые говнодавы. К фаркопу УАЗа была прицеплена двухколесная мобильная электростанция, для сварочных работ. В кабине сидели одетый точно так же как я Сурков, и водитель, Сергей Степанович — вполне нам соответствующий мужик лет пятидесяти. На дверях машины было написано «Аварийная». На бортах надпись «Водоканал».

Как по мне, все это напоминало въезд разведчиков цыганского табора в незнакомый город. Тем не менее, сделав круг по площади Восстания, на глазах у гаишника, УАЗ выехал на Невский. И, не торопясь, потарахтел во втором ряду. Переехав Аничков мост, свернул направо, на набережную Фонтанки. А там немного проехав, повернул на Ракова, где и остановился.

Я выпрыгнул из кузова, Сурков вылез и кабины. Он толкнул дверь, и мы вошли в парадное. Деревянная будка с остеклением сверху. В ней тетка сурового вида в очках. Читает «Ленинградку». Справа от будки, дверь в квартиру. Напротив тоже. За дверью в квартиру — дверь в подвал. Потом лестница наверх. Дверь в подвал закрыта на замок.

— Где здесь у вас протечка? — обратился Сурков к тетке. — Нас с центральной прислали. Устранять.

Подошел к двери подвала, подергал, и сказал тетке:

— Открывай!

— Я позову управдома, — ответила тетка, вышла из будки и позвонила в дверь напротив. Управдом была грандиозна. Не в смысле размеров, хотя и это тоже. А... ну вот Нонна Мордюкова в «Бриллиантовой руке» — это треть от суровой властности управдома на улице Ракова.

Дальше они ругались с Сурковым. Смысл — что за нахер, почему я не знаю? А я при чем? Звони в центральную, разбирайся. Подпиши здесь и мы пошли. Не буду я ничего подписывать, объясни толком. У вас в подвале течет, и в квартале низкое давление. Нас прислали устранить. Давай, подписывай, и мы поехали. Блин, у Сереги фанерный планшет, с металлической скобкой, прижимающей затертые и грязные бумаги. Я меланхолично сидел на корточках у стены и курил. Тетка ушла звонить. Я вскинул на Суркова глаза. Он кивнул головой, мол — спокойно, все подготовлено. Тетка вернулась, и сообщила что в диспетчерской ей сказали, что у нас здесь работает аварийная бригада. Из кармана накинутого плаща достала связку ключей, вставила в замок подвальной двери и открыла. Сурков перехватил её руку, потянувшуюся к выключателю у двери.

— Если там обрыв трубы, тетя, то он не случайно. Не дай бог газовая тоже треснула. Коля, возьми. И респиратор, не пижонь.

Он достал из противогазной сумки на своем боку простенький газоанализатор, и сунул мне в руку. Я накинул ремень шахтерского фонарика через шею, взял в одну руку сам

фонарик. Надвинул респиратор, взял анализатор в другую руку и ступил на лестницу.

Дальше все нужно было делать быстро. Я спустился в подвал, и осмотрелся. Повернул налево и увидел торцевую стену, под потолком которой тянулись трубы. Ну вот. Вон оно, пятно. А вот этот кран мы сейчас и снесем. Я достал из кармана спецовки бульжник, завернутый в брезентовые рукавицы, примерился и саданул по крану. Хватило одного удара. Отшвырнул бульжник в кучу хлама в углу. Посветил, увидел там мятое ведро. Набрал ручьем льющейся воды. Увлажнил стену. Увлажнил пол вокруг течи. Постоял и вернулся.

— Зажигайте свет, — я протянул анализатор Суркову. — Сорвало кран. Нужно воду перекрывать, и менять. Только там пятно в стене. Как бы не разрыв трубы в грунте.

Снова отошел к стене, сел на корточки и закурил. И слушал, как Сурков опять ругается с управдомом. Подождите, я жильцов предупрежу. Ты открой ворота. Мы машину загоним во двор, и вызови дворника, здесь сейчас все будут засрано.

Когда в подвал спустились менты, все было как положено у Каноничной Бригады Сантехников. У стеночки, на боку, лежит тумбочка без ножек. На ней стоит початая бутылка водки, стакан, краюха круглого питерского черного, кусок колбасы, луковица, и соль. Во дворе ревет сварочный генератор. Провода от него, через черный ход, тянутся в подвал. Я приваривал фланцы к обрезанной трубе. Сурков сидел на ящике возле тумбочки и скручивал вентиль на трехдюймовом кране. Мы с Серегой, летом восемьдесят первого, по протекции моей мамани, отработали два месяца на монтаже башенных кранов. Тогда мы и научились электросварке. И я не боюсь с тех пор высоты, и знаю, что такое полиспасть.

— Вас что, эта жаба прислала? — спросил Сурков ментов. Менты фыркнули.

— Покажи документы, — тем не менее сказал старший сержант. Сурков протянул планшет. Там пачка бумаг. Наряд на работы, какие-то накладные. Он мне сказал, что все реальное и соответствует. Но ментов не особо интересовали бумажки. Они просто отработывали вызов. И убедились, что все нормально. Серега сказал:

— Мужики, по соточке?

Потом мы, по очереди, махнули по сто. А Сурков заявил:

— Это она вас вызвала, чтоб не платить за нашу ударную работу. Пойду, скажу, что мы течь устранили. И поедем. А воду включат дня через три.

Менты заржали, и они, все втроем, пошли на выход. Как же орала управдом! Но мы были нестигаемы. За десятку ты сама здесь в духоте колупайся. А мы поехали. Коля, сворачивай все! Хорошо, хронь водоканальная. Четвертак. Вперед! Продолжая переругиваться, они ушли. Возле лестницы Серега обернулся и кивнул мне. Я взял в руки кувалду.

Уезжая, мы все аккуратно прибрали, помогли вызванному дворнику смыть следы от переноски бетонного раствора, и грязи от беготни туда-сюда. Потому что вскрыв стену (всего в полкирпича, небрежно сложенная лет десять назад), мы её опять заложили. Все как положено, намешали раствора, притащили кирпичей. Даже управдом не нашла к чему придраться. Только бухтела, что за тридцать пять рублей, могли бы и быстрее. А то полдня возились. А мы погрузились, и поехали. Возле нашего дома, что на Фонтанке, я с мешком, выпрыгнул из кузова и поднялся к нам в квартиру. Бросил мешок с деньгами и какими-то золотыми цацками в угол, разделся и включил душ. Подумал, поперебирал кассеты. Воткнул в магнитолау AC/DC. И залез под не успевающую нагреться воду...

— Представь, Дух, что ты директор Елисеевского!^[2]

— Проще себя министром представить ...

— Не отвлекайся! И вот представь, что ты достал итальянские радиаторы отопления.

Что делать?

— Да! Не звонить же в ЖЭК.

— Абсолютно верно! Они пришлют дядю Васю, и он загубит прекрасные ништяки. Ис решение — есть! Оно называется — аварийная бригада водоканала. За сравнительно небольшие деньги, ты нанимаешь эту бригаду, и она тебе все делает как нужно, обладая всем необходимым инструментом и расходными материалами. Для конспирации, все оформляется как аварийный вызов. Бригада приезжает и работает. Любая проверка подтвердит. Так что нам, Колян, всего лишь, нужно сделать вызов. И на любой звонок в диспетчерскую, оттуда будет идти ответ, что бригада работает.

Все так и вышло. Ранним утром мы приехали на промбазу Ленводоканала. И познакомились с Сергеем Степановичем. Которому сообщили, что сами все отремонтируем. С него — все обеспечение работ. И техническое и документальное. За двести рублей в день, нам предоставляется машина с водителем, и всем необходимым. Вишенкой на торте в этой истории то, что Водоканал выставит ЖЭКу на Ракова счет за работы...

Сурков приехал под вечер. Я сидел, пил чай, и тер глаза. Пока варил фланцы, нахватался зайчиков, и теперь глаза слезятся. Кому-то все равно нужно было вернуться за машиной и шмотками, что мы сложили, переодевшись в рабочее.

— И насколько мы разбогатели? — он зажег свет.

— Выключи нафиг! И так как песку насыпали, — нет-нет, сам шов я сварил если не безупречный, то качественный. Но, давно не варил, и нахватался.

Сурков вытряхнул на пол мешок. Быстро сложил пачки на столе. Одни сотенные.

— Двести семьдесят тысяч! И... в общем — золотые украшения!

Ящик был заполнен на треть. Кроме денег, там лежали какие-то кольца, кулоны. Даже в подвале было видно, что ширпотреб.

— Это все я заберу себе, — Сурков снял с холодильника початую бутылку коньяка и налил в два бокала — а ты, Дух, придумай еще какой-нибудь клад. Я почувствовал в себе освежающую жадность.

Мы пригубили. Серега закурил.

— Ты не знаешь, Коль, почему так тоскливо?

Ответить я не успел, зазвонил телефон. Я снял трубку. Это оказалась Софья Игоревна. Потом она мне минут десять выносила мозг. В конце концов я с ней попрощался, и опустил трубку.

— Не грусти, Сурков! Тебе пора познакомиться с этой мощной бабкой. С этой Софьей Игоревной! Я чувствую, нас ждет борьба за её благосклонность!

Несколько следующих дней остались памяти чем-то сумбурным и невнятным.

Фред, кстати, не обманул. Он дал мне два телефонных номера. Мужчины и женщины. Я, естественно, позвонил женщине. Мы встретились. Все достаточно просто. Я даю ей деньги, а она организует для меня вызов от дальней родственницы из Финляндии. Есть тонкость. Несколько лет назад была запущена, как сказали бы в двадцать первом веке, программа коммуникаций малых народов. Трудно сказать, какой профит имел Союз. Но контакты и поездки между представителями скандинавских малых племен существенно упростились. Женщина, с которой я встретился, делала не только приглашение, а еще и справку, что я, на десятую часть — вепс. То есть мой прапрадедушка — вепс. Это такая народность распространенная на востоке Финляндии, на Карельском перешейке, и вокруг Ладожского озера. По аналогичной схеме будет вызов и у Суркова. Нас заверили, что не мы первые, и все отлично работает. Мы внесли авансом по сто рублей, договорившись, что сам вызов нам организуют в сентябре. Фред, в лучших традициях денег не взял.

После операции по изъятию денег на Ракова, я представил Суркова Софье Игоревне. Проще говоря, я переехал в квартиру на Грибоедова. И занял гостевую комнату. Пару дней обживался. Потом Софья Игоревна сообщила, что не прочь продать и гараж, что расположен во дворе. Вместе с авто, Коля, ты же, вроде бы, спрашивал. И я представил Серегу.

Так мы и оказались с Сурковым у гаража. Внутри, покрытая пылью веков, стояла белая Волга ГАЗ-21. На спущенных шинах. Два с половиной года она там стоит. Но мы подготовлены. Приехали не только с насосом, но и с мощным аккумулятором. Это была нелегкая битва. Но мы её не только завели, но даже прокачали тормоза. И отогнали в Таксопарк № 1 что на Конюшенной. Там, соблюдая все правила конспирации, мы загнали Волгу на ТО. В общем, Сурков теперь со своим авто.

А я затеял легкий ремонт на кухне. То есть нашел в местном ЖЭКе людей, что согласились покрасить стены, и повесить и установить мебель.

С мебелью вышло выбешивающе. Я, по-простому, приехал на Лиговку к Верке и говорю нужна простая мебель для кухни. Выяснилось, что это эпичная история. Просто зайти в магазин неподалеку и купить — нереально. Запись, очередь, бери что дают. В общем, по Веркиной протекции, еду на Черную речку. Встречаюсь с продавцом. Он, методом подмигиваний и движений щек, сообщает, что за две цены, есть кое-что. Но не здесь, а на Тореза. Но деньги отдай здесь. Сгоняй туда, выбери, и приезжай оплати. Но зато, на Тореза мне впарили даже финский холодильник Розенлев.

Короче, привезли, заскладировали в гостиной. Потом пришли усталые с утра работяги жека и вынесли хлам с кухни. И начали красить. Тут старуха заявила, что всю жизнь проводила август на даче в Сестрорецке. Коля, ты не мог бы меня отвезти.

И на следующее утро я отвез старуху в Сестрорецк.

В быту и общении она оказалась легкой и ненапряжной. Сидела себе тихо в своей спальне и читала русских классиков. В частности Лажечникова и прочих Гаршиных. Но очень любит поболтать. И, минимум час в день, мы пьем чай и болтаем за жизнь. Не скажу, что сильно от этого страдаю. Болтать с ней интересно. Но стук-грюк и запахи краски повлекли её на дачу.

Дачный кооператив института, где работал Гейнгольц, в козырном месте. Улица

Пляжная, с видом на залив. По дороге Софья Игоревна меня просветила. Два года она не отдыхала на даче, не было средств. Но теперь она едет не скучать в одиночку. А там у нее есть женщина, что она нанимала на лето. Я созвонилась, Коля, Ирина должна нас ждать.

Так и оказалось. У маленького щитового домика, на вполне приличном участке, нас ожидала еще одна бабка. Открыла ворота, я загнал Волгу и перетаскал барахло в дом. Двухкомнатный домик, с огромной остекленной верандой. Старухи начали трещать о своем. А я был благосклонно отпущен. Сел в машину, и поехал обратно в Ленинград.

На обратной дороге я слегка заблудился, и проехал поворот к ж/д-платформе. В результате, оказался на грунтовке в густом лесу. Там увидел стоящую на обочине Волгу ГАЗ-24. Рядом мужчина и женщина, со смутно знакомыми лицами. И маленькая девочка, лет четырех.

Увидев меня мужик, замахал руками, и я его узнал. Анатолий Александрович Собчак, собственной персоной. Дама — скорее всего Нарусова. А ребенок — Ксюша, будущая королева гламура, эпатажа, и вообще. Я не смог проехать мимо.

— Здравствуйте, — затараторил Собчак. — У вас нет домкрата? Мой что-то не справляется.

Я проехал вперед и стал на обочине. Вылез и подошел к их Волге. Спустило левое заднее. А Собчак у нас — рукожоп. Хотя, речным домкратом, на грунте не всякий воспользуется.

— А запаска-то есть?

— Да! Сейчас достанем.

Дальше, без каких-либо распросов с моей стороны, он рассказал, что они снимали дачу неподалеку, сегодня уезжали обратно в город. Неподалеку действительно виднелись крыши дачных домиков.

Я открыл свой багажник, и достал нормальный гидравлический домкрат. Собчак открыл свой багажник и начал вытаскивать сумки. Под ними у него запаска. Баллонный ключ сейчас, это не изогнутая загогулина. А именно ключ, в который вставляется монтировка. Я сорвал гайки, сунул домкрат, и поддомкратил. Руками скрутил гайки, и откатил колесо. И понял, что дело плохо. Обернулся. По дороге, не очень и торопясь, приближались трое. В резине сидел ёж — сваренный из половинок трех гвоздей-соток прибабас, что кидают на дорогу. Как бы ни упал, все равно острием вверх.

— Анатолий Александрович! Прошу вас. Возьмите ребенка, жену и встаньте за машиной, — сказал я. Вытащил монтировку из ключа, и элегантно ею помахивая развернулся к троим уголовникам.

— Далеко уехал, бля! — прорычал самый крепкий из них.

— Вы меня знаете? — удивился Собчак. Потом обернулся к парням. — Прекратите выражаться!

Нарусова сообразила все гораздо быстрее. Схватила Ксюшу, споро отошла за машину, и усадила ребенка на заднее сиденье.

— Рот закрой, бля! — сказал старший, доставая нож. Они встали передо мной, двое разошлись по сторонам.

— Пацан! — обратился он ко мне. — К тебе у нас дел нет, можешь ехать.

— И поеду, — ответил я, доброжелательно улыбнувшись. — Помогу, вот, мужику, и вперед.

Дальше произошло сразу несколько событий. Собчак воскликнул традиционно-

интеллигентское. — Вы что себе позволяете, и направился в их сторону. Нарусова закричала: «Толя!» А я ногой кинул песок в глаза правому, монтировку в левого и, присев, пробил кулаком по шарам самому крепкому. Он, к его чести, успел махнуть ножом. Но я, не останавливаясь, докрутил влево и, вставая, крюком снизу положил второго. Только продравшего глаза третьего, я вырубил локтем по почкам. И лишь теперь почувствовал, что по шее течет кровь. Твою мать! Он задел все же ножиком ухо! Впрочем, не сильно. Тут подошел Собчак. И замер.

— У вас носового платка не будет? — спросил я, поднимая монтировку. Он, вовсе не растерянно, а несколько отстраненно разглядывал натюрморт. Нарусова опять сообразила быстрее. Она полезла в машину, достала сумочку, а из нее, белый носовик. Что самолично приложила к моему уху.

— Спасибо, Людмила Борисовна, — сказал я, убирая её руку, и прижимая платок. — А воды у вас нет? Просто воды?

Она снова пошла к своей машине. А я ждал развития. Мужики зашевелились. Я, левой рукой, подобрал из травы нож. Главный бандит тихо скулил. Левый сел на земле и мрачно смотрел на меня. Правый тяжело задышал и блеванул.

— Забирай их, и вали, — сказал я. Левый встал, подхватил обоих под руки, и они ухромали обратно в лес.

— Внимательней, нужно, Анатолий Александрович, — сказал я. Нарусова принесла стеклянную бутылку с водой. Отобрала у меня платок, и принялась вытирать кровь.

— Ничего страшного, кровь уже остановилась, — сказала она. — Спасибо вам. Снова пошла к машине.

— А как вы поняли, что они уголовники? — спросил Собчак.

Я показал ему ежа. Тут прибежала Нарусова с пластырем. И заклеила мне ухо. Идиотизм. Дальше я помог поставить колесо, и спустил домкрат. Сунул в багажник.

— Вы так и не сказал, откуда меня знаете. И как вас зовут?

— Зовут меня Коля, — засмеялся я. — Я ходил в универ вас послушать, Анатолий Александрович. Заодно мне вас, и вашу жену показали.

Между ними всунула нос маленькая Ксюша.

— А вы, маленькая леди, Ксюша?

Нарусова заулыбалась. И я вдруг понял, что Людмила Борисовна — ничего такая. Справная барышня.

— Да! Я — Ксюса! — важно заявила девочка.

Собчак сложил баулы обратно в багажник. Потом повернулся и задумчиво посмотрел на меня. Протянул визитку. Сейчас визитки — это типо круто.

— Большое вам спасибо, Николай. Я думаю, денег вы не возьмете? Но при любой нужде, вы можете мне смело звонить, и домой и на работу. Договорились?

— Договорились. Вам лучше ехать впереди.

Выехав на площадь возле ж/д-платформы, они остановились. А я бибикнул, и поехал уже в город.

Поезд в Тихвине стоит пять минут. Прибывает в три ночи. Это беда всех небольших городов. Скорые поезда идут через них глубокой ночью. В данном случае поезд Ленинград — Вологда.

Оказывается, в Ленинграде есть такое отделение «Общества дружбы с зарубежными странами». Дружит со всем миром. Суркову позвонил наш друг Фред, и сказал, что нам нужно туда сходить, на торжественный вечер. Это упрощает получение выездной визы, Сурков. Потом поймешь. Мы встретились с людьми, что нам делают вызов. Они нам вручил приглашения.

В этом здании на Васильевском острове потом будет консульство какой-то прибалтийской страны. А сейчас — то самое «Общество дружбы». В данном случае с Финляндией. Обычное торжественное заседание по поводу. Все как положено, президиум, народ в зале, сорокаминутный доклад председателя. Сурков виртуозно дремал. А я докладом заинтересовался. Той частью, где — будем расширять, и налаживать связи вепсов друг с другом, методом родственных поездок. Потом потолклись в фойе, позырили на публику, публика позырила на нас. Да и пошли по домам. Концерт народной музыки слушать не стали. Алкоголь в буфете почему-то не продавали, а без него это слушать трудно.

А потом я задумался. После столкновения на дороге в Сестрорецке, я слегка загрузился. И тем, что меня задел. И тем, что плохо представляю себе сурковские кондиции. Нет, я знаю, что в драке на Серегу можно положиться. Но я планирую настоящую спецоперацию, с уходом лесом, отрывом от возможного преследования, и возможными попытками силового захвата. Так что притереться и понять, что ждать от напарника в экстремальной ситуации, будет не лишним. Плюс Суркову будет полезно посмотреть места компактного проживания народности, к которой мы вроде как принадлежим. И откуда наши с ним вроде как родственники. Мало ли.

Поэтому я объявил длительный переход. По пересеченной местности, в сложном ландшафте и погодных условиях. Как ни странно, Сурков идею одобрил. Кто тебя, Душина, знает. Напланировал там, а сам, в первом же овраге ноги сломаешь.

Собрались, сели в поезд, и поехали. Мы намерены за два дня пройти маршрут от Тихвина до Лодейного Поля. Сто тридцать километров. Но это по прямой.

Погода в Тихвине не радовала. Мелкий дождь, и плюс семнадцать. Август в этих местах бывает теплым. Но нам не повезло. Хотя, как посмотреть. Сурков начал бурчать, про мудацкие идеи, некоторых деятелей. Но я был неумолим.

— Как вепс вепсу, я тебе, Серега, скажу одно. Взял рюкзак и побежали.

Народ в Тихвине простой. На вопрос, как нам выбраться из города, какой-то дядька в форме железнодорожника, сообщил, что сейчас пойдет служебный автобус. Повезет ночную смену по домам. С ними и доедете до Светилово. Нет, платить не нужно. Просто попроситесь вежливо.

Так и вышло. ЛиАЗ, полный работяг, отвез нас к выезду из города. Мы покурили, и пошли вдоль обочины. Дальше виднелась еще какая-то деревня, и уходить в лес сейчас было глупо. Но не успели мы докурить, нас подобрал попутный ЗИЛ-131. И провез еще километров пятнадцать. Мы не просились. Водила сам остановился и предложил. Было неудобно отказываться. Но, в конце концов, вылезли. Я скинул из кузова рюкзаки.

Мы оба одеты как типичные туристы. Правда, и Сурков и я в кирзачах. Но местный народ это отметил скорее благожелательно. А так... Штаны от итровской спецовки. Брезентовые куртки на футболки. Балаклавы на голове. Тяжелые «Ермаковские» рюкзаки. Я лично проследил, чтоб у Суркова рюкзак весил тридцать кг. Тебе, Серега, с этим весом нужно будет скрыться с места акции, и пройти километров пятьдесят. Так что не жужжи. В общем, у него в рюкзаке восемь обычных кирпичей. Сухая одежда и портянки. Немного бутеров, термос и прочее. У меня аналогично.

Не обращая внимания на сурковское нытье, ну отлично же ехали, Коль, к вечеру бы уже добрались, скомандовал выдвижение. Ну, попрыгали, и потрусили потихоньку. Попрыгали не для проверки звяков и грюков. Так рюкзаки лучше ложатся на плечи и спину. Минут через десять перешли на шаг. Дальше так и двигались. Минут десять бегом. Потом минут двадцать скорым шагом.

Все, кого гоняли на кроссы и марш-броски с полной выкладкой знают, что через некоторое время, через нехочу и немогу, наступает некий дзен. И ты, уже не обращая внимания на тело, двигаешься вперед не сильно заморачиваясь. И вполне осознанно выбирая маршрут.

Я, сначала, не совсем верно взял направление, и мы вышли к Кайваксе. Но потом приняли правее, и, уже не останавливаясь, через пять часов дошли до Ганьково. Форсировав реку Паша порогами, что выше Усть-Капши. Темп держали сознательно сдержанный.

Лес здесь не сильно заросший. Не считая попадающихся вырубок и засаженных делянок. Так что двигаться не сложно. Рельеф тяжелый. С горки на горку.

Ну что сказать. Сурков чуть тише меня. И резче. А я чуть быстрее и сильнее. Не очень-то мы и отличаемся. Меняясь раз в час, мы нормально выдерживали темп, и направление. Достаточно споро преодолевая препятствия, или обходя их, если завал не перелезть.

Мой отец родом из Шугозера. Так что места мне не совсем чужие. Хотя, старшая сестра отца померла, когда мне было лет десять. А дед по отцовской линии, погиб в сорок втором. Под бомбежкой, на станции Бологое. Бабушка по отцу ушла когда меня еще не было.

Деревню Новинка мы проходили, когда уже совсем стемнело. Но останавливаться не стали, а шли еще часа четыре в темноте. Это только кажется, что в темноте ничего не видно. Но света освещенных луной облаков, вполне хватает, чтобы идти в чистом лесу. Когда подлесок стал уже совсем густым, мы остановились. Не зажигая огня, меняясь, поспали по паре часов. Потом вышли к дороге и до рассвета в темпе двигались по обочине. За все время по ней прошло всего три машины. Все было нормально, только доставали комары и мошка.

С рассветом ушли влево от дороги, и прибавили.

Потом мы вышли к какой-то заброшенной деревне. Десятка три домов. Судя по столбам, было электричество. Дома крепкие. Если я правильно понял, просто кончились жители. Кладбище за деревней большое. Не заходя в дома, развели костер, и согрели воды. Попили чаю. И пошли дальше.

Перебирая ноги трусцой, я думал, что все всё забыли. Вот они, брошенные деревни. Вот она ужасная дорога. Бандюков полный Питер. И при чем здесь лихие девяностые? Не знаю. Мне кажется в девяностые это вот все — закончилось. Хотя, кто его знает. Может и нет.

Тем не менее, речку Оять с ходу перескочить не удалось. И мы, как настоящие туристы, перешли ее мостом, в деревне Алеховщина.

Дальше маршрут был не то, чтоб тяжелый. Но изматывающий. Долго-долго в горку. Потом столько же под горку. И снова в горку. И все это в лесу, с вывороченными деревьями.

И болотами в низинах. И комары, суки.

К автобусному и ж/д-вокзалу Лодейного Поля, мы приехали на маршрутном городском автобусе. На въезде в город остановка.

Все оказалось лучше, чем я ожидал. Сто двадцать километров мы прошли лесом за тридцать семь часов. Только на остановке выбросили кирпичи из рюкзаков. Намотали свежие портянки и закурили.

— Ну что же, Дух. Тебе дали неплохие навыки, — сказал Сурков. — Как ни странно, но армия принесла тебе пользу.

— Эх, Сурков. Не знаю, как в морской пехоте. А в армии польза — это не то, что армия рядовому дала. А то, что солдат сумел у нее взять, и скрыться. Я же понимаю, что морская пехота это отсутствие всякого насилия! Это командиры, ожидающие когда ты появишься, чтобы страстно целовать твое длинное тело.

— Еще и манная каша в полдник. На молоке. И старшина роты слюнявчиком тебе губы вытирает.

— Я и говорю, Серега. Есть в тебе изнеженность.

Водитель Икаруса Лодейное Поле — Ленинград сморщился, когда мы протянули ему билеты.

— Хули ты морщишься? — наконец-то вышел из себя Сурков. — Хочешь, чтобы я снял сапоги?

Ну, амбре от нас несколько чрезмерное. Но относиться к нам как к бомжам, не стоит. А водила оказался вменяемым, и с юмором:

— Мне-то плевать, но там несколько дам сидят. Они знаешь, какой вой поднимут? Вы садитесь на последние места. А если что — начинайте переобуваться.

Всю дорогу мы проспали и не в курсе, беспокоил ли кого запах туризма. В Питере вылезли на автовокзале, что на Обводном.

— Ты, Коля как хочешь, а я в баню.

— Еще как в баню.

— А одежда?

— А эва? — я показал ему пакет с одеждой, что лежал на дне рюкзака.

— А выпить? Времени-то уже — девять вечера.

— Зачем же, Сурков, показывать всем свое деревенское нутро? В деревне с темнотой, жизнь останавливается. И скрашивается лишь легким сексом на сеновале. Но здесь-то — столица! В общем, едем в Невские бани. Вон такси, и пусть только начнет крутить носом.

Пятнадцатого августа я получил студенческий билет. Тридцать первая группа. Второй курс. С удивлением понял, что мне приятно снова стать студентом. Не мешкая, пошел в Дом Книги, купил кучу специальных книжек по экономике. Я намерен сдать Историю экономических учений с первого захода.

Вместе со студенческим, меня озадачили кучей формальностей. И следующим утром я пошел в профком и комитет комсомола становиться на учет. В профкоме, после предъявления студенческого, познакомился с председателем студенческого профкома. Тезка, Коля Мальцев, очень приятно. Деловитый, а костюме и галстук, брюнет. Пятый курс, факультет кибернетики.

Был внесен в талмуд. А затем проинформирован, что могу рассчитывать на льготные проездные, и путевки, в частности, в институтский пансионат, в Змеиной Горке. Потрясенно сообразил, что именно этой осенью и зимой там будут проходить знаменитые семинары о реформах в России. Которые станут основой реформ девяностых. Вежливо поблагодарил, и сказал что подумаю. А после у меня с председателем студенческого профкома состоялся любопытный разговор. Он, переписав данные моего паспорта, задержал взгляд на предпоследнем месте прописки. В частности на штампе ЗП.

— Слушай, Андреев! — воскликнул он — У вас же там — зона пропусков?

— Ну да. Только пешком, или на авто в объезд. С электрички ссадят пограничники.

— То что надо! Ты не знаешь, там никто не продает участок? С видом на залив?

Питерский истеблишмент имеет дачи на северном берегу Финского залива. Ну, вот это все — Репино, Ольгино, Лисий Нос, и прочие Зеленогорски с Комарово. Южный берег залива забрали себе русские цари и их фавориты. Стрельна. Петродворец. Ораниенбаум, с Меншиковским дворцом. А дальше — рулят вояки. Которых береговая линия не особо и интересует. И там потихоньку начинается дачное шевеление. Те, кому важны не понты, а красота, с удовольствием обживают Южный берег, расслабленно наблюдая из кресла на веранде корабля, идущие в порт. И собственник подворья без проблем получает пропуск на въезд. Так что посыл понятен. Я достал сигареты, испросил взглядом разрешения закурить. Он подвинул пепельницу.

— Можно порешать, — я щелкнул Зиппо. — У тебя предпочтения есть? Ижора, Лебяжье, Черная Лахта? Я бы рекомендовал Шепелево. Перешеек между озером, и заливом Вид не очень. Но зато еще и озеро. Правда, в озере гидросамолеты. Но их вроде выводят.

У него загорелись глаза.

— Можно будет выбрать? — он внимательно меня осмотрел, и кивнул своим мыслям. — Что ты хочешь?

— У моей прабабки есть сестра в Хельсинки. Готова выслать вызов. Хочу съездить на пару недель. Я могу рассчитывать на благожелательность при утверждении?

Мальцев откинулся в кресле и задумчиво уставился в потолок.

— Ректор, партком и я — поддержим, — наконец изрек он. — А с комитетом комсомола сам решай.

По едва уловимому движению его глаз я понял, что с председателем местного комсомола он в контрах.

— Годится! Давай так. Мне приглашение придет в начале сентября. Чтоб на каникулах

поехать. Я схожу на Желябова, возьму анкеты и приду к тебе. Заодно познакомлю с маклером, он твой вопрос решит. Устраивает?

— Дорого у вас там участки продаются?

— Не парься. Тебе по-любому достанется. Отвечаю.

Мальцев еще раз осмотрел меня. Я ему подмигнул. Сейчас в Союзе дела так и делаются. Обмен услугами. Ты ему помогаешь купить участок с видом на залив. А он тебе помогает получить разрешение на поездку в соседнюю страну. Пожали друг другу руки, весьма довольные.

А потом я, из профкома, напрямик направился в комитет комсомола. Он в правом крыле, недалеко от столовой. Логово сознательной молодежи занимает две комнаты. В большой, сучали две симпатичные студентки. Очень оживившиеся при моем появлении. У меня взяли комсомольский билет. И десять копеек взносов. Заполнили учетную карточку комсомольца, и при этом, не останавливаясь, трещали. Секретаря комитета зовут Ярослав Меркушкин. Четвертый курс факультет статистики. А ты в общаге будешь жить? А почему из Москвы уехал? Тебе нравится в Ленинграде? А почему финэк, а не военмех? Ответы их, похоже, не очень интересовали. Тут открылась дверь, и вошел парень. Как я понимаю, симпатичный. Тоже в костюме и галстуке. По просиявшим лицам девиц, уставившихся на парня с обожанием, я понял, что это и есть комсомольский вождь.

— Ты ко мне? — спросил он.

— Да, у меня тут личный вопрос, — он внимательно меня осмотрел.

Это и сейчас общее правило. Прежде чем приступить к беседе, присматриваются к собеседнику. Потому что бывают, без всяких шуток, правоверные комсомольцы, что пристают с разной высокопарной хренью. Но я фейс-контроль прошел. И он сказал:

— Ну, заходи. Оля, сделай мне чайку! — а неплохо он устроился. Кажется, спит с ними по очереди.

— Ярослав, — протянул он руку. Я пожал и представился. Мол, я Николай. А дело в следующем. У меня родственники в Финке. Буду пробовать съездить. В сентябре придет вызов. Поможешь?

Он, как и председатель профкома, задумался. А потом осторожно спросил:

— А еще вызов сделать будет можно?

— Один? Или... — я обернулся к двери, за которой сидели девицы.

— А что, можно и пару? На меня и жену?

— Один — точно можно. А насчет семейной пары мне нужно уточнить.

— Ни слова больше! — он засмеялся. — Николай, ты можешь быть уверен, что комсомол поддержит твою поездку.

— Тогда дай твой домашний телефон. Тебе позвонят, обсудишь.

Он продиктовал. А потом добавил:

— Вот еще что. Там у вас комсорг потока. Наташа Анисимова, — его глаза мечтательно прищурились. — Я ей скажу, но ты уж проследи, чтобы она сделала протокол собрания. О том, что не возражают против твоей поездки. Она знает, как написать.

Выйдя из института, я, не откладывая, пошел на площадь Мира. Кажется, у Каверзнева будет куча работы. Нефиг ученого изображать. Но пресловутого Кролика я там не нашел. Только бык, получивший от меня по колену, подпирал стену недалеко от бюро обмена. Посвойски хлопнули руками. Он, похоже, думает, что я его случайно одолел. И готов еще раз попробовать. Но дисциплину этот Кролик вроде бы поддерживает. Хоть и сквозь зубы, но

мне сказали, что Кролик будет завтра. Если что передать, то скажи. Сказал, что завтра в двенадцать буду здесь, прошу со мной встретиться по делу. Развернулся и пошел домой.

Вернувшись из Лодейного поля, Сурков и я всю ночь сидели в Невских банях. Эта услуга там есть официально. Что меня сильно удивило. Нет, чтоб ее получить, нужно конечно доплатить. И весьма существенно. Зато у нас с Серегой был отдельный номер. А банщик предложил самый широкий спектр услуг. От алкоголя, до девочек, и мальчиков, если заинтересует.

Забавно то, что мы, не сговариваясь, отказались от разврата. И налегали на еду и выпивку. Но и это, после часов трех парилки с перерывами.

— Что думаешь, Серега?

— После выходов я думал и думаю, что название романа Горького «Мать» — какое-то неполное. Может расскажешь уже?

— Рано. Не обижайся. Скажу только, что на седьмое ноября, ты ничего не планируй. У нас будут дела.

— Дух, у меня еще недавно было безупречное прошлое. Достойное члена Политбюро. Но я связался с тобой. И ладно, что меня теперь не возьмут в ЦК, пусть страдают, раз не ценят. Но пропускать праздники?!

— В этом и смысл! Тебе же ничего не хочется после выхода? Я и спасу тебя от разврата, и морального падения!

— Совсем?

— Ну-у-у... я ж не господь. Да и он не справится. Одна надежда, что сам откажешься... — я засмеялся. — И вообще, Сурков! Люди делятся на тех, кто любит страдать, и тех, кто в этом не признается!

Первое сентября в этом году в субботу. Институтское начальство решило, что это неплохо. Устроили, даже не знаю как назвать, что-то типа митинга. Построили перед институтом народ по факультетам, и толкнули зажигательные речи. Про овладевать знаниями, и не жалеть сил. Отметились ректор, пара руководителей кафедр, комсомольский вождь.

Я был готов. Хотя дождя и не случилось, но погода была типично питерской. Переменная облачность с солнцем и намеком на возможные осадки. То есть я надел куртку. Еще тридцатого я зашел в деканат на разведку. Девушка Маша, не отрываясь от телефона, ткнула пальцем в плакат, что занятия начинаются в субботу, в восемь тридцать. Всем быть. А потом меня перехватила замдекана по работе со студентами.

Я вообще-то ожидал мужика. Как-то не поинтересовался кто у нас замдекана. И думал, что это будет хитрожопый деятель, с глазами, косящими за спину. Финэк, как я уже говорил, бластное место. Оказалось — приятная женщина, с доброжелательным взглядом. Елена Сергеевна Коротаяева. Очень ненавязчиво, но подробно меня выпотрошила, про все. Семейное положение, уровень образования, социализация, карьерные устремления. Судя по всему, я ей понравился. Хотя, знавал я женщин, умеющих вести себя при знакомстве так, как будто с рождения ожидали встречи именно с тобой.

Тем не менее, появившись в институтском дворе, я слегка завис, не очень понимая, куда податься. Потом увидел Коротаяеву и подошел поздороваться.

— Андреев! Ты вовремя. Знакомься, это Лена Овчинникова. Она из твоей группы, введет тебя в курс дела. Познакомит с ребятами. Ступайте.

Моя чичероне — кругленькая, улыбчивая, невысокая девушка лет двадцати.

— Очень приятно. Я — Коля.

Не слушая, она схватила меня за рукав и потащила в сторону. В тылу выстроившихся студенческих масс мы остановились.

— Вот наша группа, — сказала Овчинникова.

— Я тебе буду что-то должен? Так-то, я конечно одинок. Но вдруг я тебе не нравлюсь?

— Я замужем, — фыркнула она. — Это поручение Елены, она на экзамене мне плюсик поставит.

— Слушай, я знаю в институте всего двоих девушек. И обе замужем. Или все еще хуже?

— Не волнуйся, — она окинула меня взглядом. — Не пропадешь. Ты же в общежитии жить будешь?

— Да нет. Я у родственников живу. Неподалеку.

— Ничего. Девчонки уже интересовались, что у нас там за новенький.

— Ага! А ты значит, теперь обладатель тайных знаний... — к микрофону вышел ректор, декан обернулся и строго посмотрел в толпу. С сожалением замолчал. Так-то, между делом, я намерен подробно разведать обстановку. Впрочем, у Коротаяевой дело туго поставлено. К новичку приставили гида. Она разъяснит непонятное и покажет что где.

Сурков позвонил сегодня, в полседьмого:

— Дух! Кто рано встает, того бог... не помнишь, как там дальше?

— Не хочу вспоминать, особенно в такую рань!

Мы с ним не то, чтобы поругались. Но крепко поцапались. Именно из-за посещаемости института. Вернувшись из Лодейного Поля, я всерьез засел за учебники. Меня тревожат двусмысленные улыбки посвященных. Но сгинуть в борьбе со знаниями во цвете лет, не мое. Так что я отвлекался.

Между делом выкупил из рабства товарища Каверзнева. Пришел на Мира, и увел бандюков в шашлычку. Там по-царски проставился, и заявил, что готов компенсировать пацанам убыток. Навтирал Кролику, что работаю на одного серьезного дядю, он намерен Евгения припахать. Так что, пацаны, без обид. Может мне показалось, но было ощущение, что парням приятно и уважительное обращение, и отсутствие конфликта. Тем же вечером дозвонился, и поставил Каверзнева в известность, что у него сменился рабовладелец.

— Евгений Михайлович! Всего за тысячу рублей они вас продали. Владей, говорят. Только спуску не давай, а то он ленивый.

— Тебе бы, Коля, все шутить. А мне невесело.

Но, узнав, что еженедельная дань отменяется, в обмен на оплаченные услуги, которые он обязан мне оказать, он взбодрился. Сказал, что по нашим делам все на мази, и он готов сделать, что еще попросят. Договорились, что встретимся в начале сентября и все обсудим.

Потом мы с Сурковым еще раз проговорили наши планы. Он высмеял мои попытки найти самостоятельный канал контрабанды из Союза.

— Велосипед изобрел тот, кто плохо бегал, Дух! А теперь он не знает, куда девать этот велосипед на зиму! А мы не станем ничего изобретать. Все уже есть!

В общем, он взялся обсудить с Ивой. И, как ни странно, все оказалось почти просто. Мы передаем ящик некоему лицу. Оплачиваем. И через несколько дней нам отдают ключ и пропуск, в здание в Хельсинки. Там есть такой бизнес, Душина, сдают кладовые в аренду. Целые здания, состоящие из одних кладовых строят! Тайна вклада гарантируется. Ивик говорит, что еврей-иммигранты сейчас чего только не переправляют. От чучела любимой кошки, до золотых сервизов. Фирма гарантирует доставку. Так что, как будет нужно, обратимся.

А еще нас вызволил Фред, и потребовал встречи. Подметая мусор на его участке, мы были проинструктированы. О том, что все на мази. Но вы обязаны не загреметь в ментовку, избегать скандалов, и быть кругом положительными. В середине сентября подадите заявку на Желябова. Перед этим еще увидимся.

Ну, я и сказал Суркову, что институт — не прогуливать, понял? Он возвел очи горе, и начал втирать, что это мне нужно в незнакомом месте вести себя как будто я не пью, и не интересуюсь ничем, кроме бухучета. А он, в Политехе, в авторитете. Пацаны, с которыми я поступал, Колян, уже сплошь и рядом председатели студсоветов и комсомолов. И влет одобряют и согласуют любую поездку.

— Бля, Сурков! Действительно, нафиг нам простота и комфорт? Нафиг садиться в удобное купе поезда Ленинград — Хельсинки, если можно бодрой рысью бежать по тундре? Легкое обморожение, и потеря веса — приятно разнообразят унылую жизнь. А стрельба по нам любимым из всего, что будет в округе, и вовсе бодрит. Правильно?! Нет, мы сходим в Шайбу, помашемся с Гиви с Некрасовского рынка, и загремим в ментовку! И чтоб в институте это не вздумали замять, мы на лекции ходить не будем. Потому что лекции — для слабаков!

— Дух! Мне больно это говорить, но в тебе пропал мощный замполит.

— Ты мне за козла-то ответишь, Сурков. Вот, не дай бог, узнаю, что ты лекции мотаешь.

— То что?

— То я на осенний шашлык, тебя не позову! Обойдешься!

— Даже если я Хванчкару достану?

— Особенно тогда! Чтоб знал, как друзей замполитами обзывать! Ну как совести-то хватило?

Обо всем этом я и думал, разглядывая толпу студентов, слушающих ректора. То есть о том, что сюда Сурков бы ходил без всяких требований. Толпа в основном состояла из девушек. В основном, вполне приятных.

Это забавно. Но мир серьезных финансов — это мужской мир. При всем том, что мужики-финансисты, это все же лишь верхушка айсберга. Потому что основа этому айсбергу — женщины. Они занимают средние и нижние ступени, и тащат на своих плечах мировые финансы. Но это все о том, что в институт мне будет ходить совершенно не противно.

Лекций сегодня не будет. Собрания. Разошлись по аудиториям. Ну что сказать, у нас на потоке очень даже симпатичные девушки. Ленка Овчинникова, не останавливаясь, выдавала справку по всему, на что я обращал внимание. В нашей группе, Коль, двадцать пять человек с тобой. Было тридцать. Пятеро завалили сессии, и отчислены. Ольга Петрова вышла замуж и родила в июне. Может восстановится, на следующий год.

Ребят, с тобой, в нашей группе семеро. Староста — Витя Высоцкий. Поступил после армии. Вон он, видишь? Я потом вас познакомлю. Во второй группе староста — Миша Филимонов, вон, сидит с Высоцким. Это — Наташа Анисимова, наш комсорг потока.

Анисимова — очень красивая, высокая девушка. Строгий костюм, юбка ниже колен. Аккуратно уложенная на затылке коса русых волос. Сероглазая, курносая, серьезная. Вполне соответствует образу комсомолки-отличницы. Если бы только от взгляда на нее у меня не возникало стойкое ощущение, что ей гораздо больше подойдут кожаные трусы и лифчик. Высокие сапоги, кожаная полумаска и плетка в руках... Весь мой опыт говорил, что я не ошибаюсь. К сожалению. Я-то, не по садо-мазо. А такое добро пропадает! Учится она с мной в одной группе.

Парни из моей группы — обычные парни. Одеты получше среднего ленинградца. Познакомимся. Посмотрим. Из параллельной — то же самое.

В параллельной группе, на фоне остальных, весьма приятных девушек, выделялись две барышни. Одна, просто сногшибательная красавица — Ирина Приходько. Яркое, контрастное лицо, густые ресницы, длинные ноги. Одета, в как бы тесноватые блузку и юбку, уничтожающие любой намек на любую реакцию, кроме восхищения. Недостаток один. Блондинка. Я сторонюсь блондинок. И так не очень нравятся. А еще я уверен, что они сами про блондинок и сочиняют анекдоты. Если присмотреться, в жизни лучше всего устроены блондинки. И не нужно уверять меня, что дурам везет. Один раз да. Но массово?! Овчинникова просветила. Приходько из Днепропетровска. Дочь какого-то партийного босса. Есть парень. В институте все знают, что этот парень — Андрей Брежнев. Внук. Вроде бы её дед с Леонидом Ильичом — друзья детства.

Хмыкнул неопределенно. Я-то знаю, что Андрей Брежнев уже женат. Не сама ли она эту байку пустила? Впрочем, одного взгляда достаточно, чтоб увидеть дымный шлейф мужских фантазий, что тянется за ней от самого Днепропетровска. Очевидно, что её путь устлан осколками мужских сердец и обломками рухнувших иллюзий.

Другая, обратившая на себя мое внимание девушка — Вика Лишова. Вроде бы

совершенно не заметная не то что на фоне Приходько, но и на фоне остальных. Но фокус в том, что именно вроде бы. Потому что взгляд задерживался. И было видно, что там все более чем в порядке. И как бы не лучше, чем у Приходько. Просто приложены титанические усилия, чтобы не сильно выделяться. Но даже так было видно совершенно няшную, ладную, опрятную, очень милую пай-девочку. Однако образ мгновенно разрушался легким блеском карих глаз и движением красивой брови. Намекая, что там такой вулкан-ого-го. И вообще, что-то в ее чертах, вроде бы совершенно обычных, говорило о монгольской коннице, жарком солнце и казачьих станицах. Гадом буду, там татары в родне! Овчинникова тем временем просвещала, что Лишова — дочь какого-то деятеля из Смольного. Есть парень — вон он, из нашей группы. Мишка Снежин. Он сын нашего профессора, который катается по границам с лекциями. Мишка этим летом с отцом ездил в Париж.

Парень с красивым, чуть надменным лицом. Предполагается, что он круто одет. Не знаю. Как по мне — похож на педоватого клоуна.

Еще раз хмыкнул про себя. Что мне тот Париж? Да и все остальное. Тут, по требованию, старосты группы пришлось встать и представиться. Николай Андреев. Отслужил. Учился на атомщика, но передумал. Не был, не привлекался. Надеюсь, мы поладим. Снова уселся, и просветил Ленку, что мне нужно найти кафедру экономики. Договориться о досдаче ИЭУ. Получил в ответ взгляд, полный сочувствия. Коля, ты, главное, не переживай. Она любит, чтоб парни психовали.

С этим напутствием я и ступил под своды кафедры. И попросил о встрече с Натальей Олеговной Проничевой. К которой меня и проводили.

Я уж не знаю. Но количество фантастически красивых женщин для одного дня — чрезмерно. Преподаватель Проничева оказалась синеглазой красавицей лет тридцати пяти. Удовлетворенно отметив мое потрясение, она суховато согласилась принять у меня зачет во вторник после трех. Придешь сюда, найдем аудиторию. Откланялся и пошел домой в легком обалдении.

Очень хороший институт у меня.

Я пнул дверь, и вошел. Пришло время узнать, чье кунг-фу круче.

Сквозняк из окна дунул в мою сторону пылью и обрывками каких-то листков. Она сидела, опустив глаза. Горестные крики, слезы отчаяния, осколки надежд, и обломки иллюзий, незримо наполняли все пространство вокруг неё. Она подняла голову и уставилась мне в глаза. Приветствия ни к чему, мы оба знаем, зачем мы здесь.

— Тяни билет, Андреев, — Проничева кивнула на стол, где лежало четыре билета.

Я взял билет и, не глядя, сказал:

— Готов отвечать, Наталья Олеговна.

Она откинула голову и задумалась на мгновение.

— Ты уверен?

— Вполне. Более того, я намерен уйти с пятеркой.

Эта битва будет смертельной, и не думай, что я сдамся! — прочитала она в моих глазах. Посмотрим! — она прищурилась.

— Ну что же, я слушаю.

— Вопрос первый. Особенности Австрийской экономической школы. Основные отличия от плановой экономики. Гм. Маржинализм, в своем развитии, дал миру несколько экономических ...

И дальше я, почти дословно, начал повторять параграф учебника. Периодически вставляя ссылки на другие учебники, и современное положение в мировой экономической мысли. Уложился в четыре минуты. Она поскущела лицом. Взглянула в мой билет.

— Надо полагать, кто такой Николай Орем, и терминологию ты тоже знаешь.

— Само собой, Наталья Олеговна.

— Это плохо, Андреев. Это говорит мне, что твои знания — чисто умозрительные. Проще говоря — результат зубрежки. Они вылетят из твоей головы, как только ты выйдешь отсюда. Я могу поставить тебе три балла. Или придется встретиться еще несколько раз, для лучшего усвоения тобой материала.

Она, давая мне подумать, встала, и закрыла окно. Все же справная тетка!

— Я слышан о вашем отношении к неофитам, Наталья Олеговна. И настаиваю на дифференцированном подходе. Я, в конце концов, не виноват в вашем феминизме. Так что лучше спрашивайте меня. Я готов к дополнительным вопросам.

Пропустив основной посыл, она вскинулась:

— А чем тебе не нравится феминизм?

— Хм. Уточню. Мне не нравится западный феминизм. А наш, советский, очень даже нравится.

— А есть разница?

— Наталья Олеговна, — протянул я. — Уж вам-то должно быть понятно. Западный феминизм приводит к тому, что женщины на Садовой работают шпалоукладчицами. И с отбойным молотком. Какая гадость!

Она хихикнула. Но я не дал ей вставить слова.

— А советский феминизм, — я мечтательно прищурился. — Это когда женщина спит до одиннадцати. Потом принимает ванну с бокалом шампанского. Потом занимается собой. И к вечеру едет на показ в Доме Мод.

Она откровенно фыркнула. А чего? Так себе и представляют сейчас, в совке, жизнь успешной и независимой женщины. Нет, когда есть дети, там другая история, хотя... но речь ведь сейчас не про это.

— Ну, если не Дом Мод, то на литературные чтения Франсуазы Саган, в контексте душевных поисков, начатых еще Жорж Санд. И сидит там, вся такая... неземная.

Проничева развеселилась:

— Андреев! Руки на стол!

Оба-на! Этот мем уже сейчас существует?!

— Нет, — грустно сказал я. — У меня мозоли на ладонях.

И она, наконец, засмеялась. То есть, похоже, как водится, старая шутка из академических кругов перекечевала в конце концов в интернет. Но сейчас это — типа распознавалки свой-чужой. Тем не менее, отсмеявшись она сказала:

— Я не могу тебе поставить пятерку, Андреев, — она посмотрела направление на пересдачу, что я положил на стол. — Пойми, Коля, репутация стервы — это все что меня пока защищает. Так что, не взыщи.

— Наталья Олеговна! Я не виноват, что мир финансов — мужской. В общем, Наталья Олеговна. Я вам обещаю место вице-президента в банке, что возглавлю со временем!

— А ты хорош, Андреев! — она уже откровенно веселилась. — Другие мне таскали цветы ведрами. Были такие, кто деньги совал. А ты не мелочишься, обещаешь мне будущее. Предложи еще что-нибудь, чтобы было о чем жалеть.

— Ха! Пятерка, Наталья Олеговна, и я расскажу, откуда в институте слухи, что вы грязно пристаёте к молодым студентам.

— Чушь! Нет таких слухов!

— Будут!

И тут она уже захохотала. Хотела кулаками вытереть слезы с глаз, но спохватилась, и достала из сумочки платок и пудреницу. Глядя в зеркало, аккуратно промокнула под глазами. Посмеиваясь мне пояснила:

— Это прекрасно ляжет на образ стервы, что я так упорно создаю.

— Идея! Для законченности образа, вам нужна непредсказуемость. Просто зверствовать и злобствовать — это фи, и надоедает. А вот если вы мне поставите пятерку, за чашку растворимого кофе, что я угощу вас в буфете... Все поймут — конченная стервоза! Так и скажете на кафедре. Такой этот Андреев дурачок! Весь учебник вызубрил, и подкупить вздумал. Давайте, говорит, я вас кофе угощу. А я взяла и согласилась.

— Четверка, Андреев! — она захлопнула крышку пудреницы. — На пятерку я сама не знаю. Если будет пять — все решат что мне позвонили. Оно тебе надо?

— Тогда вы возьмете меня под руку, по дороге в буфет.

— Ну ты наглец!

В начале четвертого институт впал в шок. Открылась дверь аудитории, и из неё вышел новичок-второкурсник, что перевелся откуда-то из Мухосранска. За ним вышла всем известная Наталья Олеговна Проничева. Взяла этого новичка под руку, и они, весело смеясь, пошли в буфет. Там, все так же весело они попили кофе и разошлись по своим делам.

Когда мы вышли из аудитории, Проничева взяла меня под руку, и любезно сообщила, что ты же понимаешь, Андреев, что теперь экзамен по кредитным операциям с первого раза не сдашь? На что я сказал, что вообще-то и вправду пришел сюда учиться. Так что будет как в анекдоте про волка и Красную шапочку — ты не боишься, Шапка, одна здесь гулять? А

чего бояться? Секс люблю, лес знаю! До буфета она дошла с трудом. Давилась смехом.

Декан стоял возле двери деканата и задумчиво меня разглядывал. Я пришел отдать ведомость с четверкой.

— А ты не безнадежен, Андреев! — сказал он.

— Ах, Леонид Степанович! Меня из МИФИ отпускать не хотели, пришлось в армик уйти, чтобы к вам попасть!

Я вышел из института и пошел в сторону Невского. Погода была как раз как я люблю. Низкая облачность, без дождя. Тепло. То есть, тепло для начала сентября. Так-то я в куртке, хотя и в кедах.

Удачно сданный зачет, приободрил. Хотя... я действительно умею заучивать большие объемы. Но кто же знал, что я нарвусь на тетку, которая добровольно выполняет в институте роль фильтра. Отфильтровывает лишних. В других институтах с этим справляются экзамены по вышке и сопромату. А здесь она лично отсеивает. А тех, что оставляет — приводит к покорности. Зря, наверное, я выпендрился. Но — плевать.

Теперь я человек в институте известный. Из немногих, проскочивших Проничеву на своих условиях. Бггг... проходя рекреацию, я ловил взгляды. Ладно. Как она и говорила, я выбросил это все из головы.

По нечетной стороне Невского я прошел Гостинку, перешел переходом Садовое. Мимо Библиотеки, Катькиного садика, Дома пионеров, и Клодтовских коней, миновал Рубинштейна, и вышел к Сайгону. Неформалов еще немного. Время у меня еще было, и я зашел. Взял двойной кофе.

— Воды поменьше? — улыбнулась мне полная тетка за стойкой.

Пристроился у окна за стоячий столик. Тут собрались как раз припанкованные перцы. И смотрели на меня неприветливо.

— Спокойно, парни, я свой.

— Не похож, — угрюмо процедил крендель в косухе.

Я взбил челку в ирокез.

— А так?

Вокруг засмеялись. Попил кофе, вышел и пошел дальше. Мы договорились сходить, наконец, сегодня с Сурковым и Ивой в «Жигули». Отметить начало учебного года. Поэтому и пешком.

Мое появление в тридцать первой группе, вызвало оживление среди девушек. И легкое любопытство среди ребят. Кроме формального лидера, старосты Вити, есть неформальный — Миша Снежин. Его адъютант, здоровенный ростовчанин Серега Букреев. Армянин Карен Гульян, из Карабаха. Леха Кособоков из Перми. Юрик Семенов из Приозерска. Нормальные в общем, парни.

Разве что, Снежин слегка гнет пальцы. Ну, типа летом в Париже скука, то ли дело не Новый год. Девуцы млеют. Я сдуру, чисто на автомате, поинтересовался, музей Орсе уже работает, или до сих пор — вокзал на ремонте? Мне и вправду интересно, я не помню, когда там откроют музей импрессионизма. Он посмотрел на меня как на заговорившее насекомое. И, не отвечая, принялся рассказывать девицам про суперунивермаг Тати. Я сплюнул про себя. Даже не Лафайет. Он, похоже, не понял, о чем я спросил. Девуцы, однако, ахали, и требовали подробностей.

Девчонки у нас в группе приятные. Я несколько раз уловил неприкрытый интерес во взглядах. Чего скрывать, большинство институтских девушек сильно не прочь закончить

институт замужними дамами. Новенький, в этом смысле, это интересно. Но я не ведусь. Только при взгляде на комсорга Анисимову, не могу отделаться от двусмысленной ухмылки.

Тут я подошел к скромным дверям пивного бара «Жигули». Оттеснив человек пять очереди, постучал в дверь. Сквозь стекло на меня уставился Хитрый, он же Вовка, он же Владимир Курин, боксер-перворазрядник. Учился в нашей школе, на три года младше.

Открыл дверь, пропустил. Пока он закрывал дверь, я поднялся к гардеробу. И там, нос к носу, столкнулся с Васей Уральцевым, мужем нашей одноклассницы. Сурковским большим приятелем. Чемпионом Европы среди юниоров по боксу. Мастером спорта. В недалеком будущем, одним из руководителей Тамбовской ОПГ. И, к примеру, организатором одного из самых громких питерских убийств, Виктора Новоселова. Но это потом. А пока, добряк Вася обрадовался, и полез обниматься.

— Сто лет тебя не видел, Дух! Молодец, своих не забываешь. Ты извини, я по делам бегу. Заходи, потремим. Иве привет передавай.

Потом Вася убежал, а меня Вовка проводил в зал, и подвел к стойке.

— Ильюха! — позвал он бармена. — Вот, познакомься. Это Коля. Если что, можешь с ним разговаривать как со мной. Дух, это Илья. Если какие вопросы — обращайся к нему. С ним даже Фред дружит. Пойдем, Сурков в том зале.

Бармен, парень моего роста, но постарше, лет под тридцать, дежурно улыбнулся, пожал руку. И мы пошли во второй зал, где нас ожидал Серега. Я сказал Хитрому, что щас Иво подойдет. Ты его поддержи на улице, чтоб не зазнавался. Вован фыркнул, и сообщил, что плата за вход — рубль. Но это днем. А вечером и десятки, бывает, суют. Вот десятку с Ивика и проси. Это мы с Сурковым нищие студенты. А он — в морях!

— Любезный! — сказал Сурков Хитрому, когда мы подошли. — Организуй нам коньячку. А то этот Андреев пиво презирает.

— А в лоб? — любезно поинтересовался Вовик. — В пивбаре наливать коньяком, это чересчур. Я официанта щас пришлю. И это, пацаны, не бейте никого. Меня выгонят нафиг.

Мы не успели налить, как появился Иво.

— Ну что, пацаны? За встречу? — Сурков поднял бокал с коньяком.

— Я экзамен сдал, — влез я со своими пятью копейками.

— Жалкий неудачник! — припечатал Сурков.

— И с мозгами не дружит, — добавил Иво.

— Вы все мне завидуете. Я весь день нахожусь в обществе красивых, опрятных, улыбочивых и милых девушек. Так что это — рюмка сочувствия.

И мы выпили.

— Дух, когда у вас там дискотека?

Утро, после хорошего вечера, это всегда больно. Впрочем, это сильно облегчал роскошный повод для веселья. Я проснулся один, в своей кровати, но на Фонтанке. В квартире, где живет Сурков. Собирая себя из запчастей, притащился в комнату к Суркову и взвыл. Потому что Сурков спал с Ивой на одном диване.

— Пацаны! Вставайте. Я никому не скажу!

Потом я заперся от них в сортире. Могли побить. За гнусные намеки, за то, что разбудил, и за наглость. Потому что я обещал допустить их к белому другу, только в обмен на крепкий кофе.

— И омлет, Сурков, — орал я из-за двери. К тому моменту, когда Сурков собрался спуститься к авто, за монтировкой, я счел, что они уже проснулись и сдался.

Иво остался досыпать, а я отказался от Серегиного предложения подвезти. Сел в троллейбус, и поехал в институт. Мы не сильно и перебрали вчера. Но все равно умудрились подраться с какими-то деятелями, в ресторане недалеко от пяти углов. Туда нас непонятно зачем занесло уже под закрытие. Кажется, нас не хотели пускать, а мы настаивали.

Но я выкинул эту ерунду из головы, потому что думал о другом. За вчерашний день я встретил вполне исторических персонажей. Только когда мы уже выпили бутылку коньяка, меня вдруг озарило.

Бармен Илья, с которым меня между делом познакомил Хитрый — это легендарный Илья Травер. Он же Антиквар. Уже сейчас, один из самых авторитетных криминальных деятелей Ленинграда. Тот самый человек, который будет поставлять драгоценности Людмиле Нарусовой. И, однажды, порекомендует Собчаку в вице-мэры бывшего кГБшника, что частенько здесь будет бывать. В конце восьмидесятых. А бар «Жигули» — один из любимых у ребят из Большого Дома на Литейном. Они частенько заскакивают после работы, пропустить кружечку.

С учетом того, что здесь же будет, одно время, располагаться штаб-квартира Васи Уральцева — обалдеть. Нет, в отличие от досужих обывателей, я вовсе не впадаю в праведное, от офицеров спецслужб среди бандитов. Больше того, меня бы скорее возмущало, что их там нет. Но вообще-то, это круто. В одном месте встретить одного из лидеров Тамбовских, первого владельца Питерского порта Травера, и, там, наверняка, сидели гебешники.

Короче, проходя улицу Ломоносова, я не мог отделаться от ощущения легкого сумасшествия.

В остальном у парней все нормально. Мы и в прошлой жизни встречались один-два раза в месяц. Или я приезжал в Питер, или они посещали Москву...

Разве что Сурков, жаловался, что став автовладельцем, вот-вот падет под напором институтских баб. Они всерьез за него взялись. Если ты, Дух, думаешь, что они хотят запрыгнуть ко мне в койку — ты наивный debil. Они хотят, чтобы я отвёз их домой, Коля! А в кровать не хотят! Обидно, я поначалу обрадовался... Но, в отличие от меня, ему тащиться на учебу через весь город. А на обратной дороге все время какие-то попутчицы...

Иво ржал, и говорил, я понял, ты хочешь, чтобы они любили тебя за трепетную душу. Я знаю место, там могут сделать поддельную как бы вырезку из газеты. Хочешь, из Комсомолки, хочешь из Смены. Там напишем заметку, что студент Сурков болен редчайшей

болезнью. Не выносит попутчиц. То есть, хочет их съесть. Будешь всем показывать. Вот та, которая все же попросит подвезти — это она. Ты, Ивик, ничего не понимаешь. С чего это мы будем ему устраивать личную жизнь? Сурков должен страдать! Поэтому сделаем заметку, что в результате автоаварии, студенту Суркову укоротили член до жалких двадцати семи сантиметров. И повесим на институтской доске объявлений! Когда мы его вытащим из-под груды девиц, он будет тихий, и знать кто его спас. Нельзя. Он, после этого, полюбит мужчин, а мы потеряем друга.

Заходя в институт я хмыкнул. А уже утром — такая картина! Прощаясь, я заявил прямо: — Сурков! Если какой-нибудь мужчина скажет тебе, что любит, держи себя в руках.

Свои пять секунд славы я вкусил перед лекцией. Весь поток уже был в курсе моей эпичной сдачи ИЭУ. Даже этуаль Приходько удостоила меня благосклонного взгляда. А Ленка Овчинникова просто уселась со мной, и потребовала подробностей.

— Ну, какие подробности, Лен? Увидев меня, Проничева потеряла остатки самообладания, и бросилась срывать с меня одежду! Но я не такой! Не дался. Поэтому и четверка. Надеется, что я приду просить пятерку, и она мной овладеет.

Она хихикала, краснела, и закатывала глаза. Ну какие еще могут быть подробности?

После первой пары, старост вызвали в деканат. Вернувшись, они объявили, что на следующей неделе, во вторник, наш поток вечером работает на овощебазе. Форма одежды — рабочая. Собираемся у метро Ломоносовская в четыре. За прогулы деканат грозит адскими карами.

— Этот вопрос контролирует лично Коротаева, Коль, — рассказала мне Ленка. — Всех, кто прогуливает овощебазу, она потом дрючит так, что не дай бог. И на экзаменах тоже.

— Даже если дать справку, что болеешь?

— Тогда особенно. Она страшно злится на хитрожопых. Так что терпи, Андреев. Все равно нет другого способа поладить с деканатом.

— Есть. Но я слишком хорош, чтобы сидеть в тюрьме.

Если я правильно понял, это та самая оваянная легендами овощебаза, где работали Довлатов, Битов, Мамин, и другие славные люди. А в девяностых там постоянно шли перестрелки. Посмотрим, что за место.

Сидя в аудитории на лекции, я смотрел на стену за окном, и думал, что учиться мне нравится. Глядишь, чего полезное узнаю. Не говоря о том, что я вроде бы окончательно свыкся с собой. Да еще и девчонки с потока посматривают благожелательно и обещающе. Я, конечно же, не собираюсь шалить там, где учусь. Но это и не важно. Зато самоощущение — роскошное.

Еще я думал, что нужно посетить «Березку» на Васильевском. Формально — за туалетной водой. Но там трутся интересующие меня деятели, среди ломщиков. Нужно их показать Суркову. Вот вечером, наверное, и съездим.

Овчинникова оказалась страшной болтушкой. С некоторым разочарованием убедившись, что от меня не будет поползновений, она чувствовала себя со мной совершенно свободно. Вот и сейчас она рассказывала, что скорее всего нас скоро погонят в ОКОД — оперативный комсомольский отряд дружинников. Будем ходить с ментами по улицам Купчино, пресекать нарушения. Близнякова — вон та, видишь? — там со своим парнем познакомилась. Он в ментовке работает.

Правда, во время перекура, на перемене, парни из нашей группы сказали, что пока от комсомольцев сигнала не было. Так что может в этом году с рейдами по Купчино обойдется.

Они вроде бы придумали участие в ОКОДЕ привязать к распределению. И теперь нет отбоя от желающих. Мужики меня поздравили с удачно сданным зачетом. Здоровяк Букреев хлопнул по плечу:

— По тебе и не скажешь, что ты ботаник. Нормальные-то пацаны с первого раза Проничеву не проходят.

Я даже не стал думать, нахамил он мне, или похвалил. Хотя, по усмешке Снежина, — скорее всеж подьелдыкнул. Тот стоял прислонившись к стене, держал в руках пачку Галуаз. Видимо, чтобы никто не сомневался, что он недавно из парижу.

Вообще-то, общаясь с парнями, я ловил себя на мысли, что, наверное, и я когда-то был таким же пижоном и понтярщиком. Поэтому сдерживал ехидство.

Учебная программа, что мне предстоит освоить в этом институте, не сложная. Кроме общих для всех вузов, и специальных чисто финансово-экономических, есть куча совершенно, как мне понятно — бессмысленных предметов.

Третьей парой у нас как раз один из таких — Экономическая кибернетика. Вдобавок ко всему, расписание вышло таким, что сначала наша группа попала на практическое занятие. А первая лекция ожидалась только в пятницу.

Но препод, парень со смутно знакомым лицом, не унывал. Сказал что он введет нас в курс, и нам будет интереснее. А потом он представился — Кох, Альфред Рейнгольдович. И я окул.

Глава 34

Отступление про Коха, приватизацию, патриотов и либералов

Осознав, кто у меня ведет практику по ЭК, я слегка растерялся. Мне казалось, что черта с рогами и хвостом увидеть легче, чем кого-то из этих, овечьих легендами, ребят.

Но дело в том, что черта не существует, а эти парни — есть. Впрочем, обсуждать приватизацию и принято с каких угодно позиций, кроме фактов. Так что черт — это еще фигня. Их называли и хуже. Причем, глядя на него, и сейчас и потом, ничто не предвещало как говорится.

Из семьи поволжских немцев, сосланных в Казахстан, где он и родился. Потом жил в Тольятти, откуда и приехал в Питер, учиться в финэке. Закончил в прошлом году, поступил в аспирантуру. Защитившись, будет жить в Сестрорецке. На демократической волне изберется в мэры Сестрорецка. С программой развития «Город у Дороги». Имея в виду, развитие обслуживания туристического и транспортного потока по Приморскому шоссе. Из мэров будет призван Собчаком в комитет городского имущества. Делать приватизацию.

С государственным и городским имуществом, в девяностом году, было неважно. Оно банально растаскивалось по карманам и нычкам. Способов было много, и все — несколько незаконные. Была аренда с выкупом, когда одно предприятие ликвидировалось, а на его базе создавался кооператив. Была чудесная схема, когда собирались директор завода, его племянник, и жена. Открывалось новое предприятие. Жена и племянник вносили в уставной фонд интеллектуальную собственность и пару стульев, а директор — завод. И уверенно шли в будущее.

Это совершенно не шло на пользу ни государству, ни населению, ни экономике. Собчак, как бы к нему ни относиться, это понимал, и запустил приватизацию. С едиными правилами, и условиями для всех. Поработав замом Чубайса, Кох, после отъезда того в Москву, возглавил КУГИ. И весьма неплохо работал. Судя хотя бы по тому, что брутал Невзоров истерил каждый день в эфире.

А как иначе? Если, к примеру, официально, через прессу, объявляется о приватизации универмага в «Озерках». Огромное здание, куча отделов. Проводится аукцион там-то и там-то. На таких вот условиях. Начальная цена — двести тысяч рублей. Приходите.

Никто не пришел. Все думали, что там уже все со всеми договорились и это пустая формальность. А победит тот, кто надо. А никто ни с кем не договаривался. И купила, в оконцовке, универмаг — главный товаровед, случайно, уже под конец аукциона, понявшая, что все по-честному. Она через несколько лет перепродала это здание за десять миллионов долларов. Новый владелец, уже в нулевых — за семнадцать. Но не важно. Важно, что потом дураков уже не было. И городское имущество приватизировалось за серьезные деньги на настоящих аукционах.

Единые для всех условия, позволяющие реально конкурировать с кем угодно, дико бесили, к примеру, Тамбовских бандитов, которым Невзоров служил всеми своими отверстиями.

В общем, Коха выгнали. Чубайс взял его в Москву своим заместителем. Там все шло со скандалами. Суть этих скандалов можно объяснить просто. Желавшие приватизировать

госсобственность, хотели её получить задаром. А мерзавец, Кох — упирался, и требовал выплатить государству за нее деньги.

Наиболее доступно и просто это видно на примере конфликта между Святославом Федоровым и Кохом.

Святослав Федоров — выдающийся, без всяких шуток, человек. Крупнейший ученый с мировым именем, академик, да и просто хороший мужик. И это без всякой иронии.

Приехал в ГКИ и заявил, что коллектив готов приватизировать свой институт МНТК «Микрохирургия глаза». Где здесь подписать?

А ему вежливо, с документами в руках говорят. Святослав Николаевич! С восемьдесят шестого года государство вложило в ваш институт двести миллионов американских долларов. Закуплено оборудование, недвижимость за рубежом, корабль. Теперь государство в дефолте. И для его содержания, для выплат по пенсиям и пособиям, требуются средства. И государство продает контрольный пакет акций. За десять миллионов долларов (цифры немного другие, но порядок — тот, авт.). Доходы вашего предприятия позволяют достаточно быстро рассчитаться. Вы согласны?

Федоров разворачивается и уезжает. Чтобы объявится на телевидении. Там, с экрана, он рассказывает, что трудовой коллектив желает получить МНТК в собственность. Еще стране рассказывает, что эти сопляки и мерзавцы из ГКИ требуют с трудового коллектива выплатить сумасшедшие деньги! У меня работает одинокая уборщица, многодетная мать. Откуда у нее деньги? (упоминание одинокой, несчастной сотрудницы, это обязательное условие такого рода выступлений, авт.). Потом Федоров едет в Госдуму, где выступает с аналогичным заявлением. Только добавляет, что знаем мы, куда пойдут эти деньги, по карманам Чубайсов и Кохов с Гайдарами. Хотя все знают, что поступающие за приватизацию средства, ни Гайдар, ни Чубайс не могут спереть даже теоретически. В общем, поднимается волна, в надежде, что государство утрется, и отдаст собственность задаром. Не утерлось. И Федоров, проклиная всюду, где можно Гайдара, Чубайса, Ельцина и рынок, все выплатил.

Стоит только добавить, что в двухтысячном году академик Федоров разбился в авиакатастрофе. Его вертолет упал на окраине Москвы. Вертолет принадлежал Федорову. Стоил — один миллион долларов. На Тушинском аэродроме стояло еще пять таких же вертолетов. Тоже принадлежащих Федорову. Да и вообще, после его смерти выяснилось, что МНТК «Хирургия глаза» полностью принадлежит Федорову. Ни трудового коллектива, ни одинокой уборщицы. Только академик Федоров. Там еще, на честно заработанные, он купил пару деревень под Москвой. А Кох с Чубайсом, что требовали денег за пакет акций, и каких денег! — как есть негодяи, с их приватизацией, государством и требованиями...

Так оно и шло. Приватизация жилья. Залоговые аукционы. Выборы президента, со смешной историей про коробку из-под ксерокса. Но там Кох был членом команды.

А сам он, снова, обратил на себя мое внимание при аукционе по «Связьинвесту». Тоже знаковая история. Я считаю, что именно она — одна из причин дефолта девяносто восьмого года.

В списках на приватизацию было около четырехсот тысяч предприятий. «Связьинвест» в планах был. Но все время откладывался. Дело в том, что исторически сложилось так, что в вопросах связи, в нашей стране, были сильно завязаны спецслужбы. И они все не могли согласовать условия и принципы. Так и тянулось. Откладывали и откладывали. Пока в ГКИ не приехал олигарх Гусинский. Он инициировал совещание, по этому вопросу. Ему

объяснили, что да, будет приватизироваться. Но ФСБ и ФАПСИ все не чешутся. И тогда Гусинский сказал:

— Если я это все подготовлю к приватизации, я смогу участвовать в аукционе?

Про приватизацию есть много баек. Так что мало кто обращал внимание, что предприятия старались передавать по профилю. То есть нефтянку — нефтяникам. Металлургию — металлургам и тд.

Банкир и телевизионщик Гусинский в эту схему не вписывался. Но ему сказали, что если ты протащишь решение через спецслужбы, то да — имеешь полное право. И, о чудо, решение о приватизации «Связьинвеста» было согласовано во всех ведомствах в рекордные сроки. Негодяй Кох, еще до принятия решения об аукционе, публично, через прессу заявил, что победит тот, кто заплатит государству наибольшую сумму.

Дальше была энергичная возня по созданию пулов инвесторов. Группа Мост Гусинского объединилась с Березовским и испанской Telefónica. Их конкурент Потанин, подтянул Сороса.

По условиям аукциона, побеждала та заявка, что предлагала больше. Потанин предложил миллиард сто миллионов долларов. С учетом региональных инвестов — миллиард восемьсот. Гусинский предложил шестьсот. На круг — девятьсот.

В тот же день, в администрации президента, на совещании по этому вопросу Гусинский и Березовский потребовали аннулировать результаты аукциона. И на любых основаниях передать Связьинвест им. Иначе, ребята, мы вас размажем. Получив отказ — принялись размазывать.

Нужно заметить, что до этой истории приватизация еще не была символом анафемы, и кары господней. Так, тема разговора за стаканом. Но тут уж два ведущих телеканала включились на полную. Да и ТВЦ с питерским телевидением. И принялись объяснять населению, что правительство — сплошное ворье.

Лично я, глядя на это, веселился. Всемогущие Гусинский и Березовский выглядели как карлики у взрослого писсуара.

Да и в остальном, было смешно смотреть на господина Киселева, приехавшего в студию из дома в Чигасово (стоимость семь миллионов долларов), на авто за двести пятьдесят тысяч долларов. В костюме за десятку. С охраной, за две тысячи долларов в день. И в галстук за восемьсот фунтов. И он сурово рассказывал, что двенадцать экономистов написали книжку за сто десять тысяч долларов — вот она, коррупция! Ну и что, что она задекларирована, и с нее даже налоги заплатили? Подонки!

Ему вторил Сергей Доренко. Выезжая из дома Хонка (два с половиной ляма долларов) что на полугектарном участке в Николиной Горе (два миллиона долларов), на своем авто за семьдесят тысяч, он гневно и искрометно осуждал негодяев.

А я мысленно ставил себя на место Коха. И ежился. К этому моменту уже было известно, что отказ от компромиссов — это его решение. И он, в одиночку, его отстаивал.

Я представлял, что вот стоишь ты, а на тебя смотрит Гусинский. А из-за его спины на тебя смотрит Генеральный прокурор РФ, что ест у него с рук. И еще, на тебя с прищуром смотрит ФСБ, уже присмотревшее для пенсии теплые места, в региональных Связьинвестах. На тебя смотрит Березовский, и, его глазами, на тебя смотрит и настоящая преступность, и мировые финансы.

Нужно обладать фантастически стальными яйцами, и железным чувством собственного достоинства, чтобы не забздеть. Я бы — точно слился. Это не по лесам с автоматом бегать.

И даже не на стрелки ходить.

Результатом этого аукциона стало две вещи. Во первых, достаточно скоро — Россия получила нормальную телефонию, интернет, и недорогую мобильную связь. В отрасль пошли инвестиции.

Во-вторых, развязанная Гусинским и Березовским травля привела к неожиданному для них результату. Очередной транш МВФ, предназначенный для поддержания экономики, был заморожен. Буржуи заявили, что у вас, вон, пресса рассказывает, что в правительстве сплошное ворье. Это закономерно привело к неисполнению обязательств по ОФЗ, то есть дефолту. А затем и отставке правительства.

После отставки, Кох болтался без дела сравнительно недолго. Нет, мстительный Гусинский его в покое не оставил. И даже нашли преступный признак. Вице-премьер Российского правительства — получил в Москве квартиру! Не захотел, сука, жить на вокзале. Или в гостинице. Но даже свирепо настроенные силовики понимали, что как-то — маловато. Да и квартирка-то — восемьдесят метров. Но, раз больше ничего... Но, в общем, обошлось.

Зато потом его пригласили в АП и попросили подумать, как с группы Мост взыскать долги. В пользу государства.

К этому моменту структуры Гусинского задолжали по кредитам, взятым под гарантии государственного Газпрома, и правительства Москвы в общей сложности около миллиарда долларов. Сама сумма — не очень большая, с точки зрения серьезных финансов. Но был нюанс. Если тот же Потанин был должен столько же — у него был Норникель. Позволяющий это гасить. И не только. А у Гусинского был только издыхающий Мост Банк, и, еще, недавно запущенная спутниковая НТВ+. Ну и компания НТВ.

Вероятность погашения в обозримом будущем SP оценивала как низкую. Но, стоило только вскользь, кому-то из чиновников, задаться вопросом этого долга, НТВ устраивало травлю и требование отставки. Короче, Коху сказали — займись.

И он вполне корректно, с точки зрения международного права, взял под контроль НТВ, и даже Гусинский поимел с этого денег. И даже Тед Тернер, попросился в совладельцы.

Но фишка в том, что Гусинский пошел ва-банк. И на Коха вылили изрядно помоев, как раз те, кого у нас принято называть либералами. Это судьбу канала не изменило.

Разве что я тогда впервые задумался, а кто это такие, те, кого у нас называют либералами? Венедиктов с Шендеровичем? С чего это? При внимательном рассмотрении они — обычные социалисты, дальние родственники Шарикова. Я с изумлением понял, что те, кого называют либералами, ничем от силовиков-патриотов не отличаются. Для начала, они все апеллируют к надежде-государю.

И разницы между ними — это то, что как бы либералы хотят, чтоб силовики, не считаясь ни с чем, наводили порядок по их указке.

А силовики не понимают, зачем им для наведения порядка нужны Венедиктов с Шендеровичем, если они и сами все могут.

Но и те, и те, хотят сыто жить, и не хотят ни за что отвечать. Потому что, для того что делать необходимо, можно найти такого вот Коха. Он и ответит.

Именно тогда я понял, как эти, как бы либералы, видят устройство власти. Приблизительно так, как выглядело управление у Анатолия Собчака. Он вещает, народ внимает. А управлением занимаются два его заместителя. Засиженный урка, и отставной кgbешник.

Что касается Алика Коха. К тому моменту когда НТВ была готова превратится, по его задумке, в международную вещательную корпорацию типа CNN, с привлечением международного капитала, сетью корпунктов и вообще, стать супер крутой, к власти пришли другие люди. Которым это все было не нужно. И он ушел из Газпроммедиа.

На общественных началах спродюсировал пару первоклассных кинофильмов, получивших Венецианского Льва, и широкий прокат в мире.

Спас поэта и певца Лаэртского, помиравшего после инсульта. За компанию с Абрамовичем отвезли его в Германию, а там сделали операцию, и вылечили.

А потом просто переехал в Германию, как этнический немец. Времена у нас настали совсем грустные.

— Вон тот, Сурков. Второй слева.

Сергея внимательно разглядывал в бинокль унылую картину осеннего кладбища. Небольшая группа людей собралась вокруг вырытой могилы. Немного в стороне от нее стояли два могильщика.

Мы зря съездили в Березку, на набережную Макарова. Я надеялся, что нужного нам человека я покажу Суркову там. Но его не было. Мы, пренаглейшим образом, прокорумпировали трешником мужика на входе. На загодя добытые внешпосылторговские чеки, закупили сигарет, мужского парфюма, и уехали.

Идея была в том, что сейчас, Костя Могила частенько проводит время возле этого магазина. То ли руководит, то ли берет дань. С ломщиков, кидал и таксистов, что там трутся. Но не срослось. Уезжая в пятницу домой, мы заехали на толкучку возле Юного Техника, что на Краснопутиловской. Поторговавшись, купили бинокль у пьяненького мичмана.

Я провел субботу с мамой, а в воскресенье, в полдень, мы уехали. Только поехали не вдоль залива, а выбрались на Таллинское шоссе. Свернули на Волхонское шоссе, и съехали на грунтовку. В лесу оставили машину, и с километр брели. Ну, типа грибники. Приблизившись к границе Южного кладбища, я достал бинокль и внимательно огляделся.

В этот раз нам повезло. Да и вообще, на кладбище было достаточно оживленно. Ходили какие-то люди, подъезжали траурные процессии.

— Смотри внимательно, Серега. Это наш противник. Очень и очень крутой чувак. Константин Арьевич Розенгольц. Тридцать лет. Сын академика. Из скромности, взял фамилию матери. Так что сейчас он Яковлев. Закончил математическую спецшколу. Чемпион города по вольной борьбе. Мастер спорта. Рассказывают, что служил в спортроде. Мне думается — врут. Мне кажется, что в ГРУ он служил. Ибо резок не по-детски. Я точно знаю, что в него, однажды, в закрытом помещении, разрядили рожок калаша.

Сурков опустил бинокль, и посмотрел на меня:

— И что?

— Сам видишь. Кроме стрелка, там было трое. Двое погибли, а у этого — ни царапины. Ну и вообще, лучший могильщик СССР. Стандартную яму, в самом тяжелом грунте, выкапывает за сорок минут — максимум. И обрати внимания на его машину.

У сторожки, на въезде на кладбище стояла белая шестерка с черной крышей. Приметное авто.

Сергея вернул мне бинокль, и мы пошли обратно к своей тачке.

— Их будет четверо. На двух машинах. Один наган, парабеллум. И обрез охотничьего ружья. Двенадцатый калибр. Не исключено, что в дальнем сопровождении будет еще одна машина. Еще двое. Но эти, вряд ли вооружены. Просто присмотр.

Погода чисто по-питерски испортилась в выходные. И мы брели сквозь лес под дождем.

— И чего ты сепетишь, Дух? Если он классик — достаточно накрасить тебе губы. Легкий макияж с накладными ресницами, и он потеряет остатки воли и падет в твои объятия без боя.

Я хмыкнул. Александр Карелин, заканчивая карьеру борца, достаточно откровенно рассказал о нравах в сборной. И о засилье педиков среди борцов классического стиля. Но откуда об этом знает Сурков? Я, до Карелинского интервью, и думать не думал.

— Знаешь, Сурков. Нам нужно в Австралию.

— В смысле?

— Там падает поголовье акул-людоедов. Нужно выпустить тебя к ним, в море. Достал уже.

— Да ладно, пусть будут. Чего тебе акулы сделали? Но без автоматического оружия нам не сдюжить. Фюлер, или Шибай?

Я снова хмыкнул. Мой отец лупил меня по заднице всего два раза. Дело в том, что совсем недалеко от нашего города, располагалась линия обороны Ораниенбаумского плацдарма. И с самого детства все пацаны, так или иначе, находили какие-то штучки с той войны. Впервые мне влетело, когда мы, лет в восемь, всемером подорвали гранату РГД-33 (это я потом узнал, как она называется). А тогда, сопливые и серьезные деятели, сняли осколочную рубашку. Ну нафиг, еще убьет кого. И бросили гранату в костер. Быстро убежали, сели в лодку, и переплыли на другой берег реки. У меня до сих пор сводит живот ужасом, когда я вспоминаю, что костер почти погас. И мы вернулись, и Петька Шibaев пошел, и подбросил дров в костер. И мы снова уплыли. Мы были на середине реки, когда рвануло.

На той стороне реки, куда мы уплывали, стояли трехэтажные дома, в которых мы все тогда жили. Из них высыпали все жители. Родители похватили нас, своих чад, и утащили по домам. Где всем нам всыпали. И крикам о том, что мы и сами не понимаем, что это было, никто не поверил.

Второй раз, и очень серьезно, мне попало, когда я привез домой минометную мину. Поехал на велике. Походил вдоль реки Воронка, где проходила линия фронта. С нашей стороны. И детской лопаточкой выкопал. Засунул за пазуху и привез домой. Где, к счастью, тут же нарвался на отца. Он аж позеленел. Аккуратно положил ее на пол. И просветил, что мина — от немецкого миномета калибра пятьдесят. С детонатором. Я-то думал, что без детонатора. Он аккуратно отнес её к реке, и зашвырнул на середину. Упал сам, и прижал к земле меня. Но она не взорвалась. И я с тех пор к раскопкам охладел.

Да и вообще, в первом классе, когда мы играли в войну, некоторое время главным за фашистов был Петька Шibaев, по кличке Шибай. У него на шее, на бельевой веревке болтался немецкий шмайсер (мы тогда не знали, что это МП-40). Насквозь проржавевший, без магазина. Но настоящий немецкий автомат. Правда, достаточно скоро, участковый это пресек. И Петьке надрали задницу. Наверное поэтому, мы долго не знали, что он поиски не прекратил.

Короче у нас в городе, в семидесятые, в любом школьном музее запросто можно было увидеть и вполне рабочий ППШ, и трехлинейку, и маузеровский карабин. В моем школьном альбоме есть фото, с похода после шестого класса. Там я, Сурков и Иво, позируем в немецких рогатых касках. Просто там, где мы ставили лагерь, они валялись под деревом.

К концу семидесятых, милиция взялась за это дело всерьез. То есть из музеев оружие исчезло. Да и находки перестали афишироваться. Но копать в лесу не перестали.

Но это все о том, что два наших дворовых товарища, Шибай и Фюлер, в лесах копать продолжают. Шибай этим занимался скорее из любви к искусству. Ему нравилось что-то находить. Если есть покупатель — можно и продать. Но главным для него был не заработок. В отличие от Геры Каменева, по прозвищу Фюлер (маленький Герка, однажды, сказал кому-то — меня как фюрера, зовут Герман. Только у него недавно выпали молочные зубы и, вместо фюрер, он сказал — фюлер. Так им и остался среди знакомых). Он с десятого класса,

с перерывом на армию, найденным оружием торговал. В основном взрывчаткой. Рядом море и озера, полные рыбы. Но и стволы у него можно было достать почти любые. Да и менты его, в конце концов, заметут за продажу авиационного пулемета.

Выбор был в том, что Шибай найденные ништяки содержал с любовью. Но у него было плохо с боеприпасом и ассортиментом. А вот Фюлер боеприпасами снабжал изрядно. Но его оружие и патроны были не лучшего качества. Он так и говорил, какая надежность? Сорок лет в земле лежало.

— Давай, Сурков, ты с обоими поговори. Но, пока, без конкретики. Оно нам нужно, чтоб в самый момент заклинило? А у меня есть идея, где нам надежные стволы добыть. АКМ тебя устроит?

Мы ехали, и я рассказывал. Считается, что Костя Могила — инкассатор, переправляющий деньги цеховиков из Питера в Москву. Суммы крупные, и под это дело он сколотил неслабую команду. В этой непростой работе, он имеет поддержку и помощь от кучи воров в законе. Но дело в том, что под прикрытием этой, в общем-то нехитрой истории, идёт ещё одна. Гораздо более серьезная афера.

Я не знаю где, то ли в долинах Грузии, то ли и вовсе в Фергане, а может и в Афгане, добывают наркоту. И каким-то лихим способом, Черным морем, переправляют за рубеж. Я совсем не знаю подробностей. Достоверно известно одно, из-за рубежа к нам, в Советский Союз, за это приходит расчёт. В долларах. Ну а в чем? И вот, для конвертации этих денег придумана классная схема. Доллары привозят в Питер, и инкассируют как легальные, в магазинах «Березка», и внешторговской сети. Таким образом, руководство Ленвнешторга показывает прекрасную работу и вообще, дайте ещё товаров и побольше. А импортные, остродефицитные товары отгружаются ж/д вагонами, и отправляются в Тбилиси, или ещё куда, не знаю.

Там это распродается, и даёт сумасшедшую прибыль. Ну, мы в четверг были, ты видел. Пачка Мальборо стоит двадцать пять копеек. Джинсы двадцать рублей. Как-то они это хитро делают. Но уходят из Питера — эшелоны. Потому что доллары Костя везёт — десятками килограмм. В стодолларовых купюрах. Костя, кстати, берет себе десять процентов с каждой перевозки. И где-то у него оно лежит. Но нас интересует одна-единственная перевозка. Та, что состоится седьмого ноября. Он, и ещё трое из его команды, будут везти около двух миллионов долларов. По Московскому шоссе. На своей машине. И мы с тобой, Сурков, вмешаемся.

Таллинское шоссе заканчивается Московским проспектом, по которому мы, мимо парка Победы, Фрунзенской, добрались до площади Мира, но дальше пришлось изгаляться. Проезд по Сенной закрыт. Кое-как завез Суркова домой, и наконец оказался тоже дома.

С огромным трудом дозвонился до Каверзнева. Евгений Михайлович, я тебе пропуск привез, давай пересечемся. Съезди, осмотришь. Запиши телефоны глав сельсоветов. Я с ними общался, говорят, покажут тебе варианты. Коля, квартира Лившицов освободилась. Как Софья Игоревна вернётся, она тебе не звонила? Так вот, как вернётся — можно переезжать.

Поджаривая себе картошку на ужин, раздраженно злился на Суркова. Он отжал себе и магнитола, и телевизор, и кофеварку. И я, на толкучке у Юного Техника, случайно купил себе советскую кофеварку. Это настоящий зверь. Выплевывает кофе в чашку под давлением, с реактивным воем. Мужик, что мне ее продал, особо предупредил, что вот эту ручку — до упора, и проверяй. А то взорвется. Так что, пока она ревет паром, я стараюсь из кухни

скрыться. Уминая картоху, под черно-белую программу «Время», я мрачно думал, что опять придется бегать по коммиссионкам. Чтоб вечером было не так тоскливо.

Погода в понедельник испортилась окончательно. Пока дошел до института — умудрился промокнуть под дождем. В почтовом ящике я обнаружил нарядный конверт, обклеенный марками. Мне пришел вызов в Хельсинки. Хиина Мустопяэ приглашает своего внучатого племянника.

Собственно об этом я и размышлял, сидя на занятиях. Ну, то есть что нужно звонить Фреду, интересно, Сереге пришел вызов или еще нет?

На большой перемене, после второй пары, старосты напомнили, что завтра поток идет на овощебазу. А я пошел в профком, и переговорил с профсоюзным боссом. Вот тебе телефон. Человека зовут Евгений Михайлович. Он будет заниматься твоим вопросом. Наши договоренности в силе? Все нормально, Андреев. Я с руководством вопрос порешал, приноси анкету. Испросив разрешения дозвонился до Фреда, и проинформировал. Договорились встретиться до моего похода в ОВИР.

Я запарковал свои Жигули поодаль от входа в овощебазу. Закрыв машину, и пришел на остановку автобуса. Я банально не успевал присоединиться к коллективу. Решил, что как-нибудь уж смогу не засветиться. Демонстрировать благосостояние однокурсникам не было никакого желания. Особенно, вспоминая Суркова.

Пока ждал появления народа, думал о том, что не высыпаюсь. Сегодня, в шесть утра, встал и поехал мыть тачку. Мало кто помнит, что помыть авто в восемьдесят четвертом — это стратегическая операция. Я даже не знаю, есть ли сейчас официальные мойки, кроме СТО. Но я и не стал узнавать. А поехал в таксопарк, и, за десятку, был запущен между Волг.

Отсидев три пары, поехал к Фреду. Для разнообразия он не стал меня заставлять махать метлой. Просто проинструктировал. На Желябова вести себя скромно, делать что скажут. С анкетами — вот телефон. Свяжись, приедешь, тебе там их заполнят как надо. По деньгам договоришься.

Самое интересное случилось под конец разговора. Хотя, я именно на это и рассчитывал.

— Я подозреваю, Коля, что ты решил свалить, — сказал Фред. Мы сидели на кухне, и пили кофе. Я закурил.

— Не знаю, Фред. Но мысль такая есть.

— Перестань. Рассказать тебе, сколько ты валюты купил? А Иво тебе поможет её переправить. Только, с наличными, ты там будешь привлекать внимание. Скорее всего, тебя примет полиция. За контрабанду. И выдаст обратно.

— Блять! Я не собираюсь светиться. Или, ты что-то имеешь в виду?

— Деньги уже там?

— Гм. Да.

— Когда приедешь в Хельсинки, позвони вот по этому телефону. Мужчину зовут Оскар. Он обезличивает средства, — я вскинулся. — Спокойно, Дух! Он, в течении трех суток откроет тебе счет в Карнеги-банке. Отдашь ему наличные. За десять процентов от суммы, он перечислит на твой счет. За услуги. Типа ты его проконсультировал.

— То есть ты, Фред, моими деньгами подкармливаешь свой канал? А ничего, что я еще не решил, останусь там, или вернусь?

— Да чего ты разволновался? Если думаешь вернуться, — не закапывать же тебе бабки в лесу? Если нет, то показывать пачки денег в иммиграционных службах — верх глупости. Гораздо больше их впечатлит личный счет.

Дальше он сказал то, ради чего мы с Сурковым, несколько демонстративно, скупали у пацанов-валютчиков чеки, доллары и марки, у Прибалтийской.

— А Оскар без проблем обезличит любую сумму.

— Так уж и любую?

— Дух, он даже рубли конвертирует. Если бы ты не секретничал, а просто поговорил со мной, все было бы проще.

Не говорить же ему, что именно для того, чтоб он мне предложил обезличить валюту, я все и затеял. Я не очень понимал, как мы легализуем миллион-два долларов в Европе. То есть как это будет с подвеской — я знаю. У бельгийских и голландских ювелиров схема давно отработана. А вот как двадцать килограммов долларов, превратить в цифру на счете не очень понимал.

Пока не подумал, что у Фреда наверняка есть контакт в Финке. Не может не быть. Расчет был на то, что узнав о наших покупках, Фред захочет это использовать. Не узнать он не мог. Он все о такого рода вещах всегда знает. Так и вышло. То, что нужно.

Подошедший ЛиАЗ изрыгнул наш поток, и уехал пустой. Кивнул Вите Высоцкому, нашему старосте. Мол, здесь я. Просто раньше приехал. Я, одетый в армейские брюки и ботинки, свитер и брезентовую спецовку, выглядел вполне гламурно на фоне пацанов, одетых в откровенное рванье. Ты просто еще не был здесь, Колян, пояснил мне Леха Кособоков. Разгружать вагоны, одевшись чуть лучше — глупость. Об ящики все равно порвется. Что, и девчонки будут ящики таскать? Не, их отправят картоху перебирать.

Так и вышло. Сквозь вполне монументальную, как у режимного предприятия, с охраной, проходную, нас допустили на территорию. Как по мне, тут можно снимать фильмы про постапокалипсис. Стылое, сочащееся дождем небо, бесконечные, серые бетонные пакгаузы, ржавые рельсы. Горящие днем фонари, на растяжках, скрипят от ветра. Облезлые собаки копаются в мусоре на путях.

Мы свернули влево и шли минут пять. Пока не остановились возле какого-то из пакгаузов. Там нас подждал двухметроворостый мужик, и какая-то женщина. Переговорили с нашими старостами. Витя обернулся и громко скомандовал:

— Здесь остаются четыре пары. Букреев с Овчинниковой. Кособоков с Анисимовой, Андреев с Лишовой, Гульян с Гавриловой. Остальные идут за нами.

И они ушли дальше, вглубь овощебазы. А с нами осталась усталая тетка средних лет. Она завела нас в первые открытые ворота. Бетонное помещение, забитое ящиками с картошкой. Напротив ворот — металлический конус над транспортером, уходящим куда-то сквозь дырку в стене.

— Слушайте внимательно, студенты! — заговорила женщина. — Вот эту картошку нужно перебрать. В одном отсеке — одна пара. Парень снимает крышку, опрокидывает ящик на транспортер, и, вдвоем с девушкой, её перебирает. Гнилье и камни — вот в эти контейнеры. Все понятно? Вот перчатки и рукавицы. Кто здесь остается?

Поднял руку, и посмотрел на Лишову. Она пожала плечами. Тетка увела остальных.

— Меня зовут Николай, — сказал я. — Извини, не было времени представиться.

Она фыркнула и отвернулась. Бггг... Имеет право. В желтых резиновых сапогах, спортивных штанах в обтяжку, чуть тесноватой на груди куртке, обмотанная платком помусульмански — она впечатляет. С другой стороны, как я успел заметить, наш староста к Лишовой неровно дышит. И таким образом слегка подосрал Снежину. Господи боже ты мой! Детский сад с ясельными интригами. И эта фифа, еще... Закинул на ящики свой рюкзачок, надел рукавицы, вывалил в конус первый ящик, и нажал кнопку пуска транспортера.

Через час я объявил перекур.

— Чего курить? — впервые открыла рот Лишова. — Видишь, сколько ящиков? Пока все не переберем, не уйдем.

Если так, то грустно. На один ящик у нас уходит в среднем три минуты. Ящиков — больше сотни. Закончим в лучшем случае в полночь. Я достал сигарету.

— Ничего, Вик. Я сейчас что-нибудь придумаю.

— Прекрати изображать из себя, Андреев! Мы еще и не начинали, так что — кончай курить!

Бросил сигарету, подошел к ней вплотную, и, неожиданно подхватив за талию, усадил высоко на ящики. Строго поднес к её носу палец.

— Сиди, и не пытайся слезть! В лучшем случае порвешь штаны и поедешь домой с дыркой на заднице.

Достал из рюкзака термос с кофе. Налил в крышку и дал ей. Вышел из отсека и огляделся. Мимо ехал погрузчик, остановил его.

— Кто здесь главный по этой картохе?

Водитель погрузчика достал Мальборо, закурил.

— А что?

Я дал ему три рубля, и сказал:

— Хочу его видеть.

— Через пять минут — он уехал.

Я стоял в воротах и слушал, как Лишова обзывает меня придурком и скотиной, сними меня, Андреев, когда подошел давешний огромный мужик.

— Чего хотел?

Я достал десятку.

— Я думаю, что мы здесь закончили.

Он посмотрел мне через плечо на Лишову, и улыбнулся.

— Четвертак, и вашему главному скажут, что вы молодцы.

Я достал четвертак, и отдал ему. Он спросил:

— Не заблудитесь?

Я подошел к Лишовой, и снял ее на землю. Ай, тугушечки!. Конечно же, для похода на овощебазу нужно надушиться Шанелью.

— Я домой, Виктория. Поехали?

— А где остальные? — спросила она, с минуту посверлив меня взглядом.

— Откуда я знаю? Хочешь, ищи.

Пока мы горели в труде, окончательно стемнело. Окружающий пейзаж угнетал даже меня. Поэтому я повернулся и пошел на выход. Ни секунды не сомневаясь, что она меня догонит. Так и вышло. Она догнала меня и пошла рядом. Из-под платка только виднелся злой красный нос, и раздавалось недовольное сопение.

Выйдя из проходной, она сказала, что автобус ходит раз в полчаса. Пожал плечами, и пошел на автостоянку, махнув рукой, чтоб шла за мной. Она молча пошла, только сопела еще недовольней. Потом слегка задрала бровь, когда я открыл перед ней дверь Жигулей.

— Куда тебя отвезти? — спросил я трогаясь.

— Мойка, шестьдесят два.

Кивнул, выворачивая на Софийскую. Погода снова испортилась. Хотя, она толком и не улучшалась. Начало сентября в Питере всегда противное. Зато в конце, обычно бывает несколько волшебных дней, просвечивающих солнцем сквозь желтые листья, еще не опавшие с берез. Наруливая по Бухарестской, я думал о том, что случится, когда Фред поймет, что не он меня, а я его использовал. А другой стороны, с чего это он поймет? Посмотрим, что там за Оскар. Достал сигареты. Спohватившись, посмотрел на неё. Она фыркнула, и отвернулась. Впрочем, кивнула. Благодарствуйте, барыня.

Я очень благодарен Суркову, что он не задает вопросов. Я бы отшутился. Но все равно... И нужно будет поговорить с мамой. По Бухарестской, мимо Волкова кладбища, выехал на Расстанную, пересек Лиговку, и выехал на Боровую. Вообще-то Лишова, похоже согрелась, и удивительно уютно молчит. Покосился на нее. Смотрит в окно, и водит пальцем по стеклу. Успокоилась, и ладно. По Загородному выехал на Дзержинского, и, достаточно быстро

свернул на Мойку.

Остановился возле дома. Ничего так домишко. Открыл ей дверь. Она царственно вылезла, строго согласно кодексу — одна нога, другая нога, пауза полюбоваться...

— Спасибо что подвез, Андреев! Чаю я тебе, предлагать не буду!

— Не расстраивайся, Виктория. У меня дырявые носки. Специальные, для овощебаз. Так что — мудрое решение.

Фыркнула и скрылась в парадняке. Я достал сигарету, закурил и посмотрел на небо. Температура на улице — градусов семь, и дождь с ветром.

Сел в машину и поехал в Сестрорецк. Я понял, что меня подсознательно беспокоило уже с неделю.

В дачном домике на Пляжной улице не горел свет, и, на первый взгляд, отсутствовала жизнь. Не обращая внимания, загнал машину во двор. Вылез, подергал дверь. Заперто. Не поленился, достал монтировку и дверь отжал. Ключи торчали в замке изнутри. Проверил, закрывается ли дверь теперь. Закрывается. Ок.

Софья Игоревна безучастно сидела в кресле у окна. Внешне не реагируя на мой шум. Температура в щитовом домике была как на улице.

Подсознание — такая штука... Всю неделю, как испортилась погода, меня подспудно беспокоила какая-то посторонняя мыслишка. Пока я не вспомнил. В домике нет печки. И старуха там сидит в холоде. Договоренность была — как захладевает, она звонит, и я ее забираю. Телефон на соседней улице, в правлении кооператива. Но Софья Игоревна, похоже, решила помереть. Ничем иным её торжественную отстраненность объяснить было невозможно.

— Ну и как это понимать, Софья Игоревна? — я взял стул и уселся напротив нее. В комнате было темно, только свет от фонаря на улице освещал мизансцену. Я не нашел выключатель возле притолоки, и не стал искать. Я был взбешен.

— Зачем ты приехал, Коля? — наконец изволила заговорить хозяйка. — Я бы тихо умерла, и всем стало бы легче. В ящике комода завещание. Оно от руки, но мою последнюю волю, наверное, уважат.

Я взял её за запястье. Пульс нормальный. Потрогал лоб — легкий жар в наличии. Уже простыла!

— Мерзкая, гадкая старуха! Мы уезжаем в город. Где документы?

— К чему это? От меня всем одно беспокойство...

— Вы еще душеным голосом сказать мне: — «Ипполит, драгоценности я спрятала в стуле!» Ну, Софья Игоревна, ну взрослый же человек!

Я дернул ящик комода. Там, аккуратно сложенные в папку, лежали её документы. Пенсионная книжка, паспорт, какие-то справки и бумажки. Сунул в рюкзак.

У нее здесь есть что надеть. Понятно, что старое и неудобно. Но она заранее эту дурь спланировала! Ходить она почти не могла. Похоже, ещё и не ела. Одед в свою куртку, отнес и посадил в машину, на переднее сидение. Пристегнул ремнем, завел авто, и включил печку на полную. Замок пришлось немножко подбить, и он закрылся надежно.

Выезжая из Сестрорецка на Приморское шоссе, я спросил:

— У вас же здесь была помощница, Ирина, да?

— Она еще в августе сломала ногу. Коля, куда ты меня везешь? Зачем я тебе?

— Я хочу, что бы вы простудились на моих похоронах. И я это вам устрою. Вы давно не ели?

— Давно, — печально согласилась она. По ее лицу текли слезы.

На въезде в город мне махнул палкой гаишник. Вальяжно приблизился. Но, увидев седые волосы и гордый профиль старухи, махнул палкой, проезжай мол.

— Вот видите, Софья Игоревна. Когда вы в машине, я могу возить хоть революционные прокламации, никому до меня нет дела. А вы говорите...

Когда я внес её в квартиру, у меня образовалось множество дел. Уложил её на кровать. Бросил в кастрюлю курицу, купленную на Сенном рынке, и поставил вариться. Включил

воду в ванной и заткнул пробку. Пока наливалась вода, позвонил Каверзневу. Одиннадцать часов, надеюсь не спит.

— Евгений Михайлович! Я тут привез Софью Игоревну. Она, похоже, захворала. Как бы не воспаление легких. Не поможете с врачом, и сиделкой? И вообще, — мне вдруг в голову пришла креативная мысль. — Не подъедете? А то я один не управлюсь.

Потом раздел, и помыл Софью Игоревну в ванной. Вернее, она сама помылась, я сидел рядом и присматривал. Когда я нес её в машину, почувствовал что — пахивает. О чем ей и сказал.

Потом отнес обратно на кровать, помог надеть сорочку, и укрыл одеялом. Тут раздался звонок. Это пришел Михалыч. Пока он разговаривал с хозяйкой, процедил бульон, и поставил чайник. Заварил заварочный чайник Дарджилинга. Напоил её бульоном. Оставил Каверзневу чай, в который плеснул коньяка, и пошел на кухню курить.

Налил себе рюмку. Черт, больше нельзя. Завтра ездить много. Мысль, пришедшая мне в голову, нравилась мне все больше и больше. Я даже уже не так злился. Хотя, я тут, понимаешь, оформляю себе загранпаспорт, а у меня, при невыясненных обстоятельствах, помирает вот эта родственница. И ОВИР, прослезившись, меня все же пропускает? Это не говоря про что и сколько мне наговорят в ментовке. И, по любому, будет мнение, что я старуху бросил помирать. Оно мне надо?

На кухню пришел Михалыч. Софья Игоревна уснула. Врач будет через час. Налил ему чаю.

— Ещё будет нужна сиделка, Евгений Михайлович.

— Я думаю, на время болезни врач, что придет, нам предоставит. Он дорого берет, но того стоит. А на долгие — нужно искать. Хорошую сиделку найти трудно.

— Вы, Евгений, говорили, что квартира Лившицов свободна? — он кивнул. — Отлично!

Мысль, что я думал, была симпатичная со всех сторон. Мы, Евгений Михайлович, проведём социальный эксперимент. У меня есть дальняя родственница. Одинокая женщина. От тоски — попивает. Давайте, Евгений Михайлович, попробуем сделать из нее компаньонку для бабки. Скажем Софье Игоревне, чтоб занялась перевоспитанием, а моей родственнице вменим уход, заботу и вообще.

— Это было бы неплохо. А ты уверен, что она справится? И как тогда быть с тобой, если она туда пропишется?

— Давайте решать в процессе? И вот еще что, для моей родственницы нужен будет нарколог. Как раз пока старуха поправится, родственница в себя придет. Завтра, с утра, поедем, посмотрим, что там за квартира. И я её привезу.

Я снял трубку и набрал Суркова.

— Сурков! Хорош спать! Мне нужна твоя помощь!

— Дух, я немного занят.

Где-то рядом с Сурковым женский голос произнес — «Не немного, а очень занят!»

— Ленке привет, Серега, ты бы подъехал завтра с утра.

И тут я услышал на той стороне провода скандал. Это что еще за Ленка, Сережа? Кто тебе звонит? Отстань от меня, скотина! И финальное — «Пошел в жопу, урод!» И, кажется, расслышал хлопок двери.

— Ты знаешь, Дух, — не предвещающим ничего хорошего голосом сказал Сурков в трубку. — Я сейчас подъеду.

И я с облегчением, на всю квартиру, громко заржал.

— Ты понимаешь, что я тебя спас, Серега? Не благодари, чего уж...

Врач пришел спустя еще минут сорок.

Утром я дозвонился в деканат. Маша! У меня тут бабушка заболела. Меня сегодня не будет. Справка прилагается. Предупредишь? Мы с Каверзневым оставили Суркова с Софьей Игоревной, дожидаться сиделку. А сами поехали в квартиру на Средней Подъяческой. Это недалеко, но я потом был намерен уехать.

Врач, что приехал в полночь, оказался хорош. Вполне качественно осмотрел пациентку и исключил воспаление легких. ОРЗ. Вот рецепты, сиделка будет завтра, в полдесятого. Поставит поддерживающую капельницу. Пациентка истощена, усиленное питание. Но диетическое. Сиделка покажет и расскажет. Он же, дал телефон нарколога. После звонка приедет в течении часа. Берет столько же. Может предоставить медбрата. Сами понимаете, пациенты у наркологов специфические.

Квартира оказалась неплоха. Две большие комнаты, приличная кухня. Второй этаж. Из недостатков — окна во двор. Я взял ключи, и уехал. Каверзнев обещал быть снова к часу, а пока ушел в помощь Суркову.

Столовая Сельмашзавода была еще закрыта. Пришлось идти черным ходом. Тамара Сергеевна Пылаева мыла пол в посудомоечной.

— Привет, Тома! У меня к тебе дело, — я достал из рюкзака термос, налил туда кофе, и щедро сдобрил коньяком. Протянул ей.

Выглядела она не очень. Нет, до сих пор не днище, но вчера она очевидно напилась. И я ее подлечу.

— Ты смотри-ка, Коль. Какой ты важный стал, — она махнула кофе как водку.

— Отпросись у начальства. Скажи, что уезжаешь. Поехали, возьми паспорт.

На выезде из города я остановился. И рассказал, что предлагаю ей работу. Работа компаньонки вдовы академика Гейнгольца. Обязанности простые. Заботиться о старухе. Гулять её в парке. Ходить с ней в театры и музеи. В инстанции, если доведется. В рестораны. И возить на отдых. Получать за это зарплату. Числиться она будет нянечкой в одной больнице. Но вся её работа, это быть прислугой и подругой пожилой женщины. Всегда быть с ней. За это ты получишь квартиру в Питере. Если согласишься, то сейчас её посмотришь. Есть одно, но категорическое, условие. Ты завяжешь пить. Врачи тебе помогут.

— Давай, Тома, решай. Скажешь нет, вон остановка автобуса — возвращайся.

Она сказала что согласна — сразу. Но, наверное, она уже окосела. Добравшись, мы зашли в квартиру, которой она просто восхитилась, и не поверила, что скоро это будет ее. Но спустя минут десять в дверь позвонили, и я впустил сначала Каверзнева. Потом пришел нарколог. Маленький, юркий старичок. В сопровождении шкафоподобного санитаря. Тут она уже запаниковала, но было поздно. Её уложили на диван, и, для начала, поставили капельницу. Михалыч, сказал мне, что я пока могу идти. Но, к вечеру, мне неплохо бы появиться.

В четверг первой парой у нас никчемный предмет. Вычислительно-бухгалтерская техника и электроника. Одно название чего стоит! В аудитории стоят эпичные аппараты — дальняя родня телетайпов в помеси с калькуляторами. Каждый агрегат заточен под ограниченное число функций, и операций. Управляется набором команд, что нужно набрать на клавиатуре, из брошюры-инструкции. Ну, там, платежку напечатать или счет-фактуру заполнить. Еще чего-то. Представляла это все тетка-преподавательница, очевидно гордящаяся чудесами, что творит. Нет, ребята, ЭВМ в другом здании, у вас будет отдельный предмет по работе с ней. И уже оборудуют компьютерный класс. Там будут компьютеры Искра.

Труднее всего было не морщиться брезгливо. Помня о том, что все вот это заменяет один, не самый мощный лептоп, с набором примитивных программ. Впрочем, я с удовольствием покрутил ручку арифмометра. Одногоруппник Юрик сказал, что я создан счетоводом. С первого взгляда видно что я и арифмометр — одно целое.

Вчера вечером мы с Сурковым и Каверзневым обработали Софью Игоревну. Она по-прежнему с удовольствием умирала, но уже с некоторой заинтересованностью. Я ей сказал, что у меня есть дальняя родственница, что стала на скользкий путь. Пьет. На вас одна надежда, Софья Игоревна. Возьмитесь за просвещение простого народа, как пристало русской интеллигенции. А она вас кормить будет, и убирать.

Надо сказать, что все с ней ясно. Одиночество — тяжелая история. Когда вокруг пошла движуха, она очевидно взбодрилась. Лишь на всякий случай удерживая образ угасания. Да и тетка-сиделка заверила, что все с бабкой будет в порядке. Крепкая.

В общем, съездил на рынок, сходил по магазинам, накупил продуктов на две квартиры. Причем в квартиру Тамары пришлось покупать всякую хрень типа тарелок и вилок с ложками.

Нарколога звали эпично — Эдуард Бенедиктович. Осмотрев пациентку, он вынес вердикт — алкоголизм. Третья стадия. Помрешь скоро, голубушка. Не бойся, сейчас мы тебя подлечим. Но пить тебе больше нельзя. Лет пять-десять тебе осталось. И, не мешкая, стал делать уколы, и вообще. С ним приехал огромный медбрат — Федор. Он сказал, что в дом нужно еды. Давай, Колёк, метнись, вот список. Я за ней присмотрю. Но поверь опыту, тут все нормально будет. С куклами еще не разговаривает, облака руками не красит. Откачаем.

Параллельно пришлось озаботиться одеждой для Пылаевой. Но тут я просто позвонил Верке, и сказал, что привезу ей родственницу из деревни, что нужно одеть как горожанку.

Сурков, приехав тогда ночью, сожрал весь мой запас макарон, и выпил весь кофе. Согласился, что девушка, что от него вот так ушла, его недостойна. Мне было интересно конечно, кто такая, но я уже слегка подустал и пошел спать. И они с Каверзневым дежурили всю ночь.

А сегодня я пришел на занятия. Прогуливать глупо. И мне нужна справка, о том, когда у меня каникулы. Завтра я иду в ОВИР, на Желябова. Хочу собрать максимум документов.

Второй парой у нас поточная лекция по вышке. Покурился, пришел в аудиторию, и сел на привычное место. В середине ряда, у окна. Бросил на стол тетрадь, и достал блокнот, решив написать список необходимых Тамаре покупок, в новой квартире.

Благие намерения разбила Лишова. Появившись после меня, она слегка оттеснила Овчинникову, уже по традиции сидящую со мной на лекциях, и уселась рядом:

— Привет, Андреев!

Насколько я помню по прошлой жизни, да и по местным раскладам, эти её действия тянут на публичное заявление, и демонстрацию прав. Я с интересом на неё посмотрел.

— И что же это у нас происходит, Виктория?

— Я решила сидеть с тобой, — она мило улыбнулась, и положила на мой кулак свою ладошку.

Я задрал уже обе брови, и осмотрел её. Как всегда няшная, обаятельная, и головокружительная. Чего это с ней? Но тут я, краем глаза, уловил исполненный тяжелого свинца взгляд. Повернув голову, я столкнулся глазами с Мишей Снежиным, разглядывающем меня с нескрываемой гадливостью. Рядом с ним стоял Букреев и обещающе улыбался. Я перевел взгляд на Лишову.

— Ну и что это за манифест, Виктория? Ты хочешь драки? Заскучала?

— Ты обращался со мной как с вещью, Андреев, — она улыбнулась еще завлекательней. — И ответишь за это. Да и Мишка ведет себя как последний урод.

— Пхе. Ты понимаешь, что поломать твои планы — легче легкого?

— Попробуй.

— Гм. Я сейчас встану. И заявлю, чтоб все слышали. Нет, Лишова! Мы больше трахаться не будем. Первый раз был ужасен! Начинать? А потом пересяду на камчатку.

Она, конечно, покраснела, и, наверное, даже смутилась, но и меня слегка ошарашила.

— Ты так не сделаешь, Андреев! — она ослепительно улыбнулась. — Ты вообще тюфяк.

— Как скажешь, — в аудиторию вошел препод. — Руку убери.

Я от нее отодвинулся. Но и так сижу с краю. И чего это я тюфяк?

На перемене я пошел в деканат. Отдал справку о болезни родственницы. Попросил справку для ОВИРа. Тарасевич, декан, изучив мою бумажку, воскликнул:

— Так ты родственник Вениамина Михайловича, Андреев?

— Седьмая вода на киселе, Леонид Степанович. Мой дед по матери — двоюродный брат его жены.

Тем не менее, я почувствовал, что прибавил у декана плюс пятьсот к харизме. Нужно будет подробно выяснить, все же, кто у меня как бы в родне.

После третьей пары я не стал задерживаться, а сразу ушел. С лицом типа «я спешу на важную встречу». Не сказать, что я сильно расстроен лишовской эскападой. То есть я не очень понял, в чем я виноват. Но и думать об этом не собираюсь. Плевать ващет. А вот этот её бойфренд с адъютантом, это даже неплохо. Институт полон клеевых телок. Рано и ли поздно, все равно с кем-нибудь бы поцапался. Почему не сейчас? Заодно разьясню окружающим, что ко мне не нужно лезть. Единственное, не в институтском же дворе их бить? Чревато.

Так что я, скорым шагом, перешел мост, свернул влево, и немного погодя в арку двора. Там еще гараж у Суркова. Выйдя во двор, остановился и обернулся.

Они догоняли меня трусцой. Пол института, скорее всего, наблюдали картину моего позорного бегства.

— И куда это ты так торопишься, Андреев, — заговорил Миша Снежин, протягивая руку к моему лицу. То ли стукнуть собрался, то ли взять за грудки. Я огляделся, вокруг никого. Отлично. Взял его руку, слегка довернул, и придал ему ускорение рывком. Уходя с линии его

движения, подставил пятку, и он растянулся во весь рост. Не отвлекаясь, я завершил разворот, саданув той же ногой Букрееву по, э-э-э, хрустальным колокольчиком. Он согнулся и упал вправо, однообразно и тоненько скуля на одной ноте. Я развернулся, контролируя обоих. Но что там контролировать? Букреев выключен минимум на пять минут. Да и потом... А Снежин успел только перевернуться на спину. Придурок. Нет бы, вскочить, и разорвать дистанцию. Ну, нет так нет. Пробил ему в табло. Зря. Он дернулся, и у него будет мегасиняк под глазом. Тьфу.

— У меня всего два вопроса, Душина, — раздался голос за спиной. Я развернулся стараясь оказаться спиной к стене. Но тут же расслабился. Прислонившись плечом к арке двора стоял Сурков.

— Спрашивай, хуле.

— Вопрос первый — почему так долго возился? — он оторвался от стены, обошел так и скулящего Букреева, и взял за воротник Снежина. Оттащил его к стене и посадил. Похлопал по щекам. Тот вроде бы моргнул.

— Сурков — это просто студенты.

— Скажите пожалуйста, какие мы гуманисты! Вот этот, — он кивнул на Букреева, тебя одним ударом в землю вобьет.

— Не вбил же, — я достал сигареты и закурил.

— Тогда вопрос второй. Как её зовут?

Но тут Снежин наконец-то пришел в себя. И с ненавистью уставился на меня:

— Тебе пиздец, Андреев, — прошипел он. — Ты теперь сядешь.

— Надо же, сколько чувств-с! — Серега присел перед Снежиным. — Ты, придурок, смотри на меня!

Он слегка съездил ему по скуле.

— Ты меня знаешь?

— Нет, но и ты тоже сядешь!

— Как есть дурак! — посетовал мне Сурков, и опять повернулся к Снежину. — Слушай сюда, дебил. Как только Андреева вызовут в ментовку по твоему заявлению, в тот же день тебе сломают ноги. Если заявление будет не отозвано — тебе будут ломать пальцы на руках. По одному. Может быть, это буду я, которого ты не знаешь. Но скорее всего это будут люди, которых ты даже не увидишь. У Андреева много друзей. Ты понял, козел? Или тебе для остротки что-то сломать? — он схватил его за палец.

Голос у Суркова при этом был невыносимо противный. Лязгающий и внушающий ужас. Научили, понимаешь.

— Я понял, отпусти! — заорал Снежин.

— Я тебя предупредил. Пошли, Дух.

Когда мы вышли из арки обратно на канал, я спохватился.

— А ты-то что здесь делаешь?

— Мы же договорились в Трест за справками поехать! Ну я и стою, возле машины, у парадной. Жду, когда ты с занятий придешь. Потом смотрю, ты трепетной ленью убегаешь от двух негодяев, явно задумавших недоброе. И не уводи разговор в сторону! Я требую знакомства с девушками если не всего института, то хотя бы твоего потока. На первый взгляд, страшных у тебя здесь нет.

— Ну уж нет, Сурков! — мы дошли до его Волги, и устроились в машине. — Два козла в одном огороде не уживутся! Да и вообще, звони Ленке, пусть на выходные приезжает. И

Светку привозит.

— Ленка вернулась к мужу!

— Съешь лимон!

— Поклёп! Я вне себя от горя! — он завёл, и тронулся.

— Не грусти. Хочешь, я попрошу ее познакомить меня с этим её мужем? Попрошусь и он возьмёт нас к себе на траулер, на рыбалку. Наловим угрей.

— Он сделает из нас наживку.

— Наживку?

— Ты не задумывался, Дух, об истоках производственных рекордов рыбаков? Вернувшись с берега на борт, рыбаки приносят труп любовника жены! Кладут в невод и забрасывают. Обрато вытаскивают полный невод рыбы и никаких улик! Эта технология отработывалась веками!

— То-то в последнее время в магазинах только рыба.

— Вопрос не в этом. Вопрос в том, что я ещё жив, а у ее мужа — рыболовецкие рекорды!

— Как?! Она тебе изменяла не только с мужем? Но, может быть, она так отводила от тебя угрозу? Господи, Сурков! В опасные игры играешь!

— Я и хотел сменить образ жизни. Познакомился с женой летчика-международника. Все крайне пристойно и изредка. Авиация, это не рыба какая-то. Но нет, звонит Дух, и девушка, которую я едва убедил, что страдаю от одиночества узнает, что есть какая-то Ленка!

— Как понимаю, обидней всего что и Ленки уже нет.

— Так когда у вас дискотека в институте?

Поход в ОВИР меня повеселил. Точнее даже не так. Я был восхищен продуманной предусмотрительностью моего приятеля Фреда.

То есть, сначала я пришел в институт. По беглым взглядам окружающих понял, всем интересно — сильно ли я пострадал, или был просто запуган? Овчинникова рассказала, что Лишова — та еще стерва. Из-за неё от нас перевелся Геша Харлов. Начал оказывать ей знаки внимания, но был бит этими двумя. А тебе сильно досталось? И чего это их нет? Празднуют, что ли? Не расстраивайся, Коль. Все и так знают, что ты нормальный парень, а они придурки. Перед второй парой староста Витя, поинтересовался у меня, не знаю ли я, где Снежин с Букреевым? Совершенно честно сказал, что не представляю. Взгляды общественности из злорадно-сочувствующих стали заинтересованными. Слава богу, в расписании нет лекций. Потому что когда они не пришли на семинар, что на третьей паре, стало ясно, что дело нечисто. И парни у меня, перед тем как я свалил из института, прямо спросили, чем там дело кончилось. Прямо ответил, что наездов от них совершенно не опасуюсь. И не опасался, если честно.

Проходя по Невскому, я думал о том, а не подставил ли меня староста под люли? Развлекаясь таким образом пришел в ОВИР.

Еще только готовясь, я поинтересовался у Фреда, почему в центральный, а не в местный, что на Плеханова (она же Казанская). Вы, Дух, идете по программе культурно-этнического обмена, что курируется союзным министерством. А все остальные — кто как. Вот, эти кто как — идут на Казанскую, а тебе — на Желябова.

От парадных дверей был тщательно расспрошен, записан, и препровожден в большой зал, типа ожидания. Там несколько дверей. И мужик за столом, рядом с ними. Периодически звонит телефон, и мужик вызывает по фамилии соискателя. Который и проходит в кабинет. Я ждал всего полчаса. А ступив в кабинет, чуть не взвыл от восторга.

Когда-то я выпивал с мужиком — отставным кгебешником. Он руководил службой безопасности на предприятии, с которым я много работал. Кроме прочего, он мне как-то рассказал о секретности при оформлении разного рода связников, разово едущих из союза. То есть он много баек рассказывал.

— Вот как ты представляешь себе, Петрович, оформление документов на выезд из СССР?

— Ну откуда я знаю? Контора пишет в ОВИР бумагу, что вот такого-то — пропустить и побыстрее.

— Щас! Наш человек не должен быть засвечен. А бумаги имеют свойство быть прочитанными кем угодно!

— Ну, тогда позвонить, или там, в кафе познакомить с овировцем.

— Ага-ага. И плакат дать-«Я сотрудничаю с ГБ, и еду с заданием!» Чтоб уж все знали, кто он и что.

— Блин, Сергеич, умеете вы тень на плетень наводить!

— Дело в том, Коля, что это сейчас все просто, и то есть нюансы. К примеру, оформление загранпаспортов делает частная контора. Но начальник этой конторы — в кадрах. И те, кто приходит с улицы — общаются с персоналом. А те, кто приходит к начальнику с приветом, с другим персоналом.

— А в Союзе как было?

— В Союзе нужного человека показывали овировцам на каком либо мероприятии не для всех. На какой-нибудь партконференции, нужный человек оказывался с начальником паспортно-визовой службы за одним столом, на банкете. Или в президиум, бывало, сажали. Чтоб когда он приходил в ОВИР, сотрудник понимал — это нужный и правильный человек. И буквоедствовать не стоит.

Валерия Васильевна Мезенцева, старший сотрудник, как гласила табличка на двери. Она, на вечере советско-финской дружбы, сидела в соседнем со мной кресле. И мы с ней даже перекинулись парой ничего не значащих фраз. Не говоря о том, что эта, под сороковник, приятная тетка, явно выделила Суркова. И даже, не стесняясь, спросила, вместо приветствия:

— А друг твой где?

— Здравьете. Он на следующей неделе будет.

Дальше она взяла у меня приглашение, бегло ознакомилась и принялась инструктировать.

— Съезди в Дом дружбы. Не на Васильевский, а на Фонтанку.

— Там же ремонт.

— Зайдешь со двора, сто семьдесят второй кабинет, возьмешь справку об этнической родственной связи.

— А! Так у меня с собой!

Я ей вывалил все свои бумажки, и фото на паспорт. Она бегло их перебрала. Справка о вепской принадлежности. Справка, что учусь. Справка о том, что каникулы в феврале. Справка, что работаю на полставки сторожем, и что отпуск в феврале. Ознакомившись, она хмыкнула и достала скоросшиватель. Написала на нем Андреев Н. П. Грюкнув дыроколом, подшила мои бумажки.

— Вот тебе анкета в трех экземплярах. Заполнишь и принесешь. Когда тебя ждать?

— Через неделю.

— Не затягивай.

Анкета, что нужно заполнить — даже не бумажная, а на листе картона. С одной стороны — удобно. Но, как ее на машинке заполнить? Ладно, разберемся. С тем и отбыл.

На следующий день я пообщался с Лишовой. Перед поточной лекцией она собралась опять усесться рядом. Но я попросил её не утруждаться, и отсесть в другую часть аудитории.

— А может быть мне хочется, Андреев! — ослепительно улыбнулась она, пытаюсь привычно надавить шармом и обаянием.

— Увы, Виктория. Жизнь не игра в хочу — не хочу. Уверяю тебя, человеку, из-за которого два, в общем-то, нормальных парня получили по роже, лучше держаться от меня подальше.

Я вдруг понял, что говорю голосом для допросов, чисто по-сурковски.

— Ты ничего не знаешь! — она побледнела.

— Тебя проводить, или свистнуть погромче, чтоб метла прилетела?

Она молча схватила сумку и ушла в другой конец помещения.

Гнусный Сурков, ни секунды не стесняясь, как и я слупил с врача справку, об уходе за больной родственницей. У того в саквояже лежала пачка чистых бланков. И теперь наверняка прекрасно проводит время дома. И я решил, что пора мне уже и себе создать уют.

До воскресенья я его себе и создавал. То есть в институт я, конечно, ходил. Но в остальном по новой мотался по городу, пытаюсь создать себе хотя бы минимально привычный комфорт. Это сейчас — та еще задача.

Приятной неожиданностью стало то, что Тамара Пылаева — дипломированный повар. Медбрат Федор пребывал в восторге. Когда я привозил им продукты, он сказал, что давно так вкусно не ел.

В воскресенье, утром, мы с Сурковым выехали из города по Московскому шоссе. Доехали до Чудова, развернулись и поехали обратно.

— Вот здесь, Серега.

Мы не стали съезжать, просто проехали, сбросив скорость. Обычный карман-стоянка. С другой стороны — густой лес. Да и вокруг этой стоянки — тоже.

— Здесь, Сурков, утром седьмого ноября остановится Костя Могила. В багажнике у него будет лежать двадцать килограмм американских долларов в стодолларовых купюрах. Он в машине будет с товарищем. Также крутым бойцом. Их будет сопровождать еще одна машина — Москвич-412, в ней будут еще двое. Также вооружены. Давай думать, как нам тут справиться. И это, Сурков, я очень хочу избежать трупов.

— Ты ебнулся, Дух. И как прикажешь здесь работать?

— А я пока ничего и не предлагаю. Давай думать.

— Точно остановятся?

— Да.

Я надеюсь, что в процессе подготовки мы наткнемся на то, что я скрываю. А дело в том, что мне рассказали однажды, что здесь, возле этой стоянки орудует банда. И, не надеясь на случай, заранее подкидывает под колеса приглянувшихся машин — ежи, что прокалывают шины. Для замены колеса авто заезжает в этот карман, в котором его грабят.

Это и произошло с Могилой. У него спустило колесо, и его попытались здесь опустить на деньги. Грабители очень потом жалели. А я считаю, что это — весьма удачный расклад, чтобы нам вмешаться.

Слава настигла меня в понедельник, утром. Я даже не понял поначалу, отчего, когда я вошел в институт, у меня волосы повсюду стали дыбом. И лишь спустя мгновение сообразил — я в центре внимания. На первой паре верная Ленка просветила. Все знают, что ты избил Снежина и Букреева трамвайной шпалой. На Садовой. И даже хотел проткнуть отбойным молотком сердце у Снежина. Чтоб тот отстал от Лишовой. И почему ты, Коля, не сказал, что у тебя тачка есть? Меня девчонки запозорили, говорят, не могла узнать, что ли? А ты правда внук академика Гейнгольца?

Я нашел взглядом Лишову, сидящую с Приходько, в другом конце аудитории. И наткнулся на гневный прищур. Вот же змея! Сорвала покровы тайны, понимаешь. Тем более, что и парни с потока на перемене поинтересовались. У тебя на тачке спортивный руль и сиденья, гаишники как, не докапываются?

А на большой перемене стало известно, что Михаил Снежин, и Сергей Букреев переводятся из нашего института в университет. Тут уж и замдекана Коротаева, увидев меня, покачала головой. Я держал покерфейс и жалел, что не бросил эту Лишову на овощебазе, на поживу собакам, и радость грузчикам.

После занятий я поехал на Петроградскую. На Зверинской улице, в коммунальной квартире, проживает разбитная барышня. Она взялась заполнить мне анкету как надо. Я связался с ней по телефону, и она заявила, что вообще-то работает в ОВИРе, и у нее такая подработка. Так и вышло. Она забрала у меня все документы, копии справок, и, не вынимая сигарету изо рта, отправила меня за пивом. И все это тоном, не допускающим возражений. Слегка ошизев, проехал по Петроградской, пива не нашел. Плюнул, заехал в «Белую лошадь», на Чкаловском, и купил десять бутылок. К возвращению все было готово, осталось рассчитаться.

На следующее утро, в профкоме института, профсоюзный босс заверил меня, что все согласовано. Но, Коль, не обижайся, придется сходить на заседание парткома института. Ничего особенного, но старайся быть поскромнее. А пока сходи в комсомол. Без них тебя на партком не допустят. Ректор подпишет, я договорился.

Еще бы он не договорился! Каверзнев в выходные его катал по берегу залива. И он вроде даже что-то там выбрал!

Вождь Меркушкин, сказал, что у него уже готов протокол. Он уже предоставил его парткому. Все договорено. Спасибо, Коль, за контакт. Я, следующим летом, наверное тоже съезжу.

Но настроение мое было напрочь испорчено. В двадцать первом веке я совершенно забыл, что автомобили ломаются! Мои прекрасные Жигули, ни с того ни с сего, вдруг стали пердеть, троить, и не ехать. Опытные эксперты, из нашей группы мне сказали, это у тебя, Колян, распредвал полетел. Если достанешь, я тебе заменю — уверял меня Леха Кособоков. Пришлось еще и этой фигней заниматься. В Первом таксопарке, слесаря мне сказали. — Пригоняй ночью. Сейчас никак, и аванс давай, на распредвал.

В общем, к Тамаре мы приехали с Сурковым. Ты, Серега, теперь будешь еще неделю от института косить, со справкой-то. Так что повози меня, не переломишься. Забрали страдальцу, рассчитались с санитаром Федором. Я не очень понял, чем её лечил нарколог. Но, он сказал, что на женщин действие достаточно краткосрочное. Только ей говорить об

этом не будем, договорились? Когда мы везли ее на Лиговку, она грустно сидела на заднем сидении, бурчала, что на нас ей смотреть противно. Сидите тут, свободные от зависимости, а мне тошно.

Но женщины есть женщины. Подбор гардероба, да еще и с неограниченным финансированием, её удивительным образом взбодрил. Всю обратную дорогу Сурков рассуждал, что он на пороге медицинского открытия. Женский алкоголизм легко лечится покупкой нарядной одежды. А Тамара Сергеевна, к моему удивлению, отщучивалась. Ты, Коля, встрял. Я теперь чуть новый плащ захочу — буду тебе звонить, говорить что запью.

Софья Игоревна Гейнгольц и Тамара Сергеевна Пылаева были представлены друг другу по всем правилам. И, кажется, понравились друг другу. Тамара, благодаря терапии и Верке, обернулась нормальной такой женщиной. Софья Игоревна, как-то очень к месту сказала Тамаре, что нам обоим нужно будет пригласить парикмахера. И дело было сделано.

Дальше мы с Серегой ушли на кухню, и в разговоре не участвовали.

На следующее утро Тамара пришла в полседьмого. И приступила к уборке. На мои стоны, что я мог бы еще поспать, она бурчала что в доме бардак. Она оказалась страшно активной. Гоняла меня, чтоб не мешался. Делала параллельно бабке рисовую кашу. Драила посуду. И еще и меня воспитывала за грязь в доме. Что, конечно, поклеп. Я порядок старался поддерживать.

— Ты, Коля, лучше не начинай. Если убрал носки с пола в шкаф — это еще не порядок. Знаю я вас, мужиков.

В общем, на учебу я сбежал с некоторым облегчением. А вечером меня пригласили на партком.

В продолжение революционных традиций, заседание парткома проводится вечером. Хотя, конечно, дело не в этом. Кроме освобожденного секретаря парторганизации, остальные партийцы заняты основной работой — преподаватели и сотрудники. Семь человек, украшением которых, без сомнения, является Наталья Олеговна Проничева, доцент кафедры экономики. В качестве приглашенных звезд у стеночки сидят секретарь комсомола и профсоюзный руководитель. Меня продержали под дверью около часа, а потом пригласили.

Владимир Александрович Козлов, наш партийный лидер — человек невысокого роста, и скромно одетый. Говорят, Григорий Романов, бывший первый секретарь Ленинградского обкома — человек низкорослый. Если не сказать мелкий. Вроде бы, рост у него метр шестьдесят три. И единственный сотрудник обкома, которому он по-настоящему благоволил, это товарищ Толстиков, управделами обкома. Он еще меньше ростом. Как бы то ни было, нынешняя партийная элита Ленинграда — в основном невысокая. Чтоб не раздражать.

Между тем парторг был сдержанно-суров. Студент Андреев намерен в каникулы выехать в соседнюю Финляндию к родственникам. Руководством факультета, комсомольской и профсоюзной организацией, характеризуется положительно. Какие будут предложения, товарищи? Товарищи задумчиво меня разглядывали. Наталья, свет, Олеговна прищурилась, и я внутренне собрался в ожидании какой-нибудь гадости. И не ошибся.

— Насколько ты ориентируешься в политической обстановке Финляндии, товарищ Андреев? Не мог бы ты назвать нам имена членов политбюро Финской коммунистической партии?

Я встал, сделал тупое лицо, принял строевую стойку, и заговорил:

— Коммунистическая партия Финляндии, товарищи, насчитывает сейчас около пяти

тысяч человек. На сегодняшний день должность генерального секретаря занимает товарищ Юко Каяноя, — это я на всякий случай узнал заранее. Но дальше уже у меня пошла чистая импровизация. — Вопросами идеологии в партии занимается товарищ Кеке Росберг, работой с молодежью в КПФ заведует товарищ Мика Хаккинен. Он проводит на льду озер гонки на автомобилях, привлекая таким образом в партию молодежь, и студенчество. Работой с профсоюзами, и в промышленности, занят товарищ Кими Райкконен. Заместителем генсека является товарищ Мика Сало.

Я специально узнал имя лидера финских коммунистов. Но такой подляны не ожидал. И решил назвать первые вспомнившиеся мне финские имена. Вспомнились в основном гонщики Формулы 1. Но я почему-то был уверен, что присутствующие будут довольны. И еще мне было очевидно, что Проничева поняла, что я валяю дурака. Но промолчала. Я, тем временем, заявил:

— Студент Андреев ответ на вопрос окончил! — и принял стойку «вольно».

— Предлагаю голосовать, товарищи, — сказал партторг.

Уходя из института, я перекинулся парой слов с профсоюзным лидером. Не обижайся, Коля, но сам понимаешь, Проничева есть Проничева. Я и не думал обижаться. На анкете стояли все нужные подписи, включая подпись ректора.

В череде дней незаметно наступил октябрь. И быт и жизнь, вполне устаканились, и обрели размеренность. Я даже стал бегать по утрам. Этому сильно способствовала Тамара. Появляется утром в шесть тридцать, и спать уже невозможно. На кухне гремит и шкворчит, по комнатам шаркает и топчется. Софья Игоревна все это воспринимала с удовлетворением. Я так понял, основной причиной её хандры как раз и было вот это. Неубранный дом, завтрак — чем придется, на кухне, а не в столовой, и некого послать на рынок.

Зато теперь все как положено. Завтракаем в столовой, на фарфоровой посуде, с крахмальными салфетками, не торопясь обсуждая разную ерунду. Мне было интересно и тревожно наблюдать за Тамарой. Насколько я понял, она такая типичная деревенская женщина. Которая, взявшись за работу, делает её от и до. И не очень понимает, что еще может быть кроме работы. Поэтому она все время занята, и что-то трет, моет или готовит. И очень довольна. Ну, то есть, бухать вроде не собирается. Строго по часам они ходят гулять, и на почту за пенсией. Много разговоров о новом театральном сезоне. То есть Софья Игоревна задумчиво роняет, что нужно бы сходить в Александринку. А Тамара, натирающая рядом мельхиор, бурчит, что да, нужно бы балет посмотреть. И я ухожу собираться в институт.

В институте весело. Ленивое любопытство старшекурсников, возникшее было после моих эскапад, сошло на нет. С парнями потока я ходил в пивбар «Очки», что-то типа институтского мужского клуба. Одногоруппниц Ленку Овчинникову и Галю Беридзе, я пару раз сводил в кафе-мороженое. Где мы прекрасно провели время, сплетничая об однокурсниках и преподах. Это укрепило в массах мнение обо мне как об обычном провинциале, что не знает питерских соблазнов. Потому что чоткий парень повел бы девушек в Европейскую! Там, кстати, любят бывать некоторые девицы с нашего потока и из нашего института. Но я в это все стараюсь не вникать. В остальном — учиться мне интересно, и не напряжно.

Документы на паспорт я сдал. Валерия Васильевна заверила, что к концу декабря паспорт с визой уже будет. Сейчас получением визы занимается ОВИР.

Из ярких событий, стоит упомянуть приглашение нашего друга Фреда. Он позвал нас с Сурковым и Иво на первый концерт новой андеграундной группы. ДДТ называется. Вы еще не слышали, они из Уфы. И один чувак будет, Башлачов. Бешеного таланта парень — поэт и певец.

Мероприятие стоило бы назвать презентацией. В детском саду, в Веселом Поселке, работает сторожем один деятель. Он и предоставил этот детсад для музицирования. Народу было сравнительно немного, человек сорок. Аппаратура вызывала жалость от одного взгляда. Зато музыка, песни, и публика — это было что-то! Здесь были Коля Васин, Тропило, Майк, Панкер, и куча других смутно узнаваемых персонажей. В воздухе висел запах травы, и пиво лилось рекой. Мы получили удовольствие. Судя по публике, Сашбаш зрителей порвал. А ДДТ — всего лишь понравился. Тем более, что Шевчук, после выступления назююкался и с кем-то подрался в сортире. Я так понимаю, исполнялось то, что вошло в альбом «Время». Дополнительным бонусом было то, что мы увезли оттуда троих девиц. Они нам представились журналистками подпольных изданий «Ухо» и «Урлайт». Парни поехали на Фонтанку. А я почти до утра обсуждал с девушкой Оксаной тонкости альтернативной журналистики. Она меня просто заездила, если честно.

Утром, будучи представлена старухе и Тамаре, девица оробела, и, к моему облегчению, быстро собралась и ускакала в «Сайгон». Софья Игоревна весьма светски поинтересовалась, не невеста ли у меня ночевала. Тамара, вполне добродушно пробурчала, что Колька — он кобель. И не волнуйся, Игоревна, на той, что будет завтракать с нами по утрам, после того как орала всю ночь, он никогда не женится.

Все это происходило на фоне напряженной дискуссии, что мы вели с Сурковым. Он встретился с Фюлером, и сказал мне, что у того есть два МП, и один ППШ. С патронами все хорошо. Но я уверен, если осечка может случиться, она обязательно случится. И пытался убедить в этом Серегу. Он фонтанировал, и мне это надоело. В субботу, пятого октября, вечером, я сел в авто и поехал в Выру.

Полк РВСН, с которым располагалась и наша часть, распложен в тридцати километрах от города. Полностью оборудован для пусков, все дела. Но, на всякий случай, есть еще одна, запасная позиция. Расположена недалеко от Алуksне, что в Латвии. Предполагается, что если что, полк снимается, переезжает туда и разворачивается. Исходя из этого, на этой запасной позиции, у нас ее называли «пятая площадка», заскладировано имущество. Сама площадка достаточно плотно охраняется. Наблюдательные вышки, обнесена колючкой, сигнальные растяжки, КСП, и сетка П-100 под напряжением. А имущество нашей части, вдобавок, располагается еще на одной зоне, уже внутри этой. Тоже колючка. Но всего один пост. Трехсменный. Караул заступает на неделю. Смену, караулу, по четвергам доставляют от нас на машине. В одном из сооружений на этой зоне, старшина нашей бригады держит невооруженное оружие, закрепленное за подразделением. Списочный состав рядовых — восемьдесят человек. А реально — пятьдесят. Но я знаю, у него там еще стволов сто разных.

После зачетных стрельб, у нас постоянно оставалось по двести-триста патронов. Я слышал, в других частях их просто отстреливали, чтоб не возится со сдачей. Но не таков наш старшина, прапорщик Митин! Он это все, как суслик, тащил в норку. В общем, я знаю место, где есть автоматы и патроны. И я знаю, как туда проникнуть.

Как-то осенью, мы привезли как раз патроны и оборудование на эту зону. Капитан Коломиец и прапорщик Митин, припахали меня с товарищами на переноске тяжестей в сооружение. Потом дали команду — идите, наберите грибов. Нажарим с картохой. Это у нас в части традиция. На лесных зонах грибы растут как сумасшедшие, и мы частенько жарили грибы с картошкой. В каждой машине есть запас соли, жира, противень.

И вот, собираю я грибы вокруг сооружения. Сооружение, это такие бетонные полукольца, стоящие на земле, и ей же засыпанные. С торца — дверь, что запирается, опломбируется и что там еще... Оно сильно заросло низкорослым кустарником, я как раз шел к соседнему, как вдруг услышал, как разговаривают, находящиеся вроде бы внутри, офицер и прапорщик. Беглым исследованием выяснил. Промоина. Подмыла слегка одно из полуколец. И теперь совершенно не сложно туда проникнуть. За кустами и не видно. Я не поленился и таки залез. Полюбовался на Митина и Коломийца, к моему удивлению, чистящих пистолеты. Да и вылез обратно. Докладывать не стал. Нет, я тогда и не думал, ничего такого. Просто знал, что в ответ на сообщение, мне вручат в руки лопату, парням дадут тачки, и заставят это все засыпать. Оно мне надо?

Что касается остальной охраны и величественных прикамбасов типа сетки под напряжением, то я просто-напросто знаю, что её включают изредка, по ночам, и, как правило, при проверках. В общем, я знаю, как незамеченным туда проникнуть и выбраться. Что и намерен сделать. Больше того, после акции я хочу оружие вернуть на место.

Выру я проехал ещё в темноте. Алуksне я миновал уже утром в воскресенье. От него ещё двадцать километров на юг. Остановился в лесу, переоделся. Да и побежал. До пятой площадки отсюда ещё три километра. Само проникновение не вызвало никаких проблем. Я умею. Вдобавок знаю, что в бронированной будке с окошками, что стоит на самом большом сооружении в нашей зоне, сейчас или Вася Турку, или молдаванин Мериуца. Вася наверняка пришивает какую-нибудь фиgню к дембельскому кителю, а Мериуца и вовсе спит, скорее всего.

Так это или нет, бог весть. Но уже через час я переодевался у машины. В багажнике лежали два ствола. И четыре полных магазина. Теперь главное не налететь на вьедливого гаишника...

Несмотря на то, что в выходные я подустал, в институт в понедельник я пришел после утренней пробежки. Лицом свеж, никто и не подумает. На лекции по кредитным операциям, как всегда устроил пикировку с Проничевой. Как-то так вышло, но свои лекции она теперь начинает с вопроса, ну что, Андреев, как настроение? В первый раз она обратилась ко всем. А я, раздраженный нескончаемым дождем, и кучей дел, что нужно было сделать, совершенно не думая, вполголоса пробурчал:

— Хочется взять бутылку водки, и уехать в соседнюю деревню на дискотеку.

Народ принялся ржать, а Проничева, с тех пор, перед лекцией у меня осведомляется о настроении. С учетом бесчисленных интернет-мемов, я неиссякаем.

Так что я был готов.

— Хочется, Наталья Олеговна, надеть халат с кистями, крикнуть прислуге, чтоб подали коньяка и развели камин. И сидеть, задумчиво глядя в окно, ожидая маркизу.

— Мне нравится твой настрой, Коля, — засмеялась Проничева. — После лекции подойди, есть поручение.

Выйдя из аудитории, она взяла меня под руку, и мы пошли по коридору, в окна которого светило солнце.

— Так говоришь, Кеке Росберг, Андреев? — лицо у нее было серьезным, но глаза смеялись.

— Опровергните меня, Наталья Олеговна! Вы-то точно знаете членов политбюро КПФ поименно и в лицо. Только вот, а есть ли у КПФ политбюро?

— Не пытайся меня подловить, Андреев. В Филяндию хочешь ты. А я слабая женщина.

— То есть мне не отвертеться?

— Правильно, Коля. Не отвертеться.

Мы остановились у окна, и она рассказала, что к выпуску готовится ежегодная брошюра с работами студентов. Она считает, что работа группы студентов, что она возглавит, украсит эту брошюру. Вопросительно покосилась на меня.

— То есть, вы хотите, чтоб я написал статью?

— Как ты плохо обо мне думаешь! У тебя будут помощники. Лена Овчинникова! Леночка, поди сюда, пожалуйста, — позвала она.

— И все?

— Мало? Хорошо! Вика, Лишова! Иди сюда, детка.

Подошедшим девчонкам она объяснила, что мы, трое, должны в течение трех недель написать статью про Международный валютный фонд. Я недовольно посмотрел на Лишову. Она так же посмотрела на меня.

— Буду честен, Наталья Олеговна. Я со студенткой Лишовой плохо знаком, мы перекинулись едва парой фраз. А в итоге — два студента перевелись в другой институт. В результате нашей совместной работы возможны крупные разрушения. Или именно в этом цель вашего смелого эксперимента?

— Ага! Значит вас не нужно знакомить? — засмеялась Проничева.

— Конечно нет! — недовольно процедила Лишова. — Это Николай Андреев из параллельной группы. Силён как бык. И такой же умный.

— Это у тебя, Виктория, комплексы. Обидно, когда не ты, а кто-то другой — умный, сильный и красивый.

— Не выдумывай за меня обиды!

— Тогда старайся не скрипеть зубами, когда со мной разговариваешь!

— Я завтра косу сделаю, лучше ее дергай, чем языком трепать. А то как рот откроешь, стыдно за дурдом, что тебя отпустил.

— Вы видите, Наталья Олеговна, в каких условиях мне придётся создавать серьёзную, взвешенную статью? Нападки, агрессия...

— Подождите! — Проничева нескрываемо веселилась. Овчинникова тихо хихикала. — Объясни, Коля, как ты намерен работать?

— Все просто. Лена соберёт материалы про Бреттон-Вудскую конференцию. Лишова по теории плавающих курсов. Потом я пройду по их писанине рукой мастера. Скомпилирую. Уберу излишнюю Ленкину основательность, и Лишовскую беспомощность. Добавлю современные примеры. Вам не стыдно будет ставить свою подпись!

— Надо же, ты и вправду знаешь, о чем речь. Отлично! Через неделю, покажете то, что получается.

Она, благосклонно кивнув, удалилась по коридору оставив меня с девчонками. Не дав им открыть рот, я заявил:

— Приступайте, девушки! Я хочу, чтоб Наталье Олеговне было не стыдно поставить мне пятёрку за ваши труды. Завтра, после третьей пары доложите, что и как будете делать. Не стесняйтесь, — добавил я Лишовой персонально, — откровенные глупости я поправлю. Пока!

И, не дожидаясь скандала, по быстрому ссыпался вниз по лестнице. В голове вертелась неясная мысль, что кажется это какая интрига.

Химера совести дана мне наказанием. Внутренний дискомфорт от того, как я поступил с Тамарой Пылаевой, обернулся ранней побудкой во вторник. Тамара ввалилась ко мне, и беспардонно разбудила. Она, надо сказать, достаточно быстро обрела черты фрекен Бок. В общем, вставай, нечего спать, мне нужно убираться. Я было начал бурчать, что вот уйду через два часа на учебу, и хоть обубирайся! Студент, Коля, всегда отоспится на лекциях. А мне прибраться нужно, мы, с Игоревной, по делам едем, некогда будет. Ты, Колька, грязью зарос, надумашь девку привести — стыд и позор! В общем, убежал бегать. Вкушая утренний кофе, усиленно размышлял, что нужно как-то этих двоих перенацелить. Им делать нефиг, вот они обо мне и заботятся. Кружок кройки и шитья подыскать, что ли?

Я сбежал вчера от девчонок не от стеснительности. Весь день был распланирован. Иво сосватал нам своего знакомого, что продает видеоманитофоны Сони. Это сейчас писк моды и неведомая народу хрень. Все говорят, но еще мало кто видел. А тут человек, из морей вернулся и привез, аж пять. И мы договорились встретиться у Апраксина около трех.

Сейчас нет выхода из института на Садовую. Что-то ремонтируют в институтском дворе. Поэтому, выйдя на Грибоедова, я повернул налево, и свернул в Банковский переулок. С удивлением увидел рюмочную. Общаясь с парнями с потока, да и с других факультетов, я про нее не слышал. Институтская публика предпочитает места более пафосные. Хотя, казалось бы — за углом! Пижоны. Решил как-нибудь забежать, удобное место.

Моряк Эдик, что торгует видики, узнал меня первым. Мы описали друг другу как выглядим, договариваясь о встрече. Кроссовки Нью Баланс, джинсы, черная куртка, красно-белая бейсболка. А я буду в джинсовом костюме и с сумкой Пума, сообщил он. Вышли из комиссии, что торгует аудиотехникой, и пошли по Садовой в сторону Невского. В Союзе сейчас наладили производство советских видеоманитофонов. Но не успевают за спросом. Поэтому моряк Эдик, намерен серьезно заработать, и этого не скрывает. Он показал мне рекламные проспекты. И мы договорились, что я приеду к нему в Автово часов в пять. С деньгами и другом.

Расстались, не доходя Невского. Он пошел на метро, а я переулком вышел к Катькиному садику. И толкнул дверь Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Оформил себе читательский билет, и оставил заявку на несколько книг по МВФ, в том числе и на английском. Мне сразу же отказали по паре позиций. То есть не отказали, а сказали, что нужно иметь допуск, и бумагу от института, что я занимаюсь этой темой.

Выйдя из библиотеки, я перешел Невский, и сел в одиннадцатый троллейбус. Вышел у кафе Минутка, и в это кафе зашел. И не стал уже себя сдерживать. Шесть пирожков, чашка бульона, и слоеный язык с компотом. Тут появился Сурков. Мы договорились здесь встретиться. Он сдал анкеты на паспорт. И он тоже не стал скромничать. Пирожков было с десяток.

— Даже странно, такая женщина душевная, что документы оформляет. Ну эта, с вечера дружбы.

— Она уже приставала к тебе?

— Сдурел?

— А мне она так и сказала, придет Сурков, закрою дверь на ключ, и пропади все пропадом!

— Она майор милиции, ващет.

— То есть, ты кремень? И у нее никаких шансов?

Мы вышли на улицу, и пошли к моему дому. Едем за видиками, Сурков. Продавец обещал с ними еще фильмов продать. Может и порнуху какую. Будешь с Ленкой смотреть, и плевать нам на майоров.

— Ленка меня послала.

— Да ладно! Просто сейчас капитан на берегу. Семейная жизнь наладилась.

— Я и позвонил в выходные, чтоб утешить.

— А она?

— Все, Сережа, — говорит. — Я капитану отдана, и буду век ему верна.

— Вот видишь? Праздники все равно отмечать не с кем!

Мы сели в машину, я завел двигатель, и закурил. Сурков тоже. Посидели, помолчали. Да и поехали на проспект Стачек.

Мужчина Эдик занимает две комнаты в коммуналке. Одна из них — натуральный склад. Кроме видиков он нам продал кассеты. Они уже с переводом, парни. Так что не пожалеете. Я порекомендовал Сереге Рокки, Рембо, фильм с Брюсом Ли, Лицо со шрамом, и, ясно дело Индиану Джонса. Бери, Сурков, не пожалеешь. А сам я, неожиданно сообразил, что есть шанс занять старуху вечерами. Взял Унесенных ветром, Братья Блюз для себя, Крестный отец и пару мелодрам. Порно, кстати, нам не предложили.

Приехали к Суркову домой. Моими стараниями у него телевизор Грюндиг, и подключение видика не вызывает проблем. Потом приехали ко мне домой, и я пообещал завтра показать Софье Игоревне, интересный фильм. Серега неожиданно предложил выпить. Я подумал, что отличный повод посетить обнаруженную рюмочную. По любому, есть что обсудить. Правда, он думал мы поедем в Жигули. Но я уклонился. Ну его нафиг. Звезды Ленинградского рок-клуба, будущие лидеры криминала, крутые спортсмены и гебешники. Нет у меня желания там торчать.

А в рюмочной неожиданно оказалось уютно. Хотя не было ни солидной мебели, ни гламурной подсветки. Скорее, здесь была чисто питерская атмосфера, почти утраченная к концу девяностых. Ну, когда бомжеватый дядя, вдруг начинает читать наизусть Блока. А усталый работяга легко треплется с тобой о теории струн. И все это с типичной питерской сдержанностью, и утраченной напрочь интеллигентностью. Народу оказалось немного. Гул слегка стих, когда Сурков взял сразу бутылку коньяка. Ну, народ наверное решил, что забрела фарца, отметить сделку.

А я думал, что вон оно как. Серега, оказывается, к Ленке привязался. Хотя, чему тут удивляться? Так оно и бывает. Думаешь, что фигня какая-то. А оказывается важным и необходимым. Уселись за маленький столик у окна. Чтоб отвлечь его, рассказал, что у нас теперь есть два АКМа. Я недалеко от места акции схрон устроил. В воскресенье поедем с ранья, посмотримся и пристреляем. Там, километрах в десяти, есть заброшенные торфяные карьеры. Пробежимся. А то ты чет загрустил, Сурков.

— Меланхолия, Дух, это свойство возвышенных натур. Ты не поймешь.

— Разговоры о мужской возвышенности, Сурков, это очень скользкая тема. Тут ведь как? Сначала у него меланхолия, а потом ррраз, и его застают за горячим лобзанием с рослым финскоподданным.

— Вот так, значит, ты к грустному другу? — Сурков разлил еще по одной. Я закурил. — А скажи-ка мне, Коля. Как зовут девушку, из за которой ты набил морду двум пионерам?

— Чего это пионерам? Букреев, вон, в артиллерии служил. Двухсотмиллиметровые снаряды на руках таскал, без лебедки.

— Не увиливай, Душина. Я полон подозрений.

— Её зовут Вика Лишова. Факультетская этуаль и сердцеда.

— Не делай равнодушное лицо! Я пока не знаю. Но узнаю, и ты ответишь.

— И как? — я разлил еще по одной. — И за что?

— Я уведу у тебя девушку! Лишова, говоришь?

— У меня целый институт клевых телок. За кого ты меня принимаешь?

— За везучего сукина сына!

Дальше мы еще выпили. И трепались о вещах совсем простых и приятных. По молчаливому уговору решив отложить сложности на завтра. Место оказалось уж больно хорошее.

А утром меня безжалостно разбудила Тамара. Никакого особого похмелья не было. Мы разошлись после десяти, и я принял душ, когда вернулся. А с утра еще и пробежался. С обязательным душем после. Но все равно несколько рассеян. Только этим можно объяснить, что я спалился перед группой, а значит, и перед всей страной.

После первой пары ко мне, задумчиво сидящему у окна, подошла комсорг потока. Я по-прежнему, глядя на неё, не могу избавиться от мыслей самого фривольного толка. От этого наверное, и нес не думая.

— Андреев! Давай поговорим! — сказала она, прижимая к себе какую-то папку.

— Наташа! Предлагаешь начать с разговоров? Знаешь, что я с тобой сделаю, гадкая, развратная девчонка!

— Я не это имела в виду! — она стремительно и густо покраснела.

— Ага! Значит тогда я гадкий, похотливый мальчишка!

— Да нет же!

— Ну хорошо, Наташа! Мы с тобой оба мерзкие развратники!

— Что ты несешь, идиот?! — она вышла из себя и принялась лупить меня папкой по башке. — Что! Ты! Несешь! Придурок!!! — каждое слово она сопровождала ударом по моей голове. Помогло, кстати. Но я не успел замять ситуацию. Да и народ вокруг ржал так, что в аудиторию заглянули проходящие третьекурсники.

— Вот, — сказала Анисимова, доставая из папки какой-то лист бумаги. — Протокол собрания, где мы одобряем твою поездку в Финляндию. Отнеси в комитет комсомола. И отдай Ярославу.

На следующем занятии я просветил Овчинникову про Финляндию, чтоб сбить в массах ажиотаж. Заодно мы с Ленкой подробно обсудили, что и как она будет делать с заданием Проничевой. В этом институте очень всерьез относятся к учебе. Не то, что в Обнинске. Там жизнь гораздо больше напоминала мне анекдоты про студенчество. А здесь все учатся, и почти не прогуливают. Так что Овчинникова весьма толково и подробно рассказала мне свои действия.

А перед лекцией по политэкономии, я встал, взял свой рюкзак, прошел в другую часть аудитории и уселся рядом с Лишовой. Она фирменно задрала бровь:

— И что это?

— Виктория! Давай мириться! Извини меня. Я не хотел, чтоб твой парень переводился.

— Он не мой парень, Андреев.

— Это неважно. Давай заключим вечный мир, на время совместной работы? Ты не

плюешься ядом. Я не ору дурниной. Тихо и спокойно помыкаем Овчинниковой? А?

Я протянул ей мизинец. Она подумала, кивнула и протянула мизинчик. Мы исполнили мирись-миришь, и больше не дерись.

А потом, на лекции, вдумчиво обговорили, что и как она будет писать.

— Понимаешь, Вик, переписать книжку не катит. Нужно личное отношение. Хочешь, напиши девчочковое эссе о несчастном французском франке, что никак не может стать как все солидные валюты. Что-нибудь такое.

Она фыркнула и прищурилась:

— Я думаю написать о мерах по конвертации советского рубля. На этом примере и объяснить принцип плавающего курса, задачи ЦБ и руководства страны.

Это, конечно, она здорово придумала. Мелькнула мысль, что ни Суркову, ни мне, тут ничего не светит никогда. Потому что она круче нас вместе взятых. И, кажется, она увидела мое смятение. По крайней мере, снисходительно улыбнулась. Чтоб не выглядеть совсем уж лохом, откашлялся, и сказал:

— Там, у МВФ, есть набор необходимых условий для начала переговоров. Ну, бюджетный дефицит, объем денежной массы, законодательная база, долговая нагрузка... Я попробую найти.

Она кивнула, а тут и препод сердито на нас уставился.

Но после третьей пары разговор пошел уже вполне содержательный. Печатаем на пишмашинках, собираемся два раза в неделю, созваниваемся. Пошли в буфет, я угощаю. От буфета они обе отказались, и я пошел домой, мучимый комплексами. Если тут девчонки такие умные, что я здесь делаю?

Планируя ограбление криминальной инкассации, я испытывал серьезную неуверенность. Сам факт перевозки денег, у меня сомнений не вызывал. Об этом кто только не писал в нулевые. А вот историю с нападением на Костю под Чудовом, я слышал в частном порядке. Правда, от совершенно не знакомых друг с другом людей. И в деталях она различалась незначительно. Но, вдруг пустышка? Или даты не совпадут?

Тем более, что я в субботу созванивался с мамой. Поболтали о разном. Уже в конце разговора, она сказала, что в четверг звонил Витька Воробей. Просил передать тебе, что он твой должник по жизни, и с него выпивка. Он там где-то какого-то маньяка с поличным поймал. Когда в отпуске был. В Ростове, что ли. Его теперь на учебу отправили, в Омск. И вроде бы наградить собираются. Говорил, по твоему совету, мол, отличился. Ты чего ему, Коль, насоветовал? Отшутился. То и насоветовал, не стесняться, а отличаться. А то только ноет, что нет карьеры.

Мы еще посплетничали про деревенских. И мама, в очередной раз сказала, что простит мне кого угодно, хоть рыжую. Но если, не дай бог, она услышит про Людку Киселеву... Мамуль! Ну, смотри как у нас хорошо складывается! Ты мне такая — где внуки? А я говорю, дык с Людкой — хоть завтра! И живу дальше с удовольствием, холостой, и без претензий. Вот не думай, сынок, что ремень отцовский далеко! Вот уже точно тебе конец!

Пробираясь с Сурковым, бегом, к заброшенным торфяным карьерам, я об этом и думал. Сдвинула ли поимка Чикатило что-нибудь в расписании мироздания? Или все останется как было? Повлияет ли она как-либо на мои планы? Заодно, размышлял о том, как будет весело, если убийства не прекратятся. То есть, то что Воробей взял его с поличным — понятно. Но вот один ли тогда маньяк там был? Или там бегал еще кто-то? А Витек-то каков!

Мы с Сурковым выехали в полчетвертого утра. Поехали по Киевскому шоссе на Лугу, потом свернули и проселочными и лесными дорогами двинули в сторону Московского шоссе. Оставили машину в лесу. Метрах в трехстах от проселочной дороги, в густом ельнике. Потом переоделись и, в темпе, добрались до Московской трассы. Хорошая новость — сейчас её можно не только пересечь, но и сделать это незаметно. Машины ходят с интервалом одна-две минуты.

Тут как раз рассвело, и мы осмотрели все в радиусе километров трех вокруг места. Метрах в двухстах от парковки обнаружили теплую компанию у костра. Как я и ожидал, но не говорил Суркову, это оказались самые настоящие грабители. Причем не абы какие, а вооруженные. У них было два обреза. Охотничьего ружья и винтовки, судя по виду — трехлинейки.

Пока мы их разглядывали в бинокль, от парковки-кармана раздался свист. И мы понаблюдали за их работой. Они вылезли на стоянку из кустов, к остановившемуся там Москвичу с новгородскими номерами. И ограбили водителя, что открыл капот, и что-то там подкручивал. Они, не рассусоливая, для острастки, выпалили у него над головой из обреза, положили мордой в землю, и отпинали. Забрали, как я понимаю, все что нашли, и, резво скрылись в лесу.

Налетчиков было, получается, пятеро. Наблюдателя, что вызвал, а потом следил за шухером, мы срисовали тоже быстро. Да и ушел он с ними. Пара уголовников, и трое

деревенских крепышей. Тот, что наблюдатель, самый молодой. Мы с Серегой решили, что слепим их как щенков. Они прошли от нас метрах в десяти, и не заметили.

Несколько удивило, что они не постеснялись стрелять. С другой стороны, ближайший пост ГАИ — в Тосно или в Чудово. Пока они злодействовали, по дороге прошло три машины. Одна на Питер и две на Москву. Ограбленный мужик, судя по всему — пострадал не сильно. Когда мы уходили, он уже сидел в машине, и, похоже, пытался согреться.

Потом мы раскопали автоматы, и побежали на карьеры. Бегом, в полную силу. Стволы оказались качественными, не плевались, и не капризничали. На все про все ушло по пятнадцать патронов. Сурков стреляет лучше меня. Гораздо. Ну, это от бога. Вроде одно и то же делаем, но он лупит точно в центр, а я около. Тут же почистили оружие, вернулись и убрали в схрон. Снова пересекли дорогу, и бегом добежали до машины. Существенной деталью нашего плана было то, что из лесу мы опять выехали на Киевское шоссе. Попасть на него можно, только сделав большой крюк. То есть на автомобиль, едущий по своим делам, никто не обратит внимания и не свяжет его со случившимся на Московском шоссе.

Въезжая в Питер мы уже подробно все обсудили, и пришли к согласию. Только, Дух, нужно подумать, как глушить пленников. Я тут кое что придумал, потом покажу.

— И вообще, давай в эту Фиглю, сходим. Посидим, выпьем. Или у тебя планы?

— Фиглю?

— Ты, Дух, сам сказал, фигли нам эти Жигули? Получается, эта твоя рюмочная и есть — Фигля.

— Свежо! Только я встревожен. Не побеждает ли тебя, Сурков, зеленый змей?

— Ну-у-у... кому зеленый змей, а кому большой дружелюбный червяк цвета Изумрудного Города!

— Умеешь ты уговаривать! С другой стороны, погода не просыхает. Чем мы хуже? Только все же пойдем в ресторан. Надо сожрать что-то. То есть много. И, кстати! Мне рассказывали, что на улице Зодчего Росси — балетная школа. Одинокие, трепетные и порывистые газели ходят там табунами. Тебе нужно просто туда прийти! И выбрать. На крайняк, Серега, запишемся в балеруны. Что бы выбирать не только глазами но и наощупь...

Для разнообразия мы с Сурковым проснулись у меня дома. Но он в гостевой, а я в своей комнате. Причем когда я выполз в спортивном костюме, Сурков уже пил кофе, и что-то заливал хохочущим женщинам.

Я с утра неприветлив. Поэтому пробурчав про доброе утро, убежал под дождь и слякоть. Зато потом вкушал кофий с удовольствием и готовый. Так-то я бы не смог вынести сурковских рассказов, что Коля там, в институте, окружён алчными, беспринципными бабами. Они мечтают над ним надругаться. Давайте все за него молиться!

В общем, когда я уходил в институт, он ещё жрал Тамарины олады, и никуда не собирался. Иди-иди! У нормальных людей со второй пары занятия начинаются. Только такой идиот ты, мог попасть в образцово-показательный институт благородных девиц! Софья Игоревна, мне кажется, или Сурков бесится от зависти? Тома! Кончай его кормить! В общем, ушёл.

На первой паре Овчинникова, слегка стесняясь, озадачила:

— Коль, я познакомлю тебя с мужем. После занятий.

— Не понял.

— Ну, он встретит меня, и хочет тебя увидеть.

— Дай угадаю. Он ревнует. Рассказывая про меня, ты томно вздыхаешь? Я тебя понимаю, я и сам бы томно вздыхал, рассказывая обо мне! И вот, он решил узнать, на кого ты его поменяла? Может, давай все же будем скрывать нашу страсть?! Хотя бы от твоего мужа?

— Дурак! То есть, да! То есть тьфу, на тебя, Андреев! Совсем запутал!

— Давай по порядку. Твой муж придёт на меня посмотреть, я правильно понял?

— Ага. Он, вдруг, говорит вчера — давай я тебя с учёбы встречу? А чего ему меня встречать-то? Не встречал, не встречал, а тут собрался!

— Да не вопрос, Овчинникова. Руки распускать не буду, целоваться на набережной не станем. Пусть живет спокойно!

— Правильно Лишова говорит, дебил ты все же, Андреев, — она очевидно расстроилась.

— Ну не злись, Лен. Что нужно-то? Познакомиться? А ты уверена что этого достаточно?

Она поколебалась, но рассказала. Что вообще-то, она сама виновата. Сначала обсуждала по телефону с Лишовой статью, и какой я дурак, и как бы так сделать, чтобы Андреев все не испортил. Ну, муж и спросил, что за Андреев такой, никогда не слышал. А я, возьми да расскажи, что прикольный парень, сплошной ржач. Ты тогда ещё Проничевой, помнишь, сказал? Что настроение прожигать молодость в Сан-Франциско, а не это вот все! Коль, он и вправду ревнует.

Я внутренне хмыкнул. Нормальный парень, похоже, у Ленки в мужьях. Упреждающие встал в стойку. Я б тоже напрягся. Овчинникова мне, поначалу, здорово помогла. И устраивать ей семейные неприятности — просто свинство. А она — молодец. Не стала на самотёк пускать, а решила все подготовить. Чтоб без неожиданностей.

Глянул в окно, где, по закону Всемирного Бутерброда, отвратительная погода выходных, сменилась солнечным, волшебным, питерским понедельником. И мне пришла в голову идея.

— Лен, у меня идея. Давай я вас с мужем в кафе приглашу? Посидим, поболтаем. Беридзе возьмём. Снимем подозрения.

— Галька болеет. Аппендицит вырезали.

— Ни слова больше! Слушай план. После пары идём с тобой, и приглашаем Приходько. Ты честно объяснишь ситуацию. А я приглашу вас в «Кронверк», а?^[3]

— А Приходько-то здесь при чем?

— Ленка, ты вот умная, а дура — душой. Твой муж должен не просто увидеть меня. Он должен понять, что у нас ничего нет и не будет. А почему? Потому что я безнадежно влюблён. И мне не до тебя. Согласись, Приходько подходит больше всего.

— А она согласится?

— Дык поэтому и «Кронверк», а не Европейская, или Астория богомерзкая. Романтика! Да и вообще, ты уж постарайся ее убедить. Твой муж.

— Может Вику позовём?

— Ну уж нет! Ты же понимаешь, что Лишова — змея?

— Чего это?

— Того! Она твоему мужу будет улыбаться! Ты понимаешь?! И вместо сомнений у него, появятся сомнения у тебя! Или ты считаешь, что вашей любви нужны испытания?

— Скажи уж честно, что Вику боишься.

— Само собой...

Тут на нас посмотрел препод, и мы заткнулись. А после пары не стали откладывать, и пошли к Приходько. Вблизи она ещё великолепнее.

— Ира! — сказал я. — Намеки излишни, мы с Ленкой приглашаем тебя в кафе.

Приходько слегка прифигела, ибо ничто не предвещало. Да и вообще, кажется, у меня на потоке какая-то странная репутация. Тем не менее, я заручился ее принципиальным согласием. После третьей пары поехать с нами есть мороженое. И пошёл курить, оставив Овчинникову объясняться с ней на специальном женском языке.

После занятий мы, втроём, вывалились из главного корпуса, и вышли на набережную. Ленка подвела нас к высокому, выше меня, парню. Паша, Коля, очень приятно. Паш, мы с Ирой, Ленку в кафе зовём, ты как, за? Он тоже слегка прифигел, но Ленка схватила его за руку и мы перешли мостик. Там уселись в мою тачку и поехали на Добролюбова.

Считалось и считается что ресторан «Кронверк» — это дорого. Но во-первых — не очень. Но мне больше всего понравилось, что в эти, не самые богатые, времена, у ребят не возникло вопроса хватит ли денег. Нет, в финэке учатся не самые простые дети, но все же.

Мы славно посидели в Канатном баре. То есть на палубе. День выдался редкий. Безветренно. Слепительное, низкое солнце отражалось от шпиль и куполов и ряби Невы. И с борта казалось, что сейчас баркентина отвалит и пойдёт вниз по течению. Петропавловка, Зимний, стрелка Васильевского острова, Адмиралтейство и Исаакий. Лёгка свежесть от воды. Девчонки пили «Золотое» шампанское, Ленкин муж — коньячный пунш. А я скромно взял три разноцветных шарика мороженого и кофе.

Было очень весело. Я с удовольствием играл безнадёгу любви, да так, что Приходько попросила меня не переигрывать. Не такая уж она бездушная стерва. Паша с Ленкой ржали и рассказывали что они тоже сначала страшно ругались. В общем, все нормально. Потом всех развез по домам. Бг-г-г-г... Приходько скромно живет на улице Куйбышева. В доме номер пять. Дежурный милиционер у дома, собрался надругаться надо мной, когда я остановился и вылез из машины. Но, увидев Ирку, которой я открыл дверь, развернулся и пошёл в другую сторону. Про бойфренда Андрея Брежнева, конечно, врут. Но родня у Приходько непростая. Да и Овчинникова с мужем тоже. Живут на Никольской площади. Рядом с консервой и Мариинским театром. Также на канале Грибоедова. Через канал от Тамары.

Тесен все же Питер. Странно, почему я ни разу в жизни не встретил Пьеху?

Сурков прав в одном. Оказавшись в женском коллективе, глупо ожидать чисто мужского общения. Я уже привык, что в институте общаюсь в основном с девушками. С парнями с потока мне тупо неинтересно. Они болтают о видиках, карате, рассказывают друг другу какие-то байки про за границу, и американские автомобили. Наиболее близкая к реальности тема обсуждения, это Питерская дамба. Она начала строиться в этом году. В Лисьем Носу, и в Бронке. В смысле, перспективное ли место, если туда распределиться после института. Мне все это скучно, и я просто вежливо поддерживаю разговор.

Несколько смешат их понты. Я поделился впечатлениями о прекрасной рюмочной с парнями из группы. Они снисходительно поведали, что в баре Европейской по четвергам играет Давид Голощекин. Ну что тут скажешь? Что великолепные джазовые трио будут играть в Европейской и в двадцать первом веке? А такой рюмочной уже не будет? Не поверят. И это при том, что большая часть парней живет в общежитии на Новоизмайловском.

При всем при том, в основном — ребята классные, и учатся как сумасшедшие. Такой самоотдачи я и представить не мог. То ли их как-то спецом отбирали, то ли так совпало. Но успеваемость в моей группе выше некуда. Да и на потоке. И, с непонятной тебе хренью, можно обратиться к кому хочешь, тебе объяснят и помогут.

Козырным считается факультет Экономической кибернетики. Там учатся самые бластные и самые карьеристы. Наш факультет считается крайне респектабельным и слегка старомодным. Факультет статистики — женское царство. Стоит ли удивляться, что Сурков мне завидует. Спускаясь после занятий в фойе, я не могу отделаться от ощущения, что где-то рядом отбор на конкурс мисс Ленинград.

Во вторник, после семинара по вышке, я курил на черной лестнице, в левом крыле института. И лениво размышлял, что надежды блистать не оправдались. Я-то думал, что слегка освежив память, буду левой ногой раздавать ответы потрясенным глубиной моих знаний преподам. Просто, заодно, поизучаю еще экономику и финансы. А оказалось, что в моей группе, я не то что не лучший, а так, серединка на половинку. Пытался взбодрить себя мыслью, что мне это, ващет, нафиг не нужно. Уеду в феврале, и адью. Но получалось плохо. Совсем самоуничижиться не вышло. Как-то вдруг, рядом возникла Лишова:

— Ага! А я тебя ищу!

— И как только нашла? Я так прятался, так прятался.

— Я шла на запах высокомерия. Пойдем, там Проничева Ленку пытается, ты следующий. Ты хоть что-то приготовил?

— Ты, Виктория, меня за кого-то другого принимаешь. Я — сама готовность плюс доброжелательная деликатность. И вообще, мы, вроде бы, должны были на кафедру подойти, через пятнадцать минут.

— Я вам махала рукой, махала. Ленка заметила, а ты — вообще ничего вокруг не замечаешь.

— Поклеп. Я отлично вижу, что ты в новых брючках. Очень тебя украшают. Сразу видно, что ты примерная студентка. А еще и девушка. Хотя, что ты девушка видно особенно отчетливо.

— Тебя Приходько не отлупит, за комплименты посторонним девицам?

Тут я не выдержал и заржал. Стоило сходить с кем-то в кафе, и общественное мнение

нас уже поженило. Скорее всего, в массах, уже есть консенсус, о том, что я теперь с Ирккой. Я все время забываю, где я, и сколько мне сейчас лет. Не сдержавшись, подхватил Лишову на руки, и, с ней на руках, пошел по коридору.

— Дело в том, Виктория, — пояснил я ей, шагая, — что мы с Ирккой дали друг другу полную свободу. Не дергайся, уроню! Наши с ней чувства выше нелепых предрассудков!

С этой фразой я и вошел в аудиторию, где за преподавательским столом сидела Наталья Олеговна, а напротив — Овчинникова. Ленка округлила глаза, а Проничева осмотрела мизансцену с интересом:

— И как это понимать, Андреев? — спросила она.

— В институте возникло мнение, что я женюсь на Приходько, — сказал я, ставя Вику на пол.

— А на самом деле? — весело прищурилась Проничева.

— Ну кто же за меня пойдет, когда я Лишову на руках по институту таскаю? — я уселся за стол напротив преподавателя рядом с Ленкой.

— Неплохо, Андреев. А ты что скажешь, Вика?

— Я же говорила, что там мозгов нет. Так что стулом по голове бить бесполезно, Наталья Олеговна. Сорвет он нам работу. Вот что я скажу.

— Видите, Наталья Олеговна, даже Виктория считает, что кругом сплошные сплетни. Лен, готовься, ты следующая. Чтоб на корню задушить все разговоры.

— Ладно, к делу, — остановила суету Проничева.

Дальше мы около часа обсуждали то, что успели сделать. Я предоставил пять машинописных листов, давших мне пердячим паром. Сразу сказал, что это черновик. Человеку, привыкшему к компу, пишущая машинка Рейнметалл — орудие пыток. С третьей попытки я перестал стараться печатать без опечаток. Просто позвонил на Зверинскую, и поинтересовался у барышни, не согласится ли она мне набело напечатать написанную мной статью. Там мне ответили, чтобы приезжал сразу с пивом.

Девчонки сделали много, и качественно. Я, в который раз, уныло подумал, что не сиять мне великолепием. Отдал свои листки, и выступил с короткой речью, что вижу свою часть, как некое резюме уже проделанной работы. Смещая акцент в простой, в общем-то, вопрос — МФ, это политический инструмент, или технический? И больше того, намерен утверждать что — таки технический. Потому что политический вопрос — это решение о конвертации национальной валюты. А вот её осуществление и способы поддержки курса, это уже чисто техника. Проничева в этом месте задумалась. И сказала, что все равно финальное выступление — ее. Так что она решит, как лучше. Так я узнал, что мы еще и выступать будем, на кафедре экономики, с защитой своих тезисов.

Уходя из института, Овчинникова очень ловко избежала быть вынесенной на руках. Добавила что ты придурок, Коль. Что мне муж скажет?

— Да что он скажет? Он у тебя нормальный. И вообще, девушки, пошли в кино? В Баррикаде идет «Ва-банк». Или, если хочется, можно на Чернышевскую съездить. Там Тарковского показывают. Прикинемся умными.

Лишова отказалась. К моему удивлению, с некоей досадой. Даже пояснила, что у нее встреча. А Ленка просто сказала, что в другой раз. Ну и ладно. Открывая дверь дома, я размышлял, что это у нее за встреча?

Дома оказалось, что нас посетил товарищ Каверзнев. И не просто так. Теперь Тамара Сергеевна у нас официально считается санитаркой городской психиатрической больницы

№ 2. А проще говоря, дурдома на Пряжке. Запись в трудовой, все дела. Михалыч пояснил, что знакомство с наркологом оказалось крайне полезным.

Так-то он постоянно забегает к Софье Игоревне. Но сегодня мы все вместе пообедали. По нашим с ним делам, все нормально. Только я теперь думаю, Коля. Ехать мне в Таллин, или здесь остаться? Отмолчался. Как-то, ещё и за взрослого кандидата физматнаук думать, мне неохота.

Отобедав, я уединился, и сел печатать статью для Проничевой. С учётом высочайших, так сказать, замечаний и уточнений.

За этим делом меня и настиг звонок от Иво. Он на берегу и желает вкусить отдых и вообще. Мои попытки перевести стрелки на Суркова не сработали. Его нет дома. Нет, не то что не берет телефон, а просто где-то пропадает. Давай сходим куда-нибудь.

Советский Союз, к своему финалу, сумел создать новый тип торгового моряка. Это тихий, боящийся любых контактов с милицией человек. Старающийся избежать скандалов любым способом. Что не отменяет эпичных загулов по возвращении домой. Но серьезный моряк это делает в исключительно надежной компании. Иво ещё только подал документы в пароходство. Но, как человек умный, для посторонних выглядит трусоватым. Хотя, он очень не трус и вообще, парень правильный. Просто из за ерунды пролететь с выездной визой неохота. Вот и получается, если рядом нет надежного собутыльника, то все зря.

Закончилось это тем, что утром я проспал на учебу. Иво дрых в гостевой, а я, с изменившимся лицом, помчался в институт. И все равно едва успел. То есть плюхнулся в аудитории на ближайшее ко входу сидение, за пару мгновений до того, как на кафедру вошла Коротаева. И только после этого огляделся. И горестно взвыл внутренне. Ибо моей соседкой оказалась Ирка Приходько. А я было подумал, что ловко пресёк любой намёк на романтику между нами.

— Привет.

— Привет. Ты чего такой недовольный?

— Ты в курсе, Ир, что мы с тобой скоро поженимся?

— Это кто так решил? — фыркнула она.

— Общественное мнение бьет с носка, и слезам не верит.

— Ну а что, — промурлыкала Приходько. — Скажи ещё, Андреев, что тебе не приятно!

— Да как сказать? Я возмущён! Если бы мы с тобой ввалились в аудиторию из нашей постели, и чтоб всем было очевидно, что мы так и не спали... это одно дело. А так... Ответь мне, Приходько, с чего это я должен бить морды еще и твоим вздыхателям?

— Во-первых, потому что они мне надоели. Во-вторых, потому что я тебе до лампочки. Знаешь как обидно? Так что помоги уж бедной девушке. И, в-третьих, потому что я сходила с тобой и Зайками на «Кронверк».

— Зайками?

— А ты что, не знаешь? — удивилась Ирка. И с удовольствием мне поведала.

Фамилия ленкиного мужа — Зайка. Но её отец поставил условием, что она эту фамилию не возьмет. Они даже поругались, и все думали что уже все. Но прошлой зимой сыграли свадьбу. Беридзе была свидетелем. Она собралась еще что-то сказать, но я перебил:

— Ленкин муж — Павел Зайка?!

— Ну я и говорю...

Она продолжала рассказ про свадьбу, у Ленки было такое платье, вот с такой вот планкой.... Но я ушел в себя. Бляяяяяяя... Я думал, что лимит невероятных встреч

исчерпан в Жигулях. Но вдруг, откуда не возьмись, я знакомлюсь с человеком, который будет влиятельнейшим питерским банкиром. С тем самым парнем, что финансировал съемки практически всего знакового кино девяностых. От «Бандитского Петербурга», до «Убойной силы». От Брата, до сериала Участок. Вдруг я потрясенно вспомнил, что его дочь выйдет замуж за крупнейшего в России продюсера. И её будут ненавидеть так же, как и Ксюшу Собчак. Это получается Ленка — её мама?! Бг-г-г-г... и Ленкин муж ревнует меня Держите меня семеро!

Насколько я помню, созданием и обеспечением зарубежных схем для питерских денег, занимался в свое время Фред. А в городе для него работал как раз человек по имени Павел Зайка. И, судя по всему, это Ленкин муж и есть!

Даже если сидеть на попе ровно, то за свое будущее можно не переживать. С такими-то знакомствами!

Додумать я не успел. Приходько, не заморачиваясь, саданула мне локтем по ребрам.

— Ты меня совсем не слушаешь!

— Не благодари, Приходько. Я до предела уменьшил свой нечеловеческий магнетизм, от которого такие как ты, теряют волю. Пришлось уйти в астрал. Но теперь ты в безопасности.

— Жаль. Так, Коль, влюбиться хочется.

— Ты понимаешь, что только что, в грубой форме, сказала мне, что у меня нет шансов?

— Я смотрю, ты этим страшно доволен!

— Блин, Ир. Откуда только здесь набралось столько таких умных девушек? Черт с тобой. Особо липким соискателям так и говори. Андреев готов к диалогу.

— Спасибо, Коль.

— Ты лучше подумай, о том, что женское сердце переменчиво. А я тупой. И может случиться так, что ты спохватишься, а претендент уже безвозвратно испорчен.

После общения с Ирккой Приходько я окончательно стал в институте своим. До этого общественность не могла определиться с отношением ко мне. Тем более, что и я не лез ни в какие комплоты и группы по интересам. А теперь я, в глазах публики, вхожу в клуб ухажеров Приходько, вэлкам, брат. Что может быть банальнее?

В результате теперь не я, а мне часто говорят «привет» первыми. И запросто стреляют сигареты на переменах.

Общественное мнение в России, как правило, возникает без повода и вопреки реальному положению дел. И бороться с ним бесполезно. Ну, это и в двадцать первом веке останется так же. Дорогие россияне гордятся одной страной, а живут в другой. И никакие факты и аргументы не действуют.

В общем, как-то пропала настороженность в общении. И оказалось возможным поболтать запросто и с пятикурсниками, и с некоторыми преподами.

Так, однажды, на перемене, парень с третьего курса, попросил угостить куревом. И как-то мы разговорились. В результате я поимел телефон чувака, у которого можно разжиться почти что любой видеопродукцией. Третьекурсник, похоже, думал, что меня интересует порнуха. Но я не стал ему говорить, что я ещё больший извращенец.

Покупка видеомагнитофонов оказалось удачным делом. Тамара и старуха проводят вечера у экрана. Совершенно забыв обо мне. И я решил не мелочиться.

Общество коллекционеров СССР создавалось с подачи КГБ. Это особо и не скрывалось. Но как всегда у нас, процесс стал неуправляемым. Время-то идёт, и новые тенденции часто просто не замечают.

Ленинградское общество коллекционеров располагается на Римского-Корсакова, пятьдесят три. В полуподвале. Оно, по идее, объединяет всех, кто что-то коллекционирует. Власти, как я понимаю, интересовали в основном произведения искусства и антиквариат. Но там оказалась заодно и куча странных хобби. В том числе и филофонисты (это про пластинки). А вот у них в секции, подотделом, недавно возникли видеоколлекционеры. Формально общество позволяет коллекционерам собираться, общаться, и обмениваться предметом страсти. Хотя, все все понимают. Серьезные разговоры ведутся на улице.

Человека, что мне рекомендовали, зовут Митя. По телефону он мне сказал, что внутрь меня не пустят, да и ни к чему. Попросишь вахтёра, он меня вызовет. В один из дней, я подвёз Овчинникову домой. И подъехал к дверям Общества коллекционеров.

Напротив дома, где оно расположилось, сейчас военные моряки. Оккупировали квартал, занятый казармами Флотского экипажа, с главным входом с Крюкова канала. Поодаль церковь, и площадка на берегу канала Грибоедова. Митей оказался вполне зрелый мужик. То, что я не пешком, а на авто, воспринял с удовлетворением. Мы покурили на набережной. А потом уселись в машину и поехали к этому Мите. Он живет в жопе мира, у Комендатского аэродрома.

Я просто сказал ему, что хочу приобрести кассеты с каким-нибудь сериалом. В идеале, латиноамериканским. Чувак оживился. Как я понял позже, он учуял серьезную поживу. Он рассказал, что Гостелерадио недавно рассматривало вопрос закупки бразильских сериалов. В общем, у него есть то, что мне нужно.

Пока мы ехали, он расхваливал товар. Сериал называется «Рабыня Изаура». — Изаура? — прикололся я. — Не, ты не понял, это имя такое — Изаура. Типа Фёкла. Про любовь и рабство. Сколько серий? Там короткие серии, полчаса. Десять кассет. Беру.

Этот Митя живет в типовой девятиэтажке, в двухкомнатной квартире. В большой комнате стояло больше десяти видеков. Занятых размножением буржуазного контента. Он дал мне коробку с кассетами. Поинтересовался, если появится что-то подобное — брать? Само собой. Я буду позванивать. Порнуху опять не предложили. Видно я не внушаю доверия. Да мне и без разницы.

Не сказать что Софья Игоревна с Тамарой мне сильно досаждают вечерами. Но теперь я вполне безнаказанно возвращаюсь подшофе, не будучи застигнут.

Мне выдали стипендию. Тридцать девять рублей семьдесят копеек. Мой староста, Витя, извинился за задержку. Что-то напутали в бухгалтерии. Я пригласил парней отметить. Большинство, под разными предлогами, отказались. Так что в «Очки» я пошёл с двумя старостами. Попили пива, поболтали. Два армейских друга. Служили сержантами в учебке. Потом поступили на подготовительное, а после в институт. Хохлы из Полесья. После учебы думают домой. Как я понял, у Вити папа при должности. Хотя, в Мишиной группе учится одессит Вася Христюк. Обещает составить протекцию на таможне, куда сам намерен распределиться к родственнику. Нормальные ребята.

Мы, с Сурковым, много готовились. Несколько раз съездили на место. Отработали маршруты ухода. И, по разному прикидывали, что и как. Ясное дело, страшно ругались. Не бойся гранат, Душина! Они же совсем ручные! Я упирался насмерть. Пускай стол очевидный способ и был страшно заманчив.

Как-то незаметно в этих разговорах мы утвердились постоянными клиентами в «Фигле». Так стали называть рюмочную в Банковском переулке даже некоторые работяги из близлежащей типографии. Там теперь к нам относятся вполне по-свойски. И не только посетители, но и обе продавщицы. Тем более, что место, почему-то, не самое посещаемое. А одно появление Иво делает заведению треть плана.

Долго ли, коротко ли, но мы выступили на кафедре экономики. Финальные этапы подготовки к выступлению, меня потрясли. Мы не оттачивали и сокращали. Мы не формулировали афористично. Доцент Проничева тщательнейшим образом обсудила с каждым из участников его наряд. Мне просто-напросто было заявлено — Андреев, эта щетина не идет к твоему костюму!

— Э-э-э-э... Наталья Олеговна! У меня нет костюма!

— Вот и займись! До завтра успеешь? Я должна тебя в нем увидеть! Без щетины!

— Это насилие!

— И вправду, — вступила в разговор Лишова. — К чему это, Наталья Олеговна? Как ег ни одевай, умней выглядеть не будет!

— Вот не нужно этого, Виктория! Конечно, женщинам проще живется, у них все хорошо с нарядами. И прекрати, Овчинникова, хихикать над товарищем, что выносит, практически, пытки!

— Поясни, откуда у тебя мысль, что женщинам проще? — Проничева, как всегда, вцепилась в принижение женских страданий. Это я не подумал.

— Ну, дык, если, к примеру, девушке хочется борща, она идет и варит борщ. А парню-

то, если захотелось борща — нужно искать девушку. Что умеет его варить.

— Ха-ха, смешно! — сказала Лишова, — Я не умею варить борщ.

— И я, — хихикнула Ленка.

— Я не готовлю борщ, Андреев! — холодно заявила Проничева.

— Вычеркиваю, — сообщил я девчонкам. — Наталья Олеговна, я и не смел думать, что возможно...

— Пошел вон, Андреев! И чтоб завтра, с утра, в костюме!

— Послезавтра. Я не могу вас подвести костюмом Большевичка. Пойду, в салон новобрачных. Может — женюсь. Костюм будет!

Проничева оказалась права. На заседании, кроме нас выступали парни с Кибернетики. Очень интересно выступали. Я даже увлекся. Про математическое моделирование эконом-процессов. Но как они одеты? Это принижение и пренебрежение. То ли дело мы!

Славная Ленка в строгом костюме. Великолепная Лишова, в красивом, но сдержанном платье. Серьезный я, в черном финском костюме, ради которого Верка поставила на уши пол-Питера. Мы выглядели крайне выигрышно на фоне остальных. Расчет доцента Проничевой был совершенно иезуитский.

Овчинникова с Лишовой загуманили мечтательностью глаза старой профессуры. Я, сдержанно-мужественный симпатяга, лег на сердце женской части аудитории. И блистательная, синеглазая Проничева, как финальный гвоздь в сердца активных мужчин средних лет. И кто-то мне тут еще втирает за феминизм! Нашу статью рекомендовали к печати почти без обсуждения.

В процессе выступления немного потерзали Лишову, по поводу конвертируемости рубля. Но это скорее отдавая должное. А со мной были слегка пренебрежительны. Когда я сказал, что Сталин крупно ошибся, не сделав СССР соучредителем МВФ. Хотя бы потому что Китаю, к примеру, будет легче. Хотя бы с доступом на финансовые рынки. Ведь Китай-то — соучредитель МВФ.

Тут большая часть публики стала саркастично-снисходительно посмеиваться и ухмыляться. Сейчас к Китаю, в Союзе, отношение пренебрежительно-уничижительное. Все эти шутки про тысяча первое китайское предупреждение, про мелкие группы войск по десять-двадцать миллионов человек, что бегают вдоль наших границ. Да и вообще, бытует мнение о слабости Китая, раз он терпит унижения на международной арене. Ну, Тайбэй там, американцы вооружают. В провинциях смута.

Глядя на публику, я подумал, что именно они же будут потом дробить на великий Китай, и рассказывать что — вот он, пример для подражания.

Только все время будут забывать, что и реформы Китай начал гораздо раньше нас. И не трындел направо и налево о величии и уникальности. А тупо работал. И на высшем уровне заявил, что больше ни с кем не воюет. Типо — унижайте, нам похер.

После выступления мы даже не выпили шампанского. Я развез девчонок по домам, и все. Жизнь потекла дальше. Я по-прежнему сидел на практике с Ленкой. На лекциях иногда оказывался рядом с Лишовой. Тогда мы с удовольствием говорили друг другу гадости.

Судя по всему планы, что мы строим с Сурковым, вполне реальны. Хотя бы потому, что требуют изменений и уточнений. Это мертвые планы неизменны. В общем, погоды стоят чисто питерские. То есть дождь. Совершенно ясно, что на Жигулях я, на проселках между Лугой и Московским шоссе и останусь. Так что я поеду на Волге. В принципе без разницы, но надежность. И я, вполне официально, заключив договор, загнал машину в таксопарк на

ТО. Оказывается, у академика Гейнгольца была такая привилегия. Обсуживать свое авто на госпредприятии. Ну, не важно.

В общем, пригнал, и оставил. Слесарь Семен Иванович, сказал — приходи после шести, все будет как надо. Отвечаю.

От нечего делать, сходил в пышечную на Желябова, недалеко от ДЛТ. Тамара готовит вкусно, но диетически. А душа требует говнеца. Так что я с наслаждением стрескал семь пончиков присыпанных пудрой. И запил ужасным кофе с молоком из странного агрегата. И получил непередаваемое наслаждение.

Дворами, мимо капеллы, вышел на Певческий мост, и Дворцовую. Там монтируют трибуны и вешают на Эрмитаж огромный плакат с Лениным-Марксом-Энгельсом. Да и вообще город украшаю к празднику.

Я не стал, как собирался, выходить на набережную. А развернулся и пошел в Инженерный замок. Меня все таки терзает мысль про Чернобыль.

В Инженерном замке сейчас располагается Техническая библиотека. Там можно взять пленку с технической информацией по множеству разного рода вопросов. Сесть за стол, и, с помощью эдакого настольного диапроектора, поизучать. Что я и сделал. Прикол в том, что Павловский замок считается закрытым учреждением. Но я совершенно спокойно прошел во внутренний двор, поднялся по лестнице, разделся в гардеробе. Менту, на входе во двор, и вахтеру до меня не было никакого дела.^[4]

А я тупо вписал в формуляр патенты НИТИ. Открытые, не секретные. И поизучал типь дозиметрических датчиков. Никто же не догадается, что они стоят на АПЛ, верно?

Один из драматичных моментов сериала «Чернобыль», о том, что никто толком не мог оценить уровень облучения на месте аварии. Этими вопросами занялись потом, после аварии. А сейчас только таскают разовые кассеты. И датчики АСУТП. А вот так, сс стороны... А тут — пожалуйста. Берешь вот эту фигню, паяешь диодный мост. Да, питание еще... И калибровка. И методики. Но — херня. В любой мастерской — пара дней работы. Как бы это дело подбросить спецам? Или идею?

В понедельник утром, после первой пары, меня вызвали в деканат.

— Андреев! В твоём личном деле нет характеристики с места службы! — сказал мне декан.

— Леонид Степанович. Даже странно. Давайте я, не затягивая, седьмого ноября туда съезжу и привезу?

— А ты успеешь за один день?

— Запросто!

— Хорошо, скажи старосте, что я разрешил не идти на демонстрацию.

Машина Кости Могилы шла первой. В бинокль она различалась отчетливо. Вторая машина, Москвич, идет метрах в сто пятидесяти за ним. Я крикнул охотничьим манком. Почти сразу в ответ крикнул Сурков. Жигули с черной крышей и легко читаемым, знакомым номером, притормозили, и, загодя замигали поворотником. Я подумал, что вовремя мы успели. Появившись, мы не стали ждать, а упаковали грабителей, приятно проводящих время у костра. Всерьез попытался что-то сделать только один. Но он же и пострадал больше всех. Сурков сломал ему ногу. Я сломал второму уголовничку кисть руки. Все они лежат упакованные у костра, под охраной Суркова. Но сейчас он их бросил. За десять минут не развяжутся. А потом — как угодно.

Рассвело совсем недавно. На часах восемь тридцать две. Я стою в кустах, недалеко от шоссе и съезда в карман. На мне брезентовые спецовка, штаны и кирзачи. На голове — балаклава, скрывающая лицо. Сурков — метрах в ста вправо от меня, в перелеске. Одет аналогично.

Жигули съехали в карман, притормозили, и совсем медленно поехали вдоль обочины кармана. Москвич заехал следом, но проехал дальше. Я сдвинул предохранитель, и короткой очередью, на три патрона, вывел из строя двигатель Жигулей. То ли накатом, то ли от неожиданности, но машина повернула, заглохла и встала ко мне задом. В стылom воздухе отчетливо видна инверсия выстрелов. Поодаль, двойками начал лупить Сурков. Расстояние до цели у нас — метров пятьдесят.

Не ожидая, засадил одиночный в заднее стекло Жигулей, и начал движение к машине. Приблизившись метров на десять, выстрелил чуть левее, по силуэту водителя. С удовлетворением увидел, что он просто выпал из машины. Видимо начал открывать дверь перед поражением. Но Костей Могойлой оказался пассажир. Он вывалился из машины кубарем, и, резкими скачками из стороны в сторону, двинул в сторону Суркова. А хорош чувак! Мгновенно оценил ситуацию. И понял, что единственный его шанс — поставить нас на линию огня друг другу. Сам он, в это время, полез в карман кожаной куртки, видимо за оружием. Но напрасно. Потому что Сурков вдруг появился справа от него. Метрах в пяти. И разрядил в него обрез охотничьего ружья, что мы отжали у грабителей. Отлично!

Бегло оценил обстановку. Парни из Москвича лежат на земле, и стонут, насколько я слышу. Явно ранения. Сурков, в темпе, скручивает веревкой руки Могилы за спиной. Тот, похоже, в отключке. Водитель Жигулей, при моем приближении, попробовал полезть в карман моднявой куртки. Но получил от меня прикладом по голове, и вырубился. У него задето плечо, но, видимо, не очень, раз геройствовать хотел. Я оттащил его так, чтоб его видел Серега, и подошел к багажнику Жигулей. Саданул ногой под крышку. Она распахнулась. Две сумки. В одной — какая-то спортивная амуниция, какие-то железки, поэтому тяжелая. Сердце пропустило удар. Вторая — черная, брезентовая. Дернул молнию. Увидел пачки стодолларовых банкнот. Бегло осмотрел машину. Термос, вода, пакет с едой. Газеты. Ничего существенного. Наклонился, достал из кармана водителя парабелум. Глянул, как там у Суркова. Все трое лежат рядом у Москвича. На асфальте, поодаль, наган, и еще один обрез охотничьего ружья. Достал приготовленную вязку, скрутил руки водителю. За шиворот оттащил к Москвичу. За машиной их не видно с дороги. На боку у меня висит обрез трехлинейки, что мы взяли у грабителей. Снял его, дослал патрон, выстрелил в Жигули.

Отдал Суркову. Собрал оружие людей Могилы, сунул в свой рюкзак. Серега отдал мне автомат. Закинул за спину стволом вниз. Я кивнул на сумку. Он снял рюкзак и перекидал туда буханки. Как-то не много. Но насрать. Я кивнул ему, и побежал через дорогу. Он развернулся и скрылся в перелеске. Сейчас оставит грабителям их оружие, и перелеском, уйдет к ж/д Москва — Ленинград. Вся сшибка, по часам, заняла две с половиной минуты. Когда я перебежал дорогу, вдали показался едущий из Москвы тягач. Меня из него вряд ли разглядели.

Сейчас главное — время. Грабители не совсем придурки. Место для ограблений они выбрали грамотно. Точно на фактической границе Ленинградской и Новгородской областей. И как раз сейчас на постах ГАИ пересменка. Одни сдают смену, другие принимают.

То есть, получив вызов, сначала не очень долго попрепираются, кому ехать — тому посту или этому? Потом еще некоторое время пообсуждают, кому — сдающим смену или заступающим? Доедут минут за пять. Без сомнений, сразу вызовут дежурную группу. Будем рассчитывать что это произойдет минут через пятнадцать. Около девяти.

Прибывший табор осмотрит место и окрестности. Найдет вооруженных грабителей. С пропахшими порохом стволами. Не успеют они никуда уйти. Да и развязаться, пожалуй, тоже.

Я вошел в болотце, что давно себе приметил. Достал из рюкзака оружие Могилы и его людей, и закинул в трясину. Смысл этого действия прост. Могила с попутчиками должны считаться потерпевшими. Я глянул на часы, и надал. Выбиваюсь.

Пока Волга прогревалась, я тщательно вымыл руки и лицо. Переоделся. Перчатки, в которых был на акции, спрятал под сиденье. Медленно, не газуя, внатяг, проехал семь километров до асфальта, и повернул на Лугу.

У нас было несколько вариантов развития ситуации. Сейчас мы осуществляем самый мягкий. Очень повезло, что обошлось без трупов. Менжеваться ни я, ни Сурков не стали бы. Но это переводило ситуацию на качественно другой уровень. Трупы в результате огневого контакта на границе Ленинградской области седьмого ноября? Да уж. Вони бы было! А так...

Что увидит некий умозрительный Жеглов, прибыв на место происшествия? В соседней деревне живет уголовник. Организовал устойчивую преступную группу, занимающуюся грабежом на трассе Ленинград — Москва. Эта группа, с использованием огнестрельного оружия, напала на четверых каскадеров. Возвращавшихся в Питер, после съемок в Москве. Оружие — вот оно. Воняет порохом. Вон пулевые отверстия. И потерпевший, раненый из обреза. Потом, между преступниками произошла ссора, на почве раздела награбленного. В результате, неустановленное число неустановленных подельников банды, нанеся травмы соучастникам, завладели награбленным и скрылись. Дело в том, что у скрывшихся злодеев были АК, судя по гильзам. Но дело — можно считать раскрытым. И еще пару висяков по грабежу на трассе тоже. Преступники — вот они. Потерпевшие — вот. Можно и нужно передавать в суд. А этих двоих или троих — выделить в отдельное розыскное дело, и устанавливать. Как-то так.

Другой расклад, если это будет умозрительный Шарапов. Он не только расспросит грабителей. Он, к их словам, отнесется всерьез. Но тогда встает вопрос, а что это было? И, вслед за ним, другой вопрос — а что же это везли такое, Константин Яковлев сотоварищи? Могила никогда и ни за что не подпишет себе вышку. Так что Шарапов забуксует, и оглядится. И первое что придет ему в голову — недалеко город Псков, и дивизия ВДВ, что

там стоит. Все очень и очень похоже на их художества. И умозрительный Шарапов придет к выводу, что здесь какая-то операция армии или гэбухи.

По гильзам нас отследить нельзя. Они не нашей части, и вообще не проходили по учетам. Митин как-то говорил, что из Афгана наменял. Оружие я сегодня, даст бог, верну на место. Нас никто не видел. Главное, не попасться.

Сурков должен бегом добраться до Киришей. Это тридцать семь километров. А оттуда уехать на электричке с толпой питерских дачников. Они, по традиции, седьмого ноября закрывают дома на зиму, и укрывают цветы лапником. На Московском вокзале сдать рюкзак в автоматическую камеру хранения. В принципе, задачи решаемые.

В час дня я проехал мосты в Нарве. Пост ГАИ в Кингисеппе не проявил ко мне никакого интереса.

Сразу после Нарвы заправился и попил кофе из термоса. Я за сегодня уже пробежал почти сорок километров. На отходняке, и в тепле салона, меня отпустило. Дождь прекратился и потеплело. Включил радио. По Маяку передача «В рабочий полдень». Она состоит из двух частей. В первой части, по заявкам неведомых доярок, передают оперные арии типа Риголетто. И народные песни. А вот во второй части, после обязательного в Эстонии Георга Отса, случились «Веселые ребята». Мне неожиданно понравилось. С высоть двадцать первого века, отчётливо видны музыканты, не хуже, чем какойнибудь Deep Purple. И чего мы их так ненавидели?

Наруливая по пустынным эстонским дорогам, я продолжал размышлять. Ранения, что получили потерпевшие, насколько я видел, средней тяжести. Хуже всех у пассажира Москвича. Он словил пулю в спину. Остальные уже через пару дней будут скакать. Да и Могила пострадал не сильно. Обрез шестнадцатого калибра. Дробь на птицу. С пяти метров. Страшнее выглядит, чем есть.

Интереснее всего — что он станет делать? Если я про него думаю правильно — он сбежит. И без разницы, кто заказчик перевозки. Ибо грохнут его. Он-то это лучше всех понимает.

В нулевые много говорили и в прессе, и в досужих разговорах, что Костя работал на ГРУ. Типо и здесь он не как все. Забавно, но малышевские бандиты работали с КГБ. Тамбовские — с ментами. Показательна судьба оставшихся в живых. Глава тамбовских в нулевые сел. А вот Малышев, вернувшись из Испании, спокойно жил под Питером. А Костю грохнули в Москве. Видимо, за уникальность. Он и вправду был скорее гангстером. Контролировал профсоюзы порта. Через которые нагибал и тех и других. И именно он вдруг оказался владельцем земель, что выкупало правительство Ленобласти под объездную дорогу. И именно с ним связаны все питерские наркотики. Кокс — точно. Достаточно быстро власти поняли, что кокаин — не так уж и страшно. Зато позволяет таким образом выявить всех богачей и их контролировать. После этого, кстати, менты потеряли к коксу интерес.

Я почувствовал раздражение. Да идут они все! Сейчас можно точно утверждать, что Могила, воровского положенца, в Питере не будет. И все эти уроды, скорее всего, друг друга перестреляют. Туда и дорога. Такой вот мой попаданческий вклад в будущее. Хотя — посмотрим.

Из-под Алуksне я уезжал уже в начале шестого. По радио как раз началась «Полевая почта юности». И вырливая в сторону Пскова, я даже подпевал «Самоцветам». Автоматы я почистил и смазал. Оставшиеся патроны я тоже вернул на место, и успел убраться как раз

перед сменой караула. Через Псков до Питера четыреста километров.

Я въехал в Ленинград после одиннадцати вечера. На Пулковском шоссе, на самом въезде в город меня тормознул гаишник. Даже не с проверкой документов. У меня сгорела лампочка в правом подфарнике. Трёшник. Пока я, не сходя с места менял лампочку, молодой, чуть старше меня, сержант стрельнул у меня закурить. Важно пояснил, что у них усиление. В Тосно грабанули сберкассу. Вооружённые грабители. Закручивая обратно винты плафона подфарника я сказал ему:

— Надеюсь, тебя не поймают.

Он заржал, и сказал убираться с поста. Вернувшись домой, я позвонил Суркову. То ли нет дома, то ли спит. Да и я пойду спать. Все завтра.

Я чуть не опоздал в институт. Оно и понятно. Проснувшись, я несколько раз набрал Суркова. Автоответчик, еще моим голосом, просил изложить причины звонка. Решил не метаться, а пошел учиться. Нужно подумать.

Если Суркова взяли, то появляться у него дома непредусмотрительно. На первой паре народ, утомленный вчерашними отчислениями, не обратил внимания на мое состояние. Я сходил в деканат и сдал характеристику.

А на поточной лекции ко мне с двух сторон подсели Лишова и Овчинникова. Оказывается, статья, что мы писали, будет опубликована в институтском журнале. И нам полагается гонорар. Целых двадцать пять рублей на троих. Десять Лене, десять мне, а ты, Андреев, и на пятерку не наработал. Не слушай Вику, Коль. Там всем поровну. Давай это отметим? Ты, как мужчина должен нам все организовать. Только никакого «Кронверка»! Удиви нас, Андреев! Чтобы вкусно и приятно.

Я рассеянно их слушал, одновременно думая о том, что «Кресты» я штурмовать не буду. Не выйдет, чего уж. Да и держат его, скорее всего, в другом месте. Но вот во время следственного эксперимента, на который его повезут, я Серегу отобью. Он как раз говорил, что Фюлер под Волосовым раскопал ящик гранат в смазке. Вот и проверю срок хранения. Нужно Фреду звонить. За информацией. Он наверняка сможет узнать, что и как.

Тут я получил локтем в бок от Лишовой:

— Ты вообще нас слушаешь? Что-то случилось? Ау, скажи что-нибудь!

Я посмотрел на нее, и, на автомате сказал первое, что пришло в голову:

— Ты сегодня удивительно красивая, Вик.

Рядом хихикнула Ленка. А Лишова вдруг покраснела, и сверкнула на меня глазами.

Беготня по лесам плохо сказывается на мозге. Только этим можно объяснить, что лишь когда я уходил из института, мне в голову пришла простейшая мысль. Любая собака скажет, что если там был Сурков, то значит там был и Андреев. Потом я подумал, что институтский двор — идеальное место. Поставь человека на ворота. Еще человека, перекрыть вход в институт, когда я выйду. И лепи меня как хочешь, куда я денусь? Наверное эти возвышенные мысли отвлекли меня от того, что я вышел из двери, пропустив вперед Лишову, что меня нагнала. Она подождала, когда я тоже выйду, обернулась и спросила:

— Так и не скажешь, что у тебя случилось? Может, помощь нужна?

Тут я увидел Суркова, и испытал мгновенное облегчение. Он подпирал стену возле ворот на набережную. И, с независимым видом, провожал взглядом Приходько, вышедшую перед нами. Потом он повернулся к выходу, и разглядел нас. Взгляд его полыхнул цыганским просверком. В моей голове мелькнуло сожаление, что он не сгинул в болотах. Между тем, он подошёл, протягивая руку.

— Вот что со мной стряслось, Виктория! — ответил я, пожимая ему руку, — Вот это недоразумение. Его зовут Сурков. И тут уже ничем не поможешь.

Зная Суркова, я не сомневался в том, что меня теперь ожидает.

— Так! Девушка! Мы незнакомы, но я предлагаю это немедленно прекратить! — он горящим взором уставился на Лишову, потом на меня, и снова на нее. Я вздохнул.

— Виктория! Это мой друг Сергей. Сурков! Это Виктория, мы учимся на потоке.

— И с каких пор ты, Коля, ходишь у такой девушки в институтских подругах? — она

фыркнула.

— Отстань! Бывает, что-то идёт не так, — я собрался попрощаться с Лишовой.

— Вика! — пресёк мои намерения Сурков. — Позволь пригласить тебя на небольшую прогулку? Где-нибудь посидим. Ты расскажешь мне как Дух ведёт себя в институте?

— Дух?! — распахнула Вика глазищи.

— О! Это старая история. Он протер дырку в окне рентгенкабинета и подсматривал за одноклассниками. Все знали, что это его глаз там виднеется, но поймать не могли! Так он и стал Духом.

— Он врет! Это был он. Поэтому меня и не поймали.

— Молчи, Душина! И я никому не расскажу про трансформаторную будку!

— Будку?!

— Вика! Не слушай его. Я не знаю, что он еще придумает, но он все врет! В общем пока, Лишова. До завтра!

— Ну уж нет, Андреев! Я не упущу такой шанс узнать твои секреты!

— Правильно, Вика. И не обращай на него внимания, — как-то совсем просто сказал Сурков. — Пойдем, посидим, поболтаем. А то он странный в последнее время.

— Вот пока вы не ушли, скажи мне, Сурков, все нормально?

— Значит так. Вика, держись за локоть. Пошли, здесь рядом есть отличное место. И, все нормально, Дух! Нас там Иво ждет. Не отставай.

Вика засмеялась и схватила его под руку. Я плелся сзади и причитал. Виктория, одумайся! Посмотри на себя! Петербурженка высочайшего градуса, украшение факультета, и два лимитчика, особенно Сурков. А тот что-то втирал Лишовой, она смеялась, а я шел за ними и ощущал, как меня отпускает. Вот же меня расколбасило! И дело не в деньгах. Да хоть утопи он их в Волхове, насрать три раза. Но с другой стороны, это чего это он к Лишовой подкатывает? Пора, пожалуй, снова с Сурковым подраться. А то мы с ним давно не махались.

В остальном все понятно. Иво, до следующего вторника, должен быть на берегу, то есть дома. Получается вчера, вернувшись, Сурков позвонил Ивику. И тот примчался в Питер. Вывод — этой ночью они отправляли контрабанду. Наверное, какая-то оказия. Я мысленно сам с собой раскланялся. Если это так, то — все. Нечего нам больше предъявить.

За всеми этими мыслями я от них отстал, и прибавил шаг, нагоняя.

— Вик! Давай я тебя домой отвезу? А то он тебя тащит в простую рюмочную. У тебя совесть, Сурков, есть? Звать звезду института в этот шалман?

— Шалман, это место, где нет Вики! Там, где она есть — дворец как минимум!

— А как максимум? — с любопытством спросила она, покосившись на меня.

— Париж! Обычный Париж, Вика.

— Ты тогда уж сразу уточняй, что имеешь в виду. Площадь Сталинград или бульвар Осман? Я рекомендую осенний Латинский квартал.

— Вот поэтому я тебя и пригласил, Вика, — заявил Сурков. — Дух — он хороший парень. Но иногда такую фигню несет! Коля, Вика прекрасна как парижская весна. А не толпа студентов.

За этой болтовней, мы прошли по набережной, свернули в Банковский, немного прошли, и поднялись на три ступеньки в «Фиглю». Все как обычно. Какой-то потасканный кадр у стойки. Парочка таких же за столиком у окна. За столом возле стены сидит Иво.

— Здравсьте, Валентина Марковна! — поздоровался я с барменшей.

— Паспорта в залог не принимаем! — хмуро ответила она. Вот же жопа! Это она Вику увидела, и выделяется. В тот раз она сама сказала, да ладно, ребята, потом занесёте. Тогда, нам почему-то не хватило денег. Но сегодня... Здесь редко бывают женщины. И богиня бутылок изволила взревновать. Сурков тоже сообразил, что косякнул, и шагнул у стойке с самым невинным видом.

— Валентина Марковна, это же мы...

— Студенческие билеты тоже не принимаем!

Лишова, спрятавшись мне за спину, противно захихикала. К моему удивлению, она все отлично поняла! Развернулся, взял ее за руку, и подвёл к Иво.

— Знакомься, Виктория. Это наш, с Сурковым, лучший друг, Иво Бааль. Иво! Я с Викою вместе учусь.

Ивик встал. И, серьезно и уважительно, рассказал Лишовой, что они с Сурковым переживали за меня. Что я их не знакомлю с однокашниками. Теперь все ясно. Я сам, Вика, прятал бы тебя от Суркова. А что не так с Сурковым, удивилась она. Ответить мы не успели.

На столе бутылка армянского три звезды, три рюмки. Подошёл Сурков с бутылкой шампанского. Надо же! Я и не знал что оно здесь тоже есть.

— Прежде чем мы выпьем, — Сурков разлил и поднял рюмку, — я признаюсь. Сегодня случилось то, о чем я не смел и мечтать. Встретив тебя, Вика, я понял, что моя жизнь может обрести смысл и вкус. Поэтому я честно и прямо спрошу...

В глазах Лишовой во время этого спича росло беспокойство, переходящее в панику. И, кажется, она сто раз пожалела о своей опрометчивости, и прикидывала, как сейчас будет убегать. Но Сурков взял ее за руку:

— Ответь мне прямо, Виктория. Ты познакомишь меня с блондинкой, что вышла из института перед тобой?

Она потрясенно уставилась на меня.

— Приходько, Вик. Это была Приходько.

Лишова фыркнула, упала лицом на руки, сложенные на столе, и плечи ее затряслись.

— Вот что не так с Сурковым, Виктория, — наставительно сказал я. — Стоило в твоём сердце затеплиться робкой надежде на большое и светлое чувство, как он эту надежду безжалостно растоптал. А я, в отличие от тебя, сразу увидел. При виде Приходько, Сурков хотел встать смиренно и отдать честь.

— Всю, — невозмутимо добавил Иво.

После этого Лишова, некоторое время тряслась и всхлипывала, сказав наконец:

— Боже, какие же вы идиоты!

Сурков протянул ей носовой платок. Она вытерла глаза, и взяла бокал.

— Ну кто же без недостатков, Вика? Давайте наконец. За знакомство.

Мы все выпили. Я просто пригубил. Знаю я их. Они останутся, а мне девушку домой доставлять.

— Кстати, про идиотов, — оживился Иво. — У нас, на прошлой неделе случай был...

Дальше он рассказал, что их буксир вытаскивал на фарватер корабль под либерийским флагом. И когда уже собирались отдать концы и расстаться, с иностранца в воду прыгнул мужик. На улице плюс пять, дождь, все дела. Вытащили, понятно, на буксир. А он возьми и скажи, что решил остаться в Советском Союзе. У него, говорит, в Ленинграде любовь и он без нее не может жить. Ну, налили страдальцу, спирту. Капитан говорит, что не журишь хлопец, может и сладится у вас с этой, как ее зовут?

— А он, Вика, и говорит — его зовут Коля. И заплакал.

Пока Сурков ржал во весь голос, а Лишова делал фейспалм, Иво мне сказал, что все нормально. Волго-Балт ушел на Швецию, с заходом в Турку.

Потом мы просто сидели и трепались. Поначалу Сурков с Ивой рассказывали ей смешные байки и мифические истории, про меня и вообще. Но постепенно она перетащила разговор на себя. У нее мама заведует литчастью театра Ленинского Комсомола. Не того, что Марк Захаров. А питерского, на Горьковской. Она рассказывала актерские байки, и приколы. Роман Громадский там, Владимир и Фрейндлих. И вообще, она не выглядела посторонней. Чего я опасался.

Когда мы с Викой вышли на улицу, уже давно стемнело. Кажется, она бы и ещё посидела, но публика, что постепенно заполонила рюмочную, была недовольна. В ее присутствии народ, в небольшом помещении, чисто по-питерски вёл себя прилично. Но как тогда обсудить предстоящий матч «Зенита» с «Днепром»?

Не стал осложнять, а заявил парням что у нас режим дня, и увёл.

Редкие фонари выглядели туманными шарами, делая дома на набережной строже и нарядней, а все пространство таинственным и загадочным. Где-то за спиной шумел Невский, а вокруг было безлюдно.

Она шла балансируя на поребрике тротуара вдоль канала, держась ладошкой за мою руку. Ее сумку сконспектами, само собой, тащил я. Говорил заодно, ты уж не обижайся, видно Сурков и вправду на Ирку запал.

— Ладно тебе, Коль. Я давно столько не смеялась. Даже не знаю, что должно было произойти, чтобы ты познакомил меня с друзьями!

Я почти не пил, так, сидел с рюмкой. Так что не знаю, что тому виной. Но я делал и говорил то, чего совсем не следовало. Но мне было плевать.

— Да тут Сурков было пропал. Я испсиховался.

— Он прикольный. А Иво — его же в кино нужно снимать, как он в моряки-то угодил?

— Ну, у него отец капитан. А если честно, он романтик. Ещё в школе начитался вот этого всего, «Бессонница, Гомер, тугие паруса, я список кораблей прочёл до половины...» ну и вот.

— Обалдеть! Андреев читает мне стихи! Что стряслось, Коль? Ты наконец-то обратил на меня внимание?

Я снял ее с паребрика, поставил перед собой и поцеловал. Поцелуй вышел долгим, и его совсем не хотелось прерывать. С сожалением отстранился, чтобы утонуть в её глазах. В них читался ответ на вопрос, на который, будь он произнесен вслух, она просто не ответит. Но я не стал ничего спрашивать, а сказал:

— Знаешь, тебе нужно увидеть, как я живу. Пойдем, здесь недалеко.

Она вся состояла из нежности, запаха, невнятных восклицаний, линий, размытых светом фонарей за окном, шорохов и легких касаний. Я совершенно неожиданно для себя пришел в полнейшее исступление, ощущая немыслимый кайф, от девушки рядом. А ей отсутствие опыта заменял горячий энтузиазм, который распалаял меня еще больше.

Мы пропали из этой вселенной и впервые очнулись глубокой ночью. В памяти невнятными фрагментами осталось, как мы шли по набережной и целовались, и в лифте тоже. Как вошли в квартиру, и, не особо скрываясь, прошли ко мне, мимо раздающихся из гостиной — нет, дон Леонсио, ах Изаура!

Я уселся привалившись к стене и закурил. Она прижалась слева, укусила за шею и засмеялась:

— Я думала, ты никогда не решишься!

— А в остальном, значит, все по плану? — хмыкнул я.

— Ты мог прямо с овощебазы меня увезти сюда. Я влюбилась.

Не говорить же ей, что я не позволял и не позволяю себе многого. Исходя из того, что собрался свалить. А сегодня я подумал — какого черта? Хотя... просто, к обеду я уже был в полнейшем раздрае. А с появлением Суркова на мгновение утратил самоконтроль. Результат этого сидит рядом, полыхает счастливыми глазами, и, кажется, оставит у меня на шее засос. На этом я опять перестал связанно мыслить.

Снова очнулись мы уже под утро. Я предложил поспать. С другой стороны, сейчас никто не сможет сказать, что ты со мной переспала и обвинить в аморальности. Она засмеялась и сказала что ей нужно домой, собраться в институт. Я начал ныть, что давай прогуляем, а то как будто не студенты. Зато вылезем из постели только завтра. А можно и вовсе в понедельник, у тебя много дел до понедельника? Она меня целовала, и говорила что ты, Коленька, редкий болван. И что я только в тебе нашла? Проводи меня в ванную, и отведи домой. Мне нужно привести себя в порядок. Ты не пользуешься косметикой в институте! Надо же, я думала ты вообще ничего не видишь! С тобой трудно, солнце, ты сама себе выдумываешь, а мне оправдываться. Ещё! Ты вредная. Нет, скажи ещё что я Солнце! И Луна и звезды.

Кажется я был в шаге от того что мы все же прогуляем. Но она ловко вывернулась и рассказала, что нужно бежать домой. Пока родители не заметили отсутствия дочери. Давай я тебя на руках в ванную отнесу, а то бабушка выйдет посмотреть, что за толпа по коридору шляется.

Не рассусоливая, подхватил на руки и понёс. План был хорош, и едва не осуществился. Но, пока я ее нёс, она с наслаждением грызла мне ухо. Я просто не услышал. Когда мы были почти у цели, входная дверь открылась, в прихожей зажегся свет. Мы нос к носу столкнулись с Тamarой, что вошла в квартиру.

— Доброе утро, Тома, — чинно сказал голый я. — Это моя девушка Вика. Вика, это Тамара, она помогает нам по хозяйству.

Голая Лишова уткнулась мне в шею и затряслась беззвучным хохотом.

— Доброе, — хмурым утренним голосом сказала Тамара, прошла, и открыла мне дверь ванной. — Вам свет зажечь? Или романтика?

— Зажги пожалуйста. Спасибо, — мы так же чинно скрылись в ванной. Я поставил

Викю под душ. Мы посмотрели друг на друга и принялись давиться от смеха.

Принимать с девушкой в душ меньше, чем полчаса просто неприлично. Да и вынес я ее оттуда уже в строгом, коротком полотенце. Но потом мы стремительно оделись, и так же стремительно сбежали. А усевшись в Волгу, заржали в голос.

Только в машине я начал хоть немного соображать и взглянул на часы. Около шести утра. Трогаясь, пояснил, что Тамара непонятно рано. А Вика сказала что есть шанс не спалиться у родителей. Папа ложится до одиннадцати, мама со спектакля приходит поздно. Могли не заметить отсутствия. Предложил валить все на меня.

Тут мы и приехали. Пока целовались, мелькнула мысль не отдавать Суркову тачку. Так целоваться удобно! Потом она отстранилась, вылезла из машины и скрылась в парадной. Я остался один и подумал — ну ты, Андреев, и мудак! Мало у меня проблем. Но, придушил панику, закурил, и поехал домой. Непонятно, с чего Тамара заявила в такую рань.

Все оказалось просто. Я за делами упустил, что Софье Игоревне на бывшей работе выделили путёвку в санаторий, в Комарово. На пару дней. И они утром уезжают.

Я испытал смутную благодарность к старухе и Тамаре, что решили меня не напрягать, а вызвали такси. И легкую досаду, что за делами упустил возможность этот знаменитый санаторий посетить. Но, пока мы пили утренний кофе, договорились, что я за ними приеду в воскресенье.

Как обычно, поболтали о всяком.

— Пригласишь девушку, что у тебя ночевала, — улыбнулась Софья Игоревна. — Пока нас не будет.

— Не поверишь, Игоревна. Славная девка! — заявила Тамара. — И Кольке очень нравится, я своими глазами видела, что очень нравится.

Вообще-то они как-то постепенно вырулили на питерский аналог Маврикиевны и Никитичны. И слегка меня иногда подтролливают. Я стараюсь не вестись.

Уходя, они так и продолжали обсуждать меня и, нет, вот сессия начнется, и ему не до них будет, Тома. Я сделал себе еще кофе, и пошел собираться.

Пока я вез её домой, мы вроде бы договорились не афишировать наши отношения. Не скрывать, но и не афишировать. Я так и не понял как это. Тем более что, усевшись на первой паре как обычно у окна, я тут же получил от Овчинниковой вопрос. Вы теперь с Викой вместе?

Вторая пара поточная, политэкономия. Секс всю ночь напролет, женщинам очень к лицу. Я-то — слегка рассеян, и, со стороны, скорее всего, выгляжу не выспавшимся. Лишова пришла в институт в скромных кроссовках, брючках, свитере мешком под горло. Все неброского серого цвета. Все настолько неброско, что на нее оглядывались. В рамках «не скрывать и не афишировать», сделал неприступное лицо, на что она фыркнула так, что было слышно, и уселась с Приходько и Близняковой. Я вполуха слушал лекцию о тонкостях зарождения политэкономии, и думал, что не только выгляжу, а идиот и есть.

Но после пары я встряхнулся, и, закуривая сигарету у окна на лестнице, решил, что после учебы поеду к Суркову, поменяю тачку. Да и выясню, что там и как. За окном стоял тихий прозрачный день, предвещающий скорый снег. Невольно подумал, что нужно Лишову утащить после занятий, гулять в Юсуповский сад. Листья уже совсем опали, народу никого. Гулять по дорожкам, целоваться и болтать о ерунде. Мне совершенно расхотелось строить

планы.

— Так и знала, что ты здесь куришь! — она появилась как всегда неслышно.

— Викунь, пошли после института в парке гулять?

— Мы с девочками в универ едем. В библиотеку.

— Это туда, где сейчас Снежин учится?

— Дурак! Я же в СНО, нас специально туда направили, поработать с редкими документами, — она уселась рядом со мной на подоконник.

— И все? — я скептически скривил рот.

— Какой ты проницательный! — к моему удивлению развеселилась она. И рассказала поразительное. У Гальки Близняковой есть двоюродный брат. Мишка Нариден. Недавно Галька его случайно познакомила с нашей Танькой Сафроновой. В общем, мы устроим им как бы случайную встречу.

— Нариден? Это который строительство дамбы?

— Мишка — его сын.

— А Галька — племянница?!

— Ну да. Галькина мама — родная сестра дяди Юры.

Дальше она говорила, что все давно готовилось, я не могу это пропустить! А я находился в легком ахуе.

В двадцать первом веке и СМИ, и досужие разговоры утверждали, что в России фантастическое социальное неравенство. И между богачами и народом — пропасть. То ли дело в СССР!

В восемьдесят третьем году, после ухода Романова на повышение, в Ленинграде пошло реальное улучшение жизни. В частности, была принята программа расселения коммуналок. Под это дело, отдельным постановлением исполкома, был расселен четырехэтажный дом на Васильевском острове. И все бы ничего. Но ремонт, перепланировка и перестройка дома, делалась для одного-единственного человека. Юрий Нариден — начальник строительства системы защитных сооружений Ленинграда. Проще говоря, Дамбы. Насколько я помню, по весне и вселился. С семьей. Там пост ментов поставили, и считалось, что это какой-то секретный объект.

Во-первых, пропасть между простым работягой, у которого вообще ничего своего — и товарищем Нариденом, гораздо больше, чем между работягой со своей квартирой и Абрамовичем. А Нариден — всего лишь крупный специалист.

Во-вторых, наша милая и славная Галька — племянница чувака, построившего дамбу, а потом и мост между Россией и Крымом.

А в-третьих, моя Лишова называет его дядей Юрой. Не считая того, что его сын, от нефиг делать, в нулевые наймет то же пиар-агенство, что продвигало Милонова. Двинет в депутаты. И потрясенный мир узнает, что Наринены — потомки Матильды Кшесинской.

Вичка видимо что-то такое увидела у меня на лице, потому что спросила:

— Ты чего, Коль?

Пожал плечами:

— Ну, раз я совершенно свободен, мы с Сурковым ходим вечером в Шайбу. Может с девушками познакомимся.

Она неожиданно засмеялась. На мгновение прижалась, и бегло коснулась губами моей щеки.

— Перестань сочинять, Коль. И я так и не рассмотрела как ты живешь!

Обсудить экскурсию ко мне домой мы не успели. Прозвенел звонок, и мы пошли на разные этажи.

Я замешкался, и не видел отправки экспедиции в универ. Пожал плечами, перешел мост, сел в машину, и поехал к Суркову.

Слегка нарушив правила, Мучным переулком вырулил на Садовую. Постояв на светофоре, пересек Невский, проехал прославленное здание Военной комендатуры, и свернул направо, на Инженерную. Мимо цирка, по мосту, пересек Фонтанку, свернул. Суркова дома не было.

Кроме того, было нечего жрать, и выпить. Снова оделся, и поехал на Некрасовский рынок. У Сереги странное расписание. В этом семестре они начинают учиться со второй пары.

— Ты не помыл машину, Дух! — появившись на кухне, Сурков втянул носом вкусный запах. Свиные почки в сметане, с грибами, и отварной картошкой. Я бы не связывался, но мясник уверил меня, что почки уже вымочены, и можно готовить. Если нет, приедешь и набьешь морду, если хоть кто скажет про запах. Не соврал.

Поставил перед Сурковым тарелку, и полную рюмку. Мы чокнулись, и принялись за еду. К тому моменту, когда он вытирал корочкой тарелку, я налил ему и себе еще, и закурил.

— Рассказывай!

Электричка из Киришей пришла на первый путь в пятнадцать сорок. Было тупо неудобно идти в вокзал. Да и рюкзак оказался легче, чем ожидалось. Я, Коль, подумал, и решил, что лучше домой. Ну и пошел на метро подземным переходом. Позвонил Иве. Он перезвонил, я приеду. Приехал, и говорит. Сегодня вечером Волго-Балт на Швецию снимается, из Шлюшина. (Шлиссельбург — сленг). Ходит постоянно, на коротком плече. Месяц рейс длится. Иво сказал, что маршрут уже отработан, но не заезжен. Так что — поехали. Ну, мы покидали туристическо-рыбацкие принадлежности в Жигули и поехали. Там Иво забрал ящик, что я упаковал, и ушел. Вернулся, сказал, что все нормально. В два ночи мы смотрели с Дворцовой набережной, как этот Волго-Балт прошел мосты вниз по течению. На выходе в залив он уже не останавливается, а сразу ложится на курс. В Шлюшине шухера не было. Денег оказалось миллион триста двадцать тысяч. Десять тысяч стоит перевозка и все остальное. Отдал. Если все нормально, к концу декабря нам должны отдать ключ. Старшина Сурков доклад окончил, товарищ генерал! Мы чокнулись, и выпили. Сурков встал и включил магнитолау.

— И это, Коль. Я и подвеску в ящик засунул.

Кивнул. Наверное — правильно. Тащить ее в открытую, как я думал, не лучшее решение. Ну, а если пропадет, то и хер с ним. Что мы, денег не заработаем? На магнитоле какой-то легкомысленный попсовый сборник. Я как-то совсем расслабился. В отличие от Суркова. Он втянул носом воздух, и, совсем как доктор Хаус в сериале из будущего, сказал:

— Я чувствую запах секса! Дух, у тебя был секс!

— Гм. Я Вику к себе утащил.

— Что?! Ты был еще и с девушкой?

— В глаз хочешь?

Сурков разлил еще по одной и засмеялся.

— Если бы не я, Душина, ты бы так и ходил, облизывался.

— Да нет, Сурков. Как я понял, там на меня велась охота по всем правилам. Ты просто

вне плана подвел меня к охотнику под выстрел, — я засмеялся.

— Это как?

Я, посмеиваясь, рассказал, что у нас там учеба тяжелая. И девчонки себе устроили развлекуху. Сводят любящие сердца. Организуют ситуации, когда парень все время оказывается с девушкой. Так что твою просьбу о Приходько, Сурков, рассмотрят. Но прежде, Сергей, у нас с Викторией, к тебе несколько вопросов.

— Каковы, Сурков, твои намерения по отношению к Ире?

Тут я не выдержал и заржал.

Теперь первое, что я делаю, усевшись в аудитории утром — нахожу глазами Вику. Хотя, кого я обманываю? Я и раньше сразу находил ее глазами.

Тогда, мы с Сурковым до поздней ночи смотрели видик. В смысле Брюса Ли и вестерны. Заодно трепались.

Честно поделился, что зря я с Викой связался.

— А что тебе не нравится? Красивая, веселая. Всех недостатков, умней тебя раза в три.

— Ну, я свалю, брошу. Нечестно.

Сурков принялся ржать. Я даже обиделся. Чуть успокоившись, он сказал:

— Давай уточним. Ты переспал с девушкой.

— Да.

— И теперь переживаешь.

— Да.

Он снова заржал.

— Чо ты ржешь?

— Извини, но поясни. Ты — переживаешь.

— Да!

— Потому что переспал с девушкой?

— Да!!! Сколько повторять?!

Он ржал до слез. А потом сказал:

— Прости, Дух, все равно смешно.

Я поначалу обиделся. А потом как-то успокоился. Чего я? Разберусь уж как-нибудь. Хотя, Суркову все же мелко отомстил:

— Блондинка, говоришь? Познакомь, просишь? Боюсь, Сурков, с таким отношением к товарищам, ты не найдёшь поддержки у нас в институте.

— Пф-ф-ф, Душина. Сам познакомлюсь. Для нежности.

Вася Уральцев, будущий криминальный авторитет, «правый кулак Тамбовских», а сейчас большой советский спортсмен — человек косноязычный. Умный, предусмотрительный, очень осторожный. Но производил впечатление туповатого, из-за немногословной лапидарности. Именно он впервые это произнес.

После первого курса, мы с Сурковым не поехали в строяк. Мамаля сосватала нам захватывающую работу на монтаже и демонтаже башенных кранов. Это был настоящий экстрим, который мало кто испытывал. Но речь не об этом. Погоды стояли сносные, и все свободное время мы проводили на пляже. В развеселой компании друзей-приятелей, однокашников и примкнувших. Именно Сурков тогда познакомил Васю с нашей бывшей одноклассницей Маринкой. После этого Вася зависать на пляже с нами перестал. Мы, встретив его, поинтересовались, куда мол, Вась, ты делся? Приходи. Он помолчал и сказал:

— Мы там с Маринкой. Ну... Она для нежности.

И всем сразу стало все ясно. Про серьезные отношения говорить было рановато. Но это и не обычная подружка на пару дней. Так, у пацанов из нашего города, и возник этот термин, обозначающий особое отношение к девушке. Маринка, кстати, тогда не поняла, почему вдруг в городе с ней все стали крайне любезны. Даже простые работяги, запросто посылающие куда подальше и начальников, и министров. Хотя, когда они поженились, догадалась

конечно, а то и раньше.

Так что на заявление Сереги в отношении Приходько я лишь заметил:

— Сурков, она человек сложный, пошлет.

— Думаешь?

— Уверен. Но — спокойно! Ты в надежных руках. Я же тебе сказал, что они там охоту устраивают. Так что все, что тебе нужно — стать лакомой добычей. И здесь, я думаю, у меня есть эксперт по этим вопросам.

В общем, я остался у Сереги ночевать. И сразу от него поехал в институт.

В тот день Лишова уселась со мной и поинтересовалась, где это я пропадал? Она звонила весь вечер. Я, естественно, сказал что мы с Сурковым зависли в одном притоне, на Лиговке, на всю ночь. Она засмеялась, и попросила не сочинять. Ну тебя, Лишова! Я собрался рассказать, что мы с Сурковым угоняем ночами тачки. А нажитые несметные богатства проигрываем в карты в подпольных казино, в окружении падших женщин. И если ты будешь хорошо себя вести, то может возьмём тебя в банду. Ну как можно быть такой неромантической?! Мог бы позвонить, Коль. В общем, после занятий я ее все равно утащил к себе домой. Потому что я не знаю твой телефон, Виктория. Ну, и мы его заучивали. Провели вместе чудесный вечер.

С женской безошибочностью, Вика выбрала мою лучшую и любимую рубашку. Объявила ее своим халатом на время пребывания у меня в гостях. Лучше бы голышом ходила. Она, в моей рубахе, сносит мне башню на раз.

Я с удивлением сообразил, что у меня не осталось срочных дел, кроме учебы. Осталось ждать. Последующие затем дни были славные. Потому что я просто жил.

Вика рассказала, что Сурков Ирке понравился. И не только ей. Все девчонки говорят, что он стильный и симпатичный. Так что, Коль, куда он от Ирки не денется.

Потрясенный я, только спросил, а Приходько-то в курсе? Ну, Андреев, ты что, не видел, как он ей понравился? Я видел только, что Ирка секунд двадцать, шла мимо Суркова. Причем мне казалось, что она его и не заметила.

Я никогда не работал и не учился в женских коллективах. Теперь я буду всеми силами этого избегать. Я-то шутил, что девчонки дичь обкладывают. А все оказалось еще удивительней.

Короче, был выбран день, время и место. Опытными продюсерами все было тщательнейшим образом подготовлено, и продумано. Организована массовка. Было учтено, что Сурков освободится только к четверем. И мы, с Иркой и Викой, сидели в библиотеке и компилировали к своим рефератам из всяких книжек. Предполагалось, что Серега как бы случайно встретит нас на выходе, и мы пойдем в кино. Откуда он уже сам будет Приходько провожать и вообще. Только Сурков не пришел.

Ирка ничего не поняла, а просто попрощалась с нами, пошла к Казанскому, на такси. А умная Лишова не плевалась ядом, как я ожидал, а заявила что, похоже, что-то случилось с Сережей. Я провожал ее домой, и делал глубокомысленное лицо. И вправду слегка встревоженный.

Но и здесь случился разрыв шаблона. Серега позвонил вечером, и мне, и Вике, и извинился. У нас тут набор на факультатив, по архитектуре малых форм был. Я не мог пропустить. Не обижайся, Колян. Я хэкал, гекал, и в конце концов заявил:

— Я опечален и разбит! Бесит, что я вне себя, а ты — пойдешь домой, оденешь свои огромные семейные трусы и будешь дрыхнуть!

И взял дело в свои руки. Сделал то, о чем не то чтобы жалею. Но мне аукнулось. Я пригласил Ирку и Вику на чай. Познакомил Приходько с Софьей Игоревной и Тамарой. Туда же приехал Сурков, заинструктированный Викой насмерть. Пирожные, Сережа — из «Севера» и никак иначе. И купи фруктов. Без режиссуры и здесь не обошлось. Посреди светского чаепития Тамара пришла и сказала, что Викторину просят к телефону. И я увез Вику домой по срочному делу. Попросил Суркова проводить Иру. Ну и все.

Весь факультет с пристальным вниманием следил за развитием ситуации. Суркова при этом я видел всего пару раз, издалека. А на звонки он не отвечал. Через пару дней Приходько стала появляться с мечтательным выражением на лице. А еще спустя пару дней и вовсе пришла в том же платье, что была вчера. К глубочайшему удовлетворению женской общественности. И только тут я сообразил, что эти пигалицы таким образом убрали конкурентку.

Все эти девичьи интриги смешили меня почти истерики. Я смеялся до колик, слушая Ленкины и Викуны рассуждения.

Мы с Викторой, миновав стадию неудержимого и искрометного секса, перешли к более взвешенным и серьезным отношениям. Теперь, задержавшись до глубокой ночи, мы не гремим на кухне холодильником и чайниками с кастрюлями. Мы едем на Московский или Витебский вокзалы и покупаем пирожки. С мясом и повидлом. А уж потом я везу ее домой.

Но и здесь не все гладко. Потому что Лишова, в моей рубашке, с ногами забравшаяся в большое черное кожаное кресло, и читающая мой конспект по вышке, вышибает у меня сознание напрочь.

Из других видов извращений мы практикуем Вику, которая лежа в постели, на животе, читает работу Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин». Возвращаясь ты утром с пробежки, ожидая увидеть сонную, теплую и милую улыбку. И натыкаешься на это. Тут и Железный Дровосек дал бы слабину. И я хватаю Лишову на руки и тащу в душ, на ходу объясняя, что это лечится только холодным душем. Она при этом орет, что у нее через час семинар, и она из за меня ничего не знает. Но не влияет.

Правда, так бывает редко. У нее родители уезжали в Москву по делам. Она и оставалась у меня. А так, только иногда удается затащить. Все остальное время она учится. Я даже чувствую неудобство. Все-таки я вполне знаю математику и матпрограммирование, которое она одолевает с трудом. Да и политэкономия я уже учил однажды. Так что бывает и так, что мы просто сидим и разбираемся с таблицей производных. Да и остальные тоже, как я понял, так же грызут науку. Плюс, девчонки ваяют, совместно с университетом, что-то глобальное. Как я подозреваю, часть чьей-то докторской. В обмен на будущую аспирантуру.

Поэтому, большую часть времени, я предоставлен сам себе. И тоже занимаюсь изучением основ кредитных правил.

Это все происходило и происходит на фоне чемпионства «Зенита». Он выиграл у «Днепра» и стал чемпионом. Вызвав в городе немыслимый ажиотаж. Проходя институтскими коридорами, ловил фразы типа, девочки, я вчера на Марата, Брошина видела! Или, — жаль, без Казаченка. Он заслужил.

Еще в городе начались гастроли московского Ленкома, с «Юноной и Авось». В ДК Ленсовета, на Петроградской. Это была массовая акция. Ходило полгруппы. Так-то я не фанат этой рок-оперы.

Естественно, раз в городе с гастролями московский Ленком, то было и выступление группы «Карнавал» с Барыкиным. Только в ДК им. Газа.^[5] Я Вику туда притащил. Было

смешно, в первом отделении, какие-то артисты читали со сцены Маяковского и еще что-то патриотическое. А во втором отделении был настоящий рок-концерт высшего класса. Ну, один состав этого «Карнавала» — Лезов, Шахназаров, Крис Кельми... Очень крутая команда. Вдобавок этот концерт нас спас.

Внезапно объявился Иво. Нет, так-то мы регулярно пересекались, да и сидели то там, то тут за рюмкой. Но сейчас он объявился по поводу. Позвонил мне. Но я был в концерте. А Сурков влип.

Он приятно проводил время с Ирккой, тут приезжает Иво. И просит Серегу подержать у себя дней десять дикобраза. Вот, он, Сурков. Зовут Гвидон.

Какой-то моряк контрабандой привез в Питер эту зверушку. Не просто так, а под заказ. А заказчик в отъезде. Пусть у тебя поживет, Серега? Ну и оставил, вместе с клеткой.

Эта диверсия чуть не порушила учебный процесс у нас на потоке. Гвидона нужно кормить по часам, заявила Приходько. Утреннее и вечернее кормление доверили Суркову, хотя, есть подозрение что и Ирка тоже участвует. А на дневное кормление я отвез Вику с Ирккой. Потом добавилась Ленка.

Восемь студенток финэка, влезают в Жигули одиннадцатой модели. Не считая водителя. В первый раз меня принял гаишник возле Инженерной улицы. Едет тачка, дном асфальт скребет. Кажется, бедный гаишник решил, что поехал крышей. Ну а как? Останавливаешь ты тачку, явно неисправную. А тут, откуда ни возьмись, куча девиц. И все это воздушное, звонкое и порхающее, кружит вокруг и на разные голоса упрашивает. Отпустите нас, товарищ лейтенант, там дикобраз голодает. В общем, я, конечно, ему сунул трешник. Но он был практически в невменялке. На следующий день история повторилась, только со старшим лейтенантом. А потом меня уже и не останавливали. Дескать, че там — обычное дело, студенты дикобраза кормить едут. В Питере чего только не бывает.

Когда я, сочувствуя Суркову, как бы невзначай задался вопросом, а дикобразы съедобны, Лишова меня чуть не пришибла. В массах бродила мысль скинуться и выкупить страдальца.

Короче, жильё Суркова на время превратилось в филиал зоопарка, полный посетителей. Только лучше, потому что, смотрите, как ему нравится когда ему чешут мордочку. И он уже дает лапку!

Мы сидели с Сурковым, избавившемся от экзота, в «Фигле».

— Я не знаю, Дух, как ты там у себя в институте с ума не сошел? Столько девок — это уже край.

Несмотря на мрачность посылки, Серега не выглядел недовольным.

— Зато Ивик нам теперь по гроб жизни должен, — мы чокнулись и выпили, он задумался и сказал. — Идея! Раз мы с тобой, Душина, сваливаем, пусть нам Иво Ирку и Вик контрабандой пришлет? В гробах. Как усопших родственников? Тело после таможи поменяет, на живую Ирку. Ну, в мешок там зашьет, для конспирации.

Я засмеялся. И не только потому, что было очевидно, что Сурков сейчас будет генерить. Я вдруг понял, что знаю способ, как нам с Викторией не расставаться. Три-четыре месяца — фигня. Да и Ирке с Сурковым тоже.

А следом я вдруг понял, что грядут неприятности. Очень здоровская жизнь наладилась. Так не бывает.

Поздним вечером мне позвонил Фред. И предложил завтра встретиться в Жигулях. В

полчетвертого. Я попросил изменить место.

— Давай, Андрюха, в Минутке?

— Не любишь Жигули? — засмеялся Фред. Подумал, и сказал. — Тогда давай в четыре. В «Снежинке». Мне по дороге будет.

Кафе «Снежинка» — на Петроградской. Почти на углу Малого проспекта и улицы Подрезова. Тихое небольшое кафе с ресторанными ценами, отпугивающими студентов близлежащих общаг. Выбор Фреда точен. В четыре в нем никого нет. Лишь бармен за стойкой, да неожиданный, только-только вышедший на западе Modern Talking в колонках. В ожидании Фреда взял кофе, и уселся в уголке с «Ленинградкой».

В мире все нормально. В США президентом избрали Рейгана. Про Афган — глухо. Полное ощущение, что его и нет. Никарагуа с Ортегой. Страны социалистического лагеря углубляют интеграцию — в Питер поступила партия новых Икарусов. Ленинградцы их скоро увидят на городских маршрутах.

Вошел Фред, кивнул мне и направился к стойке. В городе подморозило, и он одет с раздражающей меня претензией. Тем более, что выглядит это, на взгляд из двадцать первого века — забавно, как минимум. Пыжиковая шапка, финская дубленка, барсетка на руке. Черный костюм и ботинки. Водолазка, что называют в Питере бадлонка. Так сейчас одеваются солидные фарцовщики, и чиновники-функционеры средней руки.

Он подошел, поставил на столешницу барсетку, бросил на стул дубленку и шапку, уселся. Бармен принес ему кофе. Мне не принес, сам забирал. Я отложил газету.

— Как думаешь, Фред, Савицкая в космосе — это проект по оплодотворению женщины в невесомости?

— Не исключено. По весне можно будет выяснить.

— Участвовал весь экипаж или назначенный товарищ?

— Кто их, экспериментаторов, знает? Если вспомнить сухумские попытки скрестить человека и гориллу — всего можно ожидать.

Потом Фред закурил, и рассказал, зачем позвал. И я понял, что чутье меня не подвело. Нужно, Дух, отвезти в Москву деньги. Вам с Сурковым — раз плюнуть. Оплата — пять процентов от суммы.

Я откинулся на стуле. Сначала мелькнула мысль, что школьный товарищ решил меня таким образом слить. Прямо в Кресты, или в яму в лесу. Но потом все-же сообразил. Времена сейчас наивные. Люди просто не представляют себе, как и что бывает при перевозке крупных сумм. И не заморачиваются. Да и Фреду сейчас — всего двадцать четыре. Он только в начале своего трудного пути. И просто не понимает, что к чему. Со временем до него, конечно, дойдет. Но сейчас... В своем бесконечном обмене информацией и услугами, он, лично, не сталкивался с силовыми решениями вопросов. То есть знает, и, скорее всего, побольше моего. Но сам пока не занимался и не планировал. От этого и считает свое предложение плевым делом.

Я могу отказаться. Он мне слова не скажет. Но общение на этом можно считать законченным. А он нам очень помог. Как-то некрасиво. Я вздохнул, а Андрюха занервничал. Он почувствовал, что спорол крупный косяк. Не мог понять где. Но жизнь упростила мне объяснения.

Открылась дверь, и в кафе вошел мужик. Опрятно, и достаточно солидно одетый. Но, по возрасту и манере держаться — никак не чиновник, не работяга, и не инженер. Я бы решил, что он мент, но по взгляду, что он бросил на нас, предположил, что скорее уголовник. Фред тоже увидел этот взгляд, и беззвучно про себя ругнулся. Он и вправду очень умный чел,

потому что все понял мгновенно. Тем временем мужик посмотрел меню, покачал головой, и, еще раз срисовав меня взглядом, вышел. Типо дорого ему. А я сказал:

— Чтобы принять верное решение, нужно, Андрюха, иметь исчерпывающую информацию. Имена мне не нужны, но расскажи мне весь расклад. И тогда я тебе отвечу.

Занятно слушать про свои подвиги со стороны. Фред рассказал, что дело было отстроено. Деньги цеховиков туда-сюда регулярно возила слаженная команда. Реальные каскадеры Ленфильма. Удобно. Постоянно ездили и в Москву, и в Киев, и Одессу, и в Кишинев. Но вмешалась случайность. Они ехали в Питер тремя машинами. Две вместе, и Волга чуть отстав. Под Чудово остановились заправиться и отлить. Уезжая с заправки, две машины пошли вперед. А под колесо Волги местные гопники подбросили ежа. Пока меняли колесо, их попробовали ограбить. Увидев, что третья машина отстала, мужики съехали в придорожный карман, обождать. И тоже были атакованы! Но с применением автоматического оружия. Вроде бы, нападавших было восемь человек. Пятерых потом взяли менты. Устойчивая банда, что регулярно там грабила. Они рассказали, что еще трое — какие-то прапора военные. Эти трое, как делить добытое начали, всем начистили морды, и ушли с хабаром. А отставшая Волга подоспела очень вовремя. Забрала из Москвича сумку с деньгами, что не заметили грабители, и двоих пострадавших. И уехали. Ну, сам видишь, цепочка случайностей. Так что сейчас, возить деньги некому.

А вот это... он мотнул головой в сторону двери, где скрылся любопытный мужик — видимо, когда у нас, здесь, поняли, что будет создаваться новый канал, какие-то люди захотели, похоже, вопрос порешать в свою пользу.

Ты уж прости, Колян, я тебя хотел на это дело подписать. Хоть на время. Но сейчас, это будет глупо. Мой разговор с человеком, что отправляет деньги, срисовали. И следят. А теперь, наверное, и за тобой будут следить. Чтоб тоже грабануть.

Мне стало легче. Мучила непонятка, зачем Могиле было останавливаться? А теперь все стало по местам. И еще я подумал, что у меня и мысли не возникло, что будут еще что-то везти. И я даже не смотрел в сторону Москвича. А Костя Могила — самоуверенный говнюк. Не удивлюсь, если третья машина тоже была с бабками.

— Знаешь, Фред, — сказал я. — Ты конечно лопухнулся. Но ничего непоправимого пока не случилось. Давай, я это дело организую? И съезжу. Один раз. И мы будем в расчете. И денег не нужно нам. Будешь должен.

Андрюха думал целую минуту.

— Что ты предлагаешь? — наконец спросил он.

— Что тут предложишь? Все уже придумано до нас.

Дальше я, тщательно останавливаясь на деталях, рассказал, как мы с Сурковым все сделаем. Он думал всего пару секунд, и внес корректировки и улучшения. Фред уже снова стал собой. Ну и в обстановке лучше ориентируется. И ресурсы у него под рукой есть. На том и порешили.

Выходя из кафе, я сказал Фреду:

— А вот интересно, там, в сухумском эксперименте, как было? Самец с человеческой женщиной? Или мужчина с гориллой? И какие были результаты? Вдруг по стране бегают, улучшают человечество? И, Фред! Если добыть киноархив этого эксперимента и переправить на Запад — это же миллионером станешь!

Фред задумчиво посмотрел на меня:

— У тебя же родня там где-то, я правильно помню? Ты, Дух, не чувствуешь в себе чего-

то странного? Не тянет ли тебя к экзотическим зверям?

— Нет, Фред. Дикобразы мне совершенно не нравятся. Я точно выяснил.

— Ты меня сегодня удивил, Коль. Похоже, я тебя недооценивал.

— Ну чего так сразу-то? Ну не нравятся мне крупные ежики, что ж с того. Так-то ежи — они ничего такие.

Поодаль стоял зеленый Москвич четыреста восемь. В нем сидели давешний мужик, и еще один, типичный урка. Уехал вслед за Фредом. Я проводил их глазами. Мне стало легче. Хоть не менты.

Дома я застал теплую компанию. В гостиной кроме Софьи Игоревны и Тамары сидели Лишова, Приходько, и примкнувшие к ним Близнякова с Овчинниковой. Смотрели, если я правильно понял, «Звуки музыки». Попивали чаек с печеньем от Тамары, и прекрасно себя чувствовали. Я не то чтобы жалею, что познакомил девчонок со старухой и Тамарой, но иногда в досаде. Викуня чмокнула меня в щеку, и сообщила что они скоро уходят на заседание СНО. Ну, когда Лишова чмокает меня в щеку, я жалею лишь о существовании этого СНО. Тут еще Приходько решила подлизаться к Тамаре, хотя, скорее просто плюшек еще захотела:

— Какое печенье вкусное! И как вы его только делаете, Тамара Сергеевна?

Увлеченная фильмом Тамара, вынужденная отвлечься, пробурчала:

— Как все в этом доме! С песней на губах, и любовью в сердце! — и пошла за новой порцией. А я пошел за ней.

— Тома! — сказал я, оказавшись на кухне. — Мне будет нужна твоя помощь.

— Чего сделать? — так-то она добрая. Но посторонние думают, что зверь.

Я ей рассказал. Честно и всю правду. Задолбало всем врать. Несгибаемый Сурков уверяет, что это развивает память, потому что нужно все время помнить что и кому врал. А мне не нравится. Врать маме, врать Вике. Слава богу что Сурков просто не спрашивает.

В общем, я Тамаре рассказал. Добавил, что если нет — ничего не изменится. Что-нибудь придумаю. Но она согласилась. Легко и просто.

— Ты, Коль, мне вроде как родственник. Я тебе благодарна очень. Так что — сделаю.

— Спасибо, Том. Я завтра все подробно обскажу.

— Только знаешь что? Мне бы мужика.

Я пил воду из стакана и поперхнулся. Она постучала меня по спине, и засмеялась.

— Да нет, Колька, не будем мы с тобой больше. Я, по трезвости, посолидней мужчин люблю. Скажи, а вот Евгений Михалыч наш, он в разводе, или врет?

Каверзнев частенько забегает днем. И во мне крепнет подозрение, что не последнюю роль в этом играют Тамарины разносолы. По крайней мере, в такие моменты он выглядит счастливым. Я засмеялся.

— Тома! Можешь смело ехать к Верке за красивым бельем. Мы его окрутим.

Получил полотенцем по голове, тарелку печенья с плюшками и с хохотом ушел в гостиную.

Не стал надоедать гостям, а ушел к себе, и сел за телефон. И вовсе не для того, чтоб строить зловещие планы. Для этого я оставил на автоответчике сообщение Суркову. Приезжай, надо поговорить. Я занялся поиском зимней резины для Жигулей. И Волги, пусть Сурков помнит мою доброту. Я вспомнил, что эта зима будет одной из самых холодных и снежных. Поиск шипованной резины сейчас, это тяжелый квест с неочевидной наградой в

конце. Я убил на это весь вечер, не получив внятного решения. Так, одни наметки. Плюнул, и пошел провожать Вику домой с заседания.

Пока я висел на телефоне, пошел снег. Мы шли по заснеженной набережной, и болтали о ерунде. Я рассказал, что в воскресенье съезжу в Москву. Ты, Коль, там случайно не останься. Я буду скучать. Ну, я уже знаю, что по воскресеньям у Вики семейный обед. Традиция. Она меня, кстати, приглашала. Но я уклонился.

Вовсе не из каких-то там соображений. А просто я с трудом переварил, что моя мама внезапно задружила с Софьей Игоревной. И старуха называет маман Танечкой, а маман старуху — Софочкой. Ну, мама как-то позвонила, и нарвалась на бабку. И теперь мама абсолютно в курсе всей моей жизни. Знакомство с крупным партфункционером и его богемной женой только добавит макабра. Так что я пока сдержан. Лишова умная, и не настаивает.

Под снегом город меняется. Я замотал Вике шею своим шарфом. Мы шли по Дзержинского, в сторону подсвеченного Адмиралтейства, и сплетничали про Суркова с Приходько. Там кипят итальянские страсти, и шекспировский накал. Как я понимаю, домашняя Ирка выходи из себя, из за того, что Сурков не коврик под ногами. Мы смеялись и спорили, они поругаются завтра, или отложат до понедельника. Долго целовались в подворотне её дома на Мойке, и я пошел домой. Там в гостиной с чаем и печеньем сидел Серега. Чего звал?

Эра «Сапсанов» наступит не скоро. Но и сейчас дневные поезда Ленинград — Москва ходят регулярно, и идут не так уж долго. Так что в воскресенье, второго декабря, в восемь пятьдесят утра, я и Сурков сели в дневной, сидячий поезд Ленинград-Москва. Было холодно, мороз градусов пятнадцать. Так что мы были тепло одеты. Я был со своим рюкзачком. Сурков тащил черную большую сумку.

Поезд отошел по расписанию, ровно в девять. Вчера, с соблюдением всех правил конспирации, мы больше двух часов обсуждали с Фредом операцию. Такие вещи готовятся, конечно, тщательнее, но тут не хотелось затягивать. В принципе, мы все обсудили. Расхождения у нас с Фредом были в мелочах. И не особо существенные.

Пятый вагон, места по ходу, в середине вагона. Народу — где-то две трети от полной загрузки. Отдали проводнику билеты, что он сунул в свою специальную кожаную кассу с пронумерованными кармашками. Закинули сумку на багажную полку. Кинули на пальцах, Сурков у окна. Но я тоже смотрел в окно. Мост через Обводный, Навалочная, Фарфоровская, Обухово...

Лениво трепались с Сурковым о всяко-разном.

— Ты старуху-то когда выселяешь?

— Там Михалыч суетится. Вроде бы к концу года все будет готово. Но я, Сурков, уже и не знаю. С ними весело, и не особо мешают.

— Кого ты лечишь? Томка жрать готовит так, что за уши не оттянешь, вот ты в благородного и играешь.

— А что может быть благороднее бефсторганова с картошкой фри? Только соте говядины в медовом соусе со спаржей и баклажанами.

— Бля! Ну вот, жрать захотелось.

— Это да. С Ирккой тебе не повезло. Но терпение, Серега. К концу года она научится включать кофеварку.

— Пошел в жопу! Я скажу Вике, что ты сокрушался, что она толстая.

— Неспортивно, Сурков.

— Ничего не знаю. Но требую, чтобы как вернемся, Тамара сделала манты с бараниной! Иначе конец тебе.

— Я предлагаю запеченную утку с гречей, и брусничным вареньем.

— Все, заткнись. Иначе я за себя не отвечаю.

Я сидел и думал, что Вика будет толстой лет через двадцать, и то не факт. А сейчас там можно бы чуть добавить, но и так — ураган.

За нами пришли, когда мы миновали Чудово. Как-то, у меня с этой станцией, похоже, связь. То есть, сначала в проходе появился мужик, что видел меня с Фредом в «Снежинке». Увидев меня, он развернулся и ушел. Обрато вернулись семь человек. Пятеро, явно, по нашу душу. И проводник нашего вагона, и, видимо, начальник бригады проводников.

Когда мы обсуждали план действий, я считал, что наезд будет в Москве. И это будут урки. А Фред уверенно заявлял, что нас будут грабить в поезде. И это будут скорее всего менты, в поисках масла на хлеб, то есть в нерабочее время. Правда оказалась посредине. Два мента, и трое урок. Ничего особенного, порвем всех пятерых. То ли у преступности туго с кадрами, то ли еще что. Но трое уголовников были хлипковаты, а один еще и с бодуна. Менты были трезвы и злы. Один с меня ростом, не главный и какой-то заторможенный, что ли. А один мелкий, и решительный. Ну, я говорю. Вдвоем с Сурковым — пара минут всех вырубить.

— Милиция! Старший лейтенант Артемьев! — показал мне, подойдя, ксиву мелкий. — Прощу следовать за мной! С вещами!

— А что, собственно, случилось? — спросил я. В вагоне возникло оживление. Ехать скучно, а тут что-то интересное. Все головы повернулись в нашу сторону.

— Пройдемте, вам все объяснят. Не обостряйте.

— Ну, раз не обостряйте... пойдете.

— И сумку захватите! — я потянулся за сумкой.

— Это чего это? — открыл рот Сурков. — Ты мне за нее еще должен пятнадцать рублей пятьдесят копеек.

— Как?! — возмутился я. — А вчера в кабаке ты на что пил?!

— Ты, Дух, меня угощал! А за сумку так и не рассчитался!

Весь вагон, включая группу с ментами, с интересом это слушали, переводя взгляд с меня на Суркова, и обратно.

— Прекратить! — со злинкой в голосе отрезал мелкий мент. — Вы тоже следуйте с нами, — сказал он Суркову.

В общем еще чуть попрепирались, и пошли в сторону хвоста поезда. Пройдя пару вагонов, оказались, как я понял, в командирском. Тут было большое купе для проводников. Нас завели в это купе. Мне скомандовали поставить сумку на стол.

— Понятые! — скомандовал мелкий Артемьев. — Прошу подойти и наблюдать.

Я обратил внимание, что проводники куда-то пропали. Остались два мента, и трое мужиков. И ощущения надвигающейся сшибки — не было. Наверное, я наконец-то не выгляжу дуболомом. А Сурков, как повелся с Приходько, и вовсе сделал модную прическу, и выглядит мелким фарцовщиком.

Мужики приблизились, а мне приказали сумку открыть. Пожал плечами и потянул молнию.

Сверху, заглавием вверх, лежит том «Механические колебания и волны» сборник задач. Потом том «В.И. Ленин. Сборник статей по вопросам укрепления рабочей и крестьянской власти в деревне». У мелкого мента не выдержали нервы, и он засунул руки в сумку. И начал выставлять на стол стопки книг. Последним был толстый и тяжелый том «Шумерский язык. Вопросы произношения и аутентичности». Я возмущенно посмотрел на Суркова. Это талмуд весил килограмма три. А сумку до вокзала тащил я.

— Шумерский язык, Сурков?!

— Этот вопрос нужно решать! — ответил он. — Может в Москве нам помогут понять, почему никто не разговаривает на шумерском?

— Молчать! — прошипел старший лейтенант Артемьев.

Все и так молчали. Мужики-уголовнички, как-то сразу утратили интерес. Один и вовсе развернулся и пошел дальше, в хвост поезда. Только высокий мент, вдруг несколько взбодрился и нехорошо смотрел на нас. Артемьев уперся в меня злым взглядом и сказал:

— Предъявите документы! — дал паспорт. — Давай все, что есть!

Пожал плечами дал студенческий. Поискал, но вспомнил, что права оставил в другой куртке.

— Ты тоже давай документы! — сказал мелкий Суркову. Потом перевел взгляд на мужиков. — Не уходите. Мы сейчас с гражданами побеседуем.

Документы Суркова он протянул высокому. А мне сказал:

— Присаживайтесь. У нас к вам есть вопросы.

Высокий сказал, что побеседует с гражданином в соседнем купе. И они вышли. Я начал складывать книжки обратно в сумку.

— Сядь, Андреев!

Я сел за стол. Он уселся напротив. Из сумки, что сейчас называют папка, достал бланк протокола и ручку.

— Прежде чем мы начнем, Андреев. Где деньги?

— Вы о чем? В бумажнике у меня сто десять рублей. Москва все же.

— Ты мне все равно расскажешь, только если и дальше будешь ваньку валять, то еще и сильно пожалеешь!

— Будьте любезны, внятно скажите, что вы от меня хотите. Назовите причины и основания моего задержания, и объясните, что вы намерены делать.

— Умный? Ну, значит сделаем так, — он подвинул к себе мои документы и принялся заполнять бланк. — Ты будешь задержан за сквернословие и хулиганство по отношению к пассажирам поезда.

Он отвлекся от писанины, и поднял на меня глаза.

— В Бологом будешь, для разбирательства, помещен сначала в ЛОВД, а вечером тебя перевезут в ИВС. Там с тобой побеседуют.

Он руками показал, как меня будут трахать.

— А завтра ты мне подробненько расскажешь, куда делись деньги от Фархада, и кто их должен был забрать у тебя в Москве. Суд даст тебе по минимуму, года полтора, и будешь ты на зоне сосать у зеков. Но можно, Коля, обойтись без этого. Просто расскажи мне все.

Я смотрел в окно и думал, что Фред, сцуко, умный, шо пиздец. Он вот это все мне уже рассказал. А я не верил, и уверял, что на выходе с платформы подойдут трое-четверо, покажут ствол, и увезут. Вздохнул.

— Знаешь, Артемьев, убедил, — он встрепенулся. — Женюсь.

— Я тебе здесь не шутки шучу! — хлопнул он кулаком по столу.

— А я тоже. Если ты сделаешь то, чем грозишь, то я просижу пару суток — максимум. Потому что моя невеста — дочь заведомо административных органов Ленгоркома. И меня вытащат, скорее всего, даже раньше. Да и сделать мне ничего не сделают. А вот с тобой будет грустно. Скорее всего, в лучшем случае, тебя ждет понижение в звании за неправомерные действия. Но у тебя беда, Артемьев. Если же, с моей головы упадет хоть волос, не говоря о твоих влажных мечтах... То генерал Курков, Анатолий Алексеевич, наконец-то поймет, что не зря перевелся в менты из Комитета. Ему просто, за рюмкой коньяка, про вот это все, расскажут.

В процессе моего спича, мелкий дрыщ мрачнел.

— Тогда, Артемьев, должность вечного дежурного — это верх твоей карьеры в МВД. Но даже это ерунда, лейтенант. Ты чудовищно влип, Артемьев. Потому что мой попутчик — нервный. И, скорее всего, тоже решит жениться. Дело в том, что его невеста — любимая внучка заместителя Генерального прокурора СССР. И всю эту историю раскрутят. А Сурков лично проследит, чтобы тебе сделали то, что ты мне только что пообещал. Думаю, что глава УВД города, захочет помочь замгенпрокурора. Заодно продемонстрировать искоренение коррупции. Ты все понял, Артемьев? Хочешь, давай попробуем. Но обратного хода у тебя уже не будет.

Я откинулся на стенку и перевел взгляд в окно.

Среди глупостей, что наделал Андропов, кроме проверки документов во время киносеансов, было и то, что он поставил офицеров КГБ руководить милицией. Кто-то из них оказался хотя бы хорошим администратором. А в основном, природные менты над ними

просто смеялись.

— Не поверишь, Петрович, это был цирк, — мы выпивали с моим соседом по загородному жилью, и он делился воспоминаниями. Отработав тридцать лет в ментовке, он иногда любил вспомнить, как оно было в Союзе. — Нашего начальника отдела тогда сняли с понижением, а потом и уволили. Хорошо не посадили. А вместо него прислали вот этого. кгбшник, подполковник. Импортный костюм, начищенные ботинки, Мальборо и золотая зажигалка. Долго работал за бугром — все что довели до личного состава. Не успел он должность принять, а у нас — бытовуха. Пьяный слесарь, по синей дыне, всю семью топором порешил, и сам повесился. Четыре трупа, двое детей. Приезжает этот начальничек в адрес, посмотрел и давай блевать. Там эксперты трупам в жопы градусники суют, кровяца вокруг, а он и смотреть не может. Зеленеет, и в сортир бежит. А эксперты ему — мол, что ж вы улики портите, мы сортир еще не осматривали. Хули он там, в заграницах, видел? Максимум — в каком паршивом кабаке, с агентурой, паленый виски пил. А тут — трупы, кровяца, и вонь. Ушел он обратно, через год. Правда, врать не буду, гонору поубавил, и знающих людей хоть слушать стал. А то, поначалу, я вас тут всех посажу, вы у меня по струнке ходить будете... Но криминал всякий, за это время осмелел, организовался. Нам же воздух перекрыли, любой агентурный контакт — только с санкции, и то могут не разрешить. А преступность — она ж без инструкций. [6]

Но, здесь и сейчас, появление во главе городской милиции гебешника, нацеленного именно на таких как Артемьев, мне на руку.

Мент убрал незаполненный бланк и ручку обратно в сумку. Посверлил меня глазами, и протянул мои документы. Откатил дверь купе и презрительно бросил мне:

— Свободен!

— А Сурков?

Артемьев стукнул ладонью в дверь соседнего купе. Откатилась дверь, и первым кто показался, был Сурков:

— Ах, воздух свободы! Не могу надышаться.

— Ты, Сурков, бери сумку. Углубляй любовь к шумерскому.

И мы, не прощаясь, и не оглядываясь, пошли на свои места. Народ в вагоне смотрел на нас с опасливым восторгом. Гнусные преступники вырвались от милиции! С максимально зверским лицом пояснил женщине через проход:

— Бритвой по горлу, и за окно. В снегу не испортятся.

Тетка фыркнула, и народ в вагоне перестал считать нас преступниками.

Поезд прибывает в шестнадцать тридцать. Мы вышли и не торопясь зашли в автоматическую камеру хранения, где оставили надоевшую сумку. На выходе стоял неприметный мужичок, в черной кожаной кепке таксиста, и желтых ботинках. Когда мы встретились взглядом, он кивнул.

Все эти сложности были не просто так. Фред и его, так сказать, заказчики, хотели выяснить, что же за люди грабят цеховиков. А нам было совсем не сложно оказать товарищу услугу, да и рассчитаться с долгами.

И мы поехали с Серегой в Жигули.

Тамара Сергеевна Пылаева пришла в субботу домой как обычно. В шесть. Посреди большой комнаты стоял небольшой чемодан. Она приняла душ, оделась потеплее, вышла из дома и села в поджидающее её такси. Оно отвезло ее на Витебский вокзал. Оттуда три раза в

неделю, отправляется пассажирский поезд в Москву. Идет кривым маршрутом, и прибывает на Савеловский вокзал.^[7]

Там, на выходе с платформы, Тамару с чемоданом подхватил таксист в кожаной фуражке и желтых ботинках. Усадил в такси и отвез на Ленинградский вокзал. Вытащил из багажника такой же чемодан и отдал женщине. В два тридцать, Тамара уехала из Москвы.

Спустились в метро. Нам ехать от метро Комсомольская до Киевской. Там пересадка, и на Арбатскую. Получатель денег выразил желание встретиться. Мне это не особо нравится, но назвался груздем... За шумом метро не поговоришь. Так что я думал о произошедшем.

Операция была спланирована наспех. Но вышло все, вроде бы, нормально. Отвлечение внимания, так, кажется, это называется.

Суть та же, что и при игре в напёрстки, или аналогичные. Игрок внимательно следит за напёрстком, под которым уже нет шарика.

Несколько демонстративно Фреду привезли сумку, оставили охрану. Потом, так же, не особо скрываясь, приехали мы с Сурковым. И, закинув сумку на плечо, поехали на вокзал. Фишка в том, что настоящий груз от Фреда сразу уехал к Тамаре. Мусоровозом. И она с ним. В этот момент, уже ехала в Москву. Она не знала, но её сопровождали. И от захвата и от шпаны.

А там — встретили, и поменяли один чемодан на другой.

А мы выяснили имя заказчика. Нас пытались пугать менты, близкие с известнейшим питерским ювелиром, делающим фальшивые безделушки от Фаберже — лучше настоящих. По крайней мере аукционные дома Кристи и Сотби хавали его продукцию влёт, и охотней подлинной. Стать мегабогатым ему мешает одна страсть. Он играет в картишки на очень крупные суммы. Это полбеды. Но он ещё и передергивает. И недавно пойман на этом. Получил нехилую денежную претензию. В отчаянии, он случайно узнал о деньгах, что повезут в Москву. Дальше понятно.

Прикол в том, что перед отъездом, когда Сурков укладывал в сумку книги прямо с полок, Фред мне сказал:

— Если за вами придёт капитан Михеев, значит вас выпасли грузины. А если старлей Артемьев — это ювелир.

— Ты, Фред, что-то уж слишком. Не станут менты этим заниматься. На Ленинградском вокзале у нас сумку будут отбирать. Отсюда позвонят, а там нас встретят.

— Посмотрим. Вы, главное, не геройствуйте.

В принципе, ничего особенного. Я засмеялся про себя. Вспомнилось, как в самом начале нулевых один известный московский банк, отправил облигаций на сорок пять миллионов евро почтой. Самой обычной бандеролью почты России. В полной готовности стояло несколько групп захвата. Одну из них возглавлял зам командира группы А. Другую генерал-майор милиции. И ещё парочка не менее солидных подразделений. Состоялось два героических и пустых захвата.

Оскорбленные в лучших чувствах менты тогда сгруппировались. Прессслужба УВД в тот же вечер показал по ТВ сюжет, где голос за кадром сообщил, что в банке имярек, в кассе, милиция обнаружила деньги. Ну, не знаю. Я ржал до слез. В кассе банка внезапно обнаружились деньги. Как?! В банке?! Деньги?! Какая наглость.

Но в принципе левые деньги по стране возили и возят постоянно. Я просто думал, что в СССР это делалось менее регулярно.

Выйдя на Арбатской, пошли на Калининский, он же Новый Арбат. На полшестого нам назначена встреча в пивном ресторане «Жигули». Говорить особо не хотелось. И мы, пока брели по улице Грановского, мимо «Праги», не произнесли ни слова. Воскресенье. На входе

в пивняк очередь. Дисциплинированно стоит, вытянувшись вдоль окна ресторана. Подошел к дверям, постучал. Швейцару, что приоткрыл дверь, сказал:

— Мы, от Отари Витальевича, нас ждут.

Когда Фред сказал мне, как представиться швейцару, я невольно хмыкнул. Слава богу, он не обратил внимания. Очередь на все это смотрела терпеливо и спокойно. В совке это обычное дело.

Из гардероба официант нас проводил в дальний угол, к пустому столу у стены. На столе стоит табличка «Заказ». Сел у стены, Сурков рядом. Халдей достал блокнот и вопросительно на нас уставился. Сурков глянул на меня.

— Неохота, Серег, — сказал я.

— А я проголодался, — ответил Сурков, и принялся заказывать.

Полноценный ужин, правда, без пива. Двести водки. Я закурил и прислонился к стене. Чокнулись. Я огляделся. Мы здесь бывали и раньше. Правда, в этот угол не попадали. А он, видишь ты, для деловых встреч. Проходя главным залом, оценил ресторан как забитый под завязку. Но здесь, кроме нашего, пустовало еще пара столиков.

Когда я докурил третью сигарету, нас не только обслужили, но голодный Сурков уже все заточил.

— У нас как по времени? Не опоздаем? — спросил он.

— А куда это ты так торопишься?

Тут Серега меня удивил. Он договорился завтра, с утра, встретиться с преподом-архитектором. Хочет поговорить с ним про строительство коттеджей, и вообще вот это все про загородные дома. Это фигня какая-то, Дух, но в Союзе нет единого стандарта типовых домов на одну семью. Дык, политика же, Сурков. Все должны жить массово и компактно. То есть в панельном доме на девять этажей и десять подъездов. Ты лучше бы слушал, что умные люди говорят. То тут, то там, периодически люди из стройиндустрии экспериментируют. И есть даже прикидки по сериям коттеджей. Мне, Дух, интересно. А вот по твоим глазам, я вижу, ты даже не понимаешь, о чем я. И как с тобой говорить?

— А давай помолчим? Это будет стильно.

— Мне после еды нужно выговориться. Неинтересно тебе про коттеджи, давай про Афанасия Никитина. Я недавно прочел перевод на разговорный «Хождение за три моря». Ты не поверишь, сплошной разврат и содомия.

— Сурков! Про Афанасия Никитина я готов слушать только «Арию Варяжского гостя» из оперы «Садко».

— Ну вот, завязалась беседа-то, а?

Я открыл рот, чтобы ответить, но не успел. К нам за стол сел рослый и хорошо одетый дядя.

— Привет, ребята! Это я хотел с вами встретиться. Ты — Коля? — он посмотрел на меня. Перевел взгляд на Суркова, — Ты — Сергей. Правильно?

— Да, угадали, — ответил Сурков. Я огляделся. Пустые столики оказались заняты крепкими парнями. По двое на столик. Мужчина перехватил мой взгляд, и улыбнулся. Брюнет, слегка восточной внешности. Хороший костюм. Ослепительная рубашка, ухоженный. Но взгляд...

— Все нормально, парни, они со мной, — сказал он, проследив мой взгляд. — Называйте меня Геннадий Александрович. Еще Монголом меня называют, но это, — он махнул кистью вдаль, — в местах.

Я не выдержал и снова хмыкнул. Все стало ясно. Перед нами сидел не кто иной как Гена-Монгол. Один из самых прославленных воров в законе. Достаточно сказать, что знаменитый Япончик был у него в банде на вторых ролях. Хотя, какая там банда? У него в середине семидесятых уже была настоящая преступная организация. Занятая вымогательством, рэкетом, и крышеванием. Именно он придумал схему «безопасность в обмен на деньги». И предложил ее цеховикам. И вообще, Монгол — человек с фантазией и деловой жилкой. За это, на какой-то сходке, спецом созванной ворами, его пытались раскороновать. Но вместо этого, наоборот, тоже стали работать по его методу. А он стал чем-то вроде главвора по цеховикам. Естественно то, что деньги в Москву везлись ему. Как и то, что в Питер, скорее всего — от него. В Москву — его заработок. В Питер — оборотный капитал.

Непонятно только одно. Нафиг мы ему понадобились? И еще, я плохо помню, но он вроде бы должен сидеть. И выйти при Горбачеве.

Геннадий Александрович, между тем, кивнул официанту. Стол стремительно заполнился деликатесами.

— Угощайтесь, ребята, — он собственноручно наполнил нам рюмки водкой. Себе, впрочем, плеснул «Двин». Поднял бокал. — Со знакомством!

Я плохо, а точнее — никак, знаю воровские манеры. Но дядя, сидящий напротив, скорее напоминал чиновника-сибарита. После трудного дня решившего слегка расслабиться. Он, между тем, закурил Честерфилд, и перевёл взгляд на нас. Я подобрался. Взгляд был — оценивающий.

— Когда мне рассказали, как Андрюша хочет доставить деньги, я ничего не понял, — заговорил он. — Решил, что он важности надувает. Но получилось красиво. Я с ним переговорил. Он сказал, это вы планировали. Так?

— Не совсем. Это он предложил не самолёт, а поезд. Мы хотели за полдня все сделать. Монгол кивнул. И разлил снова.

— Это детали. Вот что я вам скажу, пацаны. Мне нужны люди с мозгами. Не желаете ко мне? Такие вот вопросы планировать и готовить. Деньгами не обижу.

— А как это будет выглядеть?

Сурков, даром что не знает, с кем говорит, но явно чувствует что дядя сильно не простой. Геннадий Александрович пожал плечами.

— Оформлю вас на заводе, на Яузе. Будете при мне. Типа штаба. Мне нужны умные ребята. Продумывать последствия.

Так и сказал! «Продумывать последствия». Не, я и не думал никогда, что воры дураки. Но Монгол крут. Да и вообще, этот человек оказал на воровской мир влияние такое же, как Маркс на идеи социализма. К примеру, именно он ввёл среди воров обращение друг к другу по имени-отчеству, а не кличками.

И теперь зовёт нас с Сурковым под своё крыло. Типа легальными сотрудниками. Очень креативный дядя. Я ещё только подбирал слова. А Серега, не связанный моим знанием, засмеялся и сказал:

— Геннадий Александрович! Мы же питерские! Мы же здесь загнёмся. Да и доучиться нам нужно. Зачем вам недоучки?

Монгол рассмеялся в ответ:

— Вот же! Этот ваш голожопый питерский гонор, — перевёл взгляд на меня. — А ты, Колек, что скажешь?

— Я, Геннадий Александрович, со всем уважением, но откажусь. Я случайно в эту историю попал. И, если честно, нервничаю. Менты эти, они же не успокоятся. А я не при делах.

— То есть вы оба отказываетесь? — уточнил он. Не угрожающе, а констатирующе.

— Отказываемся, Геннадий Александрович, — ответил за двоих Сурков.

— Жаль, ребята, — он взглянул на часы, и повернулся к соседнему столику. К нам подошёл парень.

— Он отвезёт вас в Шарик. Договоримся так. Если что, я к вам обращаюсь.

— Нет, — сказал я. — Больше к нам обращаться не нужно.

— Вот как, — сказал Монгол. И сказал он это так, что я внутренне собрался и незаметно переместил центр тяжести на левую ногу. Она у меня толчковая. Сурков тоже как-то слегка отодвинулся. А парни, за соседним столиком, и стоящий рядом, вроде бы не меняя позы, вдруг стали очень опасны.

Прикинул расклад. Оружия не просматривается. Разве что ножи по карманам. Самый опасный — сам Монгол, и вон тот парень слева. Вот их и вырубая. Сурков тех троих придержит. И ходу. Нырнём в переулки за Арбатом. Сам Арбат сейчас как раз ремонтируют и делают пешеходным. Так что — сбежим, нефиг делать. Но только я собрался начать, Монгол хмыкнул и махнул рукой.

— Так и решим. Вам жить. Если что, мы незнакомы. Идите.

Я встал и полез в карман за бумажником, оторвав глаза от собеседника, и выглядывая официанта.

— Оставь, — вдруг снова усмехнулся Геннадий Александрович, — я угощаю. Не дам питерским рассказывать, что в Москве одно жлобье.

— До свидания, — сказал Сурков, вставая.

— И вам не хворать. И вот ещё что, — добавил он нам в спины. — Скажете Андрюше, что я в Ленкоме договорился. Он знает. А за эту операцию, он вам заплатит.

Я обернулся, сказать что обойдёмся. Но он покачал головой.

— Молчи. Я долги не люблю. Разве что меж друзьями. А мы не друзья. И за Артемьева не переживай. С этой стороны вас не тронут.

Кивнул. И пошёл за Сурковым на выход.

Аэропорт Шереметьево-1 — типовой аэропорт. Такой же сейчас в Уфе, Челябинске, да почти по всей стране. Здание вылета. Здание прилета. Парковка. Кассы расположены в зале прибытия. Водитель белой Волги, что привезла нас, за всю дорогу не произнес ни слова. Даже на прощание лишь кивнул. Сурков забрал у меня паспорт и студенческий, и пошел за билетами. Фред, которого Монгол ласково называл Андрюшей, организовал нам бронь от Дзержинского райкома ВЛКСМ.

Пока Сурков толкался среди пассажиров и брал билет, я курил на улице. Злился. В Обнинске я с преступностью не пересекался. Да и вообще считал, что в Союзе, в это время, криминал вел себя скромно и тихо. Само предложение Фреда было удивительным. А уж встреча в Жигулях...

Вор в законе проводит собеседования в центре Москвы. Прелестно. Все то, что будут писать в девяностые — это лишь свидетельство свободы слова. Я думаю, если журналюгам дать волю сейчас, они тоже много чего порасскажут. Только не рассказывают. Так, бродят слухи. Про Казань. Про Свердловск. А про Ростов-на-Дону и Одессу, не говорит только ленивый. А потом мне будут рассказывать что в СССР такого не было. Сейчас в любом

областном городе сидит вор-смотрящий.

К Собчаку можно относиться как угодно. Я, к примеру — плохо. Всех заслуг — переименовал Ленинград. Да и то, мне название Петроград нравилось больше. Но, не один человек мне рассказывал, что еще в девяностом году он собрал закрытое совещание силовиков города. И там потребовал, чтоб уголовных порядков в Питере не было. Любыми способами. И это обеспечивалось всеми. И, к примеру, дед Хасан, да и Япончик, в город попасть просто не смогли. А они несколько раз пытались. Самолет Хасана разворачивали в воздухе и не давали посадки. А Япончик ни разу не добрался дальше Бологого. Короче, для воровской элиты город был закрыт. Правильно это или нет, не знаю. Но и их доверенного я тоже убрал. Могила, как минимум, исчезнет. А тех, кого примеряли на его место, иначе как клоунами не назовешь. Ну и шарман. Обойдется мой город без этого говна. И своего хватает.

Уже поздно вечером, оказавшись дома, в постели, я набрал Лишову.

— Виктория! На улице минус двадцать, и ветер с залива. Самое время прогуляться. Соглашайся, я не всем это предлагаю.

— Обойдешься, Коленька, — засмеялась Вичка. — Чтоб тебе было легче, знай, я не всем отказываю. В основном тебе. И то, только когда я в пижаме.

— Виктория! Предлагаю зайти после учебы ко мне, посмотреть новый кинофильм про зомби и мертвецов!

— Придумай повод поинтересней. Вся наша группа перед первой парой — или зомби или мертвецы. И как только ходить умудряются! Ничего нового не увижу.

— Пойдем без повода.

— И где ты только научился так девушек уговаривать? Прямо теряю волю, не могу отказать.

— А чего ты отскочила? Все равно по жопе получишь! Ехидничает она, понимаешь!

Лишова нашла меня на большой перемене там же, где и всегда. Я курил на лестнице. Вообще-то, она предложила сходить в Пассаж. У нашей Ленки Овчинниковой скоро день рождения. Мы приглашены. Как, впрочем, большая часть потока и не только. Пошли, Коль, подарок ей найдем. Я предложил план немного изменить. Зайти ко мне, а уж потом...

После нашего возвращения из Москвы, жизнь стала опять неторопливо созерцательной. Сейчас все делается медленно. Всех коммуникаций — телефон с диском. Мне пришлось исхитриться, чтоб купить кнопочную трубку.

Ленкин ДР — статусное мероприятие. Приглашение означает попадание в институтскую элиту. Сейчас, как и всегда, многие студенты крайне озабочены вопросами престижа. Ленкин праздник — это престижно.

Да и то, торжества пройдут в субботу вечером в ресторане «Тройка», что на Загородном. Точнее, в переулке Джамбула. Торжественный ужин, и танцы до упаду.

Мне было занятно это все наблюдать. Я с удивлением сообразил, что всегда был студентом из общаги. А здесь наша зам декана, по каким-то своим соображениям, сделала Овчинникову моим чичероне, на первых порах. Сразу введя меня в институтский истеблишмент. В случайность я не верю ни минуты. Сейчас, вполне освоившись, я отчетливо понимаю, что меня куда-то решили подтолкнуть. Скорее всего, в науку, или в карьеристы. Плевать, конечно, но наблюдать все это интересно.

Институтская верхушечка, детишки шишек, ведут несколько особый образ жизни. Стригутся только на Невском, у иранца-репатрианта Жоржа. Вечерами сидят в Европейской, и ведут разговоры о горных лыжах, и отдыхе в Юрмале. Зарубежные поездки для них не экзотика. Многие бывали в соцстранах. А некоторые и в США. Как наша преподавательница Проничева, к примеру. Или тот же Снежин. Моя девушка уже отдыхала в Болгарии, плавала по Дунаю. И ездила в Венгрию.

Поэтому мой предполагаемый вояж в Финляндию воспринимается с одобрением. А Вика ехидничает, что я какой-то не очень финн. А скорее даже совсем не финн.

С ней мне неожиданно интересно. Когда мы оба перестали выпендирваться, она оказалась простой, веселой и славной. Может, только со мной. Я не сильно за ней слежу. Это её бесит, и она не устает мне выговаривать. Появился ниоткуда, патриций. Ничего не замечает, на всех смотрит с этой своей усмешечкой. Как ты мог месяц меня не замечать, скотина? Ходит такой, одет из «Березки», пахнет как парфюмерный отдел в ДЛТ, живет в хоромах, гоняет на тачке по городу, и на меня ноль внимания! Я смеялся и отшучивался, что кто ж знал, что петербурженка из двести тридцать второй школы, снизойдет до провинциала? Или у вас, во второй гимназии, там у всех народовольческий дух? И откуда ты

знала, где я живу? Да ты, Коленька, еще появиться не успел, про тебя уже всё знали.

Тринадцатого декабря мне позвонили из ОВИР. Паспорт готов, нужно зайти расписаться и уточнить дату выезда. Фред пояснил, что паспорт мне выдадут за две недели до отъезда. Для покупки билета и вообще. Насчет билета позвони.

Я под разными предлогами уклонялся от встречи с Фредом. Если честно, обиделся. Хотя, обижаться, кроме себя, не на кого. Но я всерьез думал, что, взявшись везти деньги, имею дело с крутыми цеховиками, и такого рода публикой. Ожидал, что с нами встретится какой-нибудь директор продбазы. Чтоб попугать, и подкупить. Как это у них водится. И уж никак не собирался лично познакомиться с воровской элитой. А попал под жесткий взгляд отца русского рэкета. Это меня злит — страшно. Я всю жизнь старался держаться от этого всего подальше.

Андрей «Фред» Александров, не случайно станет тем, кем он стал. Он все быстро понял. Извинения были оформлены впечатляюще.

Мы с Викой вышли из ворот института, и к нам подъехала «Чайка». Судя по номерам, из обкомовского гаража. С заднего сиденья вылез Фред с букетом белых роз. Которые он и вручил обалдевшей Виктории. В честь знакомства, Вика, мне Сурков все уши прожужжал, что фантастическая красавица снизошла к нашему дурачку. И в качестве извинения, Виктория Борисовна. Ты позволишь тебя лишиться на время кавалера? Машина тебя отвезет домой. Хорошо? Весь институт наблюдал как водитель открыл перед ней заднюю дверь. И она, с охалкой роз на длинном стебле, села в авто. Оно взрыкнуло, и умчало Лишову. А мы с Фредом пошли в рюмочную. Все просто, Дух. Ты отвратительно независим. Единственно приятное, что можно для тебя сделать, это порадовать твою подружку. Иди давай, там нас Сурков ждет. Ты понимаешь, Фред, что она мне теперь весь мозг съест от любопытства? Ага, и обижаться на меня у тебя совсем не будет времени. Все просчитано, Коля. Начинай придумывать, что ты ей скажешь.

В общем, помирились. Сурков заявил, что напрасно ты Фред, перед ним оправдываешься. Я из за него таскал по стране словарь шумерского языка! Андрюха уехал минут через пятнадцать. А мы с Сурковым зависли до вечера. Сурков взял деньги за перевозку у Фреда. Хотя, ты ж понимаешь, Дух, он к ним не прикоснулся. Мне парень привез. Ты, конечно, Коля, начнешь выступать. Но я считаю, что любой труд должен оплачиваться. И не нужно мне тут ничего говорить! Да, главное, Сурков, чтоб нас об услугах не просили. А то оглянуться не успеешь, как в Крестах окажешься.

Все эти мысли мелькали у меня в голове, когда мы с Викторией шли по солнечной стороне Невского в Пассаж. У петербуржцев куча только им понятных приколов. Один из них — прогулка по Невскому. Когда Вика меня впервые потащила на Невский, я еще не знал. А потом она мне открытым текстом пояснила, что это круто, пройтись со своим парнем по Невскому. Чтоб все видели. А кто видел-то? Как выяснилось, видело пол её школы, пол нашего института, и еще куча знакомых. А я шел, рассеянно глазел, по сторонам и радовался, что Вика тихая и просто держит меня за руку. Потом я вспомнил, что такая прогулка описана у Аксенова, Довлатова, Бродского, Попова, Битова и других литераторов, и понял, что да. Это что-то типа клодтовских коней. Даже не стал ехидничать про что-то деревенское в таких традициях.

Тем более, что тогда мой провинциальный имидж то ли был нарушен, то ли подтвержден. Пока мы шли, Вика только пару раз кивнула знакомым. Пояснив, что это их

учительница по биологии. А это — девочка училась на год старше. А ко мне с левой полосы, все нарушив, свернуло такси, из которого вылез огромный Вася Уральцев и полез обниматься и знакомиться с Викой. Когда он навис над ней она только испуганно пискнула. Ну, познакомил, чего там. А когда мы уже почти свернули к Европейской, попить там кофе, нам навстречу вышел Топин с Панчем. И тоже полезли знакомиться. Топич на весь Питер орал что вот же, Дух, устроился. Может и мне в финэк поступить на старости лет? Вика, там такие как ты красивые еще есть? Бедная Викуня подвисла слегка. Потом призналась, что плохо представляет кто ее парень. А потом еще и Фред... Зато тебе, солнце, не скучно!

В тот раз в лобби Европейской, мы встретили Снежина с Букреевым. Там сидело десятка два молодых парней и девушек. Швейцар пустил нас, кстати, без звука. Меня пускал только за трешник. А Лишову, как я понял, он знает в лицо.

Потом она рассказала, что не очень любит туда ходить, но договорилась с одноклассницей что-то там обсудить. И пока они трещали, я мило беседовал с Букреевым. Мы делали вид что вот встретились два однокашника бывших. А Снежин пытался что-то там говорить про деревенщину, что вечно пытается пролезть в тусовку. Когда мы уже ушли, Викуня смеялась и говорила, что насчет деревенщины интересно. Ты, Коленька, откуда знаешь, что вокзал Орсе перестраивают в Музей импрессионизма? В советской прессе об этом не писали. Я только в Суар прочла. Мне было страшно приятно, что она и вправду мной сразу же заинтересовалась.

В дальнем углу Пассажа есть неприметная дверь, что ведет в аналог сотой секции ГУМа. Только, поскольку не Москва, труба пониже. В ГУМе все же есть остромодные и редкие, даже для запада, вещи. Питерский стол заказов высшей партноменклатуры — сделан действительно в основном для того, чтоб чиновники не стояли в очередях. Особых изысков не наблюдается. А покупать Ленке простой Шанель № 5 нам показалось унылым. Вика заявила продавцам, что нужно что-нибудь яркое и молодежное. Модное. А там было только солидное. А что, давай купим Ленке вот это пальто? Она в нем на Крупскую в старости будет похожа. А?!

Короче, пришлось брать дело в свои руки. И мы приехали к Верке на Лиговку. Как меня потом грызла Лишова! Так вот как ты девок соблазняешь? У тебя, значит, специальный продавец женских украшений есть? Но это потом. А сейчас мы купили Ленке яркие пластиковые какие-то клипсы, обручи, и браслеты. Массивные и тяжелые. Очень модные. И, с моей точки зрения, страшный дрэк. Но Ленка была счастлива.

У нас был самый модный подарок. А Сурков с Приходько оказались самыми стильными. Томик Ахматовой. И не абы какой, а сборник «Вечерь» издания тысяча девятьсот двенадцатого года. И Приходько и Лишова задирали носы, сердечно улыбаясь друг другу. А мы с Сурковым пили коньяк и развлекали девушек.

Несмотря на пафос места, праздник у Ленки вышел душевный и вовсе не напряжный. Паша постарался все продумать. Мы с Серегой требовали с него обещания с нами посидеть, чтоб ответно проставиться. А то ты, Паша, вроде как похудел, в подготовке.

После обязательной части с тостами и тамадой, начались танцы. Группа, что сейчас играет в «Тройке» — из супер музыкантов, решивших завязать с гастрольями. По нынешним меркам — супер аппарат. Дин Аккорд, PEAVEY, роскошные клавиши. Правда, играют в основном западные шлягеры. Sunshine reggae, Vamos ala playa, и прочие WHAM.

Сурков подпоил именинницу, Вику и Ирку. И они потребовали от меня песен. Сказали, что ты, Коля, поешь. Мы знаем. Давай, сделай подарок. Я уже тоже был слегка, так сказать.

И заявил, что — шас. И пошел к музыкантам. Они меня встретили флегматично. За твои деньги, старичок, что хочешь, хоть под Баха стихи читай.

Вот тебе балалайка. Мы подыграем. Очень неплохой Ибанес. У басиста Джаз-бас, у гитариста — Джипсон.

Понял, что лишь бы не опозориться. Поэтому не поленился и распелся в подсобке.

Потом пришел к Лишовой, и сказал:

— Потом едем ко мне? Или я петь не буду.

Она засмеялась и сказала:

— Нахал!

— Вик! Вмятина от твоего тела на моей кровати, совсем разгладилась! Мне теперь нечем любоваться!

— Ну-у-у-у... если мне понравится.

— Встречаемся через полчаса возле гардероба.

Пришел к музыкантам на сцену. Вспомнил Марти Макфлая. И сказал им:

— Значит так, парни. Блюзовый квадрат в си-бемоле. Без бриджа. Сто пять ударов в минуту. После третьего куплета — соло гитары пиано — два квадрата, и клавиши — тоже два квадрата. Потом еще два куплета и диалог соло в полный рост. Я начинаю один, на десятом такте подъезжаете на форшлагах. Понятно?

Клавишник с интересом на меня посмотрел, все разошлись по местам.

— Лен, мы тебя любим, — сказал я в микрофон. — Поэтому, просто веселая песня.

Вдарил по струнам почти блатным умца-умца.

Я так решил еще с утра — сегодня точно напьюсь,
Сегодня кончатся все деньги, сегодня пиво и блюз,
Я hooschie соoschie, о, я hooschie соoschie man...
Перекасти мое поле, мама, я обессилел совсем!

Я позвоню по телефону, ты мне скажешь: о'кей!
Я подсчитаю всю наличность, я займу у друзей,
я хучи кучи, о, я хучи кучи мэн.
Перекасти мое тело, мама, я обезвожен совсем! ©

Как-то незаметно подкралась сессия. Это не так уж и страшно. По крайней мере, я никогда ее не боялся. А одногруппники и вовсе боятся, что будет не пятерка. Впрочем, зачетов с оценкой всего два. А экзамены будут после Нового года.

Неспешная созерцательность, что мной овладела, не нарушается ничем. Не переживать же из-за каких-то там зачетов? Вика меня в этом поддерживает, хотя все же готовится серьезней, чем я. Мы много времени проводим вместе, с интересом узнавая друг друга.

В институте все идет по-старому. Разве что ушел преподаватель Кох. В Политех. Вместо него вести практику, и принимать зачеты будет ассистент Маневич. Я, узнав об этом, в очередной раз хмыкнул. Он еще не носит усы.

Общественность, кроме сессии, озабочена важнейшим вопросом — где встречать Новый год? И с кем?

Я, не заморачиваясь, предложил, Вике и Ленке, встретиться у меня. Или, где-нибудь в ресторане. У обоих вариантов масса плюсов. Но был не понят. И, очень исподволь, в массах, вырulingлась идея поточного заезда на Новый год в институтский профилакторий. По десятке с носа за проживание, на бухло и закуску скидываемся отдельно.

Я заинтересовался. Знаменитый пансионат, где будут проходить легендарные семинары по поводу экономических реформ, посмотреть будет интересно. Так я знаю только, что он недалеко от Зеленогорска, на Карельском перешейке. Народ, впрочем, волновали другие вопросы. На перемене парни мне рассказали, что главным за соблюдение нравственности во время заезда, у нас Витя Высоцкий. Он не будет проверять, кто у кого в комнате ночью. А преподам вообще на это плевать. Вот у кибернетиков — жуть. В прошлом году двоим выговоры вклеили за аморалку.

В связи с этим Вика озаботилась отношениями Суркова и Приходько. Ну, чтобы мы с Ирой заселились в одну комнату, а вы с Сережей в другую. Понимаешь? Я с Витей договорилась, он Сережу впишет как нашего студента. Отличный план. Только Сурков с Приходько снова поругались навсегда.

С некоторых пор Сурков не перестает меня удивлять. В прошлой жизни он в это время пропадал на сборах, а сессию ему засчитывали автоматом, потому что в Политехе — сильная кафедра физкультуры. Сейчас он, с моей подачи — учится. И это начинает меня беспокоить. Квартира на Фонтанке завешана эскизами каких-то домов, и портретами Ирки. Порой совершенно неприличными. Но очень выразительными.

И вообще, их отношения со стороны выглядят феерично. Она на него так смотрит... Таким взглядом нефть качать, а не на парней глядеть. Видно, что там аж искрит. Хотя, казалось бы, уже можно было и успокоиться. Но у Суркова с Приходько идет бескомпромиссное выяснение вопроса кто выше на стенку писает. Пускай и так все знают, что это мужчина. Короче Ирка требовала больше внимания, а Серега посмеивался и отщучивался. Не говоря о том, что и так, позвонив Суркову, я постоянно натыкался на Приходько, с её непередаваемым «Хэллоу?»

В общем Вика мне заявила, что поговори с Сурковым. Иначе, послезавтра мы с Ирой идем на научно-практическую конференцию в Инженерно-экономическом. И там найдем себе парней получше.

— Я поняла, Коля, что фамилию Брежнев, на лекциях не получишь!

— Шантаж?! Виктория, тебе не идет! Во-первых, Андрей Брежнев женат, мы спецом с Сурковым съездили и выяснили. Да и вообще, у политбюро ни одного внука, что можно сравнить хотя бы с Сурковым. А уж до меня им как до луны. Так что иди. А мы наконец-то поедem на Лиговку к падшим женщинам.

— Не ври, Коленька, — засмеялась Викуня. — Опять пойдете в эту вашу Фиглю, и будете про нас говорить гадости. Ты просто скажи Сереже, что Ирка переживает.

— Скажи тогда Ирке, что лишь печаль и тоска не дают Суркову застрелиться. А я не только ничего не буду ему говорить, но и тебе замечу. В твоей речи, Лишова, появились какие-то «парни», какие-то «найдем получше», и другие слова-паразиты. Я возмущен!

Тем не менее я, конечно, сказал Суркову, что он довыдывается. Серега разлил. Мы, конечно же, сидели в Фигле.

— Сурков! Мы — в Питере. Ты же знаешь, здесь — без девушек, без девушек, а потом р-р-раз, и получились декабристы. Оно тебе надо? С другой стороны я тебя понимаю. У Ирки впереди блистательная жизнь, полная ярких красок и эмоций. А что у тебя? Унылое прозябание на задворках жизни перед смертью!

— Это, Дух, фигня. Страшно то, что ты при этом будешь рядом. И именно это самая жуть.

Мы выпили, и закурили.

— А если по-чесноку, Душина, то раз сваливаем, нефиг девушке мозги канифолить. Жлобство.

— Ты, Сурков, прежде чем страдать, спроси меня. Так и говори, я намерен страдать, Коля, уже можно?

— Так, что, можно?

— Пф-ф-ф... Если все получится... То этой весной в деканат нашего факультета обратятся из Сорбонны. С предложением студенческого обмена. Ну, то есть, оттуда пара десятков человек. Отсюда туда на пару лет поедут наши студентки. Лишова с Приходько тоже, понятно. Ты, Сурков понимаешь, что в мире чистогана, организовать студенческий обмен, при должном финансировании — говно вопрос?

— И давно ты это придумал?

— Дело, Сурков, не в этом.

— А в чем?!

— В том, что сейчас, когда я тебе скажу, что весь этот международный обмен будет за твой счет, ты будешь рад! А я сэкономлю. Считаю, что ты уже созрел.

— Напомни мне потом, что я хочу тебя пристрелить.

— Вот еще.

— Слушай, от этих баб одни проблемы. Давай их бросим?

— Мне никто не поверит, что я ни при чем, и я сяду соучастником двойного убийства.

— Это с чего у тебя такие подозрения?

— Ты, Сурков, влип. Я же вижу. Даже мне трудно представить рядом с Иркой кого-то, кроме тебя. А все твои мысли, по поводу таких предположений, читаются на твоём добром лице. Так что ты Ирку грохнешь. А Викуню, ты хочешь исполнить чтобы я тоже страдал. И ументов не останется способа тебя спасти, кроме как меня посадить за соучастие! Но я тебя, Сурков, за Вику порву. Так и знай! Короче, все умерли.

— Шекспир, бля. Попробуй трагедии писать. Поеду я домой.

— Завтра у Ирки научно-практическая конференция на Марата. В ЛИЭИ. Здесь ее не

будет.

— Как думаешь, прогул возможен?

— Ты мне это прекращай. Что, Вика одна пойдет?

— Какая тебе разница? Я же тебя пристрелю, ты не забыл?

Я не поленился, и утром отвез Вику на Марата. Приходько не пришла, и я сказал Вичке, что все в порядке. Будем в одной комнате. К счастью для Суркова, Лишова пошла не одна. Ещё трое, во главе с Проничевой, туда пошли.

А меня, после консультации перед зачетом, выдернули в деканат. Маша сообщила, что меня хочет видеть первый отдел. Я слышал, что у нас такой есть. Но не придавал значения. А он, оказывается еще и студентов хочет видеть. В легкой панике позвонил Фреду, слава богу, оказавшемуся дома.

— Не нервничай, Дух, — засмеялся Фред. — У вас там начальником Сергей Сергеевич Хороший человек.

— Это мы про начальника первого отдела? Они бывают хорошими людьми?

Фред мне рассказал, что Сергей Сергеевич Терпов два года как уволился из ГБ. Служил в Афгане. Но, пару лет назад, случился инцидент. Нашу колонну расстреляли на марше. С большими потерями. Сразу же стало понятно, что большинство нападавших боевиков из соседнего кишлака. Пострадавший батальон этот кишлак, по приказу своего командира и зачистил. Начисто, Дух. Дело обычное. Но, уполномоченный особого отдела, все это отразил в еженедельной сводке, идущей наверх. Сергей Сергеича вызвали, и порекомендовали сводку переписать. Речь шла о Герое Союза, и его батальоне, потерявшем, четверть личного состава. Он уперся. Его отозвали и посоветовали увольняться. Что он и сделал.

— Не переживай, Колян. Ему положено с тобой побеседовать. Просто не выделывайся, — успокоил Фред.

Апокриф гласит, что когда генерал свиты ЕИВ^[8] Джунковский, рассказывал Дзержинскому о концепциях создания спецслужб, тот смотрел в окно. Там, как раз, отряд героев-чекистов выгружался из грузовика, вернувшись с операции. А проще говоря, куча матросов-анархистов, присланная Феликсу Эдмундовичу для помощи в революционной борьбе, вернулась с грабежа господских домов.

Джунковский говорил, что есть две основных концепции. Английская, с опорой на мощных интеллектуалов. И французская, с опорой на системность и структурированность. В этом случае, умные даже вредны, ибо им тесно в рамках.

Дзержинский в этот момент как раз наблюдающий, как веселые матросы разгружают какие-то меха, ковры и прочий хлам, грустно сказал:

— Где же я вам, Владимир Фёдорович, умных найду?

Так определилась концепция ВЧК, и всех ее преемников — мощная структура, избегающая умников. И попытка этих интеллектуалов привлечь в систему, приводила к чудовищным провалам. Достаточно вспомнить того же Гордиевского.

И это не шутка. Я несколько раз слышал, что люди, показавшие на тестах при поступлении в КГБ выдающиеся результаты — не принимались.

Так дальше и шло. У англичан, одиночки, типа Лоуренса Аравийского, меняли геополитический расклад континентов на столетие вперед. А наши, многочисленной агентурой заполняли все поры предполагаемого противника.

И тот и тот подход имел свои плюсы и минусы. Англичане, к примеру, сильно

комплексовали и завидовали русским силовым способам решения вопросов. Ну, приехать и угондошить по-быстрому, у наших всегда получалось прекрасно. А англичане как-то все время суетились и мельтешили.

Эти комплексы вылились в знаменитую Бондиану. Где агент Ее Величества крут и всех мочит.

А наши создавали фильмы про Штирлица, в одиночку срывающего сепаратные переговоры высших бонз. Как по мне, Бонд и Штирлиц это отражение комплексов спецуры.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове, когда я здоровался с начальником институтского первого отдела.

Сергей Сергеевич Терпов человек умный. А не только имеет умный взгляд. Пускай годы службы оставили на нем отпечаток. Но я давно умею различать где суть, а где видимость. Я уж не знаю, что думал он, внимательно меня разглядывая, и предлагая мне присаживаться напротив него за столом. Уселся. Помолчали.

— Ты, Андреев, намерен съездить в Хельсинки, — констатировал Терпугов.

Промолчал. Чего об очевидном болтать? Он поизучал меня взглядом, и опустил глаза на листок, что лежал перед ним. Надо полагать, моя объективка.

— Служба в РВСН, третий допуск. С чего мне согласовывать эту поездку, Андреев?

— А почему нет, Сергей Сергеевич? В восемьдесят втором году в гарнизонном клубе нам показывали американский мультик. Там сравнивали особенности наших, американских и французских стратегических ракет. Несколько утрированно, но все этапы развертывания комплекса и подготовки к старту наших ракет были показаны американцами во всех подробностях. Вряд ли я смогу им рассказать что-то новое.

— И кто лучше? — спросил он с любопытством. Ха! Да ему просто скучно, вот он и вызвал студента.

— А там не так вопрос стоял. Наши — самые точные, но длительное развертывание. Американцы шустрые, но палят, по сути, по площадям. А у французов какая-то замороченная предстартовая подготовка.

— Я должен убедиться, что ты, попав в Финляндию, не вздумаешь там остаться, — он понял, что я понял, что ему скучно. И зашёл с козырей.

— Сергей Сергеевич, — улыбнулся я. — Вот решу я вдруг там остаться, и что меня ждёт? Максимум и потолок — работа таксиста в Нью-Йорке. Это если доберусь. А так — разнорабочим у скандинавов. А здесь? Я студент одного из лучших вузов страны, с блестящими перспективами. Лет через десять буду начальником.

— Складно! — засмеялся Терпов. — На, вот, напиши тогда.

Он протянул лист бумаги и ручку.

— Что писать?

— Ну, как будто не знаешь! Подписка, я, Андреев Н. П. обязуюсь информировать органы КГБ о всех интересующих их вопросах. Число, подпись.

— Не, Сергей Сергеевич. Зачем мне это?

— Как зачем? — как ни странно, он развеселился. — Вот обнаружат твой труп, и рядом записка — в моей смерти прошу винить Викторию Л. Как мы поймём что почерк не твой. А нашего бывшего студента Снежина?

Гм, а ведь он это не всерьёз. Ему и вправду скучно, и он так троллит студентов. Ну а что? Какой, нафиг, в гражданском вузе режим секретности? Какие к чертям сложности в работе? А так те, кто повелись, ему и постукивают. И живет он в своё удовольствие,

посматривая вокруг, и не очень заморачиваясь своим бывшим ведомством. И абсолютно в курсе всего, что творится в институте. Класс не пропьёшь. Только вот... я окинул его взглядом. Очень аккуратно, но бедновато одет. Ношенные, хоть и сверкающие чистой ботинки. Простенький костюм. И вправду, видно, хороший мужик.

— Не наговаривайте на себя, Сергей Сергеевич. Вы сразу поймете что вблизи притаился враг, без всякого почерка. А Снежину со мной не совладать, вы же знаете.

Он легко засмеялся.

— Мне говорили, Андреев, что ты плюёшь на авторитеты. Но ты наглец! Вот заверну тебе поездку, и что тогда?

Я достал сигареты, и спохватился. Но он махнул рукой и поставил на стол пепельницу. И мы закурили. Он — сигареты Новость, я Мальборо.

— Тогда я, Сергей Сергеевич, с чистой совестью буду считать, что все сделал для поднятия статуса и уровня солидности. И с полнейшим удовольствием пойду в переулок Джамбула. Там, рядом с военкоматом, вербовочная контора, в Магадан. Золотишко мыть. И наймусь я простым съёмщиком. Буду все лето ходить по тайге, и брать пробы. С ружьишком, понятно. Вдруг глухарь какой, или косой мимо. Тогда котелок на костерок, птицу варить. Травок там всяких, крупы опять же... и главное что?

— Что? — спросил Терпов, мечтательно меня слушающий.

— Вокруг, вёрст на сто — никого!

Помолчали.

— Да-а-а-а, — протянул начальник первого отдела. — Совсем никого?

— Абсолютно.

— Ну нет, Николай. Езжай в Хельсинки, нечего тебе по Магаданам шляться. Иди. И считай, что инструктаж я тебе провёл. Тебя после сессии пригласит мой секретарь, распишешься.

— Как скажете. До свидания.

Я потушил сигарету и встал. Повернулся к двери.

— И вот ещё что, Коля, — сказал он мне в спину. Я снова повернулся к нему. — Где бы и когда бы к тебе ни подошли с приветом от меня, это будет неправда. Будет нужно, я сам с тобой встречусь, лично. Понял?

Проходя институтскими коридорами на выход, я растерянно думал, что вот это уже — высший класс. Терпов, за пару минут разговора со мной, все понял. И даже предполагает, что я останусь за бугром. С уверенностью процентов на семьдесят. Но решил, что такой контакт ему будет не лишним. Без всяких бумажек, и шантажа, иметь личного агента — это круто. А что я ему помогу, если он обратится — мы оба поняли. Потому что с таким дядей можно иметь дело.

Да уж.

Огромная комната освещена только этими странными лампами фотографов, с зонтами. У стены сидит парень с электрогитарой. Это Александр Ляпин, известный питерский гитарист, заодно играющий в «Аквариуме». Он играет *Waltz for Debbe* в гитарном переложении. Рядом стоит комбик, так что всем слышно. В комнату набилось человек пятьдесят.

Откуда-то сбоку появляется парень с саксофоном. Высокий, длинноволосый блондин. Это Владимир Болучевский — музыкант, писатель, сценарист, шоумен. Начинает тихонько подыгрывать.

Следом появляется бритый налысо человек, с двумя стульями. Один ставит по центру, а второй у стены. Глянув на публику, раздевается до плавок, и складывает одежду на стул у стены. Продемонстрировав всем отличную форму и восемь кубиков пресса. Раздевшись, подходит к стулу по центру комнаты, и, оценивающе, несколько даже людоедски, вглядывается в окружающих. Это Антон Адосинский, шоумен, и создатель, в будущем, театра «Дерево».

Я с Викой, и Сурков с Приходько, самым наглым образом забрались и уселись на высокий древний комод, напротив разворачивающегося действия. Девушки прихлебывают из пластиковых стаканов мартини с тоником, что мы загодя им намешали в походный термос. Мы с Сурковым по очереди хлебам коньяк из фляжки, и курим. Остальные наблюдают стоя. В воздухе стелется дым с запахом травы.

Адосинский тем временем, пошел сквозь расступающуюся публику, оценивающе разглядывая девушек. И подошел к нам. Я затаился. А он уставился на Вику. Подумал, и перевел взгляд на Ирку. Она сказала «Ой», и попробовала спрятаться за Суркова. Антон хмыкнул, развернулся, и пошел обратно. Схватил по дороге за руку первую попавшуюся девушку — блондинку, с густой роскошной гривой волос до пояса. Усадил её на стул по центру, и сделал несколько магических пассов руками. Девушка всем своим видом продемонстрировала, что загипнотизирована.

Адосинский, не торопясь, закутал её в простыню. Принес удлинитель, воткнул в розетку. Потом принес что-то, что оказалось машинкой для стрижки волос. Воткнул в удлинитель. Бесчеловечным взглядом обвел публику. И, совершенно злодейски улыбаясь, принялся стричь девушку налысо. Публика сказала «Ах», наблюдая как пряди волос падают на пол.

В это время, даже несколько перекрывая разворачивающееся шоу, перед ними выходят и замирают семь парней и девушек, одетые только в белое солдатское исподнее. Потом невысокий парень начинает таскать ведра и на них выливать. Ведра с краской. И каждый оказывается своего цвета. Красный, оранжевый, желтый, зеленый и так далее.

Ведро таскал Сергей Курехин. Все действие называется перформанс «Настроение». И через пару лет будет называться «Популярная механика».

Музыка становится громче. Облитые начинают обниматься и тереться друг о друга, становясь разукрашенными совершенно авангардно.

И девчонки и Сурков, смотрят на это все не отрываясь. А я это уже видел. В другом антураже и с другими действующими лицами. Но, в частности, знаю, что девушка, что стригут налысо — сожгла химией волосы, и так обновляет прическу.

Я наблюдаю за публикой. Помесь истеблимента с неформалами. Здесь кинорежиссер Соловьев, с Татьяной Друбич. И Алексей Учитель. Чуть в стороне стоит тот самый Африка Поодаль басист и создатель «Алисы» Задерий. Еще какие-то смутно знакомые лица. Некоторые потягивают «Агдам» из горла. Кое-кто тянет косяки.

Мы сдали последний экзамен, и девушки потребовали развлечений. Идти на студенческую дискотеку во Дворец Молодежи мне показалось скучным, и я предложил экстрим. Пойдемте в подпольную галерею? Картины, музыка и интересные люди. Будет весело.

Новый год и экзамены минули незаметно. Хотя время, что мы провели в пансионате — наверное лучшее, что я живу второй раз. Было весело, мило, и просто здорово. С нашего потока поехало двадцать четыре человека, включая Суркова. Шесть парней и восемнадцать девушек. Остальные отдыхающие — наши студенты, и преподаватели. С других факультетов, и курсов. В двухэтажном кирпичном здании нам отвели часть второго этажа. Комнаты по двое. Не заморачиваясь, оттащил наши с Викой сумки в комнату. Потом мы понаблюдали, как заселяются Сурков с Приходько.

Еще в институтском ПАЗике, Сурков прифигел не только от количества девиц вокруг, но и от тем разговоров. Мы-то уже привыкли. А тут все девицы, на фоне незнакомца, старались быть изысканными интеллектуалками, попутно обсуждая тушь для ресниц. Лишова делала вид, что спит, хихикая мне в плечо. А Серега резко снизил градус возвышенности, пустив по кругу стакан с мартини. Попутно рассказывая девчонкам, что нафиг вам косметика, таким классным, особенно советская? Советская косметика, она же максимум что подчеркивает, это вашу прекрасную душу! Ну и дальше покорять и обольщать, как это у него принято.

Я бы никогда не подумал, что Ирина Приходько, это воплощенное совершенство и ослепительное обаяние — настолько ревнива. Еще по дороге она наговорила Суркову гадостей и злобно сопела на заднем сидении. А когда мы пошли заселяться, видимо уже не сдерживалась, и выдала Сереге по полной. Тот, не в силах выразить теснивших грудь чувств, влетел в комнату, увлекая за собой Ирку. Дверь с треском закрылась, и из-за нее тут же послышался визг, писк, топот ног, вой крокодила и звон разбиваемых стаканов.

— Ко-о-оль, — спросила меня Викуня, с восхищением это все пронаблюдавшая. — А почему мы никогда не ругаемся?

— Я тих и кроток аки херувим, Вик. Только не поддавайся их влиянию. Так ведь оглянутся не успеешь, как я тебя порю ремнем. Благо есть за что.

— Ах вот как ты заговорил!

— Вот!!!! Тлетворные сурковские волны распространяются!

— Знаешь, Андреев, я сейчас чувствую себя такой ранимой, что меня душит злоба и желание убивать. Поставь меня на землю сейчас же!!!

И, естественно, я не стал напоминать Лишовой, что она периодически порывается разбить мне об голову разные предметы.

Сам новогодний праздник вышел замечательным. Мы полдня наряжали елку, растущую возле профилактория. В столовой накрыли столы. Новогоднее поздравление по ТВ от лица государства зачитал диктор Игорь Кириллов. А потом начались танцы. Голубой Огонек сейчас никто не смотрит. Все ждут новогоднюю программу «Кружатся диски», и Мелодии и ритмы зарубежной эстрады, по первому каналу в три ночи.

Первый экзамен в нашей группе второго января. Наталья Олеговна Проничева. Сказать, что я был возмущен, ничего не сказать. Я пришел на экзамен с палаткой, и котелком. И пошел первым. Деловито сложил барахло у стены и направился к столу экзаменатора.

— И как это понимать, Андреев? — холодно спросила Проничева.

— Понимать так, что я наблюдаю неприкрытый геноцид, и издевательство, Наталья Олеговна! Лишова с Овчинниковой получили пятерки автоматом, а я, значит, человек второго сорта?

— А это что ты принес?

— Это палатка, в которой я буду спать, и котелок в котором буду готовить пищу, пока не получу заслуженную пятерку. И пока она не будет в зачетке — я отсюда не выйду!

— Не утруждайся, Андреев. Вот твоя пятерка, в зачетке. Можешь идти.

— Мне больно говорить, Наталья Олеговна, но я вас просчитал, — я убедился, что в зачетке все как нужно. — Вам нужно было зримое мужское унижение. Но котелок — это совсем нетрудно.

— Ты нарываешься, Коля, — засмеялась она. — Будет еще весенняя сессия.

— Пф-ф-ф, Наталья Олеговна! Вы предсказуемы. Спального мешка будет достаточно?

— Пошел вон, наглец! — расхохоталась она.

А на вышке Коротаева меня практически уничтожила. И, когда она все же ставила мне пятёрку, я не смог промолчать.

— Я понимаю, Елена Сергеевна. Трудно смириться, что где-то дают высшую математику в большем объеме и качестве. Но выбирать меня объектом мести за это — непедагогично!

— Коль, — поморщилась замдекана. — Всем ты хорош, но тебе бы язык отрезать.

Я посмотрел на неё. Она на меня. Нам обоим было что сказать. Меня пытали один час. Овчинникова ушла с пятёркой через пять минут. А я отвечал — час. Лёха Кособоков поимел свою четвёрку через три минуты. А я даже не предполагал, что меня ждёт. Примиряло с действительностью то, что Лишова получила четвёртку. Ушла с напутствием Елены Сергеевны внимательное и вдумчивей нужно, Вика. А потом и я задумчиво сказал, что я достоин отличницы, а не того что подвернётся.

В общем, все так или иначе заканчивается. Закончилась и сессия.

Параллельно я сходил и получил загранпаспорт. Свой общегражданский сдал. Билеты в Хельсинки продают только по предъявлению загранника. С ними мне помог Фред. Вот уж не знаю, кто все эти люди. Но если бы не он, то я стоял бы в очереди дня три, приезжая отметить пару раз в день. А так — приехал в «Зал официальных делегаций» Финлянского вокзала, отдал паспорт и деньги, и через пятнадцать минут деловитый железнодорожный начальник мне принёс билет.

После экзамена по политэкономии объявился Иво. Отдал мне ключ с номером 276. Улица Кюленсааранкату, 5g.

— Не ошибёшься, Колян. Сразу поймешь что тебе сюда, — засмеялся Иво.

— Это вообще кто-нибудь может выговорить за раз?

— Ты уж постарайся. Лучше ехать на такси. Остановка автобуса далеко. Покажешь ключ охраннику.

В общем, все было готово. Требовалось как-то это отметить, и я вспомнил про Питерские сквоты, и их легендарные тусовки. Сквоттинг, или говоря проще — самозахват помещений, это не наше изобретение. Но в восемьдесят третьем году был принят план

реконструкции жилья. И в центре расселялись коммуналки в старинных особняках. Вот в такую квартиру я и притащил Суркова с девушками. Пароль — а ведь это ты, Мирон, Павла убил. Отзыв — опаньки, фитилёк притуши, чадит!

Галерея «Асса» возникла в огромной коммунальной квартире, где одну комнату имел Тимур Новиков. Семиметровые потолки. Шестнадцать комнат. Почти семидесятиметровая коммунальная кухня. Когда все жильцы съехали, Тимур поменял замки в дверях и устроил подпольный вернисаж. И закипела андерграундная жизнь. Фишка в том, что это все происходило на Шпалерной двадцать четыре. То есть прямо напротив Большого Дома, или Управления КГБ по Ленинграду и области. Сейчас я знаю, а прошлой жизни только предполагал, что это все — с ведома и разрешения. И что тот же Африка, он же Бугаев — гебешный стукач. Но сейчас публика искренне упивается своей подпольной свободой.

Короче, пока публика смотрела, как какая-то тетка, сквозь толпу гонит стаю гусей, снял Вику с комода, и потащил смотреть картины. В соседних комнатах. Кроме вездесущих Митьков тут были ещё художники. Нам страшно понравился Кирилл Челушкин. С которым мы тут же и познакомились и обменялись телефонами, чтоб потом встретиться, и может что-то купить из его работ. Понимаешь, Викунь, что вопрос подарков можно считать закрытым? Приглашают тебя на ДР, едешь к Кириллу, и выбираешь. И пусть хоть кто-нибудь хоть что-то скажет.

Когда мы уходили, Антон Адосинский намыливал девушке лысую голову и правил о ремень опасную бритву. Приходько с Сурковым были не в силах это оставить. А мы с Викуней поехали ко мне домой. И провели волшебные остаток ночи и утро.

А потом она оделась и сказала:

— Я знаю, Коля. Ты не вернёшься. Прощай. И не провожай меня.

И ушла. Пожал плечами. Мало ли кто как встречает утро? И занялся делами. Перед завтрашним отъездом их было много.

Только она не подходила к телефону, и никто не мог ей дозвониться. Ее мама говорила что она уехала в Ригу.

Я попросил меня не провожать, и на поезд Ленинград — Хельсинки отправился в одиночку.

Поезд № 33/34 Ленинград — Хельсинки уже называется «Репин». Отправляется в одиннадцать десять, с первой платформы Финляндского вокзала. Московский «Афанасий Никитин» идёт через Волхов. Со сменой направления и электровоза на тепловоз и обратно.

Стараниями Фреда я оказался в вагоне СВ. Хотя поезд дневной, проходя с хвоста поезда по платформе, я не заметил сидячих вагонов. Может быть и есть, ближе к локомотиву. А может, для удобства погранслужбы, только купе и СВ. Чтоб, если что, было легче всех винтить по одному.

Моим соседом по купе оказался дядя из Петрозаводска. Представился Александром Васильевичем. Какой-то чиновник по лесоповалу. Едет в Хельсинки подписывать годовые акты и прочие сверки. Сразу же начал знакомиться, и проявлять ко мне интерес. Не в смысле гомосетины. Он подозревал, что я из органов, еду в поезде, чтоб следить и докладывать. Наверное поэтому, он попросил у проводника чаю, и принялся рассказывать мне, чем занимается, и куда едет. В мою версию, что еду к родственникам, по приглашению, явно не поверил.

Советский Союз поставляет в лесную Финляндию строевой лес. В огромных объемах Александр Васильевич рассказал, что странно это. У финнов заскладированы наши поставки еще с семидесятого года. Не продают, и не вывозят. Говорят, что сушат. И будут сушить еще лет десять. А на экспорт они оправляют свой лес.

Я вполуха слушал его, и вспоминал, что именно в нулевые финны начнут этот лес продавать по конской цене. В том числе и в Россию. Это не считая знаменитых домов «Хонка», которыми застроят элитные места Подмосковья, и Ленобласти. «Хонка» будет строить дома именно из этого леса.

Попугчик ехал не первый раз, и просветил, что пограничники сядут в Выборге, а сойдут в Бусловской. В Вайниккала сядут финны. Они не особо строгие. Если все нормально оформлено, то штампуют без проблем. Могут спросить что-нибудь. Но скорее из любопытства, а не чтобы докопаться.

Разговор иссяк к тому моменту, как мы допили чай. И я, испросив разрешения, завалился спать. Сказал, что покемарю чуток. Разулся, и улегся, подложив под голову рюкзачок. Я и вправду немного замотался.

В середине января я приехал к маме. Разговор вышел непростым. Но и не особо сложным. Я рассказал ей, что появилась возможность съездить в Финку. Похожий разговор у меня с ней был в другой жизни. Тогда в Москве проходил фестиваль Next Top. Мы с Сурковым загусовались с голландцами, и собрались с ними валить из Союза. Я тогда маме сказал, что вот, приглашают в Амстердам. А она проницательно сказала, что ты ведь не вернешься, Коль. Я засуетился, начал говорить, что даже не собираюсь. Но она тогда меня потрясла. Делай как считаешь нужным, сынок. Тебе жить. А за меня не переживай. Уйду с этой собачьей работы, хоть цветочки повыращиваю. А то света белого не вижу. У меня тогда, кстати, не срослось. И впервые я выехал на Кипр в девяносто втором.

В это раз разговор был похожим. Только мама еще и сказала, что глупо не использовать шанс, пока молодой. Я обнял ее, не зная, что сказать. Ведь через несколько месяцев в стране все начнет меняться. И все это не обязательно. Но действительно, сейчас у меня шанс. А

далее мама начала меня троллить в своем фирменном стиле. Что внуки от негритянки — это то, что повергнет кубанское село в прах. И наша бабушка станет по статусу близка к небожителям. И что лавочка у забора нашего дома станет центром вечерней бабко-тусовки на долгие месяцы. Так что, Колька, очень-очень черную. Понял? И не волнуйся из-за меня. Я давно хочу Гришку Красильникова (начальник местного ГБ в нашем городе) послать на три буквы. И если ты мне дашь такой шанс, сынок, то все нормально. Она вроде бы как смеялась. Но глаза были грустные. За всеми этими мыслями я сам не заметил как уснул.

Разбудила меня вагонная трансляция. Что, просим товарищей пассажиров приготовиться к паспортному контролю. Не покидать купе, и ожидать. Но я успел сходить умыться.

Насколько я понял, два пограничника встали с обоих концов вагона. Кажется, в коридоре еще был таможенник. А еще четверо прапорщиков пошли по купе. Мой сосед, до вопросов, выставил на стол три бутылки водки. Я положил на стол свой паспорт.

Прапору-пограничнику я не понравился. Фирменно переведя взгляд с фоты в паспорте на меня, он окинул взглядом меня в целокупности. Зимние кроссовки, джинсы, свитер. На плечиках висит аляска. Рядом распахнутый рюкзачок. В нем виднеется чистая футболка, трусы, и пакетик с зубной щеткой. И все.

— Запрещенные предметы, валюту вывозите? — кроме родного запаха гуталина с тройным одеколоном, он внес, этим вопросом, привычную советскую шизофрению. Я, видимо, под его суровым взглядом, должен заплакать и предъявить пачки долларов и наркотики. И, чтоб не зря это все, пять бутылок водки. Чтобы пограничники потом порадовали себя конфискатом, после поимки врага.

— Ничего запрещенного. Есть разрешенная к вывозу валюта.

— Предъявите.

Достал бумажник, и вытащил из него сорок пять долларов, и пятнадцать рублей трешками. Я купил максимально возможное количество валюты. Исходя из полутора долларов в день, разрешенных туристам вроде меня. И вообще, официально, дороже всего стоила выездная виза. Двести рублей. И трешник паспорт. И, я не понял почему, но мне почему-то не продали финских марок. Сказали, что и доллары нормально. А теперь во взгляде молодого прапора читается подозрение, что это неспроста, и я, скорее всего, на сорок долларов немедленно улечу в Парагвай.

Тем не менее, он положил паспорт на стол, шлепнул колотушкой, пожелал счастливого пути, и вышел. Немного погодя стало слышно, как они вышли из вагона на улицу. Поезд тронулся и пересек границу. Выпустили.

Поезд немного проехал и снова остановился. Потом снова поехал.

— Он не мог понять, почему ты водку не везешь, — открыл рот сосед.

— А что, все везут?

— У меня командировочные — восемь марок в день. Не разгуляешься. А бутылку водки финны за сотню берут. А то и дороже. Две бутылки — джинсы.

— Да, тут я что-то не сообразил.

Тут в коридоре послышался шум, и снова открылась дверь купе.

— Страствууйте, пассспоррттаа пожалуссста, — в купе зашел типичный финн. Здоровенный, полноватый, лет сорока, в не очень свежей форме.

Я паспорт так и не убирал, он так и лежал на столе, рядом с бутылками. И снова мой спутник не вызвал у пограничника интереса, а я, непонятно с чего, его явно заинтересовал.

— С какой целью приибыаете в Суоми?

— Давайте по-английски? — предложил я.

— О! Конечно, мистер Андрееф.

— Я еду к двоюродной бабушке в гости.

— Где будете проживать?

— Мунккинеми, Мунккинеменранта 14. Частный дом. Вот, можете взглянуть, — я протянул приглашение от Хиины Мустапяэ.

Он бегло просмотрел оба текста, и на русском, и на финском, вернул мне, и тоже хлопнул колотушкой печать в паспорте.

— Велкам! — потом попрощался и ушел в соседнее купе.

— Ты странно выглядишь, Коля. Не суетишься. Водку и часы не везешь, вот им и интересно. А еще и английский, — засмеялся сосед. — Выпьем?

— Вы же вроде продать собрались.

— Не поверишь, который раз, как пограничников проезжаю, не выдерживаю. Хотя дома и не пью вовсе.

— Да ладно, Александр Васильевич! Пора уже себя победить. Давайте воздержимся.

— Ты как хочешь, а я выпью. Может все же капельку? За компанию?

Мы выпили по сто грамм, и я пошел курить в тамбур.

С этой Викой, два месяца прошли в каком-то мареве. И я совершенно не думал ни о чем важном.

Хотя было очевидно, что ситуация в Союзе хуже некуда. И дело не только во всеобщем дефиците. Дело в том, что государство очевидно дезориентировано. И просто не понимает, для чего оно, и зачем.

Сороковая армия в Афганистане, такое ощущение, что защищает себя, и больше никаких задач не имеет. На международной арене очевидная обструкция и падение авторитета. А внутренняя политика скрипит, и не работает. Да еще и падение цен на нефть. И, не приходящий в сознание руководитель государства.

Не удивительно, что я, не особо утруждаясь, получил разрешение на выезд. Государство настолько не согласованно в своих действиях, что просто не в состоянии оперативно реагировать. Вот и со мной — менты в паспортной службе, решили что я от ГБ. ГБ решила что от ментов или еще кого. И, не глядя, подмахнули что нужно, и отпустили.

За заледеневшим окном, в сгущающихся сумерках, проносились заваленные снегом елки и сосны. Морозный пейзаж совершенно не отличался от того, что через залив, в СССР...

Поезд прибыл по расписанию, в двадцать ноль ноль. Давно стемнело, и еще похолодало. Как сообщили по громкой связи, температура в Хельсинки — минус двадцать шесть. Выйдя с продуваемой ветром платформы, зашел в вокзал. И увидел любимую россиянами надпись Exchange. Поменял двадцать пять долларов по явно грабительскому курсу, и повернул направо. Согласно указателям, к такси. Немного подумал, и за десятку купил в сувенирном ларьке раскладной ножик. Весь в финских флагах, и расцветке. Перед тем как выйти на улицу, натянул поглубже балаклаву, тщательно застегнулся, и замотался шарфом. Но все равно, пятьдесят метров до стоянки такси, успел продрогнуть.

В Союзе не зря распространено мнение, что на западе — молочные реки и кисельные берега. Представить что я, выйдя из поезда на Московском вокзале, пойду, и без очереди сяду в такси — невозможно. Стоять придется час. Или, пройти дальше, и уехать в тридорога.

Я считал и считаю что Хельсинки — дыра. Которая рядом с Питером рядом не стояла. Но сейчас, мой город очевидно проигрывает. Ярким витринам, праздничной иллюминации. Нарядно одетым прохожим.

Честно говоря, я опасался, что таксист меня не повезет. Название Кюлясааренкату я решил не говорить, а протянул написанным на бумажке. Новенький Мерседес-124, с дизельным двигателем, меня дезориентировал. В Союзе таксист, на новой тачке, абы кого в дыру не возил. Но здесь, таксист глянул на бумажку и кивнул. Щелкнул счетчиком и повез.

Со слов Иво я знаю, что место вполне себе криминогенное. Парковка дальнобоев, и что-то типа свалки. Таксист-финн совершенно спокойно меня довез, благо недалеко, щелкнул счетчиком. Пять семьдесят. Протянул ему десятку и спросил на английском:

— Говорите по-английски?

— Ei, mutta ummäärän kaiken, — я крякнул.

— Йес, немного, — перевел себя финн.

— Подождите меня двадцать минут, поедем обратно. Окей?

— Окей, — пожал он плечами, снова в невыгодном свете показывая советских таксистов.

Дом, к которому я приехал, и не дом вовсе. Это трехэтажное панельное сооружение. Каждый этаж разделен на сотню секций метров по пять квадратных. Каждая со своей дверью, то есть рольставнями, запирающимися на замок. Обнесено забором. Каждая такая секция выполняет роль кладовой, в которой арендатор может хранить какие-то вещи. Помещения совсем маленькие, только войти и что-то поставить, типа старого кресла, или шкафа. На входе сидит охранник, которому я показал ключ. Он махнул рукой в сторону одной из двух лестниц. Поднялся на второй этаж, и нашел нужную дверь. Сбоку замочная скважина. Вставил ключ и повернул два раза. Наклонился и поднял рольставни вверх. Слева нащупал выключатель. На пустом стеллаже у стены стоял одинокий, обмотанный изолентой картонный ящик. Посмотрел по коридору, никого. Но, на всякий случай вошел, опустил рольставни до пола.

Достал купленный перочинный ножик, и вскрыл ящик. Сурков положил не только деньги и подвеску, в отдельном конверте. Но и золотые цацки, что были в тайнике на Ракова.

Взял три пачки долларов, подвеску с конвертом сунул в рюкзачок. Подумал, и выбрал скромную брошку из украшений.

Выключил свет, опустил рольставни, повернул ключ в замке два раза. Спустившись, кивнул охраннику. Иво говорил, что кладовка оплачена до конца февраля.

Таксист флегматично дремал в теплой машине, встрепенувшись, и оглянувшись, когда я хлопнул дверью.

— Back, please, — сказал я.

Выйдя из такси, я снова зашел в вокзал, и в том же сувенирном киоске разменял пять марок. В телефоне-автомате некоторое время пытался сообразить как позвонить. Но все же справился.

То, что я заговорил на английском, свидетельствует, что я все же не в себе.

— Hello, I am Nikolai Andreev, who has just arrived. I'm calling, as I promised your niece.

— Здравствуйте, Николай. Меня предупредили, что вы будете звонить, — ответил мне по-русски женский голос. — Если у вас есть нужда, вы можете переночевать у меня. Стоить это будет сорок марок. Ко мне лучше добираться автобусом.

— Гм. Хиина! Пожалуй, я воспользуюсь вашим предложением.

— Приезжайте, — на том конце опустили трубку.

Я снова вышел на стоянку такси. Подумал, что будет смешно, если таксист окажется тем же. Но в этот раз это был Мерседес -126.

Мунккинеми — окраина на западе Хельсинки. Достаточно респектабельная, как я понял. Ну, для Финляндии. Здесь все сдержанно и бедновато. Поэтому, собственный дом, в черте города, на собственном участке — это типа круто. Впрочем, в темноте и на морозе, все выглядит так себе.

Кирпичный дом с мансардой, с моей точки зрения, не представлял ничего особенного. Даже если знать, что он стоит приличных денег. Расчищенная от снега дорожка к крыльцу, без гаража. Внутри тоже без неожиданностей. Из прихожей несколько дверей и лестница наверх. В гостиную, кухоньку, спальню хозяйки, санузел и котельную. Самая большая комната на первом этаже — гостиная. С печью-голландкой. Тем не менее, все в светлых тонах. И достаточно скромно.

А вот хозяйка оказалась занятой.

Я знал, что ей за восемьдесят. Но на вид, максимум шестьдесят. И она не финка. Что она сразу же и подтвердила:

— Называй меня Ксения Андреевна, — сообщила она, когда мы уселись испить чаю с этими местными пирожками, которые в Тихвине называются калитки. Разговор шел на русском. Не торопясь, прихлебывая чай, рассказал про себя. Студент, в связи с наследством, решил посмотреть мир. Подвернулась возможность, поехал в Финляндию. По первому впечатлению — место приятное. С вашего разрешения, поживу у вас. Вы возьмете оплату в долларах? Она ненавязчиво интересовалась как там, в России? Рассказывал что знал. Хотя её любопытства удовлетворить не смог. Потому что откуда я знаю, что там с земельным налогом?

Потом, как-то незаметно, она рассказала о себе. Я, только сейчас сообразив, что не ел со вчера, уминал четвертый пирожок. И охотно слушал. Но начала она с вопросов практических. Твоя, Коля, комната — в мансарде. Полотенце и все остальное получишь когда пойдешь спать. За четыре марки в день буду кормить тебя завтраком. Мой муж скончался десять лет назад. Это дом моих родителей. Отец был военным, мы остались здесь после революции. Живу неплохо, только скучновато. Была в силе — подрабатывала переводчиком, и преподавала в школе. Давно на пенсии. Есть дочь и внуки. Внучатая племянница работает в туризме, и сдает комнату в моей мансарде туристам. В основном датчанам, англичанам, и немцам. А такие как ты, из России — редкость. Хотя советских в Хельсинки много. Но я стараюсь с официальными организациями не связываться, они наверняка все из КГБ. На мой вопрос, как ей финны, она неожиданно пришла в раздражение. Этот ваш Ленин... Лысый, злобный карлик. Бросил в Финляндии почти миллион русских. Многие с трудом смогли здесь адаптироваться. Многим пришлось уехать. Только после войны, при Хрущеве, дела стали налаживаться. Сейчас в Суоми хорошо. Безработицы нет. Пенсии мне хватает. Я смотрю, ты совсем засыпаешь, пойдём, покажу твою комнату.

Расстилая постель, и раздеваясь, я думал, что мне есть с чем сравнивать. Жизнь моей хозяйки сложилась вполне счастливо. Как и самой Финляндии. Пожалуй, это эталонный образец добрососедства и сотрудничества с Россией. Секрет, на мой взгляд, прост. Голый прагматизм, не усложняемый недобросовестностью, и идеологией. Остальные страны, обеспечивающие транзит из и в Россию, не могут не приворачивать.

У прибалтов это еще достаточно респектабельно, и выражается в странных тарифах и

ценах на услуги. Братья хохлы тупо воровали и воруют на несколько ярдовгаза в год, и в ответ на претензии — посылают. Уверенные что ничего им не будет.

Смешнее всего с бывшим директором совхоза. Он не стал менять способ управления и управляет страной как своим совхозом. То есть, получив доступ к средствам и ресурсам, транжирит их по своему разумению. А раз в год, когда приходит пора рассчитываться за спизженный газ и нефть, он едет в Центр, и говорит, что усё поел долгоносик. Ну, как и раньше, в СССР. Государство же богатое, оно спишет долги, такому офигенному совхозу. И на любые попытки намекнуть, что долги нужно гасить, что это межгосударственные отношения, он орет — «Мы ж братья!» Ну а че? За ярд долларов в год, можно и поунижаться неделю. Правда население, если не понимает, то чувствует, что рано или поздно это все кончится плохо, Но кто их подонков слушает? А русское население всегда любило и любит тех правителей, кто их обворовывают, и унижают. Главное — побольше трескучей демагогии. Не говоря об обожании бездарного упыря, при котором население страны понесло катастрофические демографические потери...

Я проснулся от солнечного света, что заливал комнату. Понял две вещи. Что долго спал, и что морозы не отступят. Окна мансарды выходят на юг. Оказывается, дом стоит на берегу залива. Хозяйка встретила меня с улыбкой.

— Я уже собиралась пойти посмотреть, не случилось ли что, — на столе предо мной появилась чашка кофе.

— Я студент, Ксения Андреевна. То есть существо, склонное к анабиозу.

Уплетая яичницу с олениной, это меня всего за доллар так кормят? я рассказал, что должен сделать несколько визитов.

— И вообще, вы не посоветуете, как быстрее получить визу в Швецию, и Данию? Хочу сплавать на пароме, посмотреть. Эльсинор опять же, да и Копенгаген на фото — красивый.

Жизнь полна роялей. Ничем иным не объяснить, что родственница моей хозяйки как раз и занимается вопросами визового сопровождения у туристов. Я сейчас позвоню ей, Коля, и вы переговорите. Я уж и не знаю, как вас благодарить. Оставь, Коля, так приятно говорить по-русски! Она и вправду говорит чисто, без наносного скандинавского замедления и растягивания. Несколько архаично, но в этом есть даже кайф.

— Кури здесь, куда ты пойдешь? — хозяйка поставила предо мной пепельницу. — Минус двадцать три на улице!

С удовольствием закурил первую сигарету. Ксения Андреевна в это время набрала номер, коротко переговорила. Потом опустила трубку, и повернулась ко мне:

— Айна говорит, что если у тебя все в порядке с паспортом, то никаких проблем. Тебе нужно будет с ней встретиться. Уверяет, что за пару дней все можно оформить. Я тебе дам адрес, она на работе до пяти.

Подвинул к себе телефон, и набрал номер. Как и на вокзале, не сразу сообразил, что код страны и города набирать не нужно. Секретарь господина Оскара Виралайнена, не понимала русский, но когда я перешел на английский, и представился, стала любезна.

— Мы ждем звонка со вчерашнего вечера, господин Андреев. Запишите адрес. Шефа нет на месте, но через час он будет в офисе. До позднего вечера.

Во время умывания подумал, что нужно купить нормальный станок, чтоб побриться. С другой стороны, кому мне бриться? А так будет борода. Снова спустился на кухню и вызвал такси по телефону.

Когда я уходил, Ксения Андреевна всучила мне лисий треух. Попросила не позориться и

не отмораживать уши. И здоровенные меховые рукавицы. Глянул в зеркало, похож на зимнего крестьянина.

Улица Ананкату недалеко от Эспланады, Рыночной площади и Успенского собора. Впрочем, в Хельсинки все недалеко. Когда хозяйка моего жилища говорила про внучатую племянницу, я чувствовал мысленное оживление. Думал, что познакомлюсь с молодой финкой, мало ли. Склоню к сексу, напирая на экзотичность советского студента. Айна Виртанен оказалась крупной теткой за сорок, с мощными руками. Хотя и блондинка. Зато она деловитая и курит. Сидя у нее в офисе, мы попили кофе под сигарету, и обсудили, что мне нужны туристические визы и билеты. На паромы и поезд. Нет, обратно я буду сам брать, по необходимости. Мало ли, мне Дания так понравится, что я там задержусь? Она отксерила мой паспорт. Сказала, что анкеты заполнит сама. Я должен завтра с утра приехать и подписать. По визиту в посольства, я позвоню Хиине. Скорее всего послезавтра.

Контора господина Виралайнена была недалеко от Успенского собора. На улице с непроизносимым названием. Но я купил карту, и, сверяясь с бумажкой, вполне сориентировался. Шел пешком, поэтому не уставал мысленно благодарить Ксению Андреевну.

Покупая карту в универмаге, на углу Эспланады, наблюдал забавную картину. Подъехал туристический автобус, и из него повалили мгновенно узнанные мной соотечественницы. Человек двадцать. Их возглавляла важная тетка, как я понимаю-старший группы, которая на всю улицу орала:

— Девочки! Колготки продаются на втором этаже. Колготки по-фински будет — сукахусут!

И вся толпа энергично скрылась в универмаге. Хм. Лишова носит чулки на резинке. Форсит. Я так понимаю, модель поведения ей посоветовала мать. Я с ней и её отцом, конечно же, познакомился. И был воспринят вполне доброжелательно. Но, судя по всему, когда Вичка поделилась сомнениями, в мамане включился советский чиновник, и жена партократа. Она мгновенно поняла, чем грозит карьере её мужа и дочери бойфренд-невозвращенец. И она это пресекла как могла. А чего я собственно ожидал? Декабристки, это не совсем то, о чем рассказывали в школе...

Разрекламированный Фредом Оскар вполне этого достоин. Он был деловит и собран. Когда я достал из карманов двадцать пять тысяч долларов, и сказал, что мне нужны тревел-чеки, в его глазах, на мгновение, мелькнуло разочарование. Но он вызвал секретаршу, как раз весьма завлекательную молодую финнку, и дал команду. Подождал, пока она с деньгами выйдет. А потом снова перевёл на меня взгляд. А чему удивляться? Что у Фреда контрагенты не дураки?

— Оскар! У меня есть ещё один, крайне деликатный вопрос.

— Господин Александров мне так и сказал — ты будешь потрясён, Оскар!

Тут уже завис я. Думать, что Фред нас с Сурковым просчитал, и знает о нашей операции, не хотелось. Но это объясняло почти все. С другой стороны — ну и что? Я здесь, он там... и я решился. Взял листок, и написал на нем семизначное число.

— Это сумма в долларах, Оскар. Наличными. Я бы хотел видеть ее на своём счету. Легализованной.

Нет, видимо Фред ему говорил что-то другое. Интересно, в чем ещё он нас с Сурковым подозревает? Но господин Виролайнен слегка поплыл лицом. Было очевидно, что он удивлён.

— Насколько я знаю, Оскар, конфиденциальность — главное условие вашей работы. Я могу быть уверенным в вашей скромности? И в частности, что никто, — я подчеркнул голосом. — Не узнаёт суть нашего разговора?

Но он уже с собой справился. И снова стал собранно-деловитым.

— Вам не стоит сомневаться, Ник. Серьезный бизнес делается тихо. И, если вы имеете в виду господина Александра, он — не участник сделки. Я достаточно ясно выразился?

— Более чем. Тогда остановлюсь ещё на одном моменте, прежде чем мы перейдём к деталям. Я тут проходил мимо оружейного магазина. Меня так радует, что в Финляндии можно легко купить себе оружие по вкусу. Я неплохо подготовлен к боевым операциям. А в случае недобросовестности партнеров, без колебаний воспользуюсь автоматическим оружием. И любым способом добьюсь, чтобы виновник моих неприятностей пожалел о сделанной глупости.

Неожиданно Оскар засмеялся, и рассказал что недавно трое каких-то уголовников совершили трагическую ошибку. Попытались ограбить русского туриста. В Финляндии с преступностью все неплохо, и она не очень заметна. А тут дело кончилось тяжелыми увечьями преступного элемента. В нежелании отдавать тридцать пять последних марок, хлипкий с виду русский был настолько суров, что покалечил уголовников.

— Так что не нужно рассказывать, Ник, что случится, когда речь идёт о такой сумме!

Мы обсуждали детали ещё около часа. А потом я откланялся. Господин Виролайнен заверил, что все будет выполнено в точности.

Официально его контора — брокерская фирма работающая со скандинавскими валютами. А неофициально, а может быть дополнительно, он, как я понял, занят обслуживанием контрабанды из СССР. Судя по офису и секретарше, из Союза идёт достаточно контрабанды. Вот и верь байкам про границу на замке.

Мне однажды рассказывали, как в начале восьмидесятых, финские партнеры повели советских специалистов в баню. Переговоры прошли успешно, банкет был душевным. С утра решили попариться. Из раздевалки, группа голых мужиков направилась к парилке корпоративной сауны. А там случилось страшное. Один из членов советской делегации, первым открыв дверь в парилку, увидел сидящих там голых финских женщин. Советский специалист за рубежом — это человек, прошедший горнило собеседований, инструктажей и утверждений в инстанциях. Поэтому реакция была однозначной. Он резко захлопнул дверь, подпер её спиной для надежности, и сказал подходящим соотечественникам:

— Мужики! Назад! Провокация!!!

Слава богу, отношения с финскими партнерами были и вправду хорошими. Поэтому быстро разъяснилось, что сауна в Скандинавии — место бесполое. И парятся все голышом. И никто ничего не имел в виду. Но наши мужики, от греха, тогда ушли из сауны.

Начав бывать за рубежом с начала девяностых, я много раз попадал в такую ситуацию не только в Финляндии или Швеции. Но и в Австрии с Германией. И в Бельгии с Швейцарией. Разве что во Франции эта мода утвердилась попозже. Но, зато на средиземноморских пляжах, топлес — скорее правило, чем исключение.

А в тот раз, когда мне рассказывали эту историю, я поинтересовался, телки-то, хоть были ничего?

— Кто там на них смотрел, Коля? — ответил мне герой, предотвративший надругательство над советскими людьми. — В голове только одна мысль была — пиздец моей выездной визе! Больше не выпустят. Да еще и строгача засадят.

Я хмыкал и думал, что это какое же гавно был совок, если вполне себе активные мужики, увидев голых баб, подумали о чем угодно, кроме рассмотреть баб в подробностях? Это что нужно сделать с человеком, чтобы задушить рефлексы? Самураи этого всю жизнь добиваются, а тут — пара партийных собраний, и вуаля.

Я философствовал об этом, сидя на верхней полке парилки в сауне лайнера «Rosella», компании Viking Line. Я сурово плеснул воды на каменку и залез на верхнюю полку. Поэтому три голых женщины сидели на первой полке и о чем-то трепались по-шведски, совершенно не обращая на меня внимания. Больше народу в судовом спа-комплексе пока не было. Но, скорее всего, попозже набегут.

Скандинавские паромы пока еще не стали лицом Балтики, но до этого недалеко. Корабль, на котором я плыл в Стокгольм — первый, но далеко не последний паром, что вскоре будут связывать берега Балтийского моря. Это станет неким культурным феноменом. Выполнение сугубо утилитарных задач — перевезти из точки А в точку В грузовики и пассажиров, превратится в форму отдыха и времяпровождения. Вплоть до того, что студенты и школьники будут срыватьсь из Хельсинки в Стокгольм, чтоб побухать и повеселиться на паромных дискотеках. Да и сейчас на корабле полно народу, всерьез намеревающегося оттянуться.

В отличие от средиземноморских или карибских круизов — публика крайне разношерстная, и все вполне демократично. Манагеры и дальнобойщики, студенты и домохозяйки, туристы и работяги — на пароме можно встретить кого угодно.

В Хельсинки я провел четыре дня. Айна, племянница моей хозяйки оказалась не по-

фински бодрой. Я еще только размышлял, о том, что пока с этими визами суть да дело, можно будет покататься на горных лыжах, а меня уже привезли сначала в шведское консульство, потом в датское, и все. Я при визах и с билетом на паром. Утром, в день отправления, зашел в магазин и экипировался в туриста-походника. Ничего особенного, просто прикупил горнолыжного белья, туристические ботинки, спальник, и большой рюкзак. Погоды морозные, и прогнозы неутешительные. Даже в Дании ожидаются морозы. Не такие зверские как в Финке, но все же.

Первые Шенгенские протоколы будут подписаны еще через полгода. Но уже сейчас очевидно, что Европе надоели границы. Пришлось искать иммиграционных офицеров, перед посадкой на паром. Чтоб они шлепнули отбытие. Остальные пассажиры фигней не заморачивались, и просто ломились на корабль.

Племянница Ксении Андреевны, похоже, слупила с меня за свою работу больше, чем обычно в таких случаях. Поэтому привезла на паром на своем смешном, красном, Фиате Пунто. Заодно помогла найти паспортный контроль, который, судя по всему, прекрасно себя чувствовал, не особо утруждаясь.

Но, как бы там ни было, я наконец оказался в своей каюте. Сьют, на седьмой палубе, я занял один, собираясь загодя отоспаться. Из Стокгольма я поездом еду в Мальмё. Оттуда паромом в Копенгаген. Ну а потом перехожу на нелегальное положение.

Я много думал, как сделать лучше всего. Но так и не смог ничего толком придумать. Считаю, обращаться к шведским властям за видом на жительство, нужно уже решив все остальные вопросы.

А для реализации подвески, мне нужно оказаться в Бельгии. Это может кого-то удивить, но мне нужно не в Антверпен, а в Брюссель. Есть там место, что я знал по прошлой жизни, где у меня точно ее купят. Но, советский студент, слоняющийся по Европе, и вдруг разбогатевший? Внимание — это последнее, что мне нужно. И я слегка в затруднении.

Когда-то, я читал мемуары советских КГБшников. Они на голубом глазу признавались, что имели доступ к спискам авиапассажиров практически везде по миру. Да и все остальные спецслужбы это не особо скрывали. Так что, нефиг им облегчать жизнь. В европейском захолустье, четко отследить меня не выйдет. А я, по мере развития событий, буду решать как мне быть. Прежде всего нужно помнить, что Сурков выезжает через три недели. До этого момента мне лучше вовсе нигде не отсвечивать.

В Стокгольм паром пришел около десяти утра. Как и в Хельсинки, паспортный контроль был в стороне, и для тех, кто хочет. Остальные, спускаясь по трапу, без задержек проходили через терминал Стадсгаден. Несколько недоуменно, иммиграционный офицер спросил у меня, куда я собственно? Несколько раздраженно ответил что турист. Красоты, то се... С парома я был один, кто подошел к паспортному контролю. Чего-то я не понимаю.

Сел в такси, и поехал на вокзал. Разглядывая из окна такси Стокгольм, думал, что раздолбайство кажущееся. Все, кто плавает туда-сюда, имеют, скорее всего, многократные визы, или вообще какие-нибудь отметки. Один я — изгой, вызывающий любопытство и недоумение.

Я не то что куда-то спешу, но в Стокгольме в прошлой жизни бывал не раз, поэтому без задержек уехал на поезде в Мальмё. Глядя на уплывающий вокзал, я вспоминал как Иво поселил нас с Сурковым в бывшую Стокгольмскую тюрьму. Тюрьму перестроили в отель, оставив антураж. Слава богу, что арестантская роба там не выдавалась. А то Сурков бы слонялся в ней по Стокгольму и приставал к полицейским.

Поезд Стокгольм — Мальмё, как я понял, типа скорого, традиционного черного цвета. Идет пять с половиной часов. Скромно уселся у окна, в вагоне второго класса. Полупустой вагон. На соседнее кресло положил рюкзак, и достал томик статей философа Ильина, на русском. Его я, к полнейшему своему изумлению, купил в большом книжном магазине рядом с вокзалом. Там еще был Юлиан Семенов с его «Петровкой 38», и незнакомая мне фантастка Ольга Ларионова. Купил философа. Кроме того, что я не мог не поддержать торговлю русскоязычной продукцией, мне стало интересно почитать парня, которого в нулевые в Кремле зачитали до дыр.

Всю дорогу вдумчиво листал, заедая бутерами с креветками, купленными тоже в вокзале. И запивая колой.

Социализм по самой природе своей завистлив, тоталитарен и террористичен, а коммунизм отличается от него только тем, что он проявляет эти особенности открыто, беззастенчиво и свирепо. ©.

А ничего такой дядя! Жжет. Или вот.

Мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов, подражать им. Мы призваны творить своё и по-своему, русское по-русски. ©.

Кроме этого, у него еще много про нацизм, и Гитлера, что явился спасителем Германии от революций и социализма. И вообще он, говоря честно — свиреп, и совсем не благостный, чего ожидаешь от философа.

Вокзал Мальмё — мрачноватое кирпичное сооружение построенное, кажется, в прошлом веке. Не особо разглядывая, сел в такси и попросил отвезти к парому Мальме — Копенгаген. На который и сел, купив билет и отметившись у пограничника. Время в пути полтора часа.

Знаменитый мост между Мальме и Копенгагеном, переходящий в тоннель, и снова становящийся мостом, построят лет через десять. Пока здесь регулярно ходят паромы. Паромы Швеция — Дания, кажется, ходят ото всех пристаней Южной Швеции.

На ж/д вокзале Копенгагена я оказался в около семи вечера. Пока я двигался без сбоев и, согласно плану. И в Дании гораздо теплее. Изучив расписание, выбрал ночной поезд, и взял билет до местечка Тинглеу. В ожидании отправления, послонялся по вокзалу. Ничего особенного, за исключением бутербродов. То ли туристическая замануха, то ли и вправду. Но любимый многослойный бутер Ганса Христиана Андерсена — вещь. По крайней мере есть расхотелось совсем.

Поезд прибыл в Тинглев в полчетвертого утра. С поезда я сошел один. Дождался, пока поезд остановится, нажал зеленую кнопку на боковой стенке тамбура. Дверь открылась, и я спустился на платформу. В темноте плохо видно, но я сориентировался. Дождался когда поезд уйдет. Накинул рюкзак, перешел на другую сторону платформы, и вышел на местную дорогу, что шла на юг вдоль ж/д путей.

Граница между Федеративной республикой Германия и Датским королевством не охраняется. Как я смог разглядеть, с датской стороны по тропе вдоль границы иногда ходят. А с немецкой вообще никого.

От Тинглева в Дании, до Херислехофа в Германии шестнадцать километров. Которые я

и прошел, не торопясь. Из уважения к госгранице не стал смотреть, есть пикет на шоссе, или нет. А перешел ее по деревянному, пешеходному мостику. И, для надежности, зашел в Херислехоф с юга.

Но вся моя конспирация, похоже зря. Никому до меня нет дела. За все время я видел лишь троих людей. Один из них — кассир. Я взял билет на поезд до Гамбурга.

Из интересного в дороге до Гамбурга было то, что в вагоне со мной ехало много югославов и поляков. Но вели они себя хоть и шумновато для Германии, но спокойно. И я подремал два часа до Гамбургского вокзала. Правда, где-то через час меня разбудили контролеры, проверили билет. Из Стокгольма до Гамбурга я добирался сутки. Неплохо. Только вот в Германии я незаконно. Но чего уж.

Не заморачиваясь, взял билет на ближайший поезд до Аахена. Сорок минут до отправки глазел по сторонам. Правы те, кто говорят, что Гамбург — это не Германия. Уже сейчас почти половина народу на вокзале — не европейцы. А с учетом того, что и половина европейцев — это не немцы, то и вправду.

В Аахене я не стал оглядываться. Да и обрыдли мне уже эти все вокзалы. Накинул рюкзак и пошел на выход из города. На улицах стоит сонная тишина и я совершенно не привлекаю внимания. К семнадцати часам я не только вышел из города, но и вошел в лесной парк, что расположен на границе ФРГ и Бельгии. Здесь я тоже не стал проверять, стоит ли кто на дорожке, идущей через парк, а просто прошел лесом. Хотя лес — ухоженный, без валежника. Вроде бы даже какие-то звери мелькают. А снега как раз и нет. Что меня не очень удивило. В общем, спустя три часа, я, оказался в деревне Кельми. И, не вызвав никакого интереса, сел на поезд Кельн — Брюссель. Куда и прибыл спустя еще три с половиной часа. В раздражении сложил в один карман шведские и датские кроны, и немецкие марки. Здесь же разменял сто долларов на бельгийские франки. По опять же дикому курсу, но уже хотелось в душ и пожрать.

Таксист не очень хотел везти меня в район Моленбек. В двадцать первом веке это станет аналогом негритянского гетто. Но и сейчас там живут не самые законопослушные люди. В основном гастарбайтеры и нелегальные мигранты из Африки и стран соцлагеря. В большинстве — югославы и албанцы.

Но мне было плевать, я вышел из такси на улице Коненк, и зашел в дешевую гостиницу. Без лишних вопросов, типа про документы, за двадцать пять долларов в сутки, портье мне выдал ключ, и проводил в номер на втором этаже. Небольшая комната. Санузел с душем. Полуторная кровать. Замки и дверь прочные. Окно высоко. Телевизор. Даже работает. Сунул пять франков портье, и попросил разбудить в девять утра.

После того, как портье ушел, закурил и подошел к окну. Подумал, спустился вниз, и зашел в магазин напротив. Купил сендвичей из круассанов, и колы. Еще подумал, купил бутылку виноградной водки. Когда возвращался, портье предложил кофе. Попросил подать его утром.

В номере разделся догола и пошел в душ.

Мало кто обращает внимание на то, что Бельгию и Англию связывают особые отношения. Гораздо более близкие, чем Бельгию с соседней Францией. Это выражается во множестве деталей и мелочей. К примеру, Эркюль Пуаро, герой культовой английской серии детективов — бельгиец.

Для меня важно то, что именно Бельгия занимается для англичан решением некоторых деликатных вопросов. Это о том, что с окончания Второй мировой войны, именно в Брюсселе вербуют наёмников в Африку и другие бывшие колонии. Достаточно сказать, что Жан Шрамм, ближайший помощник Боба Денара — бельгиец. Пикантности этому придаёт то, что считается, что белые наемники в Африке отстаивали французские интересы.

Но, для меня существенно одно. В Брюсселе, на авеню Леопольда, в неприметном здании, расположена контора по найму людей в вооружённые отряды, в частности на юге Африки.

Многие из этих людей, исполнив контракт, за окончательным расчетом возвращаются сюда. Именно благодаря им на этой же улице, не очень стремясь к публичности, со временем открылся офис одного из бельгийских ювелиров. Он, не афишируя свою деятельность, занимается скупкой ништяков, попавших в руки наёмников. А что может привезти серьезный человек из Южной Африки?

С господином Жюлем Ферье, в прошлой жизни, меня познакомил начальник службы безопасности моих приятелей, занятых добычей алмазов в Африке. Мне тогда для подарка нужен был какой-то эксклюзив. А времени ехать в Антверпен не было. Мсье Ферье очень помог мне в тот раз. Вот к нему я и решил обратиться с подвеской.

Все это прекрасно, но есть тонкости. К примеру, я могу обратиться к ювелиру, сославшись на какого-либо наемника. Но отсутствие специфического загара, боюсь, все испортит. И я решил не мелочиться.

Читая в нулевые о методике работы спецслужб, я уяснил одно. Если хочешь пропасть из поля зрения, оставаясь, по сути, на месте, не мелочись. Не прибегай к пошлым накладным усам и парикам. Меняй статус.

Гостиница на улице Коненк, где я переночевал — помесь борделя и ночлежки. Может быть чуть выше двух звезд. Но шум всю ночь не оставлял сомнений. Попив кофе, что принес портье, я с ним договорился. Оставляю номер за собой на неделю. Буду занят делами, поэтому в мое отсутствие прошу присматривать. Оплатил, да и уехал на метро, менять статус.

Выйдя на станции Луиза, я зашел в попавшийся почти сразу офис Арджент-банка, и разменял один из тревел-чеков. Получив наличные, направился на бульвар Ватерлоо. В нулевые именно здесь разместится большинство брендовых бутиков. Да и сейчас, как выяснилось, тоже.

Брюссель, кстати — сильно небедный город. Количество по-настоящему дорогих авто здесь гораздо выше, чем где бы то ни было. И всяко больше, чем в том же Париже. Все это я думал, пока шел до магазина Бриони от метро. Вдоль выстроившихся у обочины, в ряд Порше, Роллс-Ройсов, Феррари и прочих Ягуаров.

Середина восьмидесятых в Европе — время теплое и ламповое. Уходящая эпоха еще

сохранила людей, помнящих европейский большой стиль и привычки. По крайней мере, управляющий магазином Бриони оказался именно таким человеком. Он совершенно не удивился появлению в очень дорогом магазине чувака, одетого как студент-путешественник.

Я честно сказал, что намерен поселиться в Hotel Le Plaza. И хочу соответственнс одеться. Да, мсье, я знаю, что лучше костюм заказать. Но нет времени. Поэтому прошу вас, полный гардероб. В средствах я не очень стеснен.

Джентльмен, что вылез из такси у отеля Плаза, меня напоминал только при внимательном рассмотрении. Я, не торопясь, кивнул бою на дверях, попросил забрать мои вещи, и рассчитаться с такси. А сам прошел к стойке портье. Где сообщил, что хотел бы снять люкс. И положил на стойку свою красную кожаную паспортину. Портье окинул меня взглядом. Никаких кричащих новомодных приспущенных плеч и засученных рукавов. Сдержанная классика, стоимостью в десяток модных костюмов. Портье вызвал управляющего.

— Добрый день! Я управляющий отеля, Жак Лакоб. Как к вам обращаться? — он сразу начал разговаривать со мной на английском.

— Меня зовут Николай Андреев, мистер Лакоб.

— Вы надолго намерены у нас остановиться?

— Пока в планах неделя, если не изменятся обстоятельства. Кстати, хотелось бы сразу решить вопрос оплаты, — я достал тревел-чек и вложил его в паспорт. — Это чек на десять тысяч долларов. Прошу вас, получите их в банке. Хотелось бы, что бы эти средства остались у вас до окончательного расчета. Я намерен пользоваться отельным лимузином, и возможно, другими услугами.

— Под каким именем вы бы хотели фигурировать в списке постояльцев? — ах, это прайвиси, которое сгинет напрочь в девяностые.

— Давайте не будем усложнять, мистер Лакоб, — засмеялся я. — Ник Эндрю. Так будет нормально. И, мсье управляющий, я сейчас в номере приму душ, а потом прошу вас уделить мне десять минут.

— Номер пятьсот тридцать три, — кивнул управляющий, взглянув на портье. — Вас проводят, мистер Эндрю. Через полчаса я к вам зайду.

Когда я, в белом махровом халате, вышел из ванной, мои вещи уже были разобраны. Костюмы извлечены из портпледа, и повешены в гардеробной. Ботинки аккуратно расставлены. Моя походная одежда была извлечена из сумки, и, видимо, унесена в чистку. Мои документы и деньги аккуратно лежали на письменном столе.

Достал из бара бутылку, и налил себе коньяку. В дверь, постучавшись, вошел управляющий. Оставшись у двери, он произнес:

— Вы хотели меня видеть, мистер Эндрю.

Я закурил и снова подумал — почему нет?

— Мистер Лакоб. Я бы хотел, чтобы вы договорились с ювелиром Жюлем Ферье о том, что он меня примет.

Взгляд управляющего изменился. Я отвернулся к окну. Помолчали. Потом он, откашлявшись, спросил:

— Вы хотели бы что-то продать?

Я обернулся и посмотрел ему в глаза. Он смутился и опустил взгляд:

— Прошу прощения. Я немедленно с ним свяжусь. И позвоню вам. Это все, что вы от меня хотели?

К дверям офиса Жюля Ферье, меня привёз отелльный Роллс-Ройс. Охранник открыл мне дверь, только убедившись, что я один. Ювелир занимает совсем небольшое помещение, в две комнаты и прихожую. Господин Ферье встретил меня в приемной, и предложил кофе. Он почти не изменится за пятнадцать лет. Разве что поседеет. Мы уселись в кресла, и минут пять трепались ни о чем. Пока он, достаточно деликатно, не поинтересовался целью моего визита. Я достал из внутреннего кармана пиджака подвеску, и молча протянул ему. Он взял её в руку, и лицо его изменилось. Стало хищным и сосредоточенным. Он оценивающе посмотрел на меня и встал.

— Прошу в кабинет.

Там он уселся за стол, положил на него бархатный лист, а на него подвеску. Зажег настольную лампу, и вставил в глаз лупу. Достав инструменты, он вынул камни из оправы. Минут пять прошло в молчании. Потом он вынул из глаза монокль, и кивнул охраннику, что неслышно стоял за моей спиной. Тот вышел. Ювелир вздохнул и встал. Достал из кармана жилета ключ, и открыл сейф.

— Мистер Эндрю, — наконец заговорил он. — Я оцениваю ваш предмет в пять миллионов сто тысяч долларов. Но сейчас у меня только пятьсот тысяч. Остальные деньги я смогу вам отдавать частями, раз в неделю. Думаю, за месяц я полностью рассчитаюсь.

Он достал из тумбы стола кожаный саквояж, поставил на стол, и начал складывать в него пачки долларов.

— Минутку, мистер Ферье, — остановил его я. — Мне точно не нужны наличные.

— Да? — он очень удивился. — А чего вы хотите?

Я сказал, что хочу эти средства безналичными, на счету в одном из банков Люксембурга.

— Не сочтите неуважением, но вы не могли бы вы тогда посвятить меня, по возможности, в историю предмета?

Я почти честно рассказал ему, что эта подвеска хранилась у умершей родственницы, вместе с дешевой бижутерией. И выяснить, откуда она у нее взялась невозможно.

— Судя по обработке камней, она изготовлена здесь, в начале прошлого века, мистер Эндрю. И я теряюсь, как она оказалась в Советском Союзе.

— Ничем не могу помочь, мистер Ферье. Загадка.

Потом мы договорились. Он переговорит со своим банкиром в Люксембурге. Проблем не предвидится. Такого рода операции у меня не первый раз, мистер Эндрю. Если не будет неожиданностей, то завтра утром я пришлю за вами авто с водителем, и он отвезет вас в Люксембург. Банк называется Société Européenne de Banque (SEB). Вполне устойчив и удобен. Вами, мсье, будет заниматься заместитель управляющего. К исходу дня, у вас будет именной и номерной счет в банке. В этот же момент, на него поступят пять миллионов сто тысяч. Вы сможете лично убедиться.

Я встал, и сказал:

— Завтра в восемь утра буду ждать, мсье. Всего доброго.

Машину я отпустил и, не торопясь, побрел в сторону бульвара Эмператрис. Насчет нечестности ювелира я ни секунды не переживал. Еще в прошлой жизни меня уверяли, что кидать клиентов ему смерти подобно. Во-первых и вправду могут грохнуть. А во-вторых, после малейшего скандала, реноме будет напрочь утрачено. И к нему просто больше никто не придет. Я хмыкнул. На мне он заработал два с половиной миллиона минимум. Если к нему раз в пару месяцев приходят с таким же заработком, то можно вообще не нервничать.

С бульвара свернул в сторону рыночной площади и вообще, всех этих писающих мальчиков, и прочих туристических ништяков. На уличных жаровнях готовят красную рыбу. Остановился у витрины магазина с простым названием «Бельгийский шоколад». Сквозь витрину было видно, что во весь зал лежит огромный кит, в натуральную величину. Целиком из шоколада. Продавец как раз отпиливала кусочек.

Прошел через Королевскую Галерею — это такой старейший торговый центр. По старой памяти зашел в ресторан «У Леона». Что-то там то ли трехвекового возраста, то ли больше. С виду как-то не очень, тесновато, бедновато. Но считается одним из лучших ресторанов. И заточил жареных королевских креветок под шабли. Вике здесь бы понравилось. При всем гоноре, она немного стесняется шумных мест. А Брюссель — очень и очень спокойный город. Больше восьми креветок я не осилил.

Отель Плаза, где я остановился, сейчас, в восемьдесят пятом году, считается самым фешенебельным в Брюсселе. Здесь останавливаются особы королевской крови и миллиардеры. Уже через десятилетие он эти позиции утратит, уступив их ещё не существующему сейчас отелю. Но сейчас это верх респектабельности и стиля.

Собственно поэтому я его и выбрал. Это, кроме района Моленбек, единственное место, где у меня не спросят про визу. Да и вообще не будут задавать вопросов. Но нужно соответствовать. Кажется, у меня получилось. Но все имеет обратную сторону. Не торопясь проходя переулками вокруг Королевской Галереи, я ловил озадаченные взгляды. Одетые так люди, вообще редко встречаются праздно гуляющими.

А я шёл, и наслаждался почти весенним теплом. На улице плюс пять, что для этих мест норма. Но после финских морозов было удивительно приятно.

Входя в отель, я думал о том, что видимо, сама моя сущность преступна. Потому что самые мои невинные желания ведут к нарушению законов. Правда, в Союзе это карается совсем сурово. Даже желание угощать девушек не портвейном а мартини — тянет лет на пять колонии минимум. Потому что — купить доллары, купить бутылку в «Березке». И если что — закроют, не дрогнув. Не говоря о том, что остальные художества тянут уже на вышку. А здесь я — нелегал, подлежащий высылке. Это если власти не сочтут что нужно наказать посерьезней. Но сейчас, кроме отсутствия визы, мне предъявить больше нечего. А визу, если я обращусь, мне дадут. Только зачем кому-то знать, что я вообще был Бельгии?

Из Люксембурга я вернулся в отвратительном настроении. Нет, так-то все прошло отлично.

Приехали в начале одиннадцатого. Приняли меня мгновенно. Проводили в переговорную. Только это не те переговорные, что будут в девяностых и позже. А вполне себе гостиная, где джентльмены, сидя в креслах, попивая кофей, или чего покрепче, обсуждают особенности утиной охоты, пока клерки оформляют документы.

Серпастый-молоткастый никаких эмоций не вызвал. Нам нужен идентификатор, мистер Эндрю. В дальнейшем договоримся о пароле. Чтобы вы, по своему усмотрению, давали доступ к счету. Чековую книжку... Карты Виза... Вот мой прямой телефон, звоните при малейшем затруднении, мистер Эндрю.

Заместитель управляющего, Этьен Далье — молодой совсем, лет тридцать. Для такой должности — мальчишка. Тем не менее, смог сохранить совершенно бесстрастную доброжелательность. Только иногда было заметно, что ему страшно любопытно. Но, никаких вопросов, тем более намеков.

Подписав, что просили, я отправился гулять. Мне указали зайти после обеда, все будет готово, мистер Эндрю. Я отправил водилу обедать, и пошел изучать Люксембург. Чем и занимался некоторое время в ресторане. Запивая бычий хвост шабли, и сдабривая мороженое коньяком. Потом прошелся, посмотрел на Герцогский дворец. Издалека заценил со стороны знаменитый древний мост. Походил по пешеходной набережной, мимо фехверковых домиков. Очень Люксембург уютный и компактный. Старый квартал, древность, все дела. Уступами и ярусами к речке.

Зайдя в здание банка после двух часов, я снова оказался в той же комнате. Мсье Далье, выдал мне кучу бумаг, чековую книжку, карты. Я попросил отправить в Хельсинки факсом, для господина Виралайнен, мои реквизиты. Испросил разрешения о международном звонке. Получив оное, набрал номер госпожи Мустапяэ, то есть Ксении Андреевны. Она мне обрадовалась.

— Коля! Как тебе в Копенгагене? Как там у вас погода?

— Все нормально, Ксения Андреевна. У меня к вам просьба. Как я и предполагал, я не успеваю приехать. Так что завтра к вам зайдет господин Виралайнен. Отдадите ему конверт?

Я оставил конверт с ключом у хозяйки, рассудив, что усложнять ни к чему. Она не возражала. Еще бы! С учетом того, что я оплатил ей двухмесячную аренду. В расчете, что и Сурков потом у нее перекантуется. Не в Турку же, откуда у него вызов, ему ехать? В общем, попросил отдать, если меня не будет.

— Конечно, Коля. Только тут тебе телеграмма из Петербурга.

— Хм. Телеграмма? Не прочтете?

— Читаю: «Приехать не смогу. Ира болеет. Вика плачет. Сурков».

На случай экстренных неприятностей, была договоренность, что на имя Хиины Фред пришлет телеграмму, за подписью Иво. Поздравительную, с днём рождения. А как прикажете понимать это? Я с трудом подавил приступ бешенства, и желания крушить все вокруг.

Вице-управляющий, между тем, сообщил мне, что на мой счет зачислены пять миллионов сто тысяч. Мсье Ферье ещё вчера оставил распоряжение.

Не стал отвлекаться, набрал номер офиса господина Виролайнена. Сообщил его секретарше, что прошу ее босса завтра утром заехать к госпоже Мустапяэ. Он знает.

Уезжая, договорился, что будем на связи. Мне, в ближайшее время, поступят ещё средства, мсье Далье. Не считите за труд, оставьте сообщение в отеле.

Бесило то, что нельзя позвонить. Правительство СССР и Политбюро, специальным решением ограничили количество телефонных линий с зарубежом. Для удобства прослушивания. Насколько я помню, в Питере одновременно слушается, записывается и стенографируется, четыреста разговоров с границей. И вот, вдруг, в квартиру, что насквозь незаконно снимает Сурков, звонок из Бельгии. Бездельники из Пятого управления ГБ мгновенно сделают стойку. А дальше раскрутят Серегу по самый небалуйся.

Мы легко и приятно жили не особо скрываясь, исходя именно из того, что свалим. Потому что при внимательном изучении, у ОБХСС и ГБ к нам с Сурковым, и ко мне в особенности, масса вопросов. И никакой Иркин дедушка нас не прикроет.

Похоже, с Ирккой и вправду что-то стряслось. И Серега не может её оставить. Можно вообще-то было сообразить, как оно будет. Просто я тоже как-то не особо смотрел вокруг. Вот же блин.

Выезжая из Люксембурга по шоссе Арлон, я глядел в окно авто, не замечая пейзажа. Оказаться одному в уютной загранице, вдруг показалось ужасно скучно.

Получу в Швеции вид на жительство. А потом поеду на Каннский кинофестиваль. Куплю красный Порш-кабриолет. Сниму какую-нибудь юную актриску. Уедем с ней в Неаполь. Море, солнце, кайф, — уныло размышлял я. И плевать мне на эту Вику, и этого Суркова с его Приходькой.

В чернейшей меланхолии, я вернулся в Брюссель. Возле Дворца Правосудия решил пройтись и слегка развеяться. Попросил водителя остановиться, вышел и отпустил авто. Начало темнеть. Свернул с бульвара и сразу же наткнулся на магазин «Observation et écoute». Шпионская техника. Мини-фотоаппараты, какая-то оптика, направленные микрофоны и другая с трудом угадываемая приبلуда. Пошел дальше, посмеиваясь.

Потом, проходя переулками, я совсем ни о чем не думал. Просто глазел на витрины, и в окна кафе и ресторанов.

В каком-то из закоулков мое внимание привлекла одна из витрин. И я задержался, разглядывая то, что потом назовут винтаж. А сейчас это, скорее всего, лавка старьевщика. В витрине стояли довоенные ламповые приемники, патефоны, какое-то древнее зеркало, и клаксон от автомобиля. Сбоку скромно стояла пишущая машинка Ундервуд. С русской клавиатурой. Даже без ятей. В голове мелькнула мысль. Я закурил, и пошел дальше. Потом зашел в кафе, и попросил у бармена виноградной. Выпил, огляделся. Кафе Le Corbier. Ничего так. Обычные обыватели, не сильно состоятельные. А потом подумал — а неплохая ведь мысль. Бросил купюру на стойку, потушил сигарету, и пошел в лавку с древним хламом.

Старьевщик оказался аутентичен. Древний еврей с натруженными руками, седой бородой, и в очках. Отлично говорит по-английски, и даже по-русски немного, что меня умилило.

Да, мистер. Эта пишущая машинка продается. Не совсем исправна, но, за небольшую доплату, завтра можно будет забрать полностью работоспособную. На чем и поладили.

Потом я, уже перестав маяться дурным, насвистывая, вернулся в отель.

Нужно сказать, что персонал отеля Плаза, в отношении меня, пребывал в недоумении. Странный постоялец. Где тайные пороки? Кокс не нюхает. Мальчиков не водит, двух-трёх

танцовщиц не пользуется. Зачем тогда лучший отель, где все тайны скрыты надежней, чем где бы то ни было? Сидит, смотрит телевизор. Или куда-то ездит. Первокласная выпивка и еда, много спит. Очень подозрительно.

Но теперь все встало на свои места. Начиная со следующего утра, я переодевался в свои повседневные джинсы-свитер-аляску, что для отеля полнейший зашквар, и чёрной лестницей уходил до позднего вечера. Отельная обслуга вздохнула с облегчением. Все ясно. Русский, похоже, играет в подпольном тотализаторе. Аж легче стало. А то в номер к нему заходить страшно, вдруг маньяк-расчленитель? А он всего лишь поигрывает на подпольных боях.

А я в это время сидел в номере полупритона на улице Коненк, и печатал на машинке. Вспоминая о Чернобыле, что случится через год, я испытывал глухую тоску и раздражение. Я не видел способа донести до руководства Союза эту информацию так, чтобы ее восприняли всерьёз. Представить, что кто-то из высших бонз, меня не только выслушает но и примет меры, было невозможно. Так появилась мысль заставить их. И я решил попробовать.

Я взялся напечатать два документа. Обширную справку об авариях и несчастных случаях на советских АЭС. Эта информация сейчас секретная. И, без сомнения, эта секретности сыграла дурную роль. Специалисты отрасли не знали о положении дел. А я свёл воедино все, что помнил об авариях и ЧП в разных ведомствах и на разных предприятиях. Хотя помню я немного, Кольская станция, авария на ЛАЭС, Билибино, Маяк, Нововоронеж, Запорожье.. сведенное воедино, это впечатляло.

А вторая справка, это прогноз последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Технических, демографических, политических, экологических и т. д. Тоже ничего особенного. Но, сконцентрированное в один текст, это выглядело удручающе.

В общем, я поступил как Хемингуэй. Жил в приличном месте, а работал в криминальном квартале. Трудную битву с Ундервудом я проиграл, и решил не париться. Как печатается, пусть так и будет. Вся эта возня заняла у меня два дня. С утра до поздней ночи я печатал.

В один из дней, вернувшись в Плазу, выслушал что звонили из Люксембурга. Средства из Финляндии поступили.

Потом я попросил господина управляющего отелем порекомендовать мне юриста-адвоката. Чтобы он был вовлечен в юридическое обеспечение международных социальных проектов. Мсье Лакоб явно не понял, о чем я. Но первокласного юриста мне сосватал. Для разнообразия он оказался немец, хоть и гражданин Бельгии. Хольгер Гребер, частное и корпоративное право, международные связи и проекты.

Побеседовав с господином Гребером убедился, что так и есть. И мы с ним, около двух часов обсуждали, как это будет выглядеть, студенческий обмен Сорбонна — Питерский финэк.

— Я вполне представляю объем и перечень задач, что нужно будет решить, мистер Эндрю, — убеждал меня юрист. — Я организовывал правовое обеспечение обмена между Калтехом и Гентским университетом. Так что вам не стоит беспокоиться. А профессура Сорбонны вполне способна, при должном финансировании, все устроить через МИД, и Министерство образования.

С учетом того, что адвокатское бюро Гребера занимает нехилый дом недалеко от Ратушной площади Брюсселя, решил, что может и получится у него.

Долго ли, коротко ли, но мое пребывание в Брюсселе подошло к концу. Предварительно

я сделал еще кучу дел. Подготовленные мной документы размножил на ксероксе, обработал спецсоставом, по уверениям продавцов шпионского магазина, уничтожающим все отпечатки и следы. Разложил по конвертам. Несколько конвертов оставил у юриста Гребера. С распоряжением вскрыть в точно назначенный день. И действовать согласно указаниям в этих конвертах.

Созвонился с Ксенией Андреевной в Хельсинки, и договорился, что мои вещи побудут пока у нее. Попросил отель отправить к ней мои портпледы и чемодан с солидной одеждой. Рассчитался с Плазой. Обналичил в Арджента-банке чек, на крупную сумму. И уехал в Антверпен. То есть, в пять сорок пять утра, сел в электричку на вокзале Брюссель централ. И через час был в Антверпене.

Уехать в Антверпен была масса причин. В Брюсселе я достаточно засветился. В этом логове НАТО множество шпионов, и прочих разведчиков. Все они непрерывно следят друг за другом. Так что сделать то, что я задумал, будет непросто. А еще, мне нужно выбираться из Бельгии. Но слоняться лесами через границы мне надоело. Так что Антверпен — отличное место.

Я поселился в дешевом припортовом Antwerp Harbour Hotel. И, не откладывая отправился на улицу Бегененвест. К Генконсульству СССР в Антверпене.

Место не очень удобное для наблюдения. Но, среди пешеходов, никому до меня нет дела. Бегло осмотревшись, я не заметил, чтобы кто-то еще следил за консульством.

Спустя несколько часов я уже знал то, что хотел. И это оказалось совершенно несложно. Уселся за стойкой в баре наискосок, с Брюссель Таймс в руках. Вполне отчетливо видел, как на работу съезжались сотрудники. И выделил двоих. Один из них зашел в бар в двенадцать. Выпил кофе с коньяком. Поболтал с барменом. И ушел.

На мои как бы ленивые расспросы, бармен пояснил, что это русский дипломат. Зовут Виктор Комаров, заходит пропустить рюмку-другую. Отлично.

Дипломат Виктор ездит на скромном Пежо-306, но по городу предпочитает передвигаться пешком. Наблюдая за ним два дня, я, с высокой вероятностью предположил, что он гэбешник. В принципе не важно, но лучше бы был.

Чтобы проследить его маршрут до дома, я угнал старенький Ситроен, на котором и сопровождал его, присматривая издали. А когда два раза подряд он, по дороге домой, заехал в гипермаркет на улице Karel Oomsstraat, у меня созрел план.

Я вернулся в клоповник, где снимал комнату. Переоделся в сухое, промок за день под дождем. И отправился в крайне сомнительный бар на соседней улице. На входе я огляделся. Человек пять посетителей, обшарпанная мебель, вонь пролитого пива.

В этой полутемной и прокуренной дыре, я не стал фантазировать. А уселся за стойку и попросил виноградной. Для расчета достал бумажник, и сунул бармену банкноту. Стоящий рядом парень, срисовал тугой бумажник, из которого виднелась стодолларовая купюра, и отошел к столику в углу. Там сидело еще двое. Негр и европеец. Кажется — не бельгийцы. И проститутка. Они коротко переговорили, поглядывая на меня. Потом шлюха встала, и подошла к стойке, то есть ко мне.

— Не хочешь развлечься, мальчик? — спросила она. Я окинул ее взглядом. Огромные, просто невероятные сиськи. Даже не знаю... со взбитыми вверх длинными светлыми

волосами, она мне почему то напомнила морского конька, и термин головогрудь. Я столько не выпью. Но дело ведь не в этом. Поэтому я ответил:

— Почему нет? Пойдем в сортир. Где он здесь? — краем глаза я видел, что трое за столом в углу внимательно наблюдают. Она мотнула головой в сторону и пошла, оглядываясь на меня. Я заметил, что трое в углу встали. Отлично!

Заведя ее в сортир, не заходя в кабинку, я, не стесняясь, ткнул ей пальцем в предплечье. Это очень больно, и не действует рука. Потом сказал:

— Делай что скажу, и молчи. Тогда будешь жива. Иначе — сверну шею, — потом поставил ее перед собой на колени, уткнув ее нос себе в ширинку. Вовремя.

За спиной открылась дверь. Она слегка дергалась и что-то даже пыталась сказать. Но я не рассуждая сделал шаг в сторону, и, потянув за уши, толкнул ее на мужика, что хотел дать мне по башке дубинкой. Одновременно с этим, я влупил в подбородок негру, что оказался слева от меня. И, пока он падал на пол, оказался рядом с третьим, которому немудряще засадил локтем по почке. Чуваку с дубинкой, что наконец освободился от шлюхи, просто съездил по шее кулаком. Если знать как, вырубает на пару минут.

Неплохо, все трое лежат. Девица поскуливает.

— Уходи, — сказал я ей. Она быстро закивала, и, испуганно зажимая рот, ломанулась из сортира.

Уголовнички зашевелились. Первым пришел в себя негр. Во всех смыслах. Смог оглядеться, и сообразил, что не убежит. Поэтому он присел возле парня, что словил по почке. Таким ударом можно и убить. Я просто не стал. Мужик с дубинкой сел на полу и схватился за шею.

— Ты кто? — спросил. Он явно прикидывал, как на меня прыгнуть. Негр — он вроде поумнее. Он подумывал сбежать.

— Какая разница? — ответил я. — Не желаете заработать?

Когда я, вслед за грабителями, вышел из сортира, бармен хмыкнул. Гадом буду, он в доле у них. Но я не стал об этом думать, а уселся с бандюками в углу, и сказал младшему, что выглядел неважно:

— Возьми бутылку рома. Разговор долгий.

Пока он ходил к стойке, выяснил, что они не местные. Негр рассказал, что отстали от своего парохода, где были в экипаже. Перебивались на берегу, в ожидании найма. Но, послезавтра, приходит корабль, куда они все нанялись. Вот и решили слегка подопустить кого, на деньги. Все равно сваливать. Сделал вид, что поверил. А когда разлили и махнули по глотку, я заговорил:

— Есть возможность заработать. Но мне нужны помощники. Каждому по десять кусков баксов. На дело идти завтра.

Они очень впечатлились. И моей быстрой над ними расправой, и предложенным гонораром.

— Что делать? — спросил негр. — На труп мы не подпишемся.

— Никаких трупов. Мне нужно захватить, и расспросить одного человека. Он и расскажет, где спрятал деньги.

— И как это будет?

— План такой...

Виктор Михайлович Комаров, офицер Первого управления Службы внешней разведки всю неделю чувствовал себя неуютно. В принципе, его учили внимательно относиться к предчувствиям. Но он списал дурное настроение на плохую погоду, и то, что через два месяца его командировка заканчивается. Хотя он соскучился по жене и сыну, уезжать не хотелось. В Бельгии ему понравилось. А когда его перевели из центральной резидентуры в Антверпен, он было решил, что возможно получится остаться еще на один срок. Но, распоряжения руководства разбили надежды.

Теперь он доделывал начатое, чтобы оставить преемнику свое место в полном порядке. Официально, он занимался подготовкой нового здания, куда консульство должно было вскоре переехать. Это было удобно, и в черед строителей и поставщиков, легко можно было выходить на связь с контактами.

На скромную зарплату, что ему выплачивалась, особо не погуляешь. А тут еще и отвратительная зима, зарядила дождем со снегом. Так что отправляясь из консульства по делам, он иногда выпивал в профилактических целях рюмку-другую в баре неподалеку. Это пробивало существенную брешь в его бюджете. Поэтому вечерами он пристрастился заезжать в гипермаркет недалеко от дома. Там капиталисты ежедневно устраивали скидки на товары с истекающим сроком годности. Покупая их, он мог себе позволить что-нибудь еще, сверх обычного.

Сегодня Виктор Михайлович рассчитывал дополнительно купить пару бутылок пива, и скоротать вечерок за футбольным матчем Англия — Голландия по телевизору.

Занятый этими мыслями, Виктор Михайлович притормозил. Привычно приткнул авто возле тротуара, идущего вдоль забора парка. Закрывая ключом машину, он услышал, что мимо проезжает автомобиль. А потом получил сильнейший удар справа за ухом. И, уже теряя сознание, почувствовал, что его подхватили крепкие руки, и швырнули на металлический пол.

Сознание к Комарову возвращалось медленно. Придя в себя, он понял, что сидит привязанный к креслу. Привязаны и руки и ноги. Глаза и рот завязаны. Он подергался. И тут сзади раздался голос.

— Не суетись. Мне нужно с тобой поговорить, — говорили по-русски. Голос молодой, и, с каким-то неуловимым выговором. Виктор Михайлович, все же был хорошо подготовлен, потому он, без раскачки, сразу же включился. И начал анализировать происходящее и искать выход.

Он находится или на улице, или в огромном помещении, а скорее всего, в каком-то ангаре. Свежо и сыро. И тянет ветерком. Судя по звуку, кто-то стоит и переминается за спиной. Больше никого вокруг не слышно. Раздался щелчок зажигалки. Потянуло табачным дымом.

— Если ты меня слышишь и понимаешь, кивни.

Комаров кивнул.

— Отлично. Слушай внимательно. Тебе ничего не угрожает. В правом внутреннем кармане у тебя лежит конверт. Мне нужно, чтобы ты его доставил вашему председателю, Чебрикову. Вернешься в консульство, позвони по прямой централи, доложи и потребуй встречи. Понял? Если да — кивни.

Комаров снова кивнул.

— Теперь следующее. Я сейчас выну кляп. Мне нужно, чтобы ты сказал пару фраз. Только не матерись. Начнешь выражаться — дам по башке. Понял?

Он снова кивнул. И почувствовал, как со рта срывают клейкую ленту, которой он был заклеен.

Шипя сквозь зубы от внезапной эпиляции лица, он сказал:

— Меня никто не допустит к председателю. Максимум — начальник отдела.

— Каждый офицер имеет право потребовать встречи с председателем. Ты — потребуешь. Договорились?

— Зачем тебе это надо?

— Не твое дело, — голос за спиной выдал некоторое сомнение. — Впрочем, наверное ты прав. Нужен предлог. Ладно, запоминай. Полковник Гордиевский из ПГУ. Завербован в Дании больше десяти лет назад. Псевдоним в МИ-5 — Ovation. Сейчас англичане расчищают под него резидентуру в Лондоне, не дают визы и объявляют нон-грата. Слил почти всю английскую агентуру. Данные от Эймса это подтверждают. Запомнил? Повтори!

Комаров послушно все повторил.

— Следующее. Генерал-майор Дмитрий Поляков. ГРУ. Завербован уже больше двадцати лет. Работает на ЦРУ. Повтори!

Комаров повторил слово в слово.

— Я думаю, этого хватит, — хмыкнул за спиной собеседник. — Теперь следующее. Справа на ленте, что фиксирует твою руку — надрез. Минут за десять развяжешься. Падай тоже вправо. Там песок и нет камней. Твоя машина стоит у входа. Увидишь. Ключи у тебя в кармане. Спокойно дождись когда я уйду. Да, вот еще. По Гордиевскому. Он легко сбежит от наблюдения. И будет эвакуироваться через Савеловский вокзал в Питер. Там его будут вывозить в багажнике дипломатического авто через финскую границу. Имейте в виду и не просрите.

Голос за спиной помолчал.

— И еще одно. За то, что получил по кумполу, не держи зла. Когда будешь докладывать, скажи, что если у меня будет нужда, здесь выходить на связь буду только с тобой. Глядишь, еще один срок здесь пробудешь, — голос отчетливо хихикнул. — А то отзовут тебя, и загонят в Верхоянск. Все. Бывай.

В полнейшей прострации Комаров слушал, как от него удаляются шаги собеседника. Потом раздался свист, и, судя по звуку, к нему присоединилось еще двое или трое. Потом шаги стихли, где-то за стенами. Спустя несколько минут, раздался пронзительный металлический скрип. Потом, почти на грани слышимости, заработал автомобильный мотор и все стихло. Виктор Михайлович подергал правую руку, и понял что его не обманули. За пять минут он развязался.

Корабль называется «Хилдо». Капитан говорит, что это сухогруз. Я не очень понимаю в морских делах. Но отчетливо вижу класс «Либерти». Да и возраст соответствует. В общем, это каботажный пароход, что вышел из Антверпена спустя шесть часов после моей беседы с кагэбешником.

Пароход идет в Гетеборг, с заходом в датский порт Эсбьерг. Капитан Джербен Вос согласился подбросить меня в Данию всего за пятьсот долларов. Отсутствие у меня бельгийской визы его не смутило. Просто круиз будет стоить дороже, флегматично заметил

он.

Беседа в баре, с напавшим на меня портовым сбродом, оказалась продуктивной. Мы опрокинули по стакану и познакомились. Поначалу они держались настороженно. Да и чего скрывать, подумывали таки отжать мой бумажник. Но после того, как я положил на стол три стодолларовые бумажки и посулил по десятке, заинтересовались.

Негр у них самый умный и зовут его Хесус. Мелкий, что горящим глазом смотрел на мой набитый лопатник — Педро. А зрелый крепыш — Фернан. И вправду матросы бразильского парохода под либерийским флагом. Угодили в кутузку на неделю, за драку. Пароход ушёл без них. А я было подумал — простые уголовники.

Поболтав о том о сём, я им рассказал. Есть русский шпион. Сегодня сделал денежную закладку. Я знаю, что это на старом судоремонтном заводе, что на север от города. Но если мужика поспрашивать, он точно укажет место.

Саму закладку сделал я, ещё в день приезда в Антверпен. Подумал, что под неё легче всего не только привлечь помощников, но и обеспечить их молчание.

Все прошло почти как по маслу. Разве что, сопляк Педро запаниковал и только с пятого раза смог тронуться на Пежо. А так — я дал шпиону по бошке. Мы с Хесусом закинули его в закрывший нас от улицы древний микроавтобус Фольксваген. Его мы угнали утром, и управлял им Фернан. Привезли гэбешника в цех. Примотали скотчем к старому креслу. И я с ним поговорил.

Потом мы пошли в дальнее помещение и вытащили из старого распредшита деньги. На мгновение повисло напряжение. Но портовые бичи благоразумно не стали обострять. Схватили деньги, и уехали. Я остался. Они решили, что я остался грохнуть шпиона. А я проследил, чтобы он уехал. Глядя со стороны, мне показалось, что он доберётся нормально.

Еще уезжая из Брюсселя, я был уверен, что легко найду в Антверпене корабль, что подбросит меня до Дании. На крайняк, был готов даже нанять какую-нибудь баржу целиком. Но, вернувшись в отель, переговорил с барменом. Он мне указал на мужика. Боцман на корабле «Хилдо». Каботаж Скандинавия — Антверпен. Этой же ночью мы отвалили на Гетеборг, с заходом в Эсбьерг.

Теперь я стою на корме, смотрю на море, и след на воде за кораблем. Погода в море удивительная для Балтики, и времени года. Ослепительное солнце, при штилевом море. Капитан предоставил мне отдельную каюту в надстройке. Но я не смог удержаться и пошел на корму. И теперь, щурясь на солнечные блики, размышляю, все ли я правильно сделал.

Написать в Союз письмо, сколь угодно важное, за чьей угодно подписью, не имеет смысла. И я решил привлечь к своему письму пристальное внимание. Открытым текстом изложил. Двадцать третьего апреля восемьдесят шестого года. В час двадцать ночи. Взорвется реактор четвертого блока. Примите меры. Причины — вот вам список возможных причин. Последствия — вот вам перечисление основных последствий.

Захват офицера КГБ для передачи информации, в Европе не практикуется. Поэтому это происшествие точно попадет в ежедневную сводку, и будет доложено Чебрикову. И он точно ознакомится с письмом. Ну а дальше — это все от него зависит.

Так-то товарищ Чебриков вполне приличный дядя. После девяносто первого, будет работать начальником охраны у Кобзона. Что говорит скорее о Кобзоне. Потому что начальник Пятого управления КГБ, заместитель председателя товарищ Бобков, будет работать у миллиардера Гусинского. А вот бывший член политбюро и председатель КГБ, будет трудиться на Кобзона. По большому счету недостаток у него только один. Он —

кадровик. То есть банальный начальник кадрового отдела. Доросший до крупной должности. Грубо говоря, лицо крайне несамостоятельное. Впрочем, и Крючков такой же. И вообще, советское руководство на этой должности самостоятельных политиков не любило.

Да какая разница? Я почувствовал раздражение. Вот вам, дорогое КГБ, информация Возмутительно переданная, и предсказывающая будущее. Сами решайте — провокация, деза, или еще что. Но я сделал все, чтобы вы не делали вид, что ничего не знали.

В Эсбьерге «Хильдо» отшвартовалась ночью, спустя сутки. Не вызвав никакого интереса у портовых и прочих властей, я сошел на берег. Сел в такси и приехал на вокзал.

Спустя пять часов я уже был в аэропорту Каструп, что в Копенгагене. Садился в самолет Копенгаген — Хельсинки. В моем паспорте аккуратно стояли все отметки прибыл-убыл.

В Хельсинки я оказался в шесть утра. Взял такси, и поехал на Мунккиниемеэнранта, к Ксении Андреевне. Попил с ней чаю. Подарил захваченную заранее брошку. Чем растрогал невероятно. Заодно договорился, что она будет хранить пакет. В путешествиях у меня скопилось изрядно наличных денег, в самой разной валюте. Плюс чековая книжка, и кредитки. Сложил это в один пакет и отдал.

— Ксения Андреевна. Приедет мой хороший друг Сергей. Отдайте ему. Ладно?

Потом спросил разрешения и позвонил в Питер. Трубку подняла Тамара.

— Тома! Привет.

— Гляди-ко ты, нашелся. Ты где пропал, Колька?

— Тут я. Вечером буду.

— Ждем. Все глаза проглядели.

В девять тридцать утра я вышел на вторую платформу ж/д вокзала Хельсинки, и сел в поезд Хельсинки — Ленинград. Пятый вагон СВ.

Четырнадцатое февраля восемьдесят пятого года. Ничего у меня каникулы получились

*Председателю КГБ при СМ СССР
Чебрикову В. М.*

Дорогой мсье Чебриков!

Я с иронией отношусь к мифам о всемогуществе возглавляемого Вами ведомства. Тем не менее, мне будет интересно увидеть, как вы решите следующую проблему.

Чуть больше чем через год, 26 апреля 1986 года, в час тридцать две минуты, взорвется реактор четвёртого блока Чернобыльской АЭС.

Трудно сказать, от чего. С уверенностью можно утверждать только одно — это не теракт, и не диверсия.

Это — крупнейшая в мире техногенная катастрофа.

Впрочем, о причинах и последствиях этого события можно судить по заметкам, что я приложил к этому письму. А смысл моего обращения к Вам лично, в другом.

Изучив список рассылки, вы увидите, что в нем есть ряд ведущих мировых средств массовой информации.

Этим письмом я ставлю Вас в известность:

Если катастрофа все же произойдет, авторитетные мировые СМИ получат достоверное подтверждение того, что ряд советских организаций, и в первую очередь КГБ и его руководитель, знали о предстоящей катастрофе. Но ничего не сделали (или не смогли сделать) что бы ее предотвратить.

То есть, журналисты получают полную копию этого отправления с подтвержденной датой — 10 февраля 1985 г.

Я думаю, версии причин Вашего бездействия, которыми заполнятся все без исключения СМИ, будут захватывающим чтением.

Но пока, ресурсы и полномочия возглавляемого Вами ведомства, вполне позволяют предотвратить это страшное событие.

Так что — займитесь.

К сему

Не местный

Виктор Михайлович Чебриков в раздражении отбросил письмо обратно на стол. Дело не в письме. По долгу службы он читал и не такое. Его взбесило это «к сему». Это издевательское распоряжение — займитесь. Барин дворнику указал!

Но это и все эмоции, что он смог себе позволить. За столом, напротив него сидел Иван Алексеевич Маркелов. Начальник Второго главного управления КГБ. Уже одно это говорило о том, что к письму нужно отнестись серьезно.

Сутки назад в бельгийском Антверпене был захвачен советский дипломат. Офицер ПГУ, работающий под прикрытием сотрудника консульства. После непродолжительной беседы с захватившими, он сумел освободиться и прибыл в консульство. Откуда утренним

рейсом был немедленно эвакуирован в Москву. И, сейчас, он сидит в приемной, ожидая вызова.

Чебриков знал процедуру. И понимал, что срочное появление начальника второго управления, не сулило ничего хорошего. Да еще и фигуранта привез.

Опытный бюрократ Чебриков уже по толстой папке, что легла ему на стол, понял, что службы в затруднении, и не знают что делать. Когда они знают что делать, то председателю клали на стол справку по делу, и один-два листка на подпись. А тут, за двадцать часов, собрали толстую папку, и пришли к нему.

Он снова пролистал оперативное дело. Сам конверт, с приклеенным на тыльной стороне списком рассылки. В ЦК. Академия наук, академику Александрову. Минсредмаш, Славскому. А дальше хотелось крепко выразиться. Нью-Йорк Таймс. Таймс. Монд. Бильд. CNN. И еще несколько...

Рапорт оперативника брюссельской резидентуры. Получив приказ, выехал и осмотрел место предполагаемого происшествия... В процессе осмотра, обнаружил старое кресло с остатками клейкой ленты на подлокотниках и ножках. Судя по следам, к креслу принесли что-то тяжелое. Двое. После этого один ушел, а второй остался, и некоторое время курил. Окурки не обнаружены. Затем ушел в глубь цеха. Там к нему присоединились еще трое. В дальнем помещении они зачем-то вскрыли старый распределительный щит. После этого трое уехали. А один, судя по следам, наблюдал за креслом. Можно уверенно утверждать, что в кресле находился человек. Примотанный к нему клейкой лентой. Он, освободившись от кресла, вышел из цеха, сел в машину и уехал. Наблюдавший, после этого, судя по следам — бегом, скрылся с места в сторону города...

Заключения экспертов... Машина Ундервуд, производства сорок восьмого года. Многочисленные ошибки правописания, и печати. Документы печатал один человек. Печатной машинкой владеет плохо...

Лексический анализ текстов, позволяет предположить мужчине сорока-шестидесяти лет. Проживающего не в Советском Союзе...

Все листы и конверты обработаны французским спецсоставом Sanstraces, есть в открытой продаже. Так что материала для идентификации нет....

Справка по происшествиям перечисляет реальные происшествия в атомном производстве разных ведомств. Минобороны, Средмаша, Минэнерго. Отдельный рапорт главы НТО второго управления, о том, что ведомственная разобщенность не позволяла видеть картину в целом. Страхуется...

Справка о последствиях, по мнению опрошенных специалистов, возможно, даже преуменьшает вероятные потери...

Чебриков поднял глаза на собеседника.

— Ну и что ты думаешь, Иван Алексеевич? Где-то завелся предсказатель? И он нас предупреждает?

— Я настаиваю, Виктор Михайлович, чтобы вы побеседовали с капитаном Комаровым.

Чебриков не мог понять, зачем начальнику управления это так необходимо. Поэтому немного подумал. Но решил, что, видимо, ему не все рассказали. И скомандовал секретарю пригласить оперативника.

— Докладывайте, — коротко приказал он капитану Комарову, выслушав уставное приветствие и не предлагая садиться.

Дальше он смотрел в окно, слушая вполуха то, что уже прочитал, и пытаюсь понять —

что же это? Достаточно рядовое событие не могло так заинтересовать Маркелова. А он еще и настоял, чтобы в их беседе не участвовал Крючков, начальник ПГУ. Комаров, между тем, подошел, как думалось Чебрикову, к окончанию.

— А потом он сказал: «Полковник Гордиевский из ПГУ. Завербован в Дании больше десяти лет назад. Псевдоним в МИ-5 — Ovation. Сейчас англичане расчищают под него резидентуру, не дают визы и объявляют нон-грата. Слил почти всю английскую агентуру. Данные от Эймса это подтверждают».

И председатель КГБ все понял.

— Он так и сказал, Эймса?!

— Так точно. Эймса. Он потребовал повторить, проверял, как я запомнил.

Фамилию Эймс в КГБ знало всего три человека. Чебриков, Крючков, и Маркелов. И двое в резидентуре, в штатах. После оценки полученного от него массива информации, в КГБ поняли бесценность этого источника. Именно сейчас идет его вербовка. И вдруг походя, на заброшенном заводе это имя сообщают как подтверждение достоверности какой-то ерунды!

Гордиевский был в списках на проверку, и вызывал серьезные вопросы у службы Маркелова. С Поляковым — теперь точно нужно разбираться. Но то, что вдруг прозвучит один из главных секретов КГБ — все объясняло. И Чебрикову стало понятно и появление у него в кабинете начальника второго управления. И его желание предоставить факты а-натурель.

— Дальше я завалил кресло набок, как мне и советовали, и камнем порвал клейкую ленту, — продолжал капитан Комаров. — Ключи от машины лежали в кармане. Я вышел из цеха. И поехал в консульство.

— Что сам думаешь, про твоего собеседника? — перебил его Чебриков.

— Молодой человек. От двадцати до тридцати. В голосе слышны южнорусские интонации. В целом речь грамотная и сдержанная. Я бы сказал, что это человек, перебравшийся в Москву или Ленинград из Ростова или Краснодара. Но еще какой-то странный выговор. Может быть, результат жизни за границей.

— А наблюдения ты за собой не видел?

Комаров поколебался.

— Серьезного наблюдения не было. Точно. Разве что я, три раза за два дня, заметил старый Ситроен Дешво. Но, по дороге домой я часто вижу одни и те же автомобили. Там достаточно изолированный район. Это позволяет быстро устанавливать интерес к себе. Но наблюдать за мной одной машиной бессмысленно.

После того, как оперативник вышел, в кабинете некоторое время стояла тишина. Потом Чебриков заговорил.

— Значит так. Форсируйте работу по Гордиевскому. Я санкционирую арест. Капитана Комарова — отправь обратно. Пусть сидит в Антверпене. Вдруг этот деятель снова объявится. Ты тогда его не упusti. А если нет — ты мне этого предсказателя найди, Иван Алексеевич. Это главный приоритет. Все понятно?

Когда за начальником контрразведки зарылась дверь, Председатель КГБ еще некоторое время сидел отрешенно глядя в окно.

Он так и не стал своим для кадровых специалистов КГБ. Но за пятнадцать лет работы в комитете, получил достаточный опыт, чтобы оценить произошедшее.

На первый взгляд все выглядит банально. Некто получил горячую информацию. И довёл эту информацию до руководства Советского Союза. Экстравагантность способа передачи информации, гарантирует доставку адресату. Только вот, получается, захват и беседу проводил помощник...

Если перейти на второй уровень, и предположить операцию противника, то какая цель? Опорочить Гордиевского и Полякова? Как-то несерьезно. Отвлечь внимание от другой операции супостата? Но противник знает, что в таких случаях включается режим повышенного внимания.

И он согласился с выводами, к которым его подталкивали тщательно подобранными документами. Только не потому, что начальнику одной из самых серьезных спецслужб, пришла в голову блажь поддаться манипуляциям. Внутреннее чутьё редко подводило товарища Чебрикова. И оно ему уже не первый день говорило, что грядут серьезные события.

Вдобавок, совершенно неожиданно, возник железный повод отозвать Гордиевского. Этот золотой мальчик давно ему не нравился. Хотя, казалось бы, сын заслуженного товарища. Зять Алиева. Но, будучи глубоко системным человеком, Чебриков не позволял собственной антипатии, хоть в малейшей степени влиять на его карьеру. Но теперь — убрать объект от возможной разработки, сам бог велел. Не то, что противоречит правилам — прямо предписывается.

И, наконец — главное. Очень интересно получается с этой атомной станцией. В папке лежал рапорт Технического отдела. При должном аппаратном обеспечении, на ЭВМ, по методу Леонова, можно не только планировать, но и прогнозировать разные события. Недавно во Франции заработала одна из крупнейших в Европе ЭВМ.

Выходит, это может быть правдой?

Он снова беззвучно ругнулся. Письмо в ЦК, не пройдет мимо его службы, если отправлено обычным порядком. Как и остальные письма в Союз. Да и в других случаях тоже. Только, неизвестный отправитель совершенно бессовестно, сделал крайним его, председателя КГБ!

В ЦК это письмо будет три месяца бродить из отдела в отдел, пока не осядет в архиве. У Славского просто пожмут плечами, они и не такое каждый день слушают. Разве что Александров заинтересуется.

И, случись что, хорошо еще если освободят в связи с уходом на пенсию. А не просто освободят от занимаемой должности.

Сукин сын!

Потом председатель КГБ снял трубку, и попросил секретаря соединить его с академиком Александровым.

Поезд отправился по расписанию. Моим соседом на этот раз оказался чувак из торгового флота. Оказывается, финская фирма «Вяртсиля» строит ледоколы для СССР. В частности, для работы в Финском заливе. И он утрясал различные вопросы с финнами.

Я, молодой парень без вещей, с одним рюкзачком, вызвал у него жгучее любопытство. Мы оказались тезки. То есть, он-то — Николай Федорович. А я — просто Коля. Очень приятно. Ему хотелось поболтать, а я как-то был не настроен. Так что отделался дежурным — гостил у родственников. На что он только крикнул.

А я смотрел в окно и думал, что все через жопу. И если поначалу я был готов даже прорываться через границу, то сейчас подуспокоился. Чего суетиться? С другой стороны, все становится сложно и непонятно.

К примеру, что делать с Софьей Игоревной. План предполагал, что она еще год будет жить у себя. Пока меня — невозвращенца, не лишат гражданства, и не выпишут из домовых книг. Выселить или уплотнить, ее никто не может. А потом уже, она переедет. Разменявшись с сурковской сеструхой. Но теперь это все обретало какой-то фантазмагорический вид, с чертами вороньей слободки. Разве что товарищ Каверзнев будет счастлив.

По просьбе соседа, проводник принес чай. Мои мысли свернули в другую сторону.

Я совсем не жалел что подергал КГБ за усы в Антверпене. Я много читал про то, что товарищ Чебриков — человек крайне эмоциональный и обидчивый. Чрезмерно для должности, что занимает. И рассчитывал, что панибратское хамство его взбесит. От этого он все же вникнет в суть. И, хочешь — не хочешь, успокоившись, примет меры. Достаточно ли будет этого, чтобы предотвратить аварию? Кто знает. А искать — пусть ищут. Это не самый главный, но плюс в пользу возвращения. Нехай по Европе бегают в поисках.

Занятый этими мыслями, я сам не заметил, как задремал, привалившись к окну. Разбудила меня поездная трансляция, советующая приготовиться к паспортному контролю.

Финский миграционный офицер был другой. И говорил по-русски получше. И я не стал умничать с английским. Да и вопросов ко мне у него не было. Шлепнул штамп, и пожелал счастливого пути.

Когда в купе зашел прапор-пограничник, запахло Родиной. То есть гуталином и одеколоном Шипр. Ну и суровость во взгляде. Не враг ли посягает на рубежи? Ясное дело, что с точки зрения тридцатилетнего прапорщика, я — крайне подозрителен, даже на первый взгляд. А уж когда он пролистал паспорт, то и вовсе. Шведская виза, датская виза. Отметки прибыл-убыл. Хотя, чего там подозрительного? На выездной визе ясно написано: выезд и въезд в СССР — через п/п Бусловская.^[9] А где я там был за границей — не его дело. Но он считал явно по-другому, и вышел с моим паспортом в коридор.

Товарищ майор, видимо, старший наряда. Ражий мужик лет сорока, с красной мордой и сталью во взгляде. Именно он решил оценить исходящую от меня степень опасности для страны. Я встретил его строгий прищур хмурым взглядом. Я и вправду что-то подустал за эти мои каникулы. И не верю, что у него есть основания для моего задержания. Просигнализировать — скорее всего. А задерживать? За что?

— Вы, гражданин Андреев, выехали в Финляндию с какой целью? — тем не менее, заговорил майор.

— К родственникам.

— А почему покинули страну пребывания? — блин, дурдом, он и есть дурдом. Со своим дурдомским языком.

— Никаких ограничений в ОВИР мне не устанавливалось. Я и поехал.

— С какой целью?

— В смысле? — я и вправду не понял.

— С какой целью, и на какие средства вы направились в Швецию и Данию?

— Это была туристическая поездка, организованная моими финскими родственниками, — отбарабанил я. Нужно только что-нибудь еще эдакое добавить, чтоб отстал. — Они надеялись, что я, насмотревшись на заграницу, у них и останусь, товарищ майор. Старенькие уже, а по дому работы много. Сами не справляются.

— Эту поездку, товарищ Андреев, могут расценить как утрату бдительности с вашей стороны, — слава богу, товарищ а не гражданин. — Вы могли стать объектом провокаций.

Майор окинул купе взглядом. Сосед дисциплинированно выложил рядом с собой двое джинсов Ли Купер в пакетах, и коробку с магнитолой Шарп. Потом посмотрел на мой открытый рюкзачок. И зацепил взглядом лежащий там томик Ильина. Протянул руку, и без разрешения его взял.

— Вот, к примеру, книжка. «Ильин. Философия бытия», — прочитал он название сборника. — Вы там купили?

— Да, товарищ майор. По просьбе кафедры марксизма-ленинизма моего института купил. Для критического изучения студентами буржуазных философов.

Это я влип по полной. Майор держал в руках пять лет лагерей в Мордовии. А то и десять. Провоз через границу, владение. И распространение пришьют. Как бы не десятка. Ильин, по спискам КГБ, проходил как махровый антисоветчик. Пойманный с ним на руках, по-любому имеет срок. Я вдохнул-выдохнул, и начал прикидывать, как буду вырываться. Здесь — точно не выйдет. Лучше всего, когда будут вывозить из Выборга. А майор-пограничник между тем продолжал:

— Вы уверены, что под обложкой — действительно заметки по философии, а не какая-то антисоветчина?! — пограничник бегло пролистал томик и перевел на меня строгий взгляд.

— Я тщательно проверил, товарищ майор, — признался я. В случае разбирательства, это признание — уже срок. Но я впал в полнейший ахуй. Потому что Ильин майора не заинтересовал.

Он увидел блеск внутри рюкзака. И, совершенно беспардонно, полез в него, положив Ильина на купейный столик. И вытащил на свет божий стальную флягу. В нулевые такая изогнутая стальная фляга будет у каждого половозрелого россиянина.

— Подарок родственников, — пояснил я без вопросов. — Коньяк.

Флягу я купил и наполнил ещё в Антверпене. Рассуждая про мало ли, как бегать по лесам может понадобиться. Да так и не достал ни разу.

Не дожидаясь приказов, взял флягу из рук майора, открутил крышку, и налил в неё. На весь вагон одуряюще запахло хорошим коньяком. Сосед потянул носом. Глаза пограничника мечтательно увлажнились.

— Дисциплина хромает у вас, товарищ Андреев! Нужно работать над собой, — проворчал майор. Потом собственноручно поставил в моем паспорте печать, и вернул его мне. Пожелал счастливого пути и вышел из купе. Тут же раздалась невнятная команда, и,

судя по звукам, пограничная группа покинула вагон. Я так и стоял с налитой рюмкой в руке. [10]

— Николай Фёдорович! Не составите компанию? А то, что я, один буду?

Протянул соседу крышку-рюмку. Чокнулся с ним фляжкой, и отпил парой глотков с треть объема. Взял сигареты и пошёл курить в тамбур.

У страха глаза велики. Десятку мне бы конечно не дали. Максимум трёшник. Но посадили бы точно.

Я курил и злился. Глянув в рюкзачок, перед тем, как выйти к такси, я видел томик Ильина. И даже подумал, что будет что полистать в поезде. Просто забыл, как в Союзе относятся к такого рода книжкам. И вспомнил, лишь увидев в руках пограничника. Расслабился я в зарубежных.

Хорошо, что самое лучшее советское образование, состоит из сплошных пробелов.

Выйдя из вагона на платформу Финляндского вокзала, я про себя ругнулся. Родное Гадюкино, форева! Даже мороз был градусов на пять больше, чем в Хельсинки. Натянул поглубже вязаную шапку, замотался в шарф и пошел к вокзалу.

Главная причина моего возвращения стояла на выходе с платформы. Рядом топталась причина номер три, то есть Сурков. Мороз не позволил Вике сиять великолепием, и, кажется, она этим расстроена, пряча нос в шарф. Рядом с ними мемориальный паровоз, что когда-то привез Ленина.

Вынырнул из толпы пассажиров прямо к ней. И сказал:

— Девушка! Моя подружка, эта шаболда, меня бросила. И уехала в Ригу. Я теперь страдаю от одиночества. Давайте дружить?

Она просияла глазами, пискнула, и повисла на шее. Я закружил ее, отыскав своими губами самые вкусные в мире губы. Краем уха услышал как Сурков кому-то говорит:

— Чего вылупились? Его в Сигуранце пытали, жена думала, без ног вернется. А он видишь — ходит. Вот она и радуется.

А я поставил ее на землю, и мы уставились друг другу в глаза. Мне не хотелось что-то говорить, а она, похоже, не знала с чего начать. Как всегда, выручил Сурков. Похлопал меня по плечу, и сказал:

— Господин иностранец. Меня зовут Сурков. Я на сегодня назначен вашим водителем и гидом. Еще страна вам предоставляет девушку-переводчика, чтоб по сторонам особо не пялились. Зовут Вика. Если не злить, очень милая.

Я отдал ему свой рюкзачок, и сказал:

— А вам, гражданин водитель, разрешено рот открывать в присутствии высокого гостя? Или надеетесь, что я вас жвачкой награжу?

Мы повернулись и пошли в вокзал. Проходя главный зал, Вика так и молчала, вцепившись мне в руку, и иногда заглядывая в лицо.

— Ты эгоист и жмот! — отмахнулся Сурков. — Откуда у тебя жвачка? Ты даже своей девушке ничего не привез, жлобьяра.

Я смущенно крякнул. Действительно, я в заграничах расслабился. Забыл, что хоть что-то но нужно привезти. Вика фыркнула.

— Я думаю, Дух, — не останавливаясь трещал Серега. — Ты еще и за это получишь от Вики.

— А за что еще? — поинтерсовался я.

— Я так понимаю, ты решил от нее уйти, не выяснив подробно обстановку.

— Обстановку?

— Ха! А ты знаешь, что у нее есть охотничье ружье? Честно предупреждаю тебя, Дух. Если вдруг, решив с ней расстаться, услышишь металлический щелчок за спиной, сразу резко бросайся в сторону чтобы сбить прицел. Меня спасла только отличная выучка и мастерство.

— А ты с ней расставался. Или приставал?

— Я ее пытался утешить!

— А она?

— А она хотела пристрелить любого, кто помешает ей остаться безутешной!

Вышли из вокзала и повернули направо. Сурков открыл свою Волгу и завел двигатель. Мы с Викой уселись на заднее сиденье.

— Серега, покури пока, ладно?

Он повернулся, окинул нас взглядом и вылез из машины. По-таксистки присел на капот спиной к нам, и закурил. Я посмотрел ей в глаза:

— Ты от меня ушла.

— Ты хотел меня бросить!

Мы целовались как в последний раз. Но она вдруг вырвалась, и начала стучать мне в грудь кулачками:

— Не смей меня больше бросать, понял! Я пропаду без тебя, скотина!

Снова сгреб её в охапку, жалея что Волга — вовсе не удобная кровать. А тут и Сурков постучал в окно, а потом и уселся за руль.

— Граждане! Во-первых, вы рискуете остаться без водителя. На улице минус двадцать три, вообще-то. Во вторых, я конечно знаю, что иностранцы, увидев русскую девушку, сразу теряют остатки мозгов. Но вы могли бы хоть немного держать себя в руках!

— Да ладно тебе, Сурков! Красивые девушки везде есть, — прерываться как-то не хотелось.

— Вика, думаю, тебе стоит у него спросить, что это за красивых девушек он встретил за рубежом?

Вика беззвучно смеялась, уткнувшись мне в плечо. Все ей про меня ясно. Никуда не денусь и не собирался. Но женская вредность требовала, и она сказала:

— Да, Коля. Расскажи, где ты видел там красивых девушек, — и удобно положила голову мне на плечо. Сурков тронулся.

— Скажу честно, на туманных улицах ночного Копенгагена, я однажды решил, что увидел принцессу. Тоненькая, изысканная фигура, стильное платье выглядывающее из-под манто. Но приблизившись, разглядел кадык и легкую небритость. И решил не смотреть там в сторону девушек.

Давно стемнело. Мы ехали по промерзшему Питеру, и я чувствовал себя удивительно уютно. Я рассказывал, как посмотрел за границу, и дал ей посмотреть на себя. Теперь твоя очередь, Сурков. Я все подготовил. Тебя не испугаются, и потеряют.

— Не, Дух. Не могу.

— Огласи причину.

— Ну, в общем. Я стану папой.

Я совершенно не удивился. Насколько я понимаю, Сурков с Ирккой, если не учились или ругались, то трахались, не отвлекаясь на ерунду.

— Я ее знаю? — Вика снова фыркнула.

— Да какая тебе разница, Душина? Тут теперь столько всего, не до Финляндии.

— Нет, позвольте! Ты через неделю поедешь в Хельсинки, понял? На три дня!

— На фига? Мне на следующей неделе в Днепропетровск лететь!

— Эх... не хотелось при Вике. Но слушай. Меня взяли директором по фотомоделям, для Каннского фестиваля. Вы задумывались хоть раз, кто те прекрасные девушки, что заполняют фестивальные кулуары? А все не просто. Дело организовано и налажено. И мне доверили его возглавить. Я договорился, что ты у меня будешь замом. Летом поедем на отбор претенденток.

— Вик! — озадаченно сказал Сурков. — Он, правда, не знает, что у тебя есть ружье? Или бессмертный?

— Он закомплексованный, Сереж. Такое счастье как я, его пугает, и он в это счастье не верит. Защитный психологический механизм.

— Знаешь, Виктория, как ни странно, но микроскопическая доля здравого смысла в твоих речах есть. Про механизм. Ведь когда все узнают, от чего я отказался, ради некоей Лишовой, ей останется только страдать. Потому что столь грандиозные жертвы ей не искупить. Нет.

— Вика! — заявил Сурков. — Делай с ним что хочешь, хоть расчлений. Но после нашей с Ирккой свадьбы. Он у меня свидетелем.

— Да ну нафиг. Не будет этого! Ты, Сурков, хоть и знаком уже с нашими барышнями, но не знаешь главного. Штатная свидетельница на нашем потоке — Галя Беридзе. Большая и толстая девушка. А поскольку, по традиции, свидетель должен переспать со свидетельницей — бери Ивика. Он справится.

Вика залезла мне подмышку и уютно там тряслась от смеха. Я потер запотевшее боковое окно.

— Сурков! Ты куда меня везешь? Решили с Викторией меня грохнуть и прикопать в сугробах?

— Вик, ты на него действуешь лучше любого наркотика. Он только заметил. Я везу тебя к твоей маме, Дух. Татьяна Николаевна распорядилась однозначно. Чтоб были здесь! Я решил не накалять. Ты лучше скажи, ну вот съезжу я в Финку и что дальше?

Я закурил, и помолчал. Вика тревожно уставилась мне в лицо.

— Дальше мы с тобой, Сурков, поедем в Обнинск. Найдем Валеру Татищева.

— Вик, у меня для тебя плохие новости. Это муж его бывшей. Ты будешь носить ему в тюрьму передачи? Он же его грохнет, в надежде сбежать к ней от тебя.

Вика всхлипнула.

— Хватит уже. Я не могу столько смеяться.

— Нет, Сурков. А вот Валера нам сваяет-изобретет пару приборов. А потом и установку. Которую я намерен продавать буржуям. А потом, может, и нашим. И здесь у тебя, Сурков, ключевая роль. Ты должен будешь его запугивать...

Мама не только была дома. Я втянул носом запах. Штрули и королевский пирог! Чисто кубанские блюда, которые я ел только там. Ну, или мама готовит. Она вышла из кухни. И в воздухе повисло напряжение. Мамуля смотрела на Вику.

Увидев этот взгляд, было удивительно легко поверить, что прожженные полковники военно-строительных войск, уходят из маминого кабинета, глотая валидол, и утирая лысины платком. Я взял Вику за руку, и попробовал задвинуть себе за спину. Да только зря. Потому что и Вика смотрела на мою мамулю точно таким же взглядом. Рядом хихикнул Сурков:

— Ну ты и попал, Дух.

— Мама! — сказал я. — Это моя девушка Вика. Вика! Это моя мама Татьяна Николаевна.

Если бы я сам не видел этот обмен взглядами, я бы никогда не поверил, что он вообще возможен. Настолько ослепительно, и доброжелательно заулыбались друг другу главные для меня женщины.

— Очень приятно, Вика, — сказала мама. — Мне кажется, мы поладим.

Конец книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Эту историю я узнал в интернете (привет Берест!). Что касается остальных историй про деньги, что есть в тексте, они вполне реальны, и я узнал о них разными путями.

К примеру, историю про ящик с деньгами на ул. Ракова, мне в реале рассказал институтский приятель моего друга.

Он просто показал мне это дом, и сказал, что в подвале были спрятаны деньги. Остальное — авторский вымысел.

В Питере Гастроном № 1 по привычке называют Елисеевский.

Ресторан «Кронверк» — ресторан, устроенный в списанном парусном корабле «Сириус». Там снималось множество фильмов и спектаклей. Он описан в куче книжек. Располагался рядом с Петропавловской крепостью, и двумя университетскими общагами. По ночам за недостающим бухлом студенты бегали на корабль. Во второй половине восьмидесятых, одновременно с Авророй, его куда-то утащили. Сейчас на его месте какое-то ужасное и мерзкое, типа парусного корабля. Там теперь ресторан и фитнес-клуб.

Описан мой поход в Техническую библиотеку летом 1984 года. Только я еще из библиотеки сходил позырить замковую часовню. (авт.)

Мало кто обращал внимание, но группа «Карнавал» одна из самых значимых в истории русского рока. И дело не в музыке как таковой. Формально являясь работниками Ленкома, ребята организовали в театре студию записи. И там записывались большинство знаковых советских рок-альбомов. «Воскресенье», ДДТ, Бригада, Звуки Му — несть им числа.

Описан реальный случай, произошедший в одном из ОВД Ворошиловского района
Москвы

Сейчас этот поезд не ходит, но в 60-80-е, пользовался большой популярностью. Из за цены на билет — пять рублей восемьдесят копеек, в общем вагоне. Для студента — вдвое дешевле. Правда, шел двенадцать часов и не через Тверь, то есть Калинин.

ЕИВ, Его Императорского Величества — распространенная аббревиатура.

На выездной визе из СССР всегда указывался пограничный пункт, через который гражданин должен выехать. Через другой не выпускали. Для этнических (или по другому обмену) туристов типа ГГ, дополнительно вписывался пункт возврата. Пишущей машинкой! Через другой его бы не то, что не пропустили. Не знаю. Но приняли бы какие-то меры.

За давностью лет, я не очень хорошо помню диалог, что у меня случился в этой ситуации с пограничником. Но основные детали — томик Ильина, фляжка с коньяком, и фраза «Дисциплина хромает у вас» — абсолютно подлинные.